

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Трепавлов

Степные  
империи Евразии  
Монголы и татары



**Институт российской истории  
Российской академии наук**



МОСКВА  
Квадрига  
2015

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Трепавлов

---

Степные империи Евразии  
Монголы и татары



МОСКВА  
Квадрига  
2015

УДК 94(470:517.3)"12/14"

ББК 63.3(2+543.0)42-91

T66

**Трепавлов В. В.**

T66 **Степные империи Евразии: монголы и татары / В. В. Трепавлов. – М.: Квадрига, 2015. – 368 с. – (Исторические исследования).**

ISBN 978-5-91791-175-5

Книга объединяет три работы известного историка, уже получившие признание специалистов, и образующие своеобразную трилогию.

В ней рассматриваются различные аспекты истории средневековых степных держав. Первая часть посвящена Монгольской империи XIII века, вторая – Золотой Орде XIV в. и завершающая – Большой Орде XV в.

Каждое из рассматриваемых государств, являясь преемником предыдущего, сыграло исключительную роль на евразийском пространстве и в истории России.

УДК 94(470:517.3)"12/14"

ББК 63.3(2+543.0)42-91

*Рисунки:*

*на 1-й сторонке переплета – Кочевник.*

*Современная реконструкция О. В. Федорова;*

*на 4-й сторонке переплета – Монгол.*

*Фрагмент венецианской капители XV в.;*

*на контртитule – Русский и татарин.*

*Фрагмент немецкой гравюры XVI в.*

ISBN 978-5-91791-175-5

© Трепавлов В. В., 2015

© Федоров О. В., рисунок-реконструкция на переплете, 2015

© Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», рисунок-реконструкция на переплете, 2015

© Тихонюк И. А., Шакиров Н. А., дизайн переплета, 2015

© Издательство «Квадрига», оформление, 2015

## ПРЕДИСЛОВИЕ

В исторической науке твердо установилось деление развития кочевников Восточной Евразии конца I тысячелетия до н.э. – начала II тысячелетия н.э. на периоды кочевых империй. Во многом здесь сказалась особенность источниковой базы. Исследователи ранних держав кочевников во многом опираются на китайские династийные хроники, в которых ход истории традиционно расчленялся на эпохи царств и династий. Познавательную ценность хроникальных текстов отрицать невозможно. Однако при подобной жесткой градации алгоритм непрерывности исторического развития ускользает от научного наблюдения и анализа.

Очевидно, большинство достоверно известных кочевых империй – от Хуннской до Монгольской – сменяли друг друга в условиях, когда этнический состав и культурный облик их населения оставался принципиально неизменным. Наблюдатели из соседних стран – китайские и мусульманские современники давали этому населению названия по имени доминирующего в данный момент народа: хунны, хазары, кипчаки, татары и т.п. Представляется все же, что за последние две тысячи лет радикальные этнокультурные трансформации происходили в степном мире Евразии лишь считанное количество раз. Это уход с исторической арены древнего ираноязычного населения и начало тюркизации Степи в эпоху Великого переселения народов; монгольские завоевания; поглощение большей части Степи Российским государством.

Скифо-сарматская эпоха не освещена достаточным количеством письменных источников, поэтому реконструкция истории номадов до середины I тысячелетия н.э. очень трудна и приблизительна. Последующие века оставили ученым гораздо больше свидетельств. Рах Нунница простирался от Китая до Австрии. После смерти предводителя гуннов Аттилы в 453 г. гуннский союз в Центральной и Восточной Европе, как известно, распался. Однако по старым миграционным путям продолжались передвижения на запад – прежде всего древнетюркских племен (иногда их называют протоболгарскими). При этом массы старого ирано-, тохаро- и угрозичного населения сохранялись в Степи, постепенно меняя этнокультурное обличье.

В этой связи мне кажется интересным феномен Жужаньского каганата, который в действительности мог быть не «варварским» владением к северу от Великой стены (если судить по сунским и танским хроникам), а обширной державой, включавшей некоторые народы на территории Средней Азии и современного Казахстана – эфталитов, кидаритов, хионитов.

В таком случае Вечный эль (для которого историки придумали название «Тюркский каганат») просто придал новую политическую форму прежнему этнокультурному содержанию: сменилась династия, но не население. Беженцы авары~жужани были сравнительно немногочисленны по сравнению с подданными, оставшимися на месте, прежде всего многочисленными тюрками-теле.

Нетюркское (а исторически – дотюркское) население заметно в степях и в гораздо более поздние времена. Можно указать на большой этнический массив ираноязычных алан~асов в Золотой Орде. Есть сведения, что асскую первооснову имел знаменитый аристократический татарский род Ширин. Как известно, в источниках об эпохе Чингис-хана и его преемников нет никаких сведений об этом клане со странным «персидским» названием.

Для периода IX–XII в. нельзя говорить о политическом единстве Степи. Однако объективные условия к будущему объединению тюркских и монгольских народов имелись. Стимулом здесь являлись этнокультурная близость этих народов, распространение билингвизма, угасающее, но пока «тлеющее» наследие Вечного эля. Показателем пример найманов, которые соединили в своей культуре монгольский этноним и древнетюркскую аристократическую титулатуру.

В политическом развитии евразийских степей, похоже, действовала некая матрица, маятниковое движение от разрозненных кочевых общин к трансконтинентальным империям и обратно. Периодически возникала тенденция к объединению кочевого мира. Она парадоксально сочеталась с незыблемостью института атомизированных мелких кочевых коллективов, ведущих автономное скотоводческое хозяйство. Эта тенденция заметна и в периоды между существованием кочевых империй.

Мне уже не раз доводилось писать на эту тему. Общеизвестно, что кочевая экономика была нестабильной, зависела от природных изменений и политических катаклизмов. Соответственно скотоводческим социумам была присуща и стадильная изменчивость. Существует много однотипных примеров вырастания кочевых улусов в могущественные степные державы, которые впоследствии распадались и возвращались к исходной стадии кочевого улуса. Уже а priori, до конкретного рассмотрения развития каждого из таких образований, можно предположить, что в организации улуса содержался потенциал для превращения его в

кочевую империю. Такой потенциал пребывал в «летаргии», в ожидании подходящих условий.

Данное утверждение верно, очевидно, не только для кочевого общества. Но именно для него наличие черт, признаков, элементов, компонентов различных стадий развития было гораздо более актуальным, чем для оседлых цивилизаций. Когда совокупность земледельческих общин достигает уровня государственности, то черты предыдущих уровней развития (так называемые уклады) начинают постепенно отмирать за ненадобностью. Общество все жестче конституирует себя на новой стадии и совершенствует свое новое состояние. Следы предшествующей социальной истории понемногу хиреют и исчезают как пережитки.

У кочевников же все по-иному. Они, проживая, например, в раннем государстве, не допускают отмирания признаков вождества, поскольку первая же пандемия чумы или вражеская агрессия способны уничтожить их нестабильную (по определению) государственную структуру, и им придется возвращаться на один из предыдущих этапов развития. Вся общественная организация степняков была объективно подготовлена к подобным перипетиям. Невостребованные до поры до времени схемы социального жизнеустройства откладываются в исторической памяти, обычном праве, героическом эпосе (как своде образцов для подражания предкам) и др.

Монгольская империя (Еке Монгол Улус), завершив историю великих кочевых держав, довела до совершенства механизм объединения номадов, который до того периодически запускался в действие на протяжении полутора тысячелетий. Наиболее ярко эта политика проявилась на начальном этапе ее существования, когда реализовывался выдвинутый Чингис-ханом лозунг объединения «народов, живущих за войлочными стенами». Процесс их «собрания» в империи был гораздо более сложным, чем завоевание, т.е. насильственное принуждение к покорности.

Полагаю, что при создании Монгольской империи в некоторой мере сложилось и действовало явление «империофилии», которое не раз в истории сопровождало формирование молодых империй. Притягательная сила их заключалась, во-первых, в твердом государственном порядке, контрастирующем с раздробленностью и нестабильностью в окрестных владениях; во-вторых, в возможности обрести военную защиту от старых противников и противостоять им уже в составе могущественной державы; в-третьих, в доступе к накоплению и распределению огромных ресурсов, несравнимых с возможностями присоединенных владений.

Проявление своего рода монголофилии, вероятно, можно усматривать во время первых «заграничных» походов новорожденной мон-



гольской армии, когда в Еке Улус добровольно вошли тюркские народы Южной Сибири и Восточного Туркестана.

Кстати, здесь не действовало культурное обаяние империи (которое имело значение при римских и отчасти османских завоеваниях) – напротив: только впоследствии высокоцивилизованные уйгуры стали имперскими подданными, и именно они положили начало действию там полноценного государственного механизма.

В пределах бывшей Монгольской империи, уже после ее распада, наследие монгольского владычества, влияние имперских институтов сохранялось местами довольно долго. В качестве примеров назову – по степени убывания интенсивности данного влияния – политические образования Великой Степи и Средней Азии; Иран; Московское государство.

В Степи и Средней Азии этому способствовали неизменность населения и правление кое-где Чингисидских династий; в Средней Азии к названным факторам добавился своеобразный ренессанс имперской государственности при Тимуре, который, как известно, задался целью восстановить Еке Монгол Улус (захватил власть в Улусе Чагатая, завоевал бывший Улус Хулагу, разгромил Улус Джучи и умер в походе на минский Китай – недавнюю империю Юань). В Иране монгольское наследие наложило на старые традиции издавна обосновавшихся здесь тюркских (огузо-туркменских) племен, которые пользовались на Среднем Востоке огромным политическим влиянием. В Московском государстве стимулом сохранения монгольского (здесь опосредованного золотоордынским) наследия являлась необходимость управления присоединенными к России бывшими ордынскими подданными с помощью татарских административных приемов.

Тенденция к объединению Степи после Монгольской империи угасла вместе с уходом кочевничества с мировой исторической арены. Как и после Тюркского каганата, на месте империи образовалось несколько наследных государств. Но в целом произошла явная деградация государственных структур, «маятник» вновь пошел в сторону стадии разрозненных кочевых общин. Правда, некое подобие интеграции наметилось в XVII в. Ойраты вышли за пределы своего исторического ареала и предприняли далекие миграции, сопровождая их завоевательными кампаниями против казахов, узбеков и ногаев. Но эти предприятия не имели целью создание очередного евразийского «Вечного зля» или «Великого улуса».

Да это было уже и невозможно. В ситуации, когда восточным ойратам (джунгарам) пришлось отбиваться от Цинов, а западным (калмыкам) – налаживать отношения с Московским государством, да еще при постоянных конфликтах среди ойратской знати и при отсутствии общепризнанного харизматического лидера, эта послед-

няя вспышка объединительной тенденции не смогла обрести законченную форму.

В целом движение ойратов иллюстрирует угасание, уход номадизма с исторической арены. Символической последней точкой в трехтысячелетнем самостоятельном развитии и военном могуществе кочевников можно, наверное, условно считать битву под стенами Пекина в сентябре 1860 г., в ходе «второй опиумной войны», когда двухсоттысячная монголо-маньчжурская конница за несколько минут была рассеяна залпами британских орудий.

\* \* \*

Эта книга включает три работы, изданные в разные годы. Исследование о государственном строе Монгольской империи было моей первой монографией. Оно создавалось на основе кандидатской диссертации, а та, в свою очередь, имела своим началом студенческую дипломную работу, написанную в 1983 г., под руководством моей «крестной» в науке, ныне профессора Уральского федерального университета Брониславы Борисовны Овчинниковой. За тридцать лет, прошедшие после выхода книги в свет, изучение кочевников Евразии продвинулось далеко. Невозможно даже просто перечислить значительные работы, созданные коллегами по этой проблематике. Приятно осознавать, что давнишний «кандидатский» опус не затерялся в море публикаций и продолжает, судя по ссылкам, служить источником для размышлений и рассуждений коллег.

При этом далеко не все историки поддержали высказанные там идеи о всеохватном соправительстве в Монгольской империи и ее улусах, о лозунге единства кочевников, выдвинутом Чингис-ханом в начале завоеваний, о знакомстве средневековых монголов с историей прежних кочевых держав и др. На некоторые наблюдения и выводы я и сам теперь смотрю иначе. Кое-что следовало бы уточнить и исправить. Например, сейчас я не считаю, что чингисид Ногай в конце XIII в. занимал должность беклербека, которая, очевидно, появилась в Золотой Орде только в следующем столетии. Ногай действительно долгое время фактически был соправителем покорных джучидских ханов (о чем ведется речь в «Государственном строе...»), но в последнее время в историографии все более набирает силу убеждение, что в конце жизни он все-таки решил на собственное воцарение.

Предельно дискуссионным остается вопрос о цветообозначениях и взаимном расположении Ак-Орды и Кок-Орды – самостоятельных провинций-крышьев Улуса Джучи. Современные казахстанские историки, кажется, утвердились в мнении, что это деление относилось только к восточной части Улуса (левому крылу). Трудность заключается в том, что из источников, повествующих о событиях XIII в.,

можно определенно вывести существование двух автономных ханств. Однако относительно XIV в. такой же ясной картины уже нет. То есть продолжали действовать беки правого и левого «крыльев», но непонятно, насколько эта принадлежность соотносилась с реальным разделением государства. Представляется, что в истории Улуса Джучи однажды наступило время, когда деление его на крылья превратилось в абстракцию, простое обозначение ранга племен и их предводителей. Во всяком случае окончательной ясности пока нет, и я в целом продолжаю придерживаться схемы расположения и цветовой номинации Орд, предложенной в «Государственном строе...»

Две другие работы, помещенные в этой книге, являются, в сущности, частями более крупных проектов. Один из них замысливался как коллективная монография по эпохе Куликовской битвы (к юбилею сражения в 2010 г.), но так и не состоялся. Второй проект – это IV том «Истории татар», посвященный «постордынским» государствам. Главы, написанные мной в 2010 г. для этих двух фундаментальных изданий, составили основу небольших книг о Золотой Орде XIV в. и Большой Орде.

*Май 2014 г.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ  
МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ  
XIII В.

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ  
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ





## ВВЕДЕНИЕ

XIII в. оказался временем потрясений и катастроф для многих народов Азии и Европы. Из глубин евразийских степей на них обрушились монгольские полчища. После череды непрерывных войн к середине столетия образовалась колоссальная держава – Еке Монгол улус<sup>1</sup>, по своим размерам не имевшая прецедентов в истории. При верховном хане Мункэ (1251–1259) под властью завоевателей находились земли от Средиземного до Желтого морей.

Вот уже более семисот лет ученых, политиков, просто любознательных людей занимает вопрос: каким образом небольшой кочевой народ, не обладавший собственной письменностью, почти не имевший городов, других привычных атрибутов цивилизации, смог за сравнительно короткий срок покорить крупные и социально развитые государства? Как сумел он не только захватить, ограбить соседние страны, но и соединить их народы в надэтнической структуре, имя которой – Монгольская империя? Успех этот объясняют по меньшей мере четырьмя причинами: 1) гениальностью Чингис-хана – основателя империи; 2) военно-тактическим превосходством монгольской армии; 3) раздробленностью и, следовательно, ослаблением соседних со средневековой Монголией государств; 4) заимствованием от них приемов и способов организации управления. Ясно, что для существования государства мало иметь какую-либо территорию – нужно научиться управлять ее населением. В этом смысле пункты 2 и 3 отмечают сразу: они раскрывают причины военной удачи, но не стройности системы управления. Если согласиться с тезисом пункта 1, то придется признавать гениальными также Чингисовых преемников – его детей и внуков, так как империя окончательно сформировалась уже после смерти Чингис-хана. Остается концепция заимствований. В 1987 г. она получила аргументированное обоснование в книге Т. Оллсена «Монгольский империализм»<sup>2</sup>. Но Еке Монгол улус – прежде всего кочевая империя и по составу господствовавшего этноса, его воору-

---

<sup>1</sup> Еке Монгол улус (Великая Монгольская держава) – название империи, употреблявшееся монголами в XIII в.

<sup>2</sup> *Allsen Th. T. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259.* Berkeley; Los Angeles; L., 1987.

женных сил, и по основной массе населения до 1219 г. (до вторжения во владения хорезмшаха). Основные принципы управления закладывались в начале XIII в. именно в кочевой среде и с целью регулирования жизни кочевого общества. А кочевая государственность по природе своей традиционна, и это одна из причин того, что на протяжении I тысячелетия в степях возникали ханства и каганаты, очень сходные по своему внутреннему устройству. Даже при поверхностном взгляде между ними и Монгольской державой много общего.

Государственность средневековых монголов (как и любая другая) содержала в себе три составляющие: 1) институты *оригинальные*, собственно монгольского происхождения<sup>3</sup>; 2) *традиционные* органы и приемы управления, т. е. унаследованные от исторических предшественников империи Чингисидов; 3) административные учреждения, *заимствованные* из завоеванных стран.

Наша книга посвящена изучению традиционных элементов монгольской государственности XIII в., т.е. компонентов социально-политического устройства, перешедших в нее из административных структур раннего Средневековья. Таким образом, государственный строй Монгольской империи станет предметом данного исследования, которое, однако, не ставит целью проанализировать всю систему управления. Внимание будет сконцентрировано лишь на государственных традициях.

Основой для преемственности государственного строя служит специфика государственной жизни как особой деятельности людей по регулированию социополитических связей между ними. Поскольку любое государство, будучи самостабилизирующейся системой, стремится сохранить свои существенные характеристики (территориальное разделение, публичную власть, фиск), то оно неизбежно оставляет след в истории – след тем больший, чем прочнее и долговечнее оно было. Тем более это верно для ситуации, когда формы собственности и власти остаются принципиально неизменными, как у кочевников с начала новой эры до середины II тысячелетия.

---

<sup>3</sup> С.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; *Ишжамц Н.* Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI – середина XIII в.). Автореф. докт. дис. М., 1972; *Кычанов Е. И.* К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974; *Он же.* Монголы в VI – первой половине XII века // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1978; *Он же.* О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986; *Скрынникова Т. Д.* К вопросу о формировании монгольской государственности // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.

Мы определяем государственную традицию<sup>4</sup> как историко-генетическую преемственность общих, основных и существенных признаков, принципов и компонентов государственного устройства, передающихся от одних государств к другим.

Каждая традиция складывается из представлений о порядке и способе определенной деятельности. Поэтому традиция существует не в форме деятельностных актов, а прежде всего в виде представлений о них<sup>5</sup>. Представлениям же вовсе не обязательно сопутствует их материально-предметное воплощение (породившее их или порожденное ими).

При рассмотрении государственной традиции это выглядит достаточно четко. Три из четырех основных «каналов» ее движения в истории (памятники письменности, устное народное творчество и обычно-правовые нормы) являются продуктами духовной деятельности, т.е. представлениями, воплощенными в идеальных (фольклор, норматика) или материальных (тексты) формах. Но и четвертый «канал» – практику государственного управления – нельзя не учитывать. Он, во-первых, сам по себе предполагает представления о государственном строительстве, во-вторых, содержит в себе в преобразованном (переведенном в другую, деятельностную форму) виде три предыдущих компонента, т.е. в конечном счете базируется на традициях.

Каждый социальный институт для своего успешного функционирования требует особых приемов деятельности, без которых его существование станет бессмысленным, т.е. для того, чтобы управление существовало, нужна задающая это состояние программа. В этом качестве и выступает государственная традиция, раскрывающая приемы и способы государственного строительства, их идейное обоснование<sup>6</sup>.

---

<sup>4</sup> В. Я. Петрухин назвал государственной традицией предания об основании и основателях государства // История первобытного общества. Эпоха классового строя. М., 1988. С. 445.

<sup>5</sup> Ближким к этому определением природы традиций завершилась дискуссия 1984–1985 гг. в журнале «Советская этнография» по вопросу о месте сельской общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций (СЭ. 1985. С. 81). Ряд исследователей этого феномена также относят его к сфере общественного сознания: *Малинин В. А.* К диалектике традиций в общественном сознании // Диалектика материальной и духовной жизни общества в период строительства коммунизма. М., 1966. С. 201, 208; *Першиц А. И.* Традиции и культурно-исторический процесс // НАА. 1981. № 4. С. 70; *Суханов И. В.* Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976. С. 25, 76.

<sup>6</sup> Идеологическая функция государственной традиции в книге подробно не рассматривается. Некоторые соображения по этому поводу: *Овчинникова Б. Б., Трепавлов В. В.* К вопросу о древнетюркском наследии в Монгольской империи // Тезисы докладов конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 2. М., 1982. С. 33.



Традиционный образ, стало быть, означает систему, способную слу-  
жить прогнозом действия.

Традиции различных держав наслаивались друг на друга и либо из-  
влекались как свет, если были нужны, либо погребались в толщах исто-  
рической памяти. Какие именно традиции? Из прошлого в современ-  
ность могут переноситься (сохраняясь или возрождаясь) принципы по-  
строения государства, необходимые в данное время (территориальное  
деление, элементы административной и податной систем, иногда даже  
выбор столицы и т.д.). Возможно сохранение или возрождение при-  
емов участия отдельных групп населения в государственной жизни:  
традиция закрепляла за одними общностями (родами, корпорациями,  
классами и т.п.) производство материальных благ и выполнение по-  
винностей, за другими – охрану внутреннего порядка и постоянную  
военную службу, за третьими – интеллектуальное обслуживание и  
духовную защиту интересов правящих групп социума. Именно пред-  
ставители последней общности – чиновники и священнослужители –  
были носителями письменной информации о прошлом. И из этих  
сведений выбиралось то, что могло укрепить и идеологически обо-  
сновать существующий общественный строй. Все составляющие госу-  
дарственного механизма требовали обоснования как целесообразные  
и законные, а это нередко достигалось объявлением того или иного  
института «завещанным предками». Отсюда заключаем, что объектом  
государственной традиции служат представления о таких административных  
установлениях и учреждениях в прошлом, которые способны  
обеспечить прочную власть данного правительства и представляемых  
им социальных сил.

Наша монография предполагает: 1) показ состояния изученности  
темы традиций у кочевников и выявление нерешенных проблем; 2) вы-  
яснение средств и способов передачи социально-политических, госу-  
дарственных традиций в истории вообще и у кочевников в частности;  
3) определение традиционных форм социально-политической жизни и  
государственного устройства Монгольской империи; 4) выяснение их  
происхождения, определение источников государственной традиции у  
монголов.

В соответствии с этими задачами сформирована структура работы.  
В гл. 1 дается обзор источников и литературы по изучению традиций  
в кочевых обществах, в частности монгольском в XIII в. В гл. 2 вы-  
явлены пути трансляции государственных традиций во времени и от  
одного народа к другому. В гл. 3 и 4 рассмотрены конкретные сведения  
о функционировании традиционных институтов в империи и улусах,  
высказаны суждения об исходном моменте и процессе их развития.

Значимость поднимаемых в книге проблем видится, во-первых, в  
необходимости уяснения исторических корней гигантской агрессив-

ной державы, созданной Чингис-ханом и Чингисидами. Во-вторых, для того чтобы в полной мере отразить динамику политического развития народов евразийского степного пояса, нужно рассмотреть это развитие с учетом сохранения традиций и появления инноваций, а каждому из кочевых образований найти место в общей линии движения форм потестарности-государственности. На сегодняшний день история Монгольской империи сравнительно полно обеспечена источниками, и ее изучение может послужить началом исследований в этом направлении. В-третьих, разбор особенностей государственной традиции – явления, присущего всем государствам, – имеет и общесоциологическое значение.

Некоторые заключения автора будут расходиться с утвердившимися в науке концепциями и интерпретацией событий. Но такая сложная и далекая эпоха, как XIII век, не может не вызывать споры и дискуссии. Поэтому будем надеяться, что мысли, высказанные на страницах монографии, вызовут взыскательный и конструктивный интерес у читателя.

## ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

За полтора тысячелетия существования степных империй накопилось достаточно сведений об их внутренней жизни и внешней политике. Наше исследование, как мы уже говорили, ограничено темой государственности кочевников XIII в. с акцентом на традиционных институтах. Поэтому разбор источников будет произведен с учетом степени достоверности их сообщений об организации управления.

Прежде всего проанализируем источники, разделив их на группы сходных между собой элементов. Сопоставимость компонентов любой системы зиждется на наличии у них общего признака. У таких сложных материально-духовных образований, как исторические источники, можно найти много признаков, выступающих в качестве критериев для классификации. Применительно к поставленным проблемам введем следующие показатели: способ кодирования информации (анализ по этому критерию наиболее распространен в науке); этнополитическая принадлежность авторов; время создания источника.

#### **Классификация источников по способу кодирования информации**

В основу исследования положены данные письменных источников. Как ни фрагментарны порой предоставляемые ими сведения, они являются единственной основой для систематической и цельной реконструкции социального строя и государственности (часто и у бесписьменных народов). Материал, получаемый в результате археологических изысканий (вещественные источники), в данном случае годится большей частью как иллюстративное подспорье, так как изменения, происходящие в сфере политики, фиксируются в вещественных остатках очень опосредованно и не подлежат однозначной интерпретации.

Самым информативным видом памятников письменности являются сочинения, излагающие ход событий в их естественной последовательности, – хроники. В распоряжении историков имеются пространные произведения монгольских (Лубсан Данзан, Санан-Сэцэн), китайских (Сун Лян, Ван Вэй и др.), армянских (Григор Акнерци, Киракос Гандзакечи), византийских (Георгий Пахимер), западноевропейских (Матфей Парижский), многочисленных мусульманских и русских авторов, которые с разной степенью осведомленности, но довольно достоверно заносили на страницы своих книг историю кочевников, их отношений с соседями.

Преимущество этого вида письменных источников заключается в широком хронологическом диапазоне, позволяющем проследить динамику политических (и, значит, стоящих за ними социальных) процессов. Особенность и относительный недостаток – в узком географическом кругозоре хронистов, их естественных возможностях и стремлении живописать историю в первую очередь своей страны. Правда, это в меньшей степени присуще представителям персидского летописания с его давней традицией «всемирных» историй и географий. Поэтому при исследовании такого колоссального образования, как Монгольская империя, названная черта хроник заставляет обращаться к произведениям, созданным в различных регионах. Другой недостаток (разумеется, с точки зрения нашей темы) – в форме изложения, в преобладании констатации событий без сопоставления с реалиями прошлого. Пожалуй, лишь китайские писатели постоянно держали в памяти исторические прецеденты и при случае ссылались на них (подробнее см. гл. 2).

Кроме хроник назовем записки путешественников. Купцы, дипломаты, миссионеры, пересекая территорию Еке Монгол улуса, оставляли на бумаге и пергаменте свои путевые впечатления. Здесь соотношение достоинств и недостатков подачи информации обратное: ограниченный временем странствия хронологический отрезок и весьма протяженная пространственная панорама. Особую ценность представляют творения китайских послов Чжао Хуна («Полное описание монголо-татар», 20-е гг. XIII в.), Пэн Дая и Сюй Тина («Краткие сведения о черных татарах», 1237), монаха Чан-чуня («Описание путешествия на запад», 20-е гг. XIII в.), чиновника Елюй Чуцая («Описание похода на запад», 20-е гг. XIII в.); европейцев – Асцелина (40-е гг. XIII в.), Плана Карпини («История монголов», 40-е гг. XIII в.), Гильома Рубрука (50-е гг. XIII в.), Марко Поло (90-е гг. XIII в.); рассказ сирийского анонима о миссиях несторианских иерархов Ябалахи III и Саумы (первая четверть XIV в.).

Делопроизводственная документация представлена материалами переписки каанского двора с иноземными монархами.

Монгольские законодательные акты первой половины XIII в. до сих пор не обнаружены; неизвестно, был ли записан главный свод законов – яса. Его фрагменты встречаются в основном в арабских и персидских летописях, поэтому в видовом отношении сведения о ясе принадлежат к хроникальным источникам.

До создания государства монголы не имели своей письменности и не использовали чужой. Поэтому для реконструкции их доимперской истории и тем более для выяснения их осведомленности о прежних кочевых державах устные источники должны бы стать основными. Однако те фольклорно-эпические произведения, которые дошли с тех пор до этнографической современности и могли бы быть проанализированы, настолько изменились и исказились, что восстанавливать по ним историю тысячелетней давности невозможно. Остается другой путь – искать в тех же хрониках изложение кочевых эпосов. Действительно, многие, главным образом персидские и позднесредневековые среднеазиатские, писатели включали в свои повествования пассажи из тюркских и монгольских генеалогических преданий (об Огуз-кагане, о происхождении Чингисидов, Шейбанидов и т.д.). В этом случае также приходится рассматривать их как часть летописного материала.

Некоторую помощь могут оказать лингвистические источники, существующие как в форме средневековых словарей (например, «Кодекс Куманикус», XIV в.), так и в виде лексического фонда тюркских и монгольских языков XII–XIV вв.

Таким образом, основным типом источников для нашей работы будут письменные как наиболее адекватно отразившие объект исследования – государственный строй номадов Средневековья. Поэтому остальные критерии классификации касаются только этой разновидности источников.

### **Классификация источников по этнополитической принадлежности авторов**

Данный критерий подразумевает, прежде всего, выделение из массы средневековых авторов таких создателей письменных сочинений, которые происходят из среды кочевников. На первом месте по значению здесь стоит «Монголун нигуча тобчи'ан» («Тайная история монголов»). Изучение этого памятника далеко не закончено: не решены вопросы авторства, времени написания, соотношения исторических и эпических аспектов его содержания<sup>1</sup>. «Тайная история монголов» –

<sup>1</sup> Базарова Г. Э. К вопросу об авторстве «Тайной истории монголов» в исследованиях зарубежных монголоведов // Исследования по истории и филологии Монголии. У.-Бю., 1977; Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.).

единственный монгольский письменный источник первой половины XIII в. такого масштаба. Поэтому для изучения государственности «изнутри», с учетом интересов и идеологии ее основателей, он уникален. Другие крупные монгольские сочинения XIII в. – «Цаган тзукэ» («Белая история») и «Шэн-у цинь чжэн-лу» («Описание походов священновоинственного», т.е. Чингис-хана), во-первых, конспективно повторяют «Тайную историю монголов», во-вторых, они написаны при Хубилае, в обстановке китаизации монголов-завоевателей, и пронизаны тибето-буддийским и китайским влиянием, фактически сводящим на нет изложение собственно монгольской концепции государственного строя. В-третьих, их содержание охватывает главным образом события, происходившие на территории, подчиненной непосредственно Юаньской династии.

На «Тайную историю монголов» и, возможно, другие, неизвестные доселе монгольские сочинения опирались Лубсан Данзан, автор «Алтан тобчи» («Золотой свод», конец XVII – начало XVIII в.), и его современник Санан (Саган) Сэцэн, автор «Эрдэнийн тобчи» («Драгоценный свод», вторая половина XVII в.). Ссылки на эпоху Чингис-хана мы находим и в других халхаских летописях позднего Средневековья и Нового времени («Шара туджи», «Ганга-ийн урусхал» и др.). Кроме того, история кочевых народов сохранялась в форме эпических сказаний, зафиксированных в «Тайной истории монголов», «Алтан тобчи», а также в работах иностранных авторов, о чем говорилось выше.

Самую обширную информацию предоставляют, несомненно, творения писателей, происходивших из среды завоеванных монголами народов<sup>2</sup>. По количеству произведений и по насыщенности их фактическими данными выделяется несколько регионов.

*Китай.* Хроника монгольской династии «Юань ши» («История династии Юань»), хотя и была составлена в конце 60-х – начале 70-х гг. XIV в., т.е. после изгнания монголов из страны, основывается на материалах, собранных придворными историографами в период правления Чингисидов. Для изучения государственности всей Монгольской империи до ее распада особое значение имеют начальные главы первого и отдельные главы четвертого разделов хроники, соответственно «ши лу» – летописи правлений всех каанов и «ле жуань» – биографии высших сановников. Почти все сочинения, созданные в эпоху Юань, по-

М., 1978. С. 36–48; *Легран Ж.* Определение политического содержания «Монголыи нууц товчоо» и установление даты его сочинения // *Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал.* У.-Б., 1985. Т. 1. С. 169–172; *Мункуев Н. Ц.* П. И. Кафаров и некоторые проблемы изучения «Тайной истории монголов» // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 2.

<sup>2</sup> Имеются в виду оседло-земледельческие народы.

вестуют о внутрикитайских делах и не касаются событий в других улусах. Источники, написанные в империях Цзинь и Сун в первой половине XIII в. о монголах, немногочисленны. В Цзинь (Северном Китае), подвергавшемся нашествиям Чингис-хана, Мухури и Угедэя, обстановка не располагала к аналитическому описанию современности: чжурчжэни с боями отступали на юг, их летописание пресеклось. Мы располагаем лишь документами, связанными с именами чжун-шулина Елюй Чуцяя (записки о поездке в ставку Чингис-хана и надпись на надгробной стеле), и путевыми заметками о странствовании даоса Чан-чуня. Южный Китай (Сун) был покорен уже в то время, когда Еке улус прекратил существовать как единое целое. Поэтому в источниках, созданных на бывшей сунской территории, не говорится об общеимперской государственности.

*Иран.* Огромный фонд документации, оставшийся от улуса ильханов-Хулагуидов (монгольских правителей Ирана), служит основой для исследования внутренней жизни этого государства. Межулусные же связи (помимо военных конфликтов) отразились в больших произведениях государственных деятелей монгольского двора в хулагуидских столицах Тебризе, Багдаде и Султанин. Это «Тарих-и джехангушай» («История миропокорителя») Ата Малика Джувейни (завершено в 1260 г.), «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Фазлаллаха Рашид ад-Дина (завершено в 1310–1311 гг.), «Тарих-и гузиде» («Избранная история») Хамдаллаха Казвини (1329–1330). Будучи крупными администраторами на службе у завоевателей, они отразили представления последних о созданной в результате войн державе, об официальных концепциях государственного устройства и управления. Однако принадлежность к числу подданных и даже соратников ильханов, проводивших сепаратистский курс, направленный против верховных ханов, и антизолотоордынскую внешнюю политику, заставляла хронистов предвзято излагать ход событий, тенденциозно трактовать отношения ильханов с соседями.

*Армения* входила в состав улуса Хулагу, но среди армянских летописцев не было деятелей столь высокого ранга, как названные выше персидские авторы. Поэтому труды Григора Акнерци, Киракоса Гандзакеди, Себастици и других содержат меньше панегириков в честь Чингисидов, не умалчивают о зверствах монгольских войск во время походов, т.е. объективность более присуща закавказской группе источников. Но по сравнению с иранскими армянские авторы были менее осведомленными. Они не имели доступа к хранилищам исторических документов правящего рода и довольствовались собственными впечатлениями, воспоминаниями соотечественников-очевидцев и рассказами своих монгольских собеседников.

*Русские* летописи могут помочь только при изучении истории западной половины Джучиева улуса и отчасти фискальной политики каракорумских властей в 50–60-х гг. XIII в.

Все источники, принадлежавшие народам, завоеванным монголами, имеют неоспоримые общие достоинства. Во-первых, их авторы, как правило, являлись очевидцами или участниками описываемых событий. Доля информации, исходящей из первых рук, здесь особенно велика. Во-вторых, летописание и литературное творчество на перечисленных территориях традиционно находились в руках духовенства или чиновничества – интеллектуальной элиты. Поэтому фольклорно-эпические сюжеты, характерные для сочинений кочевников и затрудняющие понимание истинной последовательности событий, почти отсутствуют, так как в четкой событийной схеме, разбитой по хронологической шкале, для них обычно не находится места. Кроме того, хронисты немонголы и нетюрки слабо разбирались в хитросплетениях межродовых генеалогических линий и обычно не касались истории легендарных предков кочевых племен (исключение – Рашид ад-Дин и авторы «Юань ши»). Как правило, эти источники в основном концентрируют внимание только на событиях, происходивших на территории своей страны. К тому же до XIII в. армянские, русские и многие персидские авторы не имели представления о монголах, их доимперской истории. Значит, в этих текстах не содержатся упоминания о старых, традиционных институтах, существовавших в предыдущих кочевых империях.

Обширный круг источников создан в соседних с Монгольской империей странах. Многие из этих источников были написаны еще до того, как названные государства вошли в состав Еке Монгол улуса или были захвачены им на непродолжительный срок. Явно выделяются три разновидности сочинений. Первые – это летописи, в которых история монгольских войн предстает как цепь событий, происходивших на окраине известной автору ойкумены, или как трагичный, но локальный эпизод, лишь частично повлиявший на судьбу его страны. Таковы описания Георгия Пахимера и других византийцев XIII в., англичанина Матфея Парижского, составителей Бертонских монастырских анналов, историков из Египта и Палестины (ан-Нувейри, ас-Сафади, Бар Эбрей и др.). Их труды содержали зачастую искаженную информацию, переданную через ряд посредников. Исключение – данные о монгольских посольствах, с которыми могли общаться и зарубежные летописцы. Вторые – это произведения, написанные людьми, лично наблюдавшими нашествие и затем изложившими свои впечатления за пределами державы Чингисидов. Эти труды привлекают достоверностью и эмоциональностью, но грешат фрагментарной подачей материала, что, в общем-то, естественно: автор рассказывал только о том, что видел



сам (назовем для примера написанную ан-Насави биографию хорезмшаха Джелаль ад-Дина и записки венгерского миссионера Юлиана). Третью, особую группу источников составляют записки путешественников, некоторые из них перечислены выше.

Еще один важный критерий связан с разбором источников, происходящих из соседних с Монгольской империей стран.

### **Классификация источников по времени их создания**

Теперь попробуем разделить источники по хронологическому принципу. Среди их авторов мы находим как современников описываемых событий, так и писателей, живших в более поздние времена. Достоинства первых очевидны: реалии эпохи находили в их работах наиболее адекватное отражение. Историки же, жившие позже (для нашей темы – после XIV в.), всегда использовали тексты своих предшественников, иногда до нас не дошедшие. Вот почему некоторые летописи XV–XVIII вв. для исследователей столь же важны, как и писания XIII в. (например, книги Лубсан Данзана и Хондемира).

Среди современников описываемых событий есть авторы – очевидцы этих событий и неочевидцы, те, что писали с чужих слов. Сами кочевники и представители оседлых народов, включенных в Монгольскую империю, объективно становились очевидцами, ведь подданные Чингисидов испытывали на себе действие имперской государственной системы, непосредственно участвовали в политических и экономических мероприятиях правительства. Поэтому такое разделение относится к авторам из соседних государств. Очевидцы – это беженцы и эмигранты (например, русские информаторы Матфея Парижского), свидетели или участники борьбы с монголами (Джужджани, Ибн ал-Асир, ан-Насави), а также путешественники. Неочевидцы – составители летописей и анналов, пользовавшиеся донесениями очевидцев и слухами. Преимущество очевидцев перед другими авторами бесспорно. Непосредственное участие в осуществлении политики Чингисидов или сопротивлении ей позволяло изображать империю без пренебрежения, характерного для китайских придворных историографов, и без апокалиптического ужаса, присущего западноевропейцам.

В итоге отметим следующее. Количество и информативность выявленных в настоящее время источников в принципе достаточны для изучения государственности Монгольской державы в целом и начального периода (последняя треть XIII в.) самостоятельного существования ее улусов. Плюсы и минусы различных жанров письменных памятников порой взаимокompенсируются, а их многочисленность позволяет заполнить хронологические лакуны, неизбежные для каждого из них в

отдельности. Развитие административной структуры империи полнее отражено в больших официальных летописях («Джами ат-таварих», «Юань ши»), управленческие системы улусов – в трудах, созданных в соответствующих регионах.

Трудность поиска традиционных элементов государственного строя состоит в том, что эти элементы как раз в силу своей традиционности и, стало быть, привычности воспринимались номадами как сами собой разумеющиеся и не привлекали к себе особого внимания. А авторы-некочевники часто не замечали их. Отсюда неизбежно обращение к поиску аналогичных учреждений в раннесредневековых каганатах. Однако даже простое перечисление и краткое аннотирование материалов по истории степных царств III в. до н. э. – XII в. заняло бы слишком много места. Да и ссылки на такие источники потребуются в основном в приложениях. Поэтому ограничимся характеристикой источников, касающихся только Монгольской империи.

## ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Европейская наука исследует древнюю и средневековую историю кочевников уже более двухсот лет. С накоплением источников расширялась проблематика, однако долгое время внимание ученых было сосредоточено на отдельных конфедерациях и государственных образованиях номадов. Кочевые державы, которые сменяли друг друга в степях от Дуная до Амура, рассматривались каждая отдельно, без учета традиций, преемственности, в частности, в социально-политическом устройстве. Лишь в последние два десятилетия стали появляться суждения о необходимости комплексного анализа истории кочевников, преодолении дескриптивности характеристик тюркских и монгольских ханств. Эта проблема была поставлена как советскими<sup>3</sup>, так и зарубежными авторами<sup>4</sup>, но в дальнейшем почти не разрабатывалась советской наукой. Тем не менее отдельные высказывания по этому вопросу встречались в литературе неоднократно, и, несмотря на абсолютную неразработанность темы, как это ни парадоксально,

<sup>3</sup> Златкин И. Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 255.

<sup>4</sup> Сухбаатар Г. К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии // Түүхийн судлал. 1973. Т. 9. С. 113, 117; Ширендыб Б. Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974. С. 25; Kwanten L. Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500. Philadelphia, 1979. P. 4.

уже можно составлять ее историографию. Поскольку пристальный интерес к аспектам преемственности стал проявляться только с 60-х гг. нашего столетия, а в более ранних работах ссылки на них эпизодичны, представляется нецелесообразным членить историографический очерк по общепринятому хронологическому принципу. Будет удобнее это сделать, в ракурсе отдельных крупных проблем.

## Проблема объективной обусловленности государственных традиций.

### Преемственность в социально-экономическом развитии

Знакомясь с политическими образованиями у кочевников невозможно не заметить явное сходство этих образований между собой, причем настолько разительное, что ряд западных и японских ориенталистов считает развитие этих обществ циклическим («теории кругов»). Такое сходство в типе социальных учреждений, податных систем, административной структуры, внешней политики и т.д. обусловлено, вероятно, идентичностью принципов организации и функционирования скотоводческой экономики. Следовательно, причину сходства нужно искать в экономических и социальных отношениях.

В истории кочевников заметно различаются две тенденции развития потестарности и оформления государственности. Одна – установление деспотического централизованного монархического правления, чаще всего в результате разгрома ханов-соперников и завоевания соседних владений. Другая – объединение постепенно разлагающихся племен с адаптацией родо-племенных институтов к функциям надплеменной властной структуры. Этим тенденциям дают различные названия, но суть не меняется. В. В. Бартольд первую из них трактовал как гегемонию аристократии (Монгольская империя), вторую – как господство демократии (Тюркский каганат)<sup>5</sup>, Л. Н. Гумилев – соответственно как тюркский и уйгурский пути развития<sup>6</sup>. Л. П. Лашук обозначил их как третью (государство) и вторую («большое племя») «стадии-структуры» развития социальных организмов кочевников<sup>7</sup>. У Г. Е. Маркова это «военно-кочевое» и «общинно-кочевое» состояния общества<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> Бартольд В. В. Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897 // Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 278; Бартольд В. В. Образование империи Чингисхана // Там же. С. 261

<sup>6</sup> Гумилев Л. И. Древние тюрки. М., 1967. С. 390.

<sup>7</sup> Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. 1967. № 4.

<sup>8</sup> Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии // 9-й МКЭАН. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 6, 7.

С. А. Плетнева составила «третью модель» для народов на «третьей стадии кочевания» (уйгуров и хазар периода расцвета их каганатов, енисейских кыргызов, кимаков, монголов XIII–XIV вв.) и «вторую модель» для народов на «второй стадии кочевания» (хунну, гуннов Аттилы, сяньби, жужаней, тюрк-туцзюэ<sup>9</sup>, авар, кипчаков с начала XII в.)<sup>10</sup>. Г. А. Федоров-Давыдов выделил монгольский (военный) и кипчакский (мирный) пути развития<sup>11</sup>. Заметим, что почти все названные историки признают господство первой тенденции в монгольском государстве XIII в. Кроме того, ее усматривают в развитии других крупнейших держав – хуннской и древнетюркских.

Однако В. В. Бартольд противопоставлял Тюркский каганат Монгольской империи на основе неоправданной идеализации правителей из рода Ашина («народный вождь», «защитник и помощник бедного и нагого народа» и т.п.). Он расценивал их монархию как результат победы «демократии», одолевшей «аристократию». В то же время В. В. Бартольд считал, что у монголов все произошло наоборот, и Чингис-хан являлся душителем свободы народных масс в угоду степным князьям, к которым сам принадлежал<sup>12</sup>. Здесь справедливо подмечена связь образования Еке Монгол улуса с социальными конфликтами, но Тюркский каганат вовсе не антипод в этом отношении. Ор-

<sup>9</sup> *Туцзюэ* – китайское название алтайских и орхонских тюрк, создавших в VI–VIII вв. восточные и западный каганаты.

<sup>10</sup> *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 36–126.

<sup>11</sup> *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 42.

<sup>12</sup> *Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана. С. 261; *Он же.* Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922 // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 616. Свой тезис В. В. Бартольд подкреплял следующими соображениями: 1) тюркский каган, судя по орхонским эпитафиям, делает бедный народ богатым, малочисленный народ многочисленным и т.п. А «Чингиз-хан настаивает на том, что до него в степи не было никакого порядка: младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, начальники не исполняли своих обязанностей по отношению к подчиненным. Чингиз-хан, вступив на престол, ввел строгий порядок и указал каждому свое место» (*Бартольд В. В.* Н. А. Аристов. С. 261, 278). Получается, что каган туцзюэ заботился о благе подданных, а Чингис-хан стремился к установлению строгой социальной иерархии; 2) во всех своих наставлениях Чингис-хан обращается не ко всему народу, подобно тюркскому кагану, а только к родственникам, вельможам и военачальникам (Там же). Однако, во-первых, мы не можем слепо следовать концепции источника и принимать на веру альтруизм государя Ашина. Перечисление Бильге-каганом собственных благодеяний еще не свидетельствует о «демократическом» характере древнетюркского общества. Во-вторых, стелы с руническими надписями были выставлены на всеобщее обозрение и представляли собой политические декларации. Вероятно, в таких документах трактовка отношений сюзерена и подданных должна была выглядеть иначе, чем в засекреченных хрониках правящего рода, откуда В. В. Бартольд взял наставления Чингис-хана.

хонские рунические тексты отразили разделение кочевников на знать и простолюдины, существование категории зависимых – кул. Впрочем, спорность суждений В. В. Бартольда была отмечена еще А. Н. Бернштамом<sup>13</sup>.

К разным «моделям» относит каганаты тюрков-туцзюэ и империю Чингисидов и С. А. Плетнева. Разницу между ними она обосновывает социально-экономическим несходством. Тем не менее и этот автор признает возможность историко-типологического сравнения крупнейших кочевых империй (хунну, туцзюэ, монголов)<sup>14</sup>.

Идентичность социально-политической организации кочевых империй позволяет предположить, что они являлись как бы ступенями единого процесса развития общественного строя кочевников. Другими словами, существовала преемственность в социально-экономическом развитии кочевых государств. Действительно, выдвигается идея органической связи этих государств в процессе неуклонной феодализации<sup>15</sup>, «перехода земли во владение и монопольную собственность феодализирующейся знати» и обусловленного этим «превращения свободных общинников в феодально-зависимых и крепостных»<sup>16</sup>. Феодализация была очень длительной. По мнению И. Я. Златкина, она охватила более полутора тысячелетий – от начала I тысячелетия до н.э. по XIII в.<sup>17</sup> В это время кроме трансформации отношений собственности происходил, во-первых, переход от примитивного охотничье-собираческого и оседло-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству как главной отрасли труда. Во-вторых, шло формирование и консолидация некоторых монгольских, тюркских и тунгусских народностей<sup>18</sup>. При-

<sup>13</sup> Бернштам А. И. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946. С. 24–28; см. также: Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н.э.) // Рабство в странах Востока в Средние века. М., 1986.

<sup>14</sup> Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. С. 114, 117.

<sup>15</sup> Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980; Златкин И. Я. Опыт периодизации истории феодализма в Монголии // 25-й Международный конгресс монголоведов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Он же. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // ПАМ. Элиста, 1974. Вып. 1; Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI – середина XIII в.).

<sup>16</sup> Там же. С. 9.

<sup>17</sup> Златкин И. Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов. С. 35–37.

<sup>18</sup> Он же. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971. С. 173.

чем «каждое из сменявшихся на территории Монголии государственных образований... закрепляло полученные от предшественников элементы феодализма и, в свою очередь, расширяло и укрепляло их. Монгольские племена... явились наследниками всего прогрессивного, что было накоплено их предшественниками»<sup>19</sup>. Все это дало И. Я. Златкину основание отнести всю историю кочевых народов с первых веков нашей эры до середины XIII в. к раннефеодальному периоду<sup>20</sup>.

В целом исследователи соглашались с правомочностью этого тезиса, и расхождения касаются вопроса о том, историю каких союзов племен и государств можно считать полноценными этапами феодализации. Одни историки выделяют лишь наиболее прочные и долго существовавшие державы (хунну, сяньби, тюрок, уйгуров, киданей, монголов)<sup>21</sup>, другие относят сюда все образования, которые возникали в Центральной Азии с начала новой эры, включая Кыргызский каганат, каганат цзубу, мелкие тюрко-монгольские ханства и племенные союзы XI–XII вв.<sup>22</sup> Поскольку общественный строй последовательно развивался, то ясно, что сопутствующие ему политические институты несли на себе отпечаток предшествовавших учреждений. Поэтому «необходимо учитывать преемственность развития традиций государственности на всем протяжении истории Монголии»<sup>23</sup>. Н. Ишжамцу вторит американский номадист Л. Квантен. В своей монографии «Кочевники – создатели империй» он неоднократно акцентирует внимание на наличии общих традиций построения кочевых империй, в том числе и монгольской. Более того, он утверждает, будто монголы не только были хорошо осведомлены об истории предыдущих ханств, но и, понимая причины крушения последних, предпринимали шаги для предотвращения аналогичного исхода<sup>24</sup>. Однако эти тезисы Л. Квантена не подкреплены достаточными доказательствами и чаще просто постулируются.

Не раз в литературе назывались общие для политических образований номадов черты. Заметим кстати, что три основных признака государства, сформулированные Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»<sup>25</sup>, нечасто привлека-

<sup>19</sup> Златкин И. Я. Опыт периодизации истории феодализма в Монголии. С. 2–3.

<sup>20</sup> Там же. С. 8.

<sup>21</sup> Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. С. 172.

<sup>22</sup> Понятие «каганат цзубу» мною встречено только в работах Н. Ишжамца: Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI – середина XIII в.). С. 9, 10.

<sup>23</sup> Там же. С. 31.

<sup>24</sup> Kwanten L. Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500. P. 5, 230.

<sup>25</sup> Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 170, 171.

ются к определению степени социального развития обществ евразийских степей. Так, В. Ф. Шахматов, пытаясь разобраться в общественных отношениях позднесредневекового Казахстана, не увидел у кочевых ханств ни территориального разделения (так как население делилось по родам), ни публичной власти, ни постоянной системы налогов<sup>26</sup>. В самом деле, при сравнении античных полисов и западноевропейских королевств с тюркскими и монгольскими «вечными элями» и «великими улусами» (где практиковались поголовное вооружение, некодифицированное право, размытые границы владений) трудно уподобить их друг другу. Поэтому применительно к центральноазиатским и восточноазиатским обществам историки разрабатывают более детальные схемы и используют другие критерии. В отношении чжурчжэней такую работу проделал М. В. Воробьев. Он считает, что о существовании государства можно говорить лишь при наличии, во-первых, зафиксированного в источниках его провозглашения как сознательного политического действия, точно ориентированного во времени; во-вторых, названия государства и соответствующего прозвища его жителей; в-третьих, осознания правящей верхушкой себя в качестве правителей государства с принятием монархических титулов<sup>27</sup>.

Детальный и аргументированный разбор генезиса и особенностей государственности проделали Л. С. Васильев и Л. Крадер<sup>28</sup>. Они обратили внимание на особую форму «чифдом» («вождество»), образующуюся на промежуточном этапе в процессе трансформации догосударственных структур в государство и потому присущую как земледельцам, так иномадам. По мнению Л. С. Васильева и Л. Крадера, степняки в своем социально-политическом развитии не были способны подняться выше «чифдома»<sup>29</sup>. Однако некоторые из отмеченных Л. С. Васильевым параметров «чифдома» (основополагающая роль генеалогического родства, главенство сакрализованного лидера, раз-

<sup>26</sup> Шахматов В. Ф. Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1959. Вып. 3 (11). С. 68, 71–73, 76–78.

<sup>27</sup> Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975. С. 62, 63.

<sup>28</sup> Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983. С. 3–57; Krader L. The Principles and Structures of Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. Vol. 11. № 2; *Idem*. The Origin of the State Among the Nomads of Asia // The Early State. The Hague, 1978.

<sup>29</sup> Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). С. 32; Krader L. The Origin of the State among the Nomads of Asia.

деление труда и обмен, то, что «правитель из слуги общества начинает становиться... господином над ним»<sup>30</sup>), не просматриваются в Монгольской империи и ряде подобных ей образований. Не случайно абсолютное большинство историков рассматривают огромные, зачастую рыхлые и эфемерные степные объединения как ранние государства<sup>31</sup>.

Некоторые исследователи проводят обобщения на более узком фоне, сопоставляя лишь кочевые империи, в которых находят следующие сходные черты: 1) сохранение формы родо-племенных институтов, наполняемых новым содержанием, соответствующим степени развития классового общества и государства<sup>32</sup>; 2) строго централизованное управление с чертами военной диктатуры, характерное для крупнейших кочевых империй – древнетюркских и Монгольской<sup>33</sup>; 3) состояние постоянной войны с соседями; 4) громадные размеры<sup>34</sup>.

Степень повторяемости государственно-политических явлений оценивается неоднозначно. Можно встретить абсолютизацию традиции: с точки зрения Б. Я. Владимирцова, Н. Ц. Мункуева и некоторых других историков, в устройстве монархии, созданной Чингис-ханом, все было

<sup>30</sup> *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). С. 40.

<sup>31</sup> Л. С. Васильев применяет понятие раннего государства для следующей за «чифдомом» ступени политического развития (Там же. С. 49). И как раз признаки этой, более поздней формы гораздо больше соответствуют картине общественных отношений в крупнейших кочевых империях.

<sup>32</sup> *Бернштам А. И.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. С. 145; *Кляшторный С. Г.* Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. № 412. Сер. востоковед. наук. Л., 1984. Вып. 25. С. 149; *Марков Г. Е.* Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. С. 7; *Нацагдорж Ш.* Основные черты феодализма у кочевых народов (на примере развития монгольского общества) // 14-й МКИИ. Доклады монгольских делегатов. Улан-Батор, 1975. С. 2; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. С. 106; *Сэр-Оджав Н.* Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н. э.). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971. С. 24–25; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 227; *Krader L.* The Principles and Structures of Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralists. P. 68.

<sup>33</sup> *Марков Г. Е.* Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. С. 7; *Ширендыб Б.* Некоторые вопросы исследования проблемы: «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». С. 28.

<sup>34</sup> С. А. Плетневой принадлежит, видимо, самая подробная схема сравнения держав номадов. Хотя С. А. Плетнева и относит Хунну, Тюркский каганат и Монгольскую империю к разным «моделям», она все же неоднократно подчеркивает наличие сближающих их политических факторов: *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. С. 69, 106, 117, 141–142.



повторением того, что существовало и до него<sup>35</sup>. Некоторые исследователи подходят к этой проблеме более осторожно, полагая, что государство монголов либо «напоминало вполне прежние кочевые империи»<sup>36</sup>, либо носило «определенный отпечаток перенятых древних традиций»<sup>37</sup>, либо имело неких «предвестников событий XIII века»<sup>38</sup>.

По поводу «предвестников» существуют резко противоположные мнения. Обычно предпочтение отдают какой-нибудь одной этносоциальной общности кочевников, приписывая ей славу исходного пункта центральноазиатской государственности.

### Проблема происхождения государственной традиции у кочевников Евразии

Историки придают особое значение державе хунну (III в. до н. э. – II в.) – первому достоверно известному политическому образованию в восточной части Великой Степи. Еще в XVIII в. Ж. Дегинь утверждал, что «Хунну было кочевое государство, из которого впоследствии вышло турецкое (т.е. древнетюркское. – В. Т.), а затем монгольское»<sup>39</sup>. Подобные общие констатации встречаются ныне у Л. Квантена, Э. Филлипса и некоторых других востоковедов<sup>40</sup>. Чаще всего хуннская традиция понимается как сходство отдельных компонентов политической организации, и предпринимаются попытки конкретизировать данное понятие. Самым значительным государством кочевников раннего Средневековья был, несомненно, первый Тюркский каганат, и именно в его устройстве ищут аналогии с царством шаньюей Люаньди, иногда представляя эль древних тюрков как результат развития хуннской государственности<sup>41</sup>. Эту преемственность видят в дублировании пра-

<sup>35</sup> Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 96–97, 102–103; История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 106; Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 366; Fox R. Genghis Khan. L., 1937. P. 106.

<sup>36</sup> Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. С. 86.

<sup>37</sup> Ширендыб Б. Некоторые вопросы исследования проблемы: «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». С. 25.

<sup>38</sup> Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М., 1958. С. 334.

<sup>39</sup> Цит. по: Бернштам А. И. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. С. 23.

<sup>40</sup> Kwanten L. Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500. P. 9; Phillips E. D. The Mongols. N. Y.; Wash., 1969. P. 22, 23.

<sup>41</sup> Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 32, 34.

вящего триумvirата хуннов (каган, ябгу, шад – шаньюй, правый и левый сянь-ваны)<sup>42</sup>, системы крыльев<sup>43</sup>, десятичного разделения армии<sup>44</sup>, трактования сакральной связи правителя с Небом<sup>45</sup>. Происхождение отдельных явлений в Монгольской империи XIII в. также связывают с хунну: крылья<sup>46</sup>, улусную систему<sup>47</sup>, десятичную систему<sup>48</sup>, «традиции степного единства»<sup>49</sup>. Лишь Дж. Флетчер попробовал (в пределах небольшого абзаца) не просто отметить сходные черты в организации управления, но и проследить развитие «тенденции к империи» от государства хуннов через объединения сяньби, тюрков, киданей к державе монголов XIII в. Эту тенденцию он видел в абсолютизации ханской власти и постепенном установлении жесткой военизированной структуры<sup>50</sup>. К сожалению, это мнение американского номадиста не подкреплено какими-либо доводами и ссылками на источники.

Пристальное внимание вопросам преемственности монгольского Еке улуса от его предшественников конца I тысячелетия до н.э. – начала I тысячелетия уделяют историки МНР Н. Ишжамц<sup>51</sup> и особенно Г. Сухбатар. В пользу своего основополагающего тезиса о том, что «традиция государственности у монголов преемственно связана с хуннской», Г. Сухбатар приводит такие соображения: 1) идентичность раздела империи на крылья и центр; 2) военная десятичная система; 3) сходная церемония интронизации; 4) одинаковая концепция верховной власти (авторитарность шаньюя); 5) похожий погреб-

<sup>42</sup> Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 501.

<sup>43</sup> Грач А. Д., Потапов Л. П. Период ранних феодальных отношений. Тува в составе Тюркского каганата // История Тувы. М., 1964. Т. 1. С. 69, 70; Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 76.

<sup>44</sup> Phillips E. D. The Mongols. P. 24.

<sup>45</sup> Фасеев Ф. С. К расшифровке хуннских фрагментов // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 128; Mori M. The T'u-chüeh Concept of Sovereign // AA. 1981. № 41. P. 74; Phillips E. D. The Mongols. P. 24; Turan O. The Ideal of World Domination Among the Medieval Turks // SI. 1955. Vol. 4. P. 78–80.

<sup>46</sup> Гонгор Д. Халх товчоон. Б. 2. Улан-Батор, 1978. С. 17; Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 197.

<sup>47</sup> Таскин В. С. Предисловие // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. С. 17; Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. С. 197.

<sup>48</sup> Sankrityayana R. History of Central Asia. Calcutta; New Delhi, 1964. P. 20, 21.

<sup>49</sup> Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970. С. 162.

<sup>50</sup> Fletcher I. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // HJAS. 1986. Vol. 46. № 1. P. 21.

<sup>51</sup> Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI – середина XIII в.). С. 8, 9.

бальный обряд; 6) применение свистящих стрел; 7) любовь и хуннов и монголов к конским скачкам и верблюжьим бегам; 8) одинаковый видовой состав стада; 9) одинаковая конструкция лодок<sup>52</sup>. Ясно, что лишь первые четыре фактора можно считать элементами социально-политической преемственности. Однако Г. Сухбатар не дает подробно сопоставления текстов источников и оставляет в стороне проблему механизма движения традиции в истории. Что касается остальных пунктов, то все они построены па предельно дискуссионном утверждении о монголоязычности хуннов (и, следовательно, признании их этническими предками монголов) и на абстрагировании от общеизвестной нивелировки материальной культуры евразийских номадов. К тому же в источниках, насколько мне известно, нет детальных описаний коронации шаньюя.

Да и сам Г. Сухбатар в своей книге о *сяньби* (период их гегемонии в Центральной Азии – II–IV вв.) писал, что ритуал поднятия хана на войлоке семью придворными происходит от ритуала тоба<sup>53</sup>. С этим же сяньбийским племенем Ш. Бира связывает монгольскую титулатуру, иерархию государственных должностей и концепцию верховной власти (идея «единохаганства», связь кагана с Небом). Но для доказательства традиционности последнего явления он привлекает не сяньбийскую, а древнетюркскую формулу монаршего титула, уподобляя ее эпитетам первопредка Бортэ-Чино в «Тайной истории монголов». Кроме того, заявляя о непрерывности передачи традиции политических представлений у кочевых народов, Ш. Бира не прослеживает ход этого процесса, не пытается выяснить его динамику<sup>54</sup>. К тому же сферу сохранения традиции он ограничивает лишь религией (для древних тюрков и монголов до второй половины XIII в. – шаманизм, для периода Юань и позже – буддизм<sup>55</sup>, что обедняет многообразие социально-политических отношений, ведь государственное строительство велось не только на основе религиозных норм (см. ниже, гл. 2).

<sup>52</sup> Сухбаатар Г. К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии. С. 114, 115; Он же. К вопросу об этногенезе монголов // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974. С. 275–276; Он же. Некоторые вопросы истории хуннов (сюнну) // Олон улсын монголч эрдэмний III их хурал. Улаанбаатар, 1978. Т. 1. С. 262, 264.

<sup>53</sup> Сухбаатар Г. К вопросу о появлении письменности у народов Центральной Азии // Монголын судлал. 1971. Т. 8. С. 131, 132.

<sup>54</sup> Бира Ш. Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов // Бира Ш. БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичгийн асуудалд. Улаанбаатар, 1977. С. 196, 197.

<sup>55</sup> Бира Ш. Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов. С. 199–204.

Если Г. Сухбатар и И. Я. Златкин начинают историю антагонистических формаций в Центральной Азии (а стало быть, по марксистской схеме, и государственности) с хуннской эпохи, то Н. Сэр-Оджав, признавая державу шаньюев «дофеодальным государством», считает первым раннефеодальным образованием каганат *журжжаней* (IV–VI вв.). Именно от них, по его мнению, через тюрков и уйгуров, начало формироваться классовое общество, окончательно сложившееся в Монгольской империи XIII в.<sup>56</sup>

Тема государственных традиций *древних тюрков* (туцзюэ) VI–VIII вв. довольно полно отражена в литературе. Еще в 1941 г. В. А. Гордлевский писал, что «гипотеза о взаимодействии тюрков и монголов» задолго до нашествия Чингис-хана и его внуков на западные страны «стоит на очереди»<sup>57</sup>. Начали исследовать ее американские и турецкие ученые<sup>58</sup>. П. Голден разработал классификацию передававшихся традиций, выделив из них культовые (церемониал коронации; представления о священных узах кагана и всего правящего рода с божественными силами; понятие священного центра державы), политические и социальные (титулатура; деление государства на две части-крыла при старшинстве восточной; владение домениальными землями по рекам Орхону и Селенге)<sup>59</sup>. Избранные П. Голденом критерии анализа представляются чрезвычайно продуктивными, но данный автор намеренно ограничивает свое исследование дочингисовской эпохой, лишь изредка ссылаясь на примеры из устройства Еке Монгол улуса. Кроме того, он тоже не показывает пути и способы движения традиции от одного народа к другому, хотя и применяет вполне здесь уместное понятие из лексикона европейского Средневековья – *translatio imperii*<sup>60</sup>.

В трудах историков-марксистов укоренился формационный подход, который применен и при анализе древнетюркской эпохи<sup>61</sup>. Выше

<sup>56</sup> Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 15, 25; Он же. Монголын эртний түүх. Улаанбаатар, 1977. С. 157, 158.

<sup>57</sup> Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В. А. Сочинения. М., 1960. Т. 1. С. 69.

<sup>58</sup> Речь идет именно о попытках развернутой аргументации, а не о простой констатации наличия тюркского наследия.

<sup>59</sup> Golden P. B. Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae medii aevi. T. 2. Wiesbaden, 1982. P. 42–65.

<sup>60</sup> *Idem*. P. 73.

<sup>61</sup> Под древнетюркской эпохой я подразумеваю период с середины VI до середины IX в. – время существования в Центральной Азии каганатов тюрков-туцзюэ, сеяньто, уйгуров. А. Д. Грач и Л. Р. Кызласов в своих статьях и монографиях вели многолетний спор о хронологических рамках древнетюркской эпохи и правомерности самого этого понятия. Первый отстаивал широкое толкование этого времени (VI–X вв.), т. е. включал и период «кыргызского велнкодержавия» (Грач А. Д.

указывалось, что некоторые советские и монгольские авторы связывают начало феодализации кочевников с периодами гегемонии хунну и жузжаней. Другие исследователи видят аналогичную роль каганатов туцзюэ и уйгуров для народов Саяно-Алтая<sup>62</sup>, Центральной Азии<sup>63</sup>, а С. Г. Кляшторный прямо пишет: «Не гунны, а наследовавшие им... тюркские племена оказали решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии хозяйственных типов, политических общностей и культурных традиций»<sup>64</sup>. Принципиальное

---

Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // ТС. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966), второй выступил за датировку VI–VIII вв., т.е. до падения второго Восточно-Тюркского каганата (*Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века*. М., 1969. С. 121; *Он же. Древняя Тува (от палеолита до IX в.)*. М., 1979. С. 140–143). Доводы Л. Р. Кызласова мне представляются более убедительными. Но в этой дискуссии не учитывался момент традиционности. Если государственные образования на Енисее возникли еще до установления гегемонии туцзюэ, то эль уйгуров сформировался на основе тех же политических институтов, что действовали в империи Ашина (об этой преемственности см.: *Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы*. С. 191; *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. С. 222; *Кызласов Л. Р. Тува в составе Уйгурского каганата (VIII–IX вв.)* // *История Тувы*. М., 1964. Т. 1. С. 117, 132; *Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей*. С. 90–91; *Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. С. 21; *Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв.* М.; Л., 1966. С. 31; *Kwanten L. Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500*. P. 7 и др.). Следовательно, кыргызы должны быть выделены в самостоятельный политический массив, а уйгуры (теле) представлены как продолжатели традиций разгромленного ими второго Восточного каганата. Административные органы в обеих державах были идентичны. Конечно, такое объединение условно, так как уйгурское ханство на Орхоне с его выборными предводителями, постоянной враждой равноправных телесских племен-федератов было антиподом государства туцзюэ, возглавлявшегося самодержавным монархом и сплоченным вокруг него правящим родом.

Специфическую уйгурскую традицию попытался определить К. Цегледи, но он причисляет к таковой только один феномен – десятичную разверстку армии и населения (*Czégledy K. History and the Turkic Inscriptions* // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974. С. 304). Однако известно, что она бытовала задолго до того у хуннов, жузжаней и орхонских тюрков, поэтому не может считаться «изобретением» уйгуров.

<sup>62</sup> *Маннай-оол М. Х. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма у народов Саяно-Алтайского нагорья* // *Проблемы истории Тувы*. Кызыл, 1984. С. 105.

<sup>63</sup> *Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды*. С. 6.

<sup>64</sup> *Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.)* // ТС. 1972. М., 1973. С. 254–255.

значение социально-политической организации («вечного эля») туцзюэ для окрестных и более поздних кочевых народов подчеркивал и Л. Н. Гумилев, выдвигая на первый план притягательную для степных вождей стройность политической структуры при правителях из рода Ашина<sup>65</sup>. Правда, в одной из последующих работ он высказал противоположное мнение о всеобщем неприятии той же системы вследствие ее «жестокости»<sup>66</sup>. В литературе неоднократно отмечалось решающее влияние каганатов VI–IX вв. на формирование государственности у карлуков и Караханидов<sup>67</sup>, киданей<sup>68</sup>, кимаков<sup>69</sup>, хазар<sup>70</sup> и других народов. Рассмотрим проблему древнетюркских традиций применительно к Монгольской империи.

Прежде всего следует отметить попытки сопоставления двух великих кочевых царств безотносительно к их исторической связи. Поскольку формационные критерии их сравнения уже названы и перечислены выше, упомянем о других концепциях.

Новозеландский номадист Дж. Сондерс усмотрел общность исторических судеб и особенностей внутренней структуры каганатов туцзюэ и Еке Монгол улуса в таких факторах, как чрезвычайная скорость расширения территории, использование распрей в стане противника, стремление к созданию единой империи<sup>71</sup>. Несмотря на то что целая

<sup>65</sup> Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // *Материалы по этнографии*. Л., 1961. Вып. 1. С. 20.

<sup>66</sup> Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). С. 122.

<sup>67</sup> Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Сочинения*. Т. 5. С. 112; *Кадырбаев А. Ш.* Китайские источники эпохи Юань о карлуках // ПППИКНВ (13-я сессия). М., 1977. С. 87; *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг» // *Советская тюркология*. 1970. № 4. С. 84–85; *Samolin W.* East Turkestan to the 12th Century. The Hague, 1964. P. 77–78.

<sup>68</sup> *Викторова Л. Л.* Роль киданей в этнокультурной и политической истории монголов X–XII вв. // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981. С. 75, 76; *Ивлиев А. Л.* О возникновении государства у киданей (к постановке вопроса) // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981. С. 68; *Kwanten L.* Imperial Nomads. P. 94.

<sup>69</sup> *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 116–117; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. С. 98.

<sup>70</sup> *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 170–171; *Бартольд В. В.* Тюрки // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 583; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983. С. 178; *Толстов С. П.* Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 187; *Он же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 226; *Golden P. B.* Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. P. 47, 59–61.

<sup>71</sup> *Saunders J. J.* The History of the Mongol Conquests. L., 1971. P. 28.

глава в его «Истории монгольских завоеваний» называется «Тюркская репетиция монгольских завоеваний», Дж. Сондерс не пошел дальше пересказа известных фактов политической истории VI–VIII вв., а для сравнения взял самые абстрактные параметры, к тому же только из сферы военно-дипломатических отношений. Подобной неконкретностью страдают и выкладки американского историка Х. Мартина<sup>72</sup>.

Д. Синор (США) оценивает эль тюрок и улус монголов посредством исторически иррациональных категорий: «У тюркского государства не было ни долголетия, ни мощи Монгольской империи, но оно так же либерально, как и последняя, относилось к людям и идеям и было менее разрушительным (т.е. менее агрессивным. – В. Т.)»<sup>73</sup>. Такой подход едва ли может способствовать позитивному изучению вопросов историко-генетических связей кочевых держав.

П. Голден, утверждая, будто «многие из тюркских имперских форм возродились и всплыли в империи Чингис-хана»<sup>74</sup>, ограничивается двумя частными примерами – контролем над домениальными территориями и сходством каганской титулатуры<sup>75</sup>. Подобное перечисление аналогов способствует накоплению материалов для решения проблемы, но не самому решению. Впрочем, П. Голден ставил задачу изучения традиций лишь у «дочингисидских номадов», о чем говорилось выше.

Почти все авторы, занимавшиеся вопросами древнетюркского государственного наследия XIII в., отмечали наличие отдельных его элементов – не более. Так, его проявление усматривали в тюркской по происхождению титулатуре монгольской знати<sup>76</sup>, в системе крыльев, их иерархии и цветообозначении<sup>77</sup>, доктринах монархиче-

<sup>72</sup> *Martin H. D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of Nothern China. Baltimore, 1950. P. 309, 310.

<sup>73</sup> *Sinor D.* The Historical Role of the Turk Empire // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1953. Vol. 1. № 2. P. 434.

<sup>74</sup> *Golden P. B.* Imperial Ideology of the Sourses of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. P. 55.

<sup>75</sup> *Ibid.* P. 56, 72.

<sup>76</sup> *Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана. С. 256; *Phillips E. D.* The Mongols. N. Y.; Wash., 1969. P. 24.

<sup>77</sup> Армянская география VII века по Р.Х.: (Приписываемая Моисею Хоренскому) / Пер., примеч., изд. текста К. П. Патканова. СПб., 1877. С. 83; *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1975. М., 1978. С. 173; *Alföldy A.* Türklerde Çift Krallık // 2-ci Türk Tarih Kongresi. İstanbul, 1943. S. 516.

ского правления<sup>78</sup>, организации гвардии<sup>79</sup>, стремлении Чингис-хана распространить свое господство на районы, некогда подчинявшиеся Ашинам<sup>80</sup>.

Но обычно подобные рассуждения эпизодичны, без развернутых комментариев и аргументации. В трудах же турецких историков И. Кафесоглу и особенно А. Зеки Велиди Тогана тюрко-монгольские историко-генетические связи являются главным предметом исследования. А. Зеки Велиди Тоган выдвигает корректную посылку: «Ни один народ не может за несколько лет создать государственность; наивно было бы приписывать возникновение разветвленной государственной системы только советам уйгуров или гениальности Чингисхана»<sup>81</sup>. Внутреннюю и внешнюю политику, проводившуюся монгольской верхушкой в начале XIII в., А. Зеки Велиди Тоган объясняет именно «тюркскими завоевательными и государственными традициями», в числе которых перечисляются следующие: 1) простая и гибкая организация, основанная на обычном праве; 2) титул кагана, который А. Зеки Велиди Тоган считает тюркским; 3) главенство правящего рода; 4) 24-членная и вообще четырехкратная организация армии и уделов, раздача четырем Чингисовым сыновьям по четыре племени; 5) идея всемирной империи с центром в древнетюркском домене Отыкен йыш, трактуемом А. Зеки Велиди Тоганом как регион между Тянь-Шанем и Орхоном<sup>82</sup>.

Ни один из этих пунктов не беспорен: 1) обычное право (төрү) – во все не монополия древних тюрков и монголов. А. Зеки Велиди Тоган сам признает, что оно бытовало в истории с глубокой доевности до позднего Средневековья<sup>83</sup>; 2) каганом впервые назвал себя правитель сяньби или жужаней<sup>84</sup> (оба народа монголоязычны) и только потом правитель тюр-

<sup>78</sup> *Bupa III. Монгольская историография (XIII–XVII вв.).* М., 1978. С. 30; *Golden P. B. Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia.* P. 72, 73; *Kvaerne P. Mongols and Khitans in the 14th Century Tibetan Bonpo Text // АОН.* 1980. Т. 34. P. 94, 95; *Rachewiltz J. de. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire // Papers on Far Eastern History.* 1975. № 7. P. 28–31; *Turan O. The Ideal of World Domination Among the Medieval Turks.* P. 82.

<sup>79</sup> *Phillips E. D. The Mongols.* P. 42.

<sup>80</sup> *Turan O. The Ideal of World Domination Among the Medieval Turks.* P. 228. Противоположного мнения об оригинальности корпуса кэшиг придерживаются Д. Гонгор и Ш. Нацагдорж (История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 67).

<sup>81</sup> *Togan A. Z. V. Çingiz, Moğollar ve Türkler.* İstanbul, 1941. P. 31.

<sup>82</sup> *Idem.* P. 30; *Togan A. Z. V. Umumî Türk Tarihine Giriş.* С. 1. İstanbul, 1946. S. 103, 106–109.

<sup>83</sup> *Ibid.* S. 109.

<sup>84</sup> О приоритете сяньби: Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Пер., введ., коммент. В. С. Таскина. М., 1984. С. 217, 227, 234;



рок-туцзюэ; 3) правящий род возглавлял империю не только у хуннов (Люаньди), тюрок (Ашина) и уйгуров (Яглакар), по и у монголоязычных киданей (Елюй), у тунгусоязычных чжурчжэней (Ваньянь); 4) Чингисхан раздал сыновьям не по четыре племени, а по четыре «тысячи», что неравнозначно. Причем из четырех наследников младший получил не четыре, а более ста «тысяч»<sup>85</sup>. Да и приведенная аналогия опоры древнетюркских монархов на четыре племени<sup>86</sup> сомнительна; 5) домен рода Чингисидов располагался к востоку от Орхона – это был так называемый Коренной юрт в бассейне Онона и Керулена; 6) если идея «всемирной империи» прослеживается в политике монгольского правительства (особенно в периоды правления Гуюка и Мункэ), то нет явных сведений о существовании таковой в тюркских каганатах.

Задавшись целью выявить тюркские традиции в Монгольской империи, А. Зеки Велиди Тоган столкнулся с необходимостью объяснить причины их проникновения туда. В своих книгах «Монголы, Чингиз и тюрки» и «Введение во всеобщую историю тюрок» он попытался обосновать это генеалогическим родством Чингисидов с Ашинами, монгольского племени кият-борджигинов с древнетюркским «аристократическим» племенем кайы<sup>87</sup>. Разбор этнической предыстории кият-борджигинов (Чингисидов) выходит за рамки нашей темы. Отметим лишь, что все доводы А. Зеки Велиди Тогана по этому поводу были опровергнуты в обстоятельной статье И. Кафесоглу<sup>88</sup>.

Связать происхождение Чингис-хана с тюрками и уйгурами пытались также Г. Шмидт, раскритикованный Д. Банзаровым<sup>89</sup>, и Х. Ховорс. Последний идентифицировал одного из Чингисовых предков, Дува-мергена, с тюркским Тобо-каганом (573–581). Обосновал он это следующим: 1) после смерти Тобо каганат разделился на четыре части, а согласно «Тайной истории монголов», племянники Дува-мергена были главами четырех племен; 2) у Тобо был брат Секин (Сакуй), а

*Сухбаатар Г. К* вопросу о появлении письменности у народов Центральной Азии. С. 79–80. К. Сиратори и Н. Сэр-Оджав считают, что первым в истории каганом был жужаньский Шэлунь (*Сэр-Оджав Н.* Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 16; *Shiratory K. A Study on the Titles Kaghan and Khatun. Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko.* 1926. № 1. P. 3, 4, 7–8, 16.

<sup>85</sup> *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. Л. А. Хетагурова. С. 266–277.

<sup>86</sup> *Togan A. Z. V. Umumî Türk Tarihine Giriş.* С. 1. S. 108.

<sup>87</sup> *Togan A. Z. V. Çingiz, Moğollar ve Türkler.* P. 14–17; *Idem.* Umumî Türk Tarihine Giriş. P. IV. S. 66–67.

<sup>88</sup> *Kafesoğlu İ. Türk Tarihinde Moğollar ve Cengiz Meselesi // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi.* 1953. Т. 5. № 8.

<sup>89</sup> *Банзаров Д.* О происхождении слова Чингис // Шейбаниада. История монголо-тюрок на джагатайском диалекте. Казань, 1849. С. 17.

у Дува-мергена – брат Дува-Сохор<sup>90</sup>. На самом же деле Тобо – это китайская транскрипция тюркского имени Таспар (Тсапар)<sup>91</sup>. Кроме того, братья Дува были потомками Бортэ-Чино в десятом поколении, т.е. жили примерно в середине IX в. – на триста лет позже Тобо-кагана<sup>92</sup>.

Происхождение монгольской государственности нередко связывают еще с одним кочевым народом – киданями. Их империя Ляо («Железная», 907–1125) занимает в ряду средневековых держав особое место прежде всего в силу своей экономической особенности – совмещения кочевого и оседло-земледельческого укладов<sup>93</sup>. Поскольку эта же черта была позже присуща и Еке монгол улусу, отдельные авторы, начиная с В. П. Васильева, причисляли ее к наследию киданьской державы<sup>94</sup>. Кроме того, в литературе отмечалось большое влияние ляоского общественного строя на формирование феодальных отношений у монголов<sup>95</sup>, на принципы комплектования административного и командного персонала, военную структуру и религиозную политику<sup>96</sup>. Среди главных инициаторов введения киданьских методов управления называют начальника канцелярии при Чингис-хане и Угедэ Елюй Чуцай. Некоторые исследователи полагают, что Чингис мнил себя наследником государей Ляо и месть чжурчжэням за разгром «Железной» империи была одной из причин его вторжения в Северный Китай<sup>97</sup>. Действи-

<sup>90</sup> Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. L., 1876. Pt. 1. P. 36.

<sup>91</sup> Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута // СНВ. Вып. 10. М., 1971. С. 130.

<sup>92</sup> Ныне установлено, что время жизни Бортэ-Чино – середина VIII в. (Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 161). Одно поколение – приблизительно 20–25 лет.

<sup>93</sup> Викторова Л. Л. Кочевой уклад в Киданьской империи // Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961.

<sup>94</sup> Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах // ТВОРАО. 1857. Вып. 4. С. 17; Деоник Д. В. Восточная Азия // Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы, исторических контактов). М., 1978. С. 119; Таскин В. С. Киданьский император на китайском престоле // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 83; Он же. «История государства киданей» как исторический источник // Е. Лун-ли. История государства киданей («Цидань го чжи»). М., 1979. С. 16.

<sup>95</sup> Пэрлэз Х. Собственно монгольские племена в период Киданьской империи (907–1125) // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 5. С. 95.

<sup>96</sup> Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Heaven, 1957. P. 184; Wittfogel K., Fêng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia, 1949. P. 9, 18, 533.

<sup>97</sup> Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры.

тельно, он заявлял Елкой Чуцаю: «[Дома] Ляо и Цзинь – извечные враги. Я отомстил им (т.е. цзиньцам. – В. Т.) за тебя!»<sup>98</sup> Все же, по нашему мнению, Чингис-хан мстил не за чуждое ему киданьское царство. В источниках говорится о мести Цзиням за Амбагая, предка Чингис-хана, казненного чжурчжэнями<sup>99</sup>. Но не стоит преувеличивать фактор мести в монголо-цзиньских отношениях. Вероятно, это был тактический ход, средство привлечения на свою сторону многочисленных киданьских подданных чжурчжэньского императора. Подтверждением тому служит, например, трагическая судьба марионеточного княжества Великое Ляо, сначала поддержанного Чингис-ханом, а затем безжалостно уничтоженного<sup>100</sup>. К тому же, если бы Чингис-хан придерживался какой-либо прокиданьской ориентации, трудно было бы объяснить стремление к союзу с ним в 1211 г. уйгурских и карлукских правителей, составлявших оппозицию как раз киданьским правителям Семиречья. В целом проблема киданьского наследия еще ждет подробного изучения.

Итак, многие историки ищут истоки формирования монгольской государственности в более или менее отдаленном от чингисовских времен прошлом, среди немонгольских или протомонгольских этносов. Но эпоха XII вв. в Центральной Азии тоже заслуживает внимания и анализа. Существует мнение, что стимулом развития социально-политических отношений у ононо-керуленских номадов были их связи с окрестными племенными союзами – цзубу, керейтами и др.<sup>101</sup> Активно разрабатывается вопрос о том, какой статус имело объединение середины XII в. Хамут Монгол, возглавлявшееся хаганами Хабулом, Амбагаем и Хутулой. Ведь именно их преемником порой называют Чингис-

С. 175; Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елкой Чуцаю: Перевод и исследование. М., 1965. С. 14; Grousset R. D'empire mongole (1-re phase). P., 1941. P. 216.

<sup>98</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. С. 106; Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. С. 70.

<sup>99</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 36; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952. С. 263.

<sup>100</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 55, 58, 77, 86; Мелихов Г. В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 64–70.

<sup>101</sup> Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). С. 171; Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI – середина XIII в.). С. 10–11; Rachewiltz I. de. Qan, Qagan and the Seal of Cüyük // Documenta Barbarorum: Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1983. P. 282–284.

хана, принявшего титул хагана и «вновь» нарекшего своих подданных монголами<sup>102</sup>.

Б. Я. Владимирцов отрицал существование доимперской государственности у монголов. Власть ханов XII в., писал Б. Я. Владимирцов, «была очень слабой и неопределенной... Это были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью»<sup>103</sup>. Этому же мнению придерживаются Г. Е. Марков, Н. Ц. Мункуев, В. С. Таскин, А. М. Хазанов<sup>104</sup>, к нему примыкают точки зрения Л. Крадера и Р. Груссе. Первый относит основание монгольского государства к концу XII в., когда Темучина впервые провозгласили ханом; второй, хотя и признает Хамут Монгол «зародышем первого царства монголов», отмечает его моментальный распад после смерти Хутулы и отсутствие чьих-либо попыток «воцариться» вновь<sup>105</sup>.

В то же время некоторые историки, в том числе медиевисты МНР, выдвигают идею о том, что Хамут Монгол – это уже государство<sup>106</sup>. Их доказательства сводятся к следующему: 1) «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана всеми монголами стал веждать... Амбагай-хаган»<sup>107</sup>. Слова «все монголы» (*qamuq mongyol*) расценива-

<sup>102</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 447; Он же. Образование империи Чингисхана. С. 257–258; Викторова Л. Л. Основные этапы формирования монгольских этнических общностей // ПАМ. Элиста, 1974. Вып. 1. С. 211; *Kalużynsky St. Dawni Mongolowie*. Warszawa, 1983. P. 131.

<sup>103</sup> Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 80.

<sup>104</sup> Марков Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 63; Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 354–355; Он же. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников. Автореф. докт. дис. М., 1970. С. 10, 11; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Пер., введ., коммент. В. С. Таскина. М., 1984. С. 31; *Khazanov A. M. The Origin of the Genghis Khan's State. An Anthropological Approach // Etnografia polska*. 1980. Т. 24. Z. 1. P. 30, 36.

<sup>105</sup> *Grousset R. D'empire mongole (1-re phase)*. P. 36, 39; *Krader L. The Origin of the State Among the Nomads of Asia // The Early State*. P. 99, 100.

<sup>106</sup> Бүгд Найрамдах Монгол Ард Алсын түүх. Улаанбаатар, 1984. С. 147; Викторова Л. Л. Основные этапы формирования монгольских этнических общностей. С. 211; Гонгор Д. К вопросу о формировании халхаской народности. Улаанбаатар, 1973. Т. 1. С. 121; Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI – середина XIII в.). С. 11, 12; Кычанов Е. И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. С. 165–169; Пэрлээ Х. Собственно монгольские племена в период Киданьской империи (907–1125). С. 316; *Phillips E. D. The Mongols*. P. 25.

<sup>107</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 84.

ются историками в качестве названия «государства»; 2) по известиям китайских хроник, один из монгольских вождей (скорее всего Хабул) в 1147 г. принял китайский титул «император-основатель династии» и назвал свое владение Великим монгольским государством<sup>108</sup>; 3) персидские хронисты тоже называют объединения того времени государствами.

Приверженцам той и другой теорий не откажешь в логике, но обеим сторонам не хватает источниковой базы, часто одни и те же высказывания из средневековых сочинений трактуются в противоположном смысле. Поэтому в последние годы эта дискуссия начала перемещаться с проблемы «государство» или «не государство» к более методологически оправданному выяснению общественно-экономического и политического характера центральноазиатских союзно-племенных объединений-улусов во главе с ханами. Одним из таких улусов, видимо, и являлся Хамуг Монгол. Наиболее плодотворно в этом направлении работают А. Ш. Кадырбаев и Е. И. Кычанов, определившие улусы XII в. как государства, но «первоначального типа»<sup>109</sup>.

К проблеме традиционности примыкает вопрос о влиянии оседлых соседей на номадов и заимствовании последними социальных институтов и культурных достижений. Применительно к истории Центральной Азии эти аспекты подробнее всего разработаны в отношении монголо-китайских, монголо-чжурчжэньских, монголо-уйгурских, монголо-тюркских<sup>110</sup> связей. Однако все эти связи – явления другого уровня,

<sup>108</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1. С. 379; Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. С. 80.

<sup>109</sup> История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 48; Кадырбаев А. Ш. «Юань ши» как источник по истории кераитов и найманов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1976–1977. М., 1984. С. 254–255; 1986; Кычанов Е. И. Монголы в VI – первой половине XII века; Он же. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.

<sup>110</sup> См., например: Кадырбаев А. Ш. Китайские источники эпохи Юань о карлуках; Он же. Тюрки-канглы в империи Чингисхана (по китайским источникам) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 2; Он же. О культурной адаптации тюркских этнических групп в империи Юань // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1980; Он же. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы – с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.) // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1982; Он же. Уйгуры в империи Чингисхана и его преемников XIII–XIV вв. // ПППИКНВ (16-я сессия). Ч. 1. М., 1982; Rachewiltz J. de. Qan, Qagan and the Seal of Süyüg. III. Бира предпринял единственную в своем роде попытку выявить ку-

так как при их функционировании преемственности в полном смысле не происходило. Поэтому опускаю разбор литературы, отражающей заимствования в организации Монгольской империи и влияние на нее со стороны соседних стран.

Время от времени встречаются утверждения о полном или частичном отсутствии преемственности в процессе развития кочевых государств. Как правило, авторы этих концепций или в конце концов признают существование традиции, или ограничивают ее какой-либо определенной этнической общностью<sup>111</sup>.

В итоге можно отметить, что, во-первых, вопрос о государственных традициях в кочевых империях, в том числе Монгольской, в самых общих чертах поставлен в историографии и большинством историков решен положительно. Во-вторых, не решен и даже, пожалуй, еще не поднимался вопрос о природе и особенностях государственной традиции, о путях и способах ее передачи в истории. А ведь без его изучения сопоставительный анализ государственности различных кочевых народов превращается в простое сравнение по аналогии. В-третьих, углубленного рассмотрения отдельных традиций (древнетюркской, киданьской и т.д.) не предпринималось. Исследователи ограничивались констатацией существования традиции или приведением отдельных примеров ее проявления. В целом проблема государственных традиций у кочевников остается неисследованной<sup>112</sup>.

Изучение традиций кочевой государственности как во всей их исторической протяженности, так и в пределах какого-нибудь отдельно взятого образования требует привлечения всего корпуса источников по данному региону или периоду. Детальный разбор массы письменных памятников невозможно вместить в рамки одной главы. Поскольку социально-политические отношения в Еке Монгол улусе разбираются в подобном ракурсе впервые, предстоит обращение к уже выявленным и известным источникам с целью поиска в них отражения преемственности. Эти сочинения неоднократно изучались и оценивались учеными, что послужило еще одной причиной конспективности источниковедческого раздела.

---

шанскую религиозно-политическую традицию в Юани, привнесенную буддийским монашеством через писания древнеиндийских мудрецов: *Бира Ш*. Кушаны в монгольской традиции // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

<sup>111</sup> Подробнее: *Третьяков В. В.* Традиции в кочевых империях. Очерк историографии // *Mongolica*. М., 1992.

<sup>112</sup> А. Зеки Велиди Тоган впервые попробовал проанализировать лишь историко-этническую преемственность.

## ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

### ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИИ

Поскольку в нашей работе разбирается государственный строй державы монголов, необходимо обратиться к источникам, содержащим сведения о первоначальных учреждениях, созданных ее основателями для управления подданными. Как известно, Темучин начал борьбу за всемонгольский трон, будучи еще мелким степным князьком. Окружив себя преданным войском, он сумел образовать самостоятельное владение (сначала под протекторатом кереитского Тоорила Ванхана). В 1180 г. соратники-нукеры провозгласили своего вождя ханом с почетным личным титулом Чингис. Таким образом, его улус был конституирован. Тогда же произошло первое распределение административных должностей: были назначены четверо «обязанных носить лук и стрелы» (хорчи), трое «кравчих» (баурчи), по одному «заведующему» отарами, кибитками, прислугой (чэрби), двое «конюших» (актачи), трое смотрителей табунов и четверо разведчиков<sup>1</sup>. Через несколько лет, после разгрома кереитов, Чингис произвел комплектование своих отрядов в десятичные подразделения (по 10, 100, 1 тыс., 10 тыс. человек), увеличил число чэрби до шести и сформировал гвардейский корпус<sup>2</sup>. Не много е изменилось в этой структуре и после каганской интронизации 1206 г.: произошло окончательное утверждение десятичной системы, были назначены командиры крыльев и воинских отрядов. Единственное крупное нововведение – учреждение поста верховного судьи (гурдерийн дзаргучи), им стал татарин Шиги-Хутуху, ведавший к тому же и раздачей уделов нойонам<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 109, 110.

<sup>2</sup> Там же. С. 144.

<sup>3</sup> Там же. С. 158–168.

Несмотря на четкую тенденцию к разветвлению и усложнению функций управленческого аппарата, сфера их приложения ограничивалась рамками кочевого улуса. Перечисленных монгольским источником должностей оказывалось достаточно для ханской ставки<sup>4</sup> с ее повседневными заботами – обслуживанием правителя, его семьи и хозяйства, контролем над передвижением скота и зависимого населения, организацией набегов и охраной от вторжений соседей. После 1206 г. интересы знати переключились с внутренних распрей на завоевание окрестных стран, прежде всего на подготовку нашествия на Китай. Территория, управляемая из ононо-керуленской степи, должна была неизмеримо возрасти в ходе завоеваний, да еще и включить районы проживания оседлых народов, культурно и этнически чуждых монголам. В этом случае столь примитивная кочевая администрация, окружавшая Чингиса в конце XII – начале XIII в., оказалась бы неспособной эффективно регулировать внутриимперские отношения: во-первых, из-за различий в уровнях общественного развития населения будущего монгольского царства, во-вторых, из-за его огромных размеров. Следовательно, необходимость совершенствования управленческой системы была заложена уже в самой природе новорожденной империи. Поэтому представляется спорным утверждение, будто «Монгольское государство и его структура сложились до начала завоеваний, т.е. до 1211 г.»<sup>5</sup>, до нападения на Цзинь. Незрелость административных органов осознавал и сам Чингис, который накануне Цзиньской кампании наставлял сыновей и младших братьев: «Изучайте разные законы; сравнивая, приравнивайтесь к ним! Для разных дел нужны опытные, ученые люди! Тот человек выше множества множеств людей, который знает законы государства»<sup>6</sup>.

Таким образом, с одной стороны, относительная незрелость собственно-монгольской государственности, с другой – перспектива завоевательных войн заставляли Чингис-хана обращаться к государственному опыту соседей и предшественников.

<sup>4</sup> Того же мнения придерживаются и другие исследователи (*Кычанов Е. И.* К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в.; *Kwanten L.* Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500. P. 196). Е. И. Кычанов справедливо считает главными направлениями внутригосударственной деятельности Чингис-хана в тот период организацию главной ханской ставки (орды) и налаживание управления войсками и народом: *Кычанов Е. И.* О татаро-монгольском улусе XII в. С. 96, 97. О развитии и усложнении улусных магистратов: *Трепавлов В. В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 156–161.

<sup>5</sup> *Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. № 5. С. 94.

<sup>6</sup> *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М., 1973. С. 190.



Как мы уже говорили, одним из первых внутривластных мероприятий монгольского правительства в начале XIII в. было учреждение десятичной системы, т.е. деление армии и населения на тьмы, «тысячи» и т.д. Данная организация войска трактуется исследователями по-разному. Одни видят в ней орудие преднамеренного разрушения исторически сложившихся родо-племенных единиц<sup>7</sup>. Другие, напротив, считают ее лишь военно-государственным оформлением старых родов и племен<sup>8</sup>. Третьи предлагают компромиссное решение. По их мнению, племена, предводители которых ожесточенно сопротивлялись Темучину, были после победы разделены и разверстаны по разным подразделениям, а верные союзники сохраняли свою прежнюю родственную структуру, образуя гомогенные корпуса – «тысячи», состоявшие только из урянхатов, или киятов, или ойратов и т.д.<sup>9</sup>

В целом я присоединяюсь к последней точке зрения. Действительно, трудно было бы ожидать радикальной ломки институтов родового строя от монарха, который сам был «воспитан в родовых взглядах»<sup>10</sup>. Но при этом следует учитывать еще ряд обстоятельств. Политика первого кагана<sup>11</sup> диктовалась конкретной политической и социальной ситуацией, сложившейся в начале XIII в. К 1206 г. Центральная Азия уже не представляла собой конгломерата более или менее стабильных племенных союзов и улусов, как в середине–конце XII в., после па-

<sup>7</sup> *Викторова Л. Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. С. 174; *Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников. С. 35–38; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 49.

<sup>8</sup> *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. С. 76; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С. 182.

<sup>9</sup> *Владимирицов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 108–110; *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // *CAJ*. 1978. Vol. 22. № 3–4. P. 10.

<sup>10</sup> *Владимирицов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 108.

<sup>11</sup> Титулы «каан», «каган», «хаган» употребляются в книге как синонимы. «Каган» – раннесредневековое обозначение верховного монарха кочевой империи. В монгольском языке того времени ему соответствовало слово «хаган», передававшееся персидскими хронистами как «каан». Но иранские источники относят этот титул к монгольским правителям лишь с 1229 г., а монгольские – уже с середины XII в., с Хабула, прадеда Чингис-хана. Иерархический статус главных государей Еке Монгол улуса, начиная с Чингис-хана, был одинаковым: по своему положению они, несомненно, являлись каганами. Однако в научной литературе термин «каан» традиционно закрепился за Угедзем, Гуюком, Мункэ, Ариг-бугой, Хубилаем и Улджэйту-Тэмуром. Поэтому, упоминая их, мы будем употреблять этот титул, а говоря об основателе империи, воспользуемся термином «каган».

дения киданьских империй Ляо (1125 г.) и Бэй Ляо (1130 г.). Многие из этих улусов были уничтожены Темучином или рассеяны по всей степи. Собрать их население в старые родовые стойбища-курени было невозможно. Поэтому при формировании туменных и «тысячных» отрядов учитывалась не родовая принадлежность, а соображения здравого смысла, и правительство шло по наиболее легкому пути: организовывало эту разноплеменную массу в сборные военные отряды. К такому способу комплектования армии толкало и явление массового изгойства, бродяжничества, свидетельствовавшее о разрыве внутриклановых связей. Но это не значит, что Темучин преднамеренно разрушал патриархальные порядки. Поступить так значало создать сильную оппозицию в лице «природных» аристократов, тех нойонов, которые провозгласили его каганом в 1206 г. Здесь налицо сословный союз старой «гражданской» знати, опиравшейся на древние привилегии, и новой, военной, добившейся приоритета после многолетних сражений под знаменем Чингис-хана.

В более мелких масштабах такие соглашения заключались и раньше. Нойонам требовались защита кочевий, набеги для обогащения, места для облавных охот и, конечно, порядок внутри своих владений. В ответ вождь (хаан) требовал от нойона личной службы в своих войсках и предоставления воинов из подвластных данному держателю айлов<sup>12</sup>. Следовательно, интересы нойонов и военных вождей в общих чертах совпадали, особенно когда речь шла об объединении племен, это было естественно для двух частей одного формировавшегося сословия знати – родовой и военной.

Однако в начале XIII в. положение в Монголии не оправдало ожиданий нойонства. Даже если допустить, что Чингис-хан сохранил уцелевшие родо-племенные образования, то во главе их он все равно поставил своих верных сподвижников, 95 тысячников<sup>13</sup>. Эти командиры верой и правдой служили кагану, что выгодно отличало их от родовой знати, оберегавшей свои привилегии. Родовая знать, вынужденная смириться с новым монархическим строем, не могла потребовать от правительства ортодоксального соблюдения этих прерогатив, и некоторые нойоны, даже вчерашние союзники Темучина, оттесненные на второй план, становились его потенциальными врагами. Более того, распределение военной добычи в последующих войнах попало в руки военачальников, еще раз разочаровав «белую кость». Ясно, что про-

<sup>12</sup> Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 82–83, 85, 103–104.

<sup>13</sup> Чингис-хан говорил: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками тех людей, которые потрудились вместе со мною в создании государства» (Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 158).

тиворечия обострились, когда дело дошло до первого дележа награбленных у соседей богатств. А при тогдашней роли патриархальных институтов (большей частью пережиточных, но, как и везде, очень живучих) и, что более важно, патриархальной психологии массы населения Чингис-хан был обязан считаться с настроением племенных аристократов. Ведь в своей античингисовской ориентации знать могла привлечь на свою сторону харачу – рядовых монголов, которым процесс объединения нес кровь и слезы, жесткие повинности, перспективу гибели под стенами чужеземных крепостей. Каган и его окружение отдавали себе отчет в сложности обстановки и сочли за лучшее увести большинство боеспособного народа в поход на чжурчжэней.

Когда Чингис-хан двинулся на Северный Китай, он опасался бунта в Монголии, поэтому там была оставлена армия темника Тогачара, чтобы «тому быть... в тылу в целях безопасности от племен монгол, кераит, найман и других, большинство которых он (Чингис. – В. Т.) подчинил [себе], да чтобы и [его] орды были также в безопасности»<sup>14</sup>. Хотя о какой-либо попытке мятежа в то время неизвестно, но, вероятно, мятежные настроения в тылу были одной из причин поспешного возвращения значительной части войска домой.

Перед походом в Среднюю Азию Чингис-хан был вынужден отправить карательную экспедицию против найманов и «других племен, которые бунтовали по углам его владений»<sup>15</sup>. Это говорит о выступлениях в самой Монголии, так как в империи Цзинь военные действия и без того шли с 1211 г., енисейские кыргызы восстали позже, а других «его владений» в то время еще не существовало.

В 1218 г. войско выступило на запад. На этот раз тумены ушли гораздо дальше от Коренного юрта, и связи с ним по обезлюдевшим караванным путям становились все призрачнее. Оппозиция вновь решила поднять голову. В 1224 г. правитель тангутов Дэ-ван направил посольство «ко всем племенам к северу от песков» (Гоби) с предложением объединиться против кагана. Но вскоре один из тангутских полководцев был разбит монгольским отрядом, а затем поступило сообщение о возвращении всей армии из похода. Заговорщики моментально разорвали союз с Дэ-ваном и в ужасе разбежались<sup>16</sup>.

Постоянная угроза восстания в тылу заставляла Чингис-хана искать союзников за пределами домениальных кочевий. По соседству с монголами обитали тюркоязычные народы, большая часть которых не испытала на себе трагических последствий межплеменной войны,

<sup>14</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 163.

<sup>15</sup> Там же. С. 179.

<sup>16</sup> Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 309; Ta'rikh-i jāhangushā. Leiden; L., 1912. Pt. 1. P. 110.

происходившей в конце XII – начале XIII в. к востоку от Алтая. Но чтобы привлечь эти народы на свою сторону, необходимо было использовать политические идеи и лозунги, исторически близкие и понятные тюркам, и прежде всего провозгласить создание кочевой империи, в которой нашлось бы место всем народам, «живущим за войлочными стенами», т.е. возродить объединительную традицию.

Таким образом, ненадежность монгольского тыла побудила правительство искать сближения с соседями-тюрками.

Победа над соперниками и воцарение Чингис-хана, признание его сюзеренитета во многом ускорились внешнеполитическим фактором – соседством чжурчжэньской империи, постоянной угрозой ее экспансии или ожиданием очередного цзиньского нашествия. В период борьбы за власть Темучин, видимо, не давал повода для открытой враждебности со стороны южных соседей. Похоже, что и в первое время после курултая 1206 г. отправлял дань в Китай<sup>17</sup>. Но долго это продолжаться не могло, столкновение назревало неотвратимо. Мы не ставим задачу анализировать его причины; укажем лишь, что удачное ведение войны смягчило бы многие внутримонгольские конфликты.

Но война с Цзиньской империей – не обычный степной набег, ее исход был для Чингис-хана далеко не ясен. Требовались надежная материальная база (оружие, амуниция) и крепкий тыл. Подготовка этого велась в ходе рейда царевича Джучи по землям сибирских тюрок (см. гл. 3), а чтобы тюрки предоставили все необходимое, нужно было обеспечить их добровольное подчинение (что, как мы увидим в дальнейшем, и произошло). Связи с ними налаживались во время подготовки к цзиньской кампании. Следовательно, во избежание траты силы на трех фронтах (чжурчжэни, тангуты, кыргызы) и для скорейшего снаряжения армии Чингис-хан решил присоединить тюркские владения.

Мы снова вернулись к сформулированному выше положению о перспективе завоевательных войн, которая вынуждала монгольское правительство к сотрудничеству с некоторыми сопредельными владениями. Судьба Монгольской империи зависела от того, сумеет ли ее правящая верхушка опереться на опыт, материальные и людские ресурсы соседей, использовать государственное наследие предшественников, привлечь на свою сторону инациональные военные и административные кадры.

<sup>17</sup> Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. С. 333.

## ПУТИ И СПОСОБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ

Чтобы учреждения, существовавшие в предшествующие времена, обрели новую жизнь в настоящем, нужно было хорошо знать их назначение и структуру. По каким же каналам перемещались сведения о них? В отношении кочевой государственности таких путей было по крайней мере четыре: письменная история, историческая память (фольклор), традиционные правовые нормы и государственная практика.

### Информация письменных сочинений

Многовековая письменная историография имела на соседних с Монголией территориях, прежде всего в Китае. В династийных хрониках содержится множество сведений по домонгольской истории северной степи. Значит ли это, что монголам было известно их содержание?

Прежде всего отметим, что правящие круги Китая учитывали богатый дипломатический и военный опыт прежних китайских династий, использовали его в своих отношениях с кочевниками. Для одних кочевых правителей устраивались нравоучительные экскурсии в историю хунно-ханьских отношений<sup>18</sup>, другим, побежденным, навязывалось хуннское военно-административное устройство<sup>19</sup>, владения третьих сопоставлялись с державой хунну<sup>20</sup>. Есть сведения, что о державе хунну знали и кидани<sup>21</sup>, но так как название их города Шаньюйчэн, включавшее высший хуннский титул (шаньюй), – китайское, то, вероятно, и к монархам Ляо информация пришла от китайцев. Первое кочевое государство Центральной Азии – хуннское – в свое время оказало столь значительное влияние на внешнюю политику Поднебесной и имело столь четкую и стройную организацию, что и после своего распада и исчезновения продолжало считаться в глазах конфуцианских историков неким эталоном кочевой империи.

<sup>18</sup> См. беседу суйского посла и тюркского западного кагана Чулу. Она состоялась в 605 или 606 г.: *Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*. СПб., 1903. P. 16.

<sup>19</sup> В 30-х гг. VII в., после падения второго Восточно-тюркского каганата, танское правительство попыталось ввести у тюрков хуннскую систему должностей и уделов (*Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. С. 261).

<sup>20</sup> Например, в «Истории династии Тан» подчеркивается, что Уйгурский каганат занял те же территории и расположился в тех же границах, что и государство хунну (Там же. С. 309).

<sup>21</sup> *Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века*. М., 1984. С. 14.

В 1219 г. канцелярия Чингис-хана направила китайскому монаху, даосу Чан-чуню приглашение посетить походную резиденцию кагана. В послании, в частности, говорилось о Монгольской империи: «Такого [огромного] царства еще не было со времен наших шаньюев». Спутники Чан-чуня в «Описании путешествия на запад» («Си ю цзи», 20-е гг. XIII в.) великолепие ханских повозок и шатров сравнивали с тем, что было при дворе шаньюя<sup>22</sup>. Южносунские послы прямо называли Монгольскую империю «государством северного шаньюя»<sup>23</sup>. «Шаньюй» – китайская передача доселе точно не идентифицированного титула правителя хунну. Поскольку в «Си ю цзи» говорится о «наших шаньюях», то здесь явно проступает стремление верховных властей Еке Монгол улуса представить себя наследниками прежних держав номадов и не обязательно хуннской, ведь китайцы называли шаньюями и тюркских каганов<sup>24</sup>. Да и сам титул «шаньюй» иногда расценивается как прототип таинственного слова «Чингис»<sup>25</sup>.

Разумеется, для ознакомления со столь давней историей требовалось иметь хроники. Мы не знаем, как обстояло дело со сбором исторической информации в эпоху Чингис-хана, но при его преемниках эта работа приобрела целенаправленный характер. В 1236 г. по инициативе киданина чжун-шу-лина Елюй Чуцая было «учреждено Историческое общество; в пособие взяты исторические книги из городов Яньцзин и Пхинян»; историографами назначили трех китайцев (судя по именам)<sup>26</sup>. Позже Мункэ и Хубилай поручали китайским же ученым, проживавшим в Монгольской империи, переводить на монгольский язык исторические сочинения<sup>27</sup>. В XVII в. сложилась аналогичная ситуация: маньчжуры готовились напасть на Китай и интересовались ус-

<sup>22</sup> *Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Medieval Sources. L., 1888. Vol. 1. P. 58.*

<sup>23</sup> «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина / Пер., введ. и коммент. Ли Кюнъи и Н. Ц. Мункуева // ПВ. 1960. № 5. С. 136.

<sup>24</sup> *Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 268; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 327; Таскин В. С. Предисловие. С. 7; Liu Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte- des Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958. T. 1. S. 161.*

<sup>25</sup> *Банзаров Д. О происхождении слова Чингис. С. 18–20; Boodberg P. A. Dayan, Chinggis and Shan-yü // Selected Works of P. A. Boodberg. Berkeley; Los Angeles; L., 1979. P. 87, 89.*

<sup>26</sup> *Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 259.*

<sup>27</sup> *Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы, читанные в 1895/96 акад. году. СПб., 1906. С. 166.*

пехами предыдущих «варварских» династий на этом поприще. Истории Ляо, Цзинь и Юань были переведены на маньчжурский язык<sup>28</sup>.

Значит, одним из источников сведений о кочевых государствах служили династийные хроники и, возможно, другие исторические произведения.

Еще одним источником стали эпиграфические памятники. Например, рассказ о падении Уйгурского каганата и о последующей истории уйгуров был нанесен на стелу, воздвигнутую в честь гаочанских князей, а позже почти без изменений списан оттуда в «Юань ши» — официальную хронику монгольской династии<sup>29</sup>. Об интересе к подобным текстам в рассматриваемую эпоху (первая половина XIII в.) свидетельствует то, что после смерти Елюй Чуцай в его доме нашли «несколько тысяч древних и новейших книг, картин и древних писем на металле и камнях»<sup>30</sup>.

Можно предположить, что китайским и киданьским советникам, их монгольским патронам стала известна история всех крупных держав номадов, содержащаяся в указанных сочинениях. Однако источники не дают основания для такого вывода. А из имеющихся данных пока можно заключить, что до руководителей империи доходили только названия городов, титулы и имена каганов<sup>31</sup> (естественно, в китайской транскрипции) и, возможно, представления об общих пределах их владений<sup>32</sup>.

Кроме иероглифических камнеписных текстов в степях Центральной Азии имеется множество стел, скал и валунов, испещренных руникой древних тюрок и уйгуров. Этот вид письма продолжал бытовать на территории Монголии и в казахских степях по крайней мере

<sup>28</sup> Таскин В. С. «История государства киданей» как исторический источник // *Е. Лун-ли. История государства киданей («Цидань го чжи»)*. С. 16.

<sup>29</sup> *Малаякин А. Г. Уйгурские государства IX–XII вв.* Новосибирск, 1983. С. 154.

<sup>30</sup> *Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова.* С. 293.

<sup>31</sup> В комментариях юаньского времени к стихам Елюй Чуцай (середина XIII в.), сына чжуншулина Елюй Чуцай, говорится: «Город Хоринь (т. е. Каракорум. — В. Т.) есть древняя... земля Бикя-Кэханя (Бильге-кагана. — В. Т.). Тай-цзун (Угедэй. — В. Т.) построил тут дворец... на северо-запад от города в 70 ли находятся развалины города с дворцом Бикя-Кэханя; на северо-восток от города находится памятник Кюэ-Тэцзиня (Кюль-тегина. — В. Т.) с надписью, составленной танским императором Мин (Сюань-цзуном. — В. Т.) в год жэнь-шэнь (732)» (*Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне.* СПб., 1897. С. 9).

<sup>32</sup> Описывая свое путешествие к Чингис-хану, Елюй Чуцай неоднократно ссылается на события эпохи Тан, в частности, цитируя хронику «История династии Тан» (*Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Medieval Sources.* Vol. 1. P. 16, 24).

до X в.<sup>33</sup>, а у енисейских кыргызов, может быть, и до монгольского завоевания в начале XIII в.<sup>34</sup> Монголы, конечно, встречали такие памятники. Джувейни пишет, что во время правления Мункэ (1251–1259) в развалинах столицы Уйгурского каганата VIII–IX вв., города Орду-Балыка, были обнаружены камни с надписью. «Эти камни были извлечены. Под ними оказалась большая каменная плита с надписями... Приказано было найти кого-нибудь для прочтения их, по никто не мог их прочесть. Из Китая доставили людей, именуемых камами (т.е. прорицателями.— В. Т.). Известными этим людям знаками на плите той было начертано...»<sup>35</sup> — и следует изложение версии происхождения уйгурского царства, не поддающейся идентификации ни с одной из ныне известных надписей. Монголы, несомненно, не сумели прочесть письма, поэтому обратились к иноплеменникам. Это не обязательно могли быть китайцы. Хитай [Хатай] в XIII в. у мусульманских авторов означал еще и Семиречье с Кашгаром — район расселения кара-киданей (хитаев)<sup>36</sup>. Камми же (прорицателями, шаманами) не называли ни конфуцианских схоластов, ни даосских мудрецов. На территории кара-киданьского государства жили в то время и уйгуры. Их жрецы, пожалуй, имели представление о письменности своих предков и могли читать рунику. Очевидно, именно грамотные уйгуры и названы у Джувейни камами. К тому же этот народ пользовался собственной письменностью, широко употреблявшейся в делопроизводстве Монгольской империи<sup>37</sup>.

Таким образом, кроме туманных намеков на знакомство представителей хитаев и китайцев<sup>38</sup> с содержанием тюркских эпитафий VIII–IX вв., другой информации на этот счет мы не имеем.

То же можно сказать и о тюркоязычных письменных литературных произведениях, созданных в X–XII вв. Достоверно лишь то, что по-

<sup>33</sup> Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья // ТС. 1972. М., 1973; История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 121.

<sup>34</sup> Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. С. 143.

<sup>35</sup> Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 401.

<sup>36</sup> Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Мангбурны / Пер., предисл., коммент. и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 45, 50; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 5 и сл.; Шейбаниада. История монголо-тюрков на джатагайском диалекте / Пер. И. Н. Березина. Казань, 1849. С. 43 и др.

<sup>37</sup> Ш. Бира не сомневается, что до монголов дошли «историографические достижения» древних тюрков, но тексты рун, по его мнению, монголы не могли прочесть и пользовались лишь фольклором (Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). С. 29).

<sup>38</sup> Но содержание тюркского и китайского вариантов надписи на памятнике Кюль-тегину очень разнится, и иероглифический текст не дает каких-либо подробностей о государственном устройстве у туцзюэ.



эма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» («Благодатное знание», XI в.) была известна и распространена в монгольскую эпоху<sup>39</sup>, вероятно, также стараниями уйгуров. Из этого дидактического сочинения могли быть извлечены сведения о функциях и прерогативах монарха, его отношениях с подданными и т.д.

Что касается вопроса о существовании собственно монгольской письменности в доимперские времена, то о ее отсутствии, вопреки утверждениям некоторых историков МНР<sup>40</sup>, прямо сообщали как сунский дипломат Сюй Тин<sup>41</sup>, так и Хубилай-каан в эдикте 1269 г.<sup>42</sup>

Скорее всего в передаче информации о государственности исчезнувших народов письменная историография у монголов начала XIII в. играла незначительную роль. В таком случае на первый план выступала изустная передача исторических сведений, осуществлявшаяся в эпических формах, фольклоре.

### Сведения фольклора

История монгольских родов и племен, отраженная в единственном монгольском письменном источнике начала XIII в. – «Тайной истории монголов», не содержит каких-либо данных, касающихся государственного строительства до середины XII в. Тщательно сохраняемая каждым кочевником память о ветвях его генеалогического древа<sup>43</sup> обычно мифологизировалась и сводилась к перечислению непосредственных предков (иногда нескольких поколений), и к крайне фрагментарным

<sup>39</sup> Мелиоранский П. М. О Кудатку Билике Чингиз-хана // ЗВОРАО. 1901. Т. 13. С. 21.

<sup>40</sup> Лувсандэндэв А. Из письменных традиций кочевников Центральной Азии // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974. С. 9–11; Сухбаатар Г. К вопросу о появлении письменности у народов Центральной Азии; Он же. Сяньби нарын учсаа горал, соёл, аж ахуй, найгмийн байгуулал. Улаанбаатар, 1971. С. 113–114. Их аргументы таковы: 1) развитой литературный язык, которым написана «Тайная история монголов», не мог оформиться без письменности; 2) у сяньби, жужаней и киданей были свои оригинальные письмены, значит, ими пользовались и этнические потомки этих народов – монголы. Но авторы не поясняют, почему они считают язык «Тайной истории монголов» литературным. Кроме того, не обнаружено ни одного документа, написанного сяньбийскими или жужаньскими знаками, если таковые вообще существовали, а наличие письменности у киданей не означает, что ею пользовались и монголы.

<sup>41</sup> «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина. С. 142.

<sup>42</sup> Потте Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 13. Выражение Сюй Тина: «Не иметь письменности» – не является традиционным китайским обозначением отсутствия иероглифики (применявшееся встарь и в отношении тюрко-туцзюэ – обладателей рунического алфавита), так как в обоих источниках в один ряд с китайским ставится уйгурское письмо.

<sup>43</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. О. И. Смирновой. С. 8, 13, 29.

деталюм их биографий. Поэтому древние предания, собранные в «Тайной истории монголов», не могут считаться сколько-нибудь представительным сводом исторической памяти населения восточной периферии Великой Степи. Изложение родословной борджигинов весьма локально прежде всего в этногенеалогическом смысле. Авторы или составители памятника сконцентрировали свое внимание в его исторической части только на происхождении «золотого рода»<sup>44</sup>. Но поскольку он истарил обитал в среде других монгольских и отчасти тюркских родов и племен, то Чингису и его окружению, несомненно, были известны эпизированные подробности кочевой истории, не вошедшие в данный источник.

Из «Юань ши» узнаем, что Чингис в обращении к керейтскому Ван-хану назвал местность Сань хэ (кит. «три реки») территорией, где «наши предки положили основание государству», и посему советовал вождям керейтов не покидать Сань хэ<sup>45</sup>. К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн считают, что здесь имеется в виду район между хребтами Хэнтэем и Хинганом. Но там были расположены кочевья большого племени тайджиутов, к которому принадлежали и борджигины. В таком случае Сань хэ – это местность, называемая монголами «Трехречье»: бассейн Онона, Керулена и Толы, – действительно собственно монгольские земли. Однако керейты – не тайджиуты, и, советуя Ван-хану не оставлять Сань хэ, Темучин подразумевал не свою родину (неизвестно, как многолюдное племя керейтов, хотя и союзное, но чужое, да еще во главе с верховным вождем, могло там оказаться), но именно владения керейтов. Поэтому Сань хэ следует локализовать западнее, в кочевьях керейтов, между двумя другими горными цепями – Хангаем и Хэнтэем. Там текут реки Орхон, Селенга и Тола, на берегах, которых в свое время «положили основание государству» хунну, жужане, турки-туцзюе и уйгуры. «Нашими предками» Чингис-хан называет скорее всего один из этих народов, так как, во-первых, у других народов – создателей империй в раннем Средневековье (сяньби, кыргызов, киданей) государственность сформировалась за пределами монгольской степи. Во-вторых, говоря о «наших», т.е. общих с керейтами, предках, Чингис-хан имел в виду не генеалогические построения, известные

<sup>44</sup> Едва ли можно согласиться с мнением Б. З. Базаровой о том, что родословия старших ветвей праматери Алан-гоа в «Тайной истории монголов» опущены потому, что они «ничем не прославлены»: Базарова Б. З. Буддизм и монгольские летописи XVII–XIX веков (к критике идеи преемственности происхождения монгольских ханов) // Источниковедение и историография истории буддизма. Страны Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 67, 68. У других кочевых племен Центральной Азии наверняка имелись свои предания о предках, может быть, столь же разветвленные, как и у борджигинов. Но «Тайная история монголов» посвящена истории только борджигинов.

<sup>45</sup> Wittfogel K., Fêng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). P. 111.

нам из «Тайной истории монголов» (там для керейтов нет места). Стало быть, говорилось не об этнических предках, а скорее о политических предшественниках. Резонно предположить, что это тюркские и Уйгурский каганаты VI–IX вв.

Данные предположения подтверждаются и свидетельствами некоторых армянских летописцев, подчеркивающих, что их информация идет от самих монголов: «Предки татар вышли из страны Туркестан и отправились на восток»<sup>46</sup>. И здесь прародиной названа страна тюрок, так что, вероятно, именно орхонских тюрок имел в виду монгольский владыка. Предположим, что какие-то сведения о каганатах VI–IX вв. оставались в народной памяти и в XIII в., но не попали в «Тайную историю монголов». В этом случае можно попытаться поискать подобную информацию в произведениях иностранных путешественников, описывавших монгольскую историю не по официальным версиям, к которым они не имели доступа, а со слов случайных собеседников.

Один из таких путешественников, венецианский коммерсант Марко Поло, дает любопытное описание разрыва Чингис-хана с его покровителем Ван-ханом. Чингис-хан (тогда еще звавшийся Темучином) якобы вознамерился стать зятем главы керейтов и послал к нему гонцов. Тот рассвирепел: «Каково бесстыдство Чингис-хана... Дочь мою сватает. Иль не знает, что он мой челядинец и раб! Идите к нему назад и скажите: сожгу дочь, да не выдам за него... следовало его как предателя и изменника своему государю смертью казнить!»<sup>47</sup> Данного эпизода нет в хрониках. Правда, кое в чем ситуацию напоминает предложение о браке Джучи с одной из дочерей Ван-хана. Оно встретило отказ, но совсем на другом основании: наследник керейтского правителя уговорил отца не соглашаться на брак, убедив Ван-хана в том, что в будущем Чингис усилится и станет опасен для улуса керейтов. Но этот отказ не вызвал конфликта, дело обернулось лишь «охлаждением», «размолвкой»<sup>48</sup>. О неравноправии брака в источниках не говорится, ведь тот же интриговавший сын Ван-хана сватал тогда дочь Чингис-хана<sup>49</sup>. Через год Ван-хан дал согласие на отвергнутый ранее брак (правда, «умыслив погубить» вассала)<sup>50</sup>. Кроме того, Темучин не был «челядинцем и рабом»: его отец

<sup>46</sup> Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 46.

<sup>47</sup> Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева. М., 1955. С. 85.

<sup>48</sup> *Иакинф (Бичурин И. Я.)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 23; *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 127; *Палладий (Кафаров П. И.)*. Старинное китайское сказание о Чингис-хане // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1. С. 167.

<sup>49</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 251.

<sup>50</sup> *Иакинф (Бичурин И. Я.)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 241.

и керейтский хан были побратимами, а сам Чингис – одним из ближайших сподвижников Ван-хана. Таким образом, эта история едва ли могла послужить фактологической основой для рассказа Марко Поло.

В китайских источниках зафиксировано несколько аналогичных событий. Вождь племенного союза дунху пожелал получить в жены одну из ханш хуннского шаньюя Модэ. Несмотря на возражения придворных, Модэ отослал вождю «свою любимую янчжи»<sup>51</sup>. В «Чжоу шу» рассказывается о том, что основатель первого Тюркского каганата Бумын в 552 г. просил в жены дочь своего жужаньского сюзерена Анахуаня, на что последовал гневный ответ: «Ты ведь наш простой кузнец (у Марко Поло – челядинец и раб. – В. Т.). Как ты осмелился произнести подобные слова [о браке]!»<sup>52</sup> Как Бумын в «Чжоу шу», так и Чингис у Марко Поло пришли в ярость от высокомерного ответа и начали с государями войну, из которой вышли победителями. Здесь уже наблюдается абсолютная идентичность сюжетов, позволяющая полагать, что купец-европеец услышал и записал версию основания кочевой державы, идущую с VI в. от туцзюэ. Схема этой версии такова: просьба о браке с дочерью верховного хана – оскорбительный отказ – война – победа над верховным ханом – основание новой державы.

Воспоминания о своем каганате на Орхоне сохранили к XIII в. и уйгуры. Историки не раз анализировали их легенды, но в основном касались исторической основы сказаний, идентификации упоминаемых в них лиц<sup>53</sup>. Нас интересуют лишь те фрагменты, где говорится о государственном строе. В одном из преданий, записанных Рашид ад-Дином, повествуется о возникновении царства. После изначального безвластия и междоусобиц уйгурские племена избрали двух правителей с титулами эльтебер и кюль-эркин. Т.е. показано своеобразное соправление монархов, приблизительно равных по положению («обоих они сделали государями [всего] народа и племен. Их род царствовал в продолжение ста лет»)<sup>54</sup>. Одним из районов первоначальной консолидации уйгуров названа гора Каракорум, и это не просто совпадение с названием столицы Монгольской империи: подчеркивается, что «город, который

<sup>51</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 47.

<sup>52</sup> Liu Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken (T'u-kü). S. 7.

<sup>53</sup> Радлов В. В. К вопросу об уйгурах // Записки Академии наук. 1893. Т. 72. № 2. С. 116–125; Marquart J. Guwaini's Bericht über die Bekehrung der Uiguren // Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften. 1912. 1 halbband; Scrine H. F., Ross E. D. The Heart of Asia. The History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. L., 1899. P. 115–116.

<sup>54</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 147.

построил Угедэй-каан... называется по имени той горы»<sup>55</sup>. Большое место в легендах отводится некоему Буку-хану, раздвинувшему пределы уйгурского государства; после его смерти власть перешла к одному из его сыновей<sup>56</sup>.

Из этих дошедших до XIII в. преданий можно было извлечь данные о существовании огромной империи Буку-хана, объединявшей не только уйгуров; об организации дуальной монархии (см. гл. 4); о династическом порядке престолонаследия; о том, что центр империи располагался в Каракоруме.

Во многих мусульманских источниках излагается пространная эпическая биография праотца тюркских народов Огуз-кагана. Легенды о нем многократно разбирались исследователями, поэтому назовем лишь компоненты общественной и политической структуры, зафиксированные в средневековых сочинениях: а) разделение владений на две части-крыла<sup>57</sup>; б) иерархия крыльев – главенство правого крыла<sup>58</sup>; в) царствование двух в принципе равноправных ханов-братьев в каждой части государства<sup>59</sup>; г) закрепление престола навечно за предводителем правого крыла<sup>60</sup>; д) порядок престолонаследия<sup>61</sup>; е) Огуз-каган считался древним повелителем всех тюркских народов, и В. В. Радлов справедливо отметил: «То обстоятельство, что Рашид ад-Дин встретил сказание об Огуз-хане... и на западе у туркмен, и на востоке у уйгуров, указывает на то, что... у всех тюрков в XIII в. сохранилось еще воспоминание о большом тюркском государстве, которому было подчинено большинство тюркских племен»<sup>62</sup>.

<sup>55</sup> Там же. С. 146. О Каракоруме как древней земле уйгуров см. также: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 130. Вообще основание главной ставки на Орхоне традиционно для центральноазиатских кочевых империй.

<sup>56</sup> Та'рих-и jāhangushā. Pt. 1. P. 53–61.

<sup>57</sup> Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 40; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 86; Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. С. 23. Решающее значение «генеалогической традиции» (т.е. эпических повествований) для сохранения дуальной структуры у арабов отмечал А. И. Першиц (Першиц А. И. Пережитки дуальной организации в родоплеменной структуре арабов // СЭ. 1958. № 3. С. 93).

<sup>58</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 86. Это расходится с общепринятым у тюркских и монгольских народов порядком (см. гл. 4).

<sup>59</sup> Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. С. 40.

<sup>60</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 86.

<sup>61</sup> Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте; и др.

<sup>62</sup> Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. С. 20. Память о каганате сохранилась до этнографической современности у башкир-тангаур, возводящих свое происхождение к Кюль-тегину (Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнографический состав, история расселения. М., 1974. С. 137).

Знания о принципах отношений между правителями, между ханами и их подданными можно получить и из региональных фольклорных источников, например алтайских. Здесь говорится о соправительстве, прерогативах и функциях хана, критериях и порядке определения «вассальных» кочевых владений<sup>63</sup>.

Следовательно, из эпических произведений, распространявшихся главным образом в устной передаче, устроители кочевых империй могли узнать об основных чертах государственного строя предыдущих царств (вернее, абстрактного, эпизированного образа этих царств)<sup>64</sup>. Однако сказания о героях-первопредках содержали не только их поэтические жизнеописания, но и политический императив, который служил основой регулирования социально-политических отношений в кочевом обществе. Речь идет о явлениях, объединяемых термином «төрү».

### Традиционные правовые нормы

Буквальное значение төрү<sup>65</sup> – «закон», «обычай», «правило». Так его трактуют средневековые и современные словари<sup>66</sup>, и авторы исследований и публикаций<sup>67</sup>. Однако данное понятие употребляется в источ-

<sup>63</sup> *Трепавлов В. В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности.

<sup>64</sup> Особая роль устного народного творчества для передачи социально значимой информации объяснялась не только отсутствием письменности у большинства кочевых народов, но и стадийными чертами их общественного сознания. Совершенно верно отмечал Э. Г. Абрамян, что «в первобытной культуре любая инновация более или менее быстро превращается в стереотип, тогда как временные интервалы между инновациями достаточны для того, чтобы любое изобретение или открытие успело уйти из памяти этноса как реальный факт и войти в него в качестве предания, легенды или мифа»: *Абрамян Э. Г.* Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры // *Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума.* Ереван, 1978. С. 91.

<sup>65</sup> В написании термина нет единообразия. Төрү – форма, применявшаяся в древнетюркских рунических памятниках и принятая в «Древнетюркском словаре»: *Древнетюркский словарь.* Л., 1969. С. 169, 360, 581–582.

<sup>66</sup> *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий.* СПб., 1869. Т. 1. С. 389; *Древнетюркский словарь.* С. 581; *Наджит Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. 1. М., 1979. С. 86; *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. 3. Ч. 1. Стб. 1250–1251, 1254–1255; *Clauson C.* An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972. P. 531–532; *Codex Cumanicus.* Budapest, 1981. P. 77, 288; *Divanü lügat-it-türk tercumesi.* С. 3. Çeviren B. Atalay. Ankara, 1941. P. 221; *Grønbech K.* Komanischen Wörterbuch. København, 1942. P. 251.

<sup>67</sup> *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 39; *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. С. 102;

никах в более широком смысле. Есть по крайней мере три толкования его семантики: 1) нормы обычного права, совокупность неписаных регламентаций в различных областях социальной и бытовой жизни кочевников<sup>68</sup>; 2) обозначение ханской власти, управления государством<sup>69</sup>; 3) «объединенная законом народная масса»<sup>70</sup>.

Слово «төрү» многократно встречается в рунических надписях на памятниках Кюль-тегина и Бильге-кагана. Замена этого термина словами «обычное право», «обычай» чаще всего обесмысливает текст. Предлагаемые же С. Е. Маловым, П. М. Мелиоранским и В. В. Радловым переводы төрү как «законная власть», «правительственная власть» и аналогичная трактовка его семантики Дж. Клосоном представляются наиболее адекватными. Но информация о том, что конкретно понималось под этой властью, чрезвычайно скудна и может быть почерпнута из эпитафии Кюль-тегину. Там описываются восстание Кутлуга (Эльтерес-кагана) против Тан в 680 г. и восстановление Восточно-тюркского каганата. Эльтерес «народ... упразднивший [свои] тюркские установления (türk törüsü)... привел в порядок и наставил по установлениям моих (т.е. Бильге-кагана. – В. Т.) предков, тогда же он дал устройство

---

*Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 605; *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина түрк // СЭ. 1949. № 1. С. 49; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 433; *Он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959. С. 104; и др.

<sup>68</sup> *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 112; *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 85; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. С. 88; *Golden P. B.* Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. P. 106.

<sup>69</sup> *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946. С. 137, 138; *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.* С. 413, 414; *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-тегина // ЗВОРАО. 1899. Т. 12. Вып. 2–3. С. 83; *Радлов В. В., Мелиоранский П. М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897. С. 16; *Giraud R.* L'empire des Turcs célestes. Les regnes d'Elterich, Qarqhan et Bilgä (680–634). P., 1960. P. 71. В. Банг признавал допустимыми обе интерпретации төрү (в нашем тексте – пункты «1» и «2») в зависимости от контекста (*Bang W.* Zu den Kok-Türk Inschriften der Mongolei // TP. 1896. Ser. 1. Vol. 7. S. 342–343).

<sup>70</sup> *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов. С. 39. О другой сфере применения төрү – титулатуре: *Маявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 78; *Материалы по истории казахских ханств XV–XVII веков (извлечение из персидских и тюркских сочинений).* Алма-Ата, 1969. С. 235, 378, 412–416 *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.* С. 413–414; *Schlegel G.* Tägin et Töre // TP. 1896. Ser. 1. Vol. 7; *Togan A. Z.* V. Çingiz, Moğollar ve Türkler. P. 273.

народам тóлис и тардуш и назначил тогда ябгу и шада»<sup>71</sup>. Буквальный же перевод интересующей нас фразы «народ тóлис и тардуш там [же] устроил» (tölis tarduš budum anta atniš)<sup>72</sup>. «Там же» – т.е. в процессе создания порядка по тóрү. Стало быть, данный порядок включал разделение государства и соответственно населения на правое (тардуш) и левое (тóлис) крылья, назначение над ними командиров, наместников. Причем указывается, что такой порядок существовал еще у предков Эльтереса – вероятно, в первом каганате Ашина (552–630). Действительно, первые каганы «поддерживали и обустроивали эль (державу.– В. Т.) и тóрү». Из эпитафии следует, что «Кюль-тегии, много потрудясь и приобретя [для нас] столь большую власть (bupča toüg qazıanıp), скончался»<sup>73</sup>. Слова «столь большую власть» поясняются в предыдущей строке: «Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил по четырем углам (т.е. сторонам света.– В. Т.); народы все я принудил к миру и сделал их не враждебными [себе], все они мне подчинились»<sup>74</sup>. Здесь тóрү – подчинение народов «четырех углов», приведение их в подданство.

В обоих фрагментах тóрү предстает как осуществление каганом своих функций, как сфера компетенции монарха. Это подтверждает и поэма «Кутадгу билиг», где «правила управления государством»<sup>75</sup> включают только обязанности правителя (щедрое вознаграждение войска, священная война с неверными, создание надежных и прочных законов, обеспечение безопасности торговли)<sup>76</sup>. Конечно, ценностные ориентации, представления о благе эля у тюркских кочевых государей VIII в. и у жителя Караханидской империи XI в. были различны; Юсуф Баласагунский излагал концепцию управления, идеальную с точки зрения зажиточного горожанина. Но важно отметить, что осуществление норм тору и через триста лет после падения древнетюркских каганатов продолжало трактоваться как царская prerogative.

Вопрос об авторстве этого института не может ставиться, если подразумевать под тóрү обычно-правовые нормы в целом. Но в источниках можно встретить легендарные сведения о хане, впервые использовавшем эти законы для организации подвластных владений. Выше говорилось о порядках, завещанных Огуз-каганом сыновьям. Хроника Языджиоглу Али (XV в.) называет эти порядки «тюре»: «Он (Огуз-ка-

<sup>71</sup> Цит. по: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 381.

<sup>72</sup> Там же. С. 30.

<sup>73</sup> Там же. С. 40.

<sup>74</sup> Там же.

<sup>75</sup> Так С. Е. Малов перевел термин «тóрү»: Там же. С. 230.

<sup>76</sup> Юсуф Хас-хаджиб. Благодатное знание / Пер. С. Н. Иванова. М., 1983. С. 409–414.



ган. – В. Т.) сказал: “Поскольку ханом после меня станет Кайы (старший сын. – В. Т.), пусть его объявят бейлербеем правого крыла. В соответствии с торе левое крыло тоже должно возглавляться бейлербеем. Пусть им будет Байындыр”<sup>77</sup>. Далее объявлялась очередность рассадки при трапезе по старшинству крыльев и их лидеров. «Звания и посты беев пусть распределяются между родами, пусть они раздаются всем из этих родов (т.е. кайы и байындыр. – В. Т.), а оставшимися постами пусть другие пользуются»<sup>78</sup>. Таким образом, тӧрү предусматривало: а) распределение племен по крыльям; б) иерархию крыльев; в) введение соправительства (хотя левое крыло и «младше», его предводитель носит титул бейлербея, как и глава правого крыла); г) жесткий порядок замещения командных постов (хан – только из рода кайы, бейлербей левого крыла – из байындыров, прочие должности в первую очередь давались представителям этих двух огузских подразделений).

Среднеазиатский источник XVI в. «Шейбани-наме» называет основателем тӧрү (тура; в переводе И. Н. Березина – «образ обычая и царствования») Тюрка, жившего в течение 240 лет «в Дештской стране и в северных странах»; его современником был легендарный шах Каюмарс<sup>79</sup>. Охват территории, продолжительность правления и синхронность домусульманскому Ирану, указанные в данном памятнике, позволяют представить Тюрка в качестве собирательного образа древнетюркских владетелей, чьи каганаты просуществовали около 200 лет в евразийских степях. Поскольку понятие «тӧрү» было орхонским тюркам хорошо известно, а данных о более раннем его употреблении в рассматриваемом контексте нет, то, видимо, следует отнести формирование принципов управления кочевой империей в соответствии с тӧрү к VI–VIII вв.<sup>80</sup>

Кроме сформулированных выше норм, устанавливаемых тӧрү, историки замечали и другие сферы его применения: порядок наследования имущества, статуса и титула, церемониал интронизации, организация удельной системы<sup>81</sup>.

Тӧрү было известно и средневековым монголам. В «Тайной истории монголов» под этим термином имеется в виду свод правил внутрилулусных и межлулусных отношений (торе), что позволило С. А. Козину

<sup>77</sup> Houtsma Th. Recueil de textes relatifs a l'histoire des Seldjoukides. Pt. 1. Leiden, 1891. Vol. 3. P. 204.

<sup>78</sup> Ibid. P. 205.

<sup>79</sup> Шейбаниада. С. 19.

<sup>80</sup> Возможно, это началось раньше, так как структура тюркских каганатов во многом повторяла устройство хуннской империи, да и прототипом Огуз-кагана иногда считают Модэ-шаньюя: Бернштам А. Н. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане // СЭ. 1935. № 6.

<sup>81</sup> Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. С. 113; Togan A. Z. V. Umumî Türk Tarihine Giriş. S. 106–109.

назвать его «Монгольской Правдой», употребив термин («правда»), обозначающий европейское раннесредневековое законодательство. Монгольское торе регулировало взаимоотношения глав улусов, ханов и подданных, иерархические степени старшинства и ритуал введения в почетные должности<sup>82</sup>. Термином «торе» обозначали также государственную власть и систему связанных с ней учреждений<sup>83</sup>.

При анализе монгольской государственности и средневекового права неизбежно приходится столкнуться с ясой – законодательством Чингис-хана. Однако, судя по изложению ее предписаний в мусульманских, китайских и армянских источниках, она в основном налагала бытовые ограничения и предусматривала наказания за преступления<sup>84</sup>. Управлению посвящено лишь несколько пунктов, которые предусматривают: повиновение посланцам каана любого провинившегося, какой бы пост он ни занимал; обязанность удельных правителей для решения спорных вопросов обращаться только к верховному хану; устройство ямской службы; разделение армии по десятичному принципу; налогообложение и тарханные иммунитеты; наследование домена младшим сыном<sup>85</sup>. Значит, все остальные аспекты административного «законодательства» оставались вне ясы и могут быть отнесены к сфере

<sup>82</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 162, 166, 257 и др.

<sup>83</sup> Подробнее о сферах применения норм тору у кочевников VI–XVII вв. (Трепавлов В. В. Соправительство в Монгольской империи // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1991. Vol. 7).

<sup>84</sup> Единственный письменно зафиксированный памятник монгольского законодательства XIII в. – указ Хубилая корёскому королю 1280 г. (*Сумьябаатар Б.* Новонайденный монгольский законодательный памятник XIII века // *Олон улсын монголч эрэмтниц IV их хурал. Улаанбаатар, 1985 Т. 1*) отразил развитие некоторых правовых норм под китайским влиянием и касался лишь внутриармейских отношений.

<sup>85</sup> Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // *ТВОРАО*. 1864. Ч. 8. С. 404–413; Гинс Г. К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин, 1932. С. 12–14; Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // *ИОАИЭКУ*. 1904. Т. 20. Вып. 4–5. С. 61–66; История монголов инока Магакии, XIII века / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871. С. 4; Попов П. С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан // *ЗВОРАО*. 1906. Т. 17. Вып. 2–3. С. 152; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 102, 106; Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931. С. 122–124; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 83; Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад, 1985. С. 92; *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingis Khan // *SI*. 1971. Vol. 34; *Ch'en P. H.* Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. Princeton, 1979. P. 6–7; *Tabakat-i-Nasiri.* A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia. L., 1881. Vol. 2. P. 1107–1108; *Vernadsky G.* The Scope and Content of Chingis-Khan's Yasa // *HJAS*. 1938. Vol. 3. № 3–4. P. 344–359.

төрү, к которой они принадлежали еще за сотни лет до складывания Монгольской империи<sup>86</sup>. Повторим эти аспекты: а) система крыльев; б) порядок выдвижения и провозглашения кандидатов на высшие управленческие и командные должности (включая хана); в) соправительство; г) завоевание и покорение окрестных народов («четырёх углов»); д) распределение доходов и трофеев<sup>87</sup>. Система төрү, вероятно, не ограничивалась этими установками, но в той части, что касалась вопросов функционирования государственной власти, она сводилась к этим основополагающим моментам.

Для ознакомления с ней уже не обязательно было штудировать старые тексты, забытые письма. Освященная, созданная и подкрепленная многовековым опытом кочевых правительств, даже будучи облаченной в форму фольклорных повествований, эта система воспринималась не только как пример для подражания древним ханам-богатырям, но и как непреложный закон, завещанный предками. Поэтому уже к XI в. устойчивость и долговечность төрү вошла у тюрков в поговорку: «Исчезает государство, но сохраняется төрү» («El qalir törü qalmas»)<sup>88</sup>.

### Государственная практика

Государственная практика представляет собой еще один способ сохранения политических, административных институтов прошлых эпох. Государства, возникавшие в степях на протяжении полутора тысячелетий новой эры, развивали и закрепляли унаследованные от предшественников элементы внутреннего устройства. Процесс на-

<sup>86</sup> Обычно-правовое регулирование деятельности высшей администрации не позволяет расценивать каана как полного автократора. Его власть основывалась на традиционных канолах. Поэтому вызывает сомнение тезис П. Рачневски о том, будто «воля правителя была главным законом в империи» Чингисидов: *Ratchevsky P. Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12–13. Jahrhundert // SAJ. 1987. Vol. 31. № 1–2. S. 84.* «Воля правителя», выражавшаяся в т.н. биликах, касалась лишь второстепенных аспектов управления.

<sup>87</sup> *Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 162.*

<sup>88</sup> Б. Аталай при переводе глагола «qal» на турецкий язык использовал слово «biraktımak» («быть брошенным, оставленным») (*Divanü lügat-it-türk tercumesi. С. 3. S. 221*), а С. М. Муталлибов при переводе на узбекский – «ташламак» («выбрасывать, оставлять») (*Махмуд Кошгарий. Туркий сүзлар девони. Тошкент, 1963. Т. 3. P. 240*). Такое толкование согласуется, во-первых, с пояснением, следующим за поговоркой в тексте «Дивана»: «Это изречение говорят человеку, которого побуждают повиноваться обычаям предков» (*Divanü lügat-it-türk tercumesi. S. 221*). Во-вторых, соответствует одному из старых значений глагола «qal» («отставить, оказываться позади»), знакомому и кашгарскому писателю (*Древнетюркский словарь. С. 410*); А. М. Щербак переводит данную фразу буквально, т.е. с противоположным смыслом: «Страна остается, обычай не остается» (Там же. С. 169).

следования мог идти в двух направлениях. Первое – это приспособление наследуемых элементов к оригинальной административной системе. Подобное происходило тогда, когда политический приоритет приобретался этносом, не родственным и в прошлом независимым от этноса, господствовавшего в распавшемся накануне государстве, так случилось в государственности хунну, жужаней, киданей, монголов, отчасти енисейских кыргызов. Второе направление – это простое восстановление структуры распавшегося государства с постепенным ее развитием уже в недрах нового образования, что производилось этносом, непосредственно разгромившим государство и занявшим господствующее положение на его бывшей территории. Так случилось в государственности тюрк-туцзюэ, уйгуров, отчасти сяньбийцев Таньшихая. Т.е. одна держава сменяла другую, зачастую разгромив ее и разрушив ее государственный организм. Кроме того, для истории кочевых империй характерна этнолингвистическая неоднородность: сначала в степях к востоку от Алтая безраздельно царили тюркязычные (по нашему мнению) хунну, затем монгольязычные сяньби и жужане, которые, в свою очередь, уступили место тюркязычным туцзюэ, теле и кыргызам. В X в. с востока хлынули потомки сяньби – кидани и монголы. Все это затрудняло и замедляло общее развитие политического строя номадов. В случае простого восстановления параметров государственности побежденного народа это развитие было нулевым.

В начале XIII в. в восточной части степного пояса существовало несколько объединений кочевых и полукочевых народов – кара-китаев (туркестанских киданей), карлуков, уйгуров, енисейских кыргызов, монголов, найманов, керейтов и меркитов. Три последних улуса были полностью разгромлены Темучином в ходе межплеменной борьбы, киданьское Си Ляо рухнуло под ударами хорезмшаха и беженцев-найманов. Мирные отношения Чингис-хан установил с карлуками, кыргызами и уйгурами. Здесь имело место не наследование их опыта управления монгольским правительством, не государственная традиция, а заимствование (не важно, органическое или механическое). Непосредственное влияние на Монгольскую империю со стороны включенных в нее народов (особенно уйгуров, киданей, чжурчжэней и китайцев) требует особого исследования. Нас они интересуют лишь как носители информации о прежних державах.

И все же практика государственной жизни была полноценным каналом распространения традиций. Какими бы новаторскими или ортодоксальными ни являлись принципы управления, они в конце концов находили отражение в других средствах трансляции государственной традиции – письменной историографии, произведениях фольклора и в указаниях төрү.

Таким образом, в начале XIII в. правительство Монгольского государства столкнулось с чрезвычайно неблагоприятными факторами: 1) управленческая структура, унаследованная от ханской орды военно-демократической эпохи, не обеспечивала функционирования государственного аппарата на всей территории будущей огромной империи; 2) пережитки имманентного кочевого сепаратизма угрожали судьбе молодой державы. Эта угроза проявилась в заговорах и бунтах нойонов, возглавлявших аратов-соплеменников. Бунтарские настроения охватывали не только подчиненные племена, но и собственно монголов; 3) над Монголией нависала опасность чжурчжэньской экспансии. Монгольскому правительству требовалась отработанная для кочевого государства система управления. Такая система уже была создана хуннами, древними тюрками и уйгурами, киданями, а к XIII в. она существовала в форме государственных традиций.

Их развивали и по мере надобности модифицировали правители раннесредневековых государств.

Значение устного народного творчества, сохранявшего историческую информацию при отсутствии письменности, было неопределимым; даже цивилизованные уйгуры – обладатели собственного алфавита – помнили предания степной истории. Сюжеты эпосов стихийно изменялись, и, следовательно, традиция в своей фольклорной ипостаси тоже модифицировалась.

Сохранению и передаче принципов организации кочевой администрации способствовал свод неписаных законов *төрү*, который применялся как в «чистом» виде (узаконения и нормы поведения), так и бытовал в составе эпических сказаний. Соответственно с развитием эпоса и исторической основы его сюжетов – общественно-политической жизни – подвергалось изменениям и *төрү*.

О древних державах, существовавших до XIII в., рассказывали китайские летописи, орхонские письмена и, возможно, уйгурские сочинения. В письменных источниках царства хунну; туцзюэ и т.д. представляли в неизменном, как бы законсервированном виде, так как сведения о них были вырваны из практической (государственная жизнь) и мыслительной (фольклор, нормы *төрү*) сфер деятельности<sup>89</sup>.

<sup>89</sup> М. М. Громыко считает общественное мнение и трудовой ритм общины факторами воспроизводства традиций: *Громыко М. М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984, № 5. С. 71, 74, 77. Но для такой надобщинной структуры, как государство, эти факторы отступают на второй план. Для государственной традиции не обязательно соблюдение сезонности хозяйственных работ, а общественное мнение нейтрализуется ссылками на порядок «героической эпохи», отображенной в эпосах, и на установления *төрү*.

Чингис-хану и его окружению понадобились дополнительные воинские силы для противостояния чжурчжэням, ведения войн, удержания в повиновении монгольских нойонов. Более других подходили для выполнения этих задач тюркские народы Южной Сибири и Восточного Туркестана. Их подчинение было реально осуществимо под видом возрождения каганата, подобного тому, в котором жили их предки. Выше приводились доводы в пользу того, что монголам были известны сведения о своих предшественниках – создателях империй. Не стоит по примеру Л. Квантена преувеличивать информированность первых самодержцев Еке Монгол улуса – вплоть до приписывания им комплекса мероприятий для сохранения своей власти во избежание трагической судьбы хуннской и древнетюркской монархий<sup>90</sup>. Но в то же время осознание своей преемственности от них было присуще преобладающим властям новой общекочевой империи. Недаром после воцарения Чингис-хана в китайских документах имя монгольского народа стало передаваться иероглифами «получить древнее» или «возвратить старое»<sup>91</sup>. Скорее всего, здесь не было намека на восстановление киданьской Ляо, как считал В. П. Васильев (в гл. 1 настоящей работы уже говорилось о бессмысленности для Чингиса долговременного увлечения лозунгом реставрации царства Елюев). Но подбор иероглифов показательен: это свидетельство осведомленности китайских писателей – современников воцарения Чингис-хана об ориентации кагана и его соратников на историческое прошлое, на традиции.

Таким образом, государственная традиция в Монгольской империи выполняла две функции – консолидации военных сил для завоеваний и создания механизма управления. В этих двух аспектах мы и будем дальше рассматривать Еке Монгол улус.

<sup>90</sup> *Kwanten L. Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500. P. 5, 230.*

Л. Квантен не уточняет, в чем, по его мнению, заключались эти меры.

<sup>91</sup> *Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. С. 159–161; Он же. Вопросы и сомнения // ЗВОРАО. 1889. Т. 4. Вып. 1–2. С. 6.*

## ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МОНГОЛЬСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Выше мы выяснили, что для осуществления завоевательных планов феодализирующейся монгольской знати, пресечения ее сепаратизма, удержания в узде зависимого населения правителям нового государства требовались социальные и административные институты, которые могли быть переняты от предшествовавших кочевых империй. Однако монголы, только начав свою государственную жизнь, не владели достаточными навыками в применении этого опыта. Необходимо было найти тех, кто мог бы помочь построить полноценное государство. Поэтому окружение Чингис-хана искало советников, в том числе среди представителей тюркских народов, расселявшихся по территории Южной Сибири, Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы<sup>1</sup>. Кроме того, монгольское правительство привлекало людские и материальные ресурсы названных регионов как основу успешного ведения войн, прежде всего с Китаем.

### ТРАДИЦИЯ «ОБЪЕДИНЕНИЯ» КОЧЕВНИКОВ

#### Выдвижение программы «объединения»

Объединение большей части народов евразийских степей в политический союз (позднее в государство) происходило неоднократно. Сложившаяся задолго до основания Монгольской империи культурная общность кочевников служила материальной основой легкой и быстрой

---

<sup>1</sup> В разное время в различных «варварских» государствах важную роль играли инонациональные кадры советников – согдийцы в тюркских каганатах, особенно Западном, в Уйгурском каганате; бохайцы и кидани в империи Цзинь. Кочевой народ, организующий государство, не мог обойтись без помощи более цивилизованных соседей.

консолидации. Вероятно, можно говорить даже о непрерывном существовании тенденции к объединению, зародившейся еще в скифскую эпоху. Именно материальный критерий называл хуннский шаньюй, говоря в 176 г. до н. э. ханьскому императору: «Итак, все народы, натягивающие лук, оказались объединенными [нами] (хуннами. – В. Т.) в одну семью»<sup>2</sup>. Конечно, не только сходство жизненного уклада и основ экономики концентрировало население тысячами пространств вокруг центральной ставки. Не менее важную роль играли и духовные критерии: языковые, культурные, генеалогические связи, веротерпимость и т.д.<sup>3</sup> Позже, в X в., монарху Ляо удалось мирным путем подчинить племена хи, убедив их в том, что они имеют общие с киданями происхождение, язык и обряды<sup>4</sup>.

В начале XIII в. тенденция к объединению кочевых племен продолжала существовать. Найманский Даян-хан, узнав о возвышении Темучина, заявил: «Я слышал, что некто на востоке намеревается объявить себя императором... На небе нет двух солнц, может ли народ иметь двух государей?!»<sup>5</sup>. Т.е. он считал себя государем всех кочевников безотносительно к их этнолингвистическим характеристикам. И монголы, и тюркоязычные найманы, и, вероятно, остальные кочевые обитатели Центральной Азии считались одним «народом», у которого должен быть один хан. Значит, в предымперские времена здесь бытовала концепция объединения, подобная хуннской, возникшая в условиях культурной общности номадов и продиктованная необходимостью совместной защиты родовых стойбищ.

Действительно, Чингис-хан стремился «направить на путь истинный всеязычное государство» (*kur ulus*)<sup>6</sup>, а его воцарение изображено в «Тайной истории монголов» как объединение народов, «живущих за войлочными стенами»<sup>7</sup>, т.е. всех кочевников. Идея консолидации всех номадов вокруг каганского девятиконечного знамени стала

<sup>2</sup> Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. С. 43.

<sup>3</sup> Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. С. 34.; *Ecsedy H. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire* // АОН. 1972. Т. 25. Р. 254. Правда, Д. Г. Савинов считает, будто хуннские традиции способствовали присоединению тюркоязычных номадов, противников монголоязычных киданей, к Тюркскому каганату. Но этим не объяснить распространение гегемонии каганата до Причерноморья, т.е. далеко за пределы бывшей территории хуннов. Кидани же в VI–VIII вв. не представляли собой сколько-нибудь значительной силы.

<sup>4</sup> Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. С. 142.

<sup>5</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.) История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 31; ср.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 146.

<sup>6</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 168.

<sup>7</sup> Там же.



известна в соседних странах и отразилась, в частности, в тибетских сочинениях: «Хорский Чингис делается Согским царем» («хоры» – монголы, «сог» – тибетское название кочевников вообще)<sup>8</sup>.

Можно заключить, что будущая империя предполагалась как совокупность разноэтничных общностей. Чтобы создать такую империю, необходима была широкая объединительная кампания под флагом тюрко-монгольского «единства». В качестве первого шага к этому было предпринято следующее.

Приняв монарший сан, Чингис-хан нарек свой народ «кёке монгол» («синие монголы»)<sup>9</sup>. В эпитете «синие» исследователи видят то представление о господствующем положении по отношению к другим народам<sup>10</sup>, то указание на упорство и твердость<sup>11</sup>, то знак небесного покровительства<sup>12</sup>. Однако семантика термина «кёке» (совр. «хөх») шире простого цветообозначения. А. Н. Кононов и О. Прицак доказали, что в алтайских языках понятие «синий» синонимично понятию «восточный»<sup>13</sup>. До XIII в. такой термин использовался в тюркских ка-

<sup>8</sup> *Васильев В. П.* Вопросы и сомнения. С. 375.

<sup>9</sup> *Sagan Sechen.* The Bejewelled Summary of the Origin of Khans. A History of the Eastern Mongols to 1662. Pt. 1. Bloomington, 1964. P. 48.

<sup>10</sup> Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л., 1957. С. 179; *Howorth H. H.* Genghis Khan and His Ancestors. S. 1. s. a. P. 6.

<sup>11</sup> *Kotwitz W.* Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale // RO. 1949. T. 15. P. 173.

<sup>12</sup> *Martin H. D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of Northern China. P. 96.

<sup>13</sup> *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках. С. 173; *Pritsak O.* Qara. Studie zur Türkischen Rechlssymbolik // A. Zeki Velidi Togan'a Armağan. Istanbul, 1955. P. 260. Ф. С. Фасеев критикует все ныне существующие объяснения семантики «кёк», убедительно опровергая его толкование как «знать, аристократия»: *Фасеев Ф. С.* Кто они так называемые «голубые тюрки» // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. Отвергается также трактовка синего цвета тюрками в качестве обозначения востока, но никаких доводов Ф. С. Фасеев не приводит. При этом он ссылается не на суждения А. Н. Кононова и О. Прицака, специально исследовавших этот вопрос, а только на мнение А. фон Габен, лишенное аргументации. Однако и Ф. С. Фасеев признает возможность смысловой аналогии «кёк тюрк» с «кёке монгол» (Там же. С. 139). Н. Л. Жуковская справедливо полагает, что «монголы, называя себя "синими", тем самым помещали себя на востоке» (*Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 154–155). Отметив несоответствие такого обозначения традиционным монгольским понятиям о пространственной символической, данный автор видит объяснение этому несоответствию или в заимствовании тюркской концепции (вслед за А. Н. Кононовым), или в памяти о прародине в междуречье Онона и Керулена, «которая действительно лежит на восток от той территории, где Чингисхан заложил основы своей империи и ее столицу Харахорин» (Там же. С. 155). Но и в последнем случае Н. Л. Жуковская указывает на расхождение с

ганатах VI–VIII вв. для обозначения восточных тюрков. Но последние были восточными (или, что то же самое, «синими», «кёк») по отношению к населению Западного каганата. Чингис-хан же объединил все монгольские племена, все они стали «кёке». Если трактовать это понятие как «восточные», то можно предположить наличие и западных подданных. В степях к западу от монгольских кочевий проживали тюркоязычные народы, и получается, что именно их земля расценивалась в качестве второй части будущей державы.

Возникает вопрос: какие же народы могли восприниматься как носители старой степной государственности? Очевидно, те, которые в свое время на развалинах тюркских каганатов или одновременно с древними тюрками образовали свои государства. Это кыргызы, уйгуры, карлуки и кимаки. Не только исторический опыт этих народов, но и их военная сила представляла ценность для монгольского правительства. Поэтому следует учесть резонное замечание О. Латтимора: конные полчища тюрков, прекрасно знакомые с методами ведения сражений в степи, зачастую представляли собой более серьезного противника для монголов, чем ополчения оседлых государств<sup>14</sup>. Именно сибирские и восточнотуркестанские народы должны были стать первыми подданными Чингис-хана вне Монголии, на присоединенных территориях, обеспечить снабжение и пополнение армии и казны, предоставить опытные кадры для управления империей.

### Ход «объединительной» кампании

В поход по этим территориям каган решил отправить правое крыло всемонгольской армии под командованием старшего сына, Джучи. В 1207 г. войско со среднего течения Онона отправилось на северо-запад, в сторону Байкала, прошло без потерь страну Баргуджин-Токум, населенную предками бурят, и подошло к верховьям Енисея, где начинались владения кыргызов.

*Тува и Хакасия.* Среди причин, которые заставили монголов отправиться в поход, исследователи называли нужду монголов в металле и

---

традиционной монгольской схемой обозначения различных народов разными символическими цветами (по этой схеме монголы должны были быть не «синими», а «желтыми»). Таким образом, остается, пожалуй, единственное объяснение разбираемому применению понятия «кёке» – возрождение в XIII в. древнетюркской геополитической символики.

<sup>14</sup> Lattimore O. The Geography of Chingis Khan // The Geographical Journal. 1963. Vol. 129. Pt. 1. P. 7.

хлебе<sup>15</sup>, необходимость обеспечить безопасный тыл с севера<sup>16</sup>, продолжение объединения монгольских племен<sup>17</sup> (хотя за Саянами уже не было монголов), преследование врагов – найманов и меркитов<sup>18</sup>, пробу сил перед более крупными завоеваниями<sup>19</sup>; расширение международных связей правительства Еке Монгол улуса<sup>20</sup>. Некоторые из этих доводов заслуживают внимания, но ни один из них не объясняет, почему обширный Тувинско-Минусинский регион подчинился без единого выстрела. Джучи был встречен кыргызской знатью, которая преподнесла ему символические дары и присягнула на верность<sup>21</sup>. Рудники и пашни кыргызов оказались в руках монголов.

Чтобы обеспечить приток железа и пшеницы в Монголию, требовалась определенная тактика в отношениях со здешними жителями, ко-

<sup>15</sup> Бартольд В. В. Кыргызы: Исторический очерк // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Кн. 1. С. 505; Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. С. 91; Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979. С. 147.

<sup>16</sup> Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922. С. 85; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). С. 176.

<sup>17</sup> Grousset R. Le conquerant du monde (Vie de Gengis Khan). P., 1983. P. 212.

<sup>18</sup> Бартольд В. В. Кыргызы: Исторический очерк. С. 621.

<sup>19</sup> Майский И. М. Чингисхан // ВИ. 1962. № 5. С. 76.

<sup>20</sup> Хуухэнбаатар Д. Монгол гурний элчин харилцаа (XIII зуун). Улаанбаатар, 1964. С. 15.

<sup>21</sup> По сообщению Рашид ад-Дина, навстречу монгольской армии выехали три князя: «Еди-инал, Алдиэр, Олебег-дигин»: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 150. В «Тайной истории монголов» приводятся те же имена, но элементы первого из них (Еди и Инал) С. А. Козин при переводе посчитал принадлежащими разным людям: Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 174. Л. Р. Кызласов предположил, что речь идет о правителе-иале Еди-Уруна («Семи урочищ») – Хакаско-Минусинской области Кыргызского государства (Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. С. 86). Владения кыргызов в то время делились на две части – Хакасию (Киргиз) и Туву (Кэм-Кэмджиут) (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 150). Домонгольская Тува включала шесть районов-багов (Кызласов Л. Р. Тува в составе государства древних кыргызов (IX–XII вв.) // История Тувы. Т. 1. С. 158–159). Тогда допустимо, что она была представлена на переговорах с Джучи шестью удельными правителями, имевшими титул «эр» («муж, воин»); «алды эр» – шесть эров. Правда, Л. Р. Кызласов переводит данное словосочетание как «шестой мужчина» (Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. С. 87), но здесь термин «алды» именно количественное числительное, и передано оно в обоих источниках в характерной тувинской форме (у других тюркских народов – алты). См.: Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. 1. С. 226. Стало быть, депутация кыргызов состояла из минусинского инала, шести тувинских владетелей и некоего Олебег-тегина (у Рашид ад-Дина – «дигина»).

торым приходилось вооружать и кормить армии завоевателей во время похода Чингис-хана на Цзинь и последующих войн. Отсюда стремление сохранить по возможности мирные контакты с кыргызами. Чтобы закрепить за собой ресурсы Тувы и Хакасии, монголы могли присоединить этот регион непосредственно к своему государству. Что, как мы сейчас увидим, и произошло.

По древней традиции младший сын хана от главной жены после смерти отца не участвовал в разделе завоеванных земель, а наследовал лишь отцовские родовые кочевья, домен (Коренной юрт). Поэтому естественно, что Чингис-хан распределил то, что успел завоевать, между тремя старшими сыновьями, а Монголию оставил младшему – Толую. В его удел вошла и Южная Сибирь, значит, эта территория завоеванной не считалась. Как и места обитания керейтов, татар, джалаиrow, она относилась к домену. К. И. Петров объясняет это тем, что кыргызы были завоеваны до раздачи улусов<sup>22</sup>. Но его аргумент в данном случае несостоятелен: в Прииртышье Джучи приходил в том же 1207 г., когда произошло присоединение Тувы и Хакасии, но Прииртышье так и осталось в его улусе, тогда как Южная Сибирь из улуса старшего сына Чингис-хана перешла к Толуидам. Вдова Толуя передала Туву снова младшему сыну, Ариг-буте<sup>23</sup>.

В юаньский период этот регион продолжал соединяться с Коренным юртом. Провинция Линбэй объединяла «Каракорум (первая столица империи. – В. Т.), Онон, Керулен, Кэм-Кэмджиут (Тува. – В. Т.), Селенгу, Баялык – до границ земель кыргызов и великий заповедник (т.е. усыпальницу Чингисхана. – В. Т.)». Здесь продолжали править местные беки, царевич-Чингисид являлся лишь держателем удела. На первый взгляд такое положение аналогично «игу» на Руси: в городах сидели свои князья, в первые десятилетия существования Золотой Орды дань отправлялась не только в Сарай, но и в главную монгольскую ставку. И все же Русь оставалась лишь источником этой дани, объектом регулярных набегов и грабежа. В отношении же Саяно-Алтая велась совершенно другая политика.

Так, в хронике «Юань ши» среди перечня мер материальной помощи обедневшим монгольским племенам встречаются любопытные сведения. «1 сентября 1321 г. ...Ввиду бедности воинов послан чжичуми-юань-ши<sup>24</sup> Тэмуэр Бухуа навести порядок... Пожалованы сиротам и вдовам северных племен зерно и бумажные деньги... Бедным семьям из племен у-эр-су (урасут. – В. Т.) и хань-хана-сы (хабханас. –

<sup>22</sup> Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963. С. 94.

<sup>23</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2 / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. С. 201.

<sup>24</sup> Титул одного из начальников юаньского военного ведомства.

В. Т.) и других выдано по две кобылицы»<sup>25</sup>. «17 июня 1294 г. ...По причине бедности командиров и солдат, подчиненных Е-су-дай-эр, выдано десять тысяч дин бумажных денег»<sup>26</sup>. Этот Е-су-дай-эр (Есудэр) был тысячником из племени салджиут<sup>27</sup>; а так как воины «тысяч» и их командиры обычно были соплеменниками, то ясно, что монголы-салджиуты, перекочевавшие в Туву<sup>28</sup>, оказались в тяжелом положении. Следовательно, монголы в Южной Сибири хотя и были завоевателями, но вместе с коренным населением – племенами урасутов и хабханасов – бедствовали и нуждались в помощи, каковая и была тем и другим предоставлена правительством, озабоченным экономическим ослаблением источника пополнения армии.

Разумеется, случались на Енисее и бурные восстания, и карательные походы, но перечисленные факты позволяют заключить, что Южная Сибирь была не просто завоевана Чингис-ханом, а формально считалась «присоединенной» к его владениям в процессе «объединения народов», живущих за войлочными стенами».

*Алтай.* Далее к западу на пути Джучи лежали Алтайские горы. Их завоевание традиционно объясняется богатством недр. Алтай был одним из центров железорудного производства с давних времен. В XIII в. там обитали телесы и теленгуты – кочевые скотоводы и охотники, которых многие авторы считают прямыми потомками древних тюрков<sup>29</sup>. Алтайцы, как и кыргызы, подчинились монголам без сопротивления<sup>30</sup>. А ведь в конце XII в. наймакское ханство охватило их владения с трех сторон, но покорить не смогло<sup>31</sup>. Значит, дело не в слабости или боязни

<sup>25</sup> *Мункуев Н. Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII–XIV веках // *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М., 1970. С. 397.

<sup>26</sup> Там же. С. 391.

<sup>27</sup> Там же. С. 440.

<sup>28</sup> *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 107; *Гребнев Л. В.* Население Тувы в начале XIII века // *Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ.* Кызыл, 1960. Вып. 8. С. 160.

<sup>29</sup> Так, Л. П. Потапов полагал, что средневековые обитатели Алтая, теленгуты и телесы, в основном происходили от племен теле (доланьгэ), смешанных с туцзюз (тёлис) и большей частью входивших в Западно-Тюркский каганат (*Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографические очерки. Л., 1969. С. 159–162, 175, 186, 194). То, что телесы – потомки тюрков-туцзюз, а не теле, полагают Л. Н. Гумилев и Л. Р. Кызласов (*Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 262; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. С. 52).

<sup>30</sup> Подтверждение находим в словах Чингис-хана: «Ты, Джочи, старший из моих сыновей, недавно лишь вышел из дому, а в землях, куда ты ушел по хорошей дороге, уже успешно покорил лесные народы. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти народы» (*Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. С. 184).

<sup>31</sup> Закключаем это из того, что в источниках телесы упоминаются в начале XIII в. как самостоятельное племя, вне всякой связи с найманами.

телесов перед пришельцами. Здесь уместно вспомнить, что племена Алтайской горной страны составили ядро первого Тюркского каганата. Именно алтайские тюрки-туцзюэ в 40–50-х гг. VI в. вышли из горных долин и степных предгорий и, разгромив жужаней, положили начало державе Ашина. Именно эта местность считалась личными, заповедными землями, священной прародиной восточнотюркских каганов в VI–VII вв. Если принять выдвигаемую в этой книге идею государственных традиций (в том числе древнетюркских) в Монгольской империи, то следовало бы ожидать от монгольского правительства демонстративной оккупации Алтая как законного домена «тюрко-монгольского» кагана. Ничего необычного в этом нет. В истории тюрко-туцзюэ имеется прецедент.

Как известно, каганский род Ашина велся от хуннов, а исконной хуннской территорией считался Ордос<sup>32</sup>. Поэтому китайские летописи называли его «родиной туцзюэ», «древней страной туцзюэ»<sup>33</sup>. Алтайские тюрки, разбив жужаней, сразу заняли Ордос, подчеркивая тем самым преемственность своего каганата от государства шаньюев. В Ордосе было постоянное местопребывание Мухана – фактического создателя тюркской кочевой империи, там же находятся могилы первых каганов<sup>34</sup>. Однако доменом оставался Алтай.

Аналогичным образом поступили в XIII в. и монголы. Доменом «золотого рода» оставалась Монголия, но одной из первоначальных внешних акций было присоединение к империи домена предшествующей державы, объединявшей всех кочевников, т. е. Тюркского каганата. В таком случае невозможно допустить мысли, чтобы Алтай воспринимался монголами как чуждые, завоеванные земли. И в самом деле, он имел в империи статус «фули», т. е. «внутренней территории»<sup>35</sup>. Дальнейшая судьба телесских кочевий демонстрирует их особый статус в Монгольской империи.

<sup>32</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 44, 45, 48, 220; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. С. 127.

<sup>33</sup> Грач А. Д., Потанов Л. П. Период ранних феодальных отношений. Тува в составе Тюркского каганата. С. 69.

<sup>34</sup> Liu Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken (T'u-küe). Т. 1. S. 119, 153, 204.

<sup>35</sup> Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской династии // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века. Новосибирск, 1975. С. 200. О концепция «внутренних» и «внешних» земель в традиционной китайской геополитике: Краль Ю. Л. Ханьская концепция «слабого руководства» варварами (цзи ми) // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1987. Ч. 1.

Если царевичи Джучи и Чагатай получили от отца громадные уделы с обширными пастбищами, богатыми городами, оживленной торговлей, а Толуй, как мы уже говорили, унаследовал родные монгольские степи, то наследнику престола Угедэю Чингис-хан выделил сравнительно небольшой и бедный Алтайский регион<sup>36</sup>. А ведь Угедэй как сын от главной ханши мог бы рассчитывать на бóльшую долю. Полагаю, что отдача Алтая в управление будущему каану может трактоваться как символическая демонстрация восприятия Чингис-ханом древнетюркского наследия. Ведь и «у тюрков был закон предоставлять Золотую гору (т.е. Алтай. – В. Т.) в распоряжение главного кагана»<sup>37</sup>. Как только Угедэй вступил в 1229 г. на престол, его удел автоматически вошел в Коренной юрт<sup>38</sup>, где и превратился в «фули», домен<sup>39</sup>. После этого на Алтай распространился прямой сюзеренитет централь-

<sup>36</sup> Под алтайским регионом подразумевается местность, включавшая Горный Алтай, северную часть Монгольского Алтая и прилегающие территории. Вопрос об улусной принадлежности данного региона специально рассматривался, видимо, только в работах Л. П. Потапова, который утверждал, что эти территории принадлежали Джучидам. В качестве доказательств Л. П. Потапов приводил следующие факторы: общность родовых наименований у многих народов – бывших подданных Золотой Орды, сходные детали их фольклора (*Потапов Л. П. Героический эпос алтайцев // СЭ. 1949. № 1. С. 125*), тесные культурные связи алтайцев с кипчаками (*Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. С. 110*). Наличие этих факторов объясняется общностью материальной и отчасти духовной культуры кочевников, возникшей задолго до создания удела Джучи. Источники сообщают о пожаловании Чингис-ханом Алтая и Прииртышья старшему сыну (*Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»)*). С. 184; *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 78*), но эти сведения касаются событий, происходивших непосредственно после похода 1207 г. По окончании Хорезмийской кампании (около 1224 г.) Джучи был назначен «главным даругачи над кипчаками» (*Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»)*). С. 229, 230), и Алтай, таким образом, исключался из его сюзеренитета. Впоследствии у истоков Иртыша находились личные земли и усыпальница Угедэя, владения его потомков (*Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 43*). Хайду, внук Угедэя, управлял территориями Енисейско-Иртышского междуречья и Алтая (*Кычанов Е. И. Сведения «Юань ши» о переселениях кыргызов в XIII веке // Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Фрунзе, 1963. Т. 5. Вып. 1. С. 62*). Так что можно отнести Алтайский регион к улусу Угедэя.

<sup>37</sup> *Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. И. Кондратьева. М., 1957. С. 161.*

<sup>38</sup> *Kałużynsky St. Dawni Mongolowie. Warszawa, 1983. P. 154; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 31.*

<sup>39</sup> Путешественники подчеркивали, что Алтай имел особое значение для правящего рода империи. Марко Поло писал о захоронениях Чингис-хана и других монгольских каанов «в большой горе Алтай» (Книга Марко Поло. С. 87, 88, 274). Хоронили их все же, по нашему мнению, на Орхоне или на родине, в Трехречье.

ного правительства, которое рассматривало эту территорию в качестве пограничной области<sup>40</sup>.

Итак, в 1208 г. Джучи присоединил второй (после Хакасии) исторический очаг центральноазиатской государственности.

*Прииртышье.* За Алтаем лежала иртышская лесостепь (Восточный Казахстан, юг Западной Сибири) – бывшее местопребывание последнего по времени государства, сложившегося непосредственно после распада древнетюркской державы – Кимаковского каганата. Утратив ведущее положение в XI в., кимаки попали в подчинение к кипчакам, но не растворились в их среде. Имеются сведения источников о событиях XII–XIII вв., где неоднократно фигурирует племя йемеков (имаков, яньмо, т.е. собственно кимаков)<sup>41</sup>. Именно племя йемеков являлось основным в кимаковском государстве<sup>42</sup>. После развала каганата одна часть йемеков откочевала с кипчаками на запад и с тех пор фигурировала в источниках как одно из кипчакских племен, другая же продолжала жить на Иртыше<sup>43</sup>.

Территория бывшей страны кимаков, их каганского домена (будущего домена Джучи) тоже была бескровно включена в состав Монгольской империи. Ни один источник не сообщает о боях с йемеками. Но население Верхнего и Среднего Прииртышья все же было составной частью этнокультурной общности племен Дешт-и Кыпчака, которые (особенно южные кипчаки) были тесно связаны с Хорезмом. Поэтому смена йемеками политической ориентации могла послужить одной из причин карательного похода хорезмшаха Мухаммеда на север в 1218 г.<sup>44</sup>

Поставленные перед Джучи задачи были успешно реализованы. В результате его рейда в Еке Монгол улус вошли земли некоторых кочевых

<sup>40</sup> Кычанов Е. И. Сведения «Юань ши» о переселениях кыргызов в XIII веке. С. 62; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 162; Hsiao Ch'i-ch'ing. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge; L., 1978. P. 58.

<sup>41</sup> Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. С. 162; Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия // Вестник АН КазССР. 1970. № 1. С. 49; Он же. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 88, 89; История Казахской ССР. Т. 2. С. 53; Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Мангбурны. С. 87; Tabakat-i-Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia. Kabul, 1964. Vol. 2. P. 1172.

<sup>42</sup> Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. С. 39–41.

<sup>43</sup> Там же. С. 128–129.

<sup>44</sup> С. М. Ахинжанов видит причину похода в откочевке на север зависимых от Мухаммеда кипчакских племен (Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия. С. 49). Но Джузджани сообщает о походе на йемеков: «Мухаммед отправился истреблять племена Кадыр-хана... сына Йакафтана йемекского» (Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 13–14.



и полукочевых государств (кыргызов, кимаков и др.), располагавшихся ранее на этой территории, а также домен каганов Ашина – Алтай.

*Восточный Туркестан.* Следующим объектом монгольской внешней политики стали восточнотуркестанские тюрки, прежде всего уйгуры Турфанского княжества, в прошлом – создатели собственного каганата, носители древнетюркских государственных традиций. С племенами монгольской степи, в частности с татарами, они имели связи с раннего Средневековья<sup>45</sup>. В XII–XIII вв. уйгурская культура продолжала влиять на обитателей Центральной Азии: найманы пользовались уйгурской письменностью, чиновник Даяи-хана, уйгур Тата-туна, был хранителем золотой печати и «ведал деньгами и хлебом», т.е., видимо, налогами<sup>46</sup>. Уйгуры держали в руках важнейшие караванные пути, накапливали значительные торговые капиталы, были искусными политиками. Поэтому понятно стремление окрестных владык подчинить Турфан. Монгольскую знать привлекали в уйгурах и близость их цивилизации к кочевникам, и то, что уйгуры сохраняли степные предания и обычаи, помнили о своем царстве на Орхоне и его столице Каракоруме – «городе Буку-хана»<sup>47</sup>. Этот фактор представляется наиболее существенным, особенно если рассмотреть монголо-уйгурские отношения с учетом необходимости использования государственной традиции.

Лояльное отношение Чингис-хана к уйгурам порой объясняется его показной щедростью и покровительством для привлечения в подданство других государей<sup>48</sup>. Это резонный довод. Однако посмотрим, правителей каких стран могла привлечь такая политика. Бессмысленно было бы демонстрировать щедрость перед чжурчжэнями, которые ожидали скорого вторжения, справедливо предчувствуя ожесточенную схватку. Бесполезно было бы убеждать в милосердии тангутов, в чьи владения уже не однажды вторгались монгольские отряды. А могущественному хорезмшаху, который замышлял собственный поход на

<sup>45</sup> *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 42.

<sup>46</sup> *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах. С. 376.

<sup>47</sup> В объяснении причин тяготения Чингис-хана к уйгурам я солидарен с другими историками, изучавшими этот вопрос (*Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана. С. 264; *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. С. 116; *Кадырбаев А. Ш.* Уйгуры в империи Чингисхана и его преемников XIII–XIV вв. // ПППИКНВ (16-я сессия). М., 1982. Ч. 1. С. 30; *Семенов А. А.* Очерк культурной жизни уйгуров в монгольских государствах // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978. С. 31; *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. С. 92.

<sup>48</sup> *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966. С. 57–58.

Китай, и подавно были безразличны щедрость или скупость Чингис-хана. Вероятно, правительство Еке Монгол улуса стремилось заверить в своем миролюбии и справедливости лишь тюркских ханов, кочевое население западных степей.

Уйгуры тоже стремились извлечь выгоду из подчинения Чингис-хану. Когда Елюй Даши<sup>49</sup> со своими киданями обосновался в Туркестане, местные владетели решили признать его сюзеренитет, предпочитая выплачивать легкую дань и тем самым избавиться от забот по охране своих границ, предоставив это кара-китаям. Даши избегал ссор с тюркскими правителями и предоставлял автономию «вассальным» государствам. Уйгурский князь (идикут) Барчук сразу признал себя подданным Даши и помог ему утвердиться на вновь завоеванных территориях<sup>50</sup>. Зависимость турфанцев выражалась главным образом в том, что наместник гур-хана следил за своевременным отправлением дани и старался предотвратить создание антикиданьских союзов.

Однако в начале XIII в. ситуация изменилась. Найманский хан Кучлук захватил власть в государстве кара-китаев и принялся притеснять местное население. Его отряды разъезжали по стране, ни о какой автономии и безопасной торговле не могло быть и речи. Начались религиозные гонения на мусульман, к каковым принадлежала большая часть среднеазиатских тюрков. Понятно, что в этих условиях уйгурская верхушка постаралась найти сильного покровителя, который смог бы защитить ее от найманского произвола. «Чтобы избавиться от кара-китайского правления и замышляя восстание против Кучлука», идикут Барчук пошел на союз с Чингис-ханом<sup>51</sup>. По тем же причинам обратились к монголам за помощью и карлукские ханы<sup>52</sup>.

Монголо-уйгурский союз был оформлен в 1211 г. на Керулуне. Барчук преподнес кагану богатые дары и признал свою зависимость от него, Чингис-хан обещал выдать за него свою дочь<sup>53</sup>.

Одновременно признали главенство Чингис-хана над собой и карлуки Алмалыкского княжества под предводительством Бузара. Также порвав с гур-ханом, он прибыл в Монголию и получил в жены Чинги-

---

<sup>49</sup> Елюй Даши – киданьский принц, бежавший с частью своих подданных в Среднюю Азию после разгрома чжурчжэнями империй Ляо в 1125 г. и Бэй Ляо в 1130 г. Основал царство Си (Западное) Ляо и принял титул «гур-хан». Население Си Ляо стало называться кара-китаями.

<sup>50</sup> Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. С. 56.

<sup>51</sup> Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 57.

<sup>52</sup> Ibid. P. 57.

<sup>53</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 116; Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 174; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 153, 154; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 32, 33.

сидку<sup>54</sup>. В 1211 г. и карлукский Арслан-хан отказался от службы кара-китайцам, найманам и признал себя подданным Чингис-хана, который женил его на девушке из своего рода<sup>55</sup>. Присягнули на верность и ферганские карлуки Кадар-мелика<sup>56</sup>. Заклучая «союзы мира и родства», династические браки, Чингис-хан, таким образом, установил тесные связи с лидерами западных тюркских ханств.

Вернувшись из Китая в 1217 г., Чингис-хан решил завершить разгром найманов и меркитов, тем более что теперь он мог опереться на союзников. Узнав о приближении монгольской армии, население Кашгара и Алмалыка начало избивать воинов Кучлука, размещенных на постой. В Восточном Туркестане и Семиречье монголы не грабили мирных жителей, на занятых территориях восстановили публичные богослужения в мечетях. Проезжая по селениям, они требовали лишь сведений о местонахождении гур-хана. Неудивительно, что их приход расценивался как «милость божия»<sup>57</sup>. «Объединительная» политика оправдала себя: тюрки признали власть Чингис-хана, все города покорились ему, в том числе и кара-китайская столица Кара-балгасун, прозванная монголами «Гобалыком» («хорошим городом»)<sup>58</sup>. Отряды туркестанских правителей присоединились к монгольской армии и отправились с ней на завоевание западных стран. Источники сообщают об участии в хорезмийской и позже тангутской войнах уйгурского Барчука, алмалыкского Согнак-тегина, карлукских Арслан-хана и Кадар-мелика<sup>59</sup>.

Таким образом, выдвинутая перед началом завоеваний идея объединения кочевников в империю нашла сторонников не только в лагере завоевателей (что естественно), но и среди правителей некоторых тюркских народов<sup>60</sup>.

*Дешт-и Кыпчак.* Завершающим этапом завоевания тюркских народов должно было стать вторжение в Дешт-и Кыпчак, территория

<sup>54</sup> Ibid. P. 57, 58.

<sup>55</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 174.

<sup>56</sup> Кадырбаев А. Ш. Китайские источники эпохи Юань о карлуках. С. 88.

<sup>57</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 470; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 183.

<sup>58</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 470.

<sup>59</sup> Кадырбаев А. Ш. Китайские источники эпохи Юань о карлуках. С. 88; Он же. Уйгуры в империи Чингисхана и его преемников XIII–XIV вв. С. 27; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 148; Т. 1. Кн. 2. С. 153; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 33, 58, 63.

<sup>60</sup> По мнению Й. Маркварта, поддержанному А. М. Щербаком, «в уйгурском варианте легенды об Огуз-кагане, которая в форме древнего предания тюрков и монголов содержит обозрение завоеваний Чингис-хана, тюркские народы представляются с сознательным намерением не как враги, но как союзники Огуз-кагана (= Чингиз-хана)» (цит. по: Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнейуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959. С. 921).

которого простиралась от Иртыша до Дуная. В начале XIII в. там расселялись 11 кипчакских племен. Южными соседями тюрок Казахстана были государства Средней Азии, где правили арабские и тюркские династии, в том числе хорезмшахи-Ануштегиниды. Эти государства оказывали значительное идеологическое, а зачастую и политическое воздействие на степняков. В XII–XIII вв. земля кипчаков к юго-востоку от Яика (р. Урал) находилась в сфере влияния соседнего мусульманского мира, хотя многие из них тогда отвергали ислам как неприемлемую для кочевников религию купцов и горожан. Те, для кого это неприятие могло вызвать конфликт с султанами, переселялись подальше от Хорезма<sup>61</sup>. Главной внешнеполитической проблемой домонгольского Дешт-и Кыпчака были торговые и политические отношения с государями Ургенча. Северянам приходилось сдерживать хорезмийскую экспансию и защищать свою самостоятельность<sup>62</sup>. Стычки особенно участились с начала XI в., когда произошло усиление кипчаков. Часть их поселилась по соседству с Хорезмом, образовала владения в Дженде и Сыгнаке. Некоторые ханы приобрели большое влияние в государстве и при шахском дворе, дружины кипчакских лидеров превратились в военную опору Ануштегинидов<sup>63</sup>. Однако, оказавшись у кормила власти, тюрки, обосновавшиеся в Хорезме, повели войну с соплеменниками, отняли у них Дженд и Сыгнак и сделали их базой для дальнейшей агрессии<sup>64</sup>. Ханы-военачальники хорезмшахов Текеша и Мухаммеда стремились прибрать к рукам все родственные племена, раздувая неутихавшие раздоры в Деште. Впрочем, отношения между независимыми ханами и ургенчскими падишахами сводились не только к непримиримой вражде. Традиционно гарем шахского дворца Кушк-и Ахджук пополнялся женами из кипчакских родов баят и урани, из «аристократического» племени канглы. Сам хорезмшах Алла ад-Дин Мухаммед II причислял себя к тюркам<sup>65</sup> и доверял своей канглы-кипчакской гвардии больше, чем туземным чиновникам-таджикам. И все же кипчакская конница полководцев-сепаратистов, все заметнее выходявших из подчинения центральной власти, не могла стать и не стала щитом султана для отражения Чингисова нашествия.

<sup>61</sup> Ахинжанов С. М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 51.

<sup>62</sup> История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. С. 66.

<sup>63</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 442; Буниятов З. М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231). М., 1986. С. 46.

<sup>64</sup> Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия С. 49.

<sup>65</sup> Буниятов З. М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231). С. 85.

Что касается населения западного Дешт-и Кыпчака, то племена южнорусских степей (кипчаки-половцы) находились под воздействием соседней древнерусской культуры<sup>66</sup>. Кыпчаки же, обитавшие в глубине степи, более всего ценили свою независимость и не желали ни с кем вступать в «вассальные» отношения.

Чингис-хан не стремился наладить дружественные связи с Дешт-и Кыпчаком. Его отряды взяли штурмом и разрушили старый кипчакский торговый город Отрар. Хан Хулусумань хотел было подчиниться монголам, но те не пожелали этого и разграбили его улус<sup>67</sup>.

Но монгольский лозунг «единства» продолжал действовать и в период вторжения Чингиса в Мавераннахр<sup>68</sup>. Слух о милостивом отношении кагана к уйгурам и карлукам докатился, очевидно, и до шахских гвардейцев-кипчаков. Поверив в идею «общности кочевников» и предпочитая сменить сюзерена и тем избежать гибели, они сдавали монголам среднеазиатские города и вскоре подвергались истреблению. Так произошло, например, в Самарканде с его 60-тысячным тюркским гарнизоном<sup>69</sup>. Таджикско-тюркские разногласия повлияли и на неудачный исход борьбы последнего хорезмшаха против завоевателей. Рассказав об оставлении союзниками Джелаль ад-Дина, хронист заключает: «Государь этого дома [хорезмшахов] совершили ошибку, взяв на помощь тюрок против такого же племени из числа безбожников»<sup>70</sup>. Конечно, пропаганда «единства» была направлена главным образом на привлечение на сторону монголов части знати Хорезмского царства – наместников, военачальников, предводителей кипчакских племен. Именно знать выступала инициатором губительных «союзов» с завоевателями. Простой же народ повсеместно брался за оружие, не желая отдавать родину на разграбление «родственникам»-монголам.

Идея тюрко-монгольского «единства», как видим, в период монголо-хорезмийской войны уже потеряла свою актуальность и выдвигалась в качестве лицемерного лозунга для раскола вражеских сил – шахских войск. Но что интересно: в среде кипчаков она находила отклик. Это

<sup>66</sup> Бартольд В. В. Кыпчаки // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. С. 551; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 201.

<sup>67</sup> Кадырбаев А. Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кипчаков и канглы – с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.). С. 134; Кычанов Е. И. Сведения «Юань ши» о переселениях кыргызов в XIII веке. С. 62–63.

<sup>68</sup> Мавераннахр – область между средними течениями Амударьи и Сырдарьи.

<sup>69</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 206–208. Арабский хронист XIII в. Ибн ал-Асир приводит доводы самаркандских воинов, решивших капитулировать: «Мы из рода их (т.е. монголов. – В. Т.), они не убьют нас» (Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 11).

<sup>70</sup> Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Мангбурны. С. 126.

ярко проявилось в ходе рейда Чингисовых полководцев-темников Субедэя и Джебе по Северному Ирану, Закавказью, Северному Кавказу и южнорусским степям в 1222–1223 гг.

Когда войско Субедэя и Джебе вступило в Азербайджан, то некий тюрк Акуш, «собрав жителей этих (азербайджанских. – В. Т.) гор и степей, тюркмен, курдов и других», присоединился к монголам, которые были «расположены к нему вследствие сродства»<sup>71</sup>. Но в первом же бою с грузинами рать Акуша была назначена в авангард, и множество доверчивых «тюркмен» полегло. Оказавшись на Северном Кавказе, в Дагестане, монгольские тумены встретили объединившиеся против них войска половцев и алан. Темники обратились к кипчакам: «Мы и вы один народ и из одного племени, аланы же нам чужие, мы заключим с вами договор, и вам нечего помогать им»<sup>72</sup>. Субедэй и Джебе разбили покинутых кипчаками алан, а затем напали на своих «соплеменников» и дочиста их ограбили<sup>73</sup>.

Кочевники воочию убедились в жестокости и коварстве военачальников Чингис-хана. Неудивительно, что половцев Дикого поля охватила паника при появлении в южнорусских степях Субедэя и Джебе, которые в переговорах с Киевом уже не скрывали своих притязаний на «поганые половче» как на своих холопов и конюхов<sup>74</sup>. Монгольские послы в 1223 г. говорили русским князьям: «Слышахом, яко (половцы. – В. Т.) и вам много зла створиша; того же дѣля и мы (их. – В. Т.) бием»<sup>75</sup>. Эти слова свидетельствуют о том, что монгольское командование трактовало отношения с кипчаками как акт возмездия. Но поскольку на Северном Кавказе непосредственно перед этим поведение кипчаков не давало повода для отмщения, то повод для мести следует искать в более ранних событиях, а именно в периоде поддержки дештскими ханами античингисовской оппозиции<sup>76</sup>.

<sup>71</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 15.

<sup>72</sup> Там же. С. 32–33. Рашид ад-Дин дополняет информацию Ибн ал-Асира расшифровкой «договора»: «Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете» (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 220). Скорее всего, аналогичным образом заключались соглашения о ненападении и о доле в трофеях между монголами и добровольно покорявшимися им кочевыми князьями.

<sup>73</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 33.

<sup>74</sup> Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 130; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 62; Патриаршая, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. Т. 9–10. М., 1965. С. 90; Рогожский летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 27; Тверской сборник // Там же. Стб. 340.

<sup>75</sup> Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 62.

<sup>76</sup> Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия. С. 48; Кычанов Е. И. Сведения «Юань ши» о переселениях кыргызов в XIII веке. С. 62.

После дагестанских событий разговор о монголо-кипчакском «родстве» или «единстве» уже не заходил. Восточный Дешт-и Кыпчак был молниеносно оккупирован отрядами Джучи. В западной же части кипчакских степей сопротивление монголам носило локальный характер, сводилось к отдельным стычкам с войсками Чингисидов<sup>77</sup>. Раздробленные и враждующие между собой, местные племена не приобрели даже мнимого статуса «союзников» Чингис-хана.

Видимо, достижение ими такого статуса было просто неосуществимо. Кыпчаки не были родственны монголам ни по происхождению, ни по языку. Косвенные свидетельства о родственных и свойственных связях некоторых племен Дешта с центральноазиатскими пришельцами<sup>78</sup> в принципе не опровергают тезиса о превращении «объединительной» программы в инструмент прямого завоевания.

У кипчакских и монгольских ханов не было и не могло быть общих внешнеполитических интересов, как это было в Восточном Туркестане, в отношениях монголов с уйгурами и карлуками. Выше указывалось на разноречивых ориентациях различных групп аристократии Дешт-и Кыпчака в начале XIII в.: одна ее часть тяготела к Хорезму, другая – к Руси, третья стремилась сохранить полную независимость.

Существовало и другое объективное препятствие для безболезненного включения кипчаков в Монгольскую империю. Уйгуры, карлуки и кыргызы являлись носителями государственности, создателями собственных государственных образований. А именно на историческом этапе образования государства, т.е. социально ближе к ним, находились в начале XIII в. монголы, хотя их держава пока не имела таких разветвленных административного аппарата, податной системы, социальной градации населения, которые существовали в тюркских владениях. У кипчаков же в то время формировались предгосударственные структуры с использованием сильных родо-племенных институтов. Но этим процессом не был охвачен весь Дешт. Лишь отдельные кипчакские общности создали небольшие объединения:

---

<sup>77</sup> Заметим, что бегство южнорусских номадов от наступавших войск Субедэя и Джебе последовало лишь после того, как они узнали о судьбе кипчаков Дагестана, порвавших с аланами (*Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 25, 26). Получается, что до этого они спокойно ожидали приближения монголов, наивно надеясь на заключение «союзных договоров». Позже в кипчакской диаспоре сохранялось представление о единстве степняков, и египетский султан-мамлюк говорил: «Мы [кыпчаки] и татары – из одного рода, один от другого не отречемся» (цит. по: *Кумеков Б. Е.* Арабские и персидские источники по истории кипчаков VIII–XIV вв. Алма-Ата, 1987. С. 38).

<sup>78</sup> *Ахинжанов С. М.* Кимаки – уран-каи // ИККНАЯО. М., 1986; *Кумеков Б. Е.* Арабские и персидские источники по истории кипчаков VIII–XIV вв.

донские Кончакиды<sup>79</sup>, западноказахстанская конфедерация ильбари<sup>80</sup>, «государство первоначального типа» канглы<sup>81</sup>.

Общекыпчакское ханство так никогда и не сложилось. Ясно, что в этих условиях кыпчаки не представляли себе существования без своих родов и племен, а победа Чингис-хана грозила им разрушением привычного социального механизма и разверсткой по десятичным подразделениям, находящимся во власти монгольских темников. К тому же половцы справедливо опасались, что их родные просторы, вызвавшие восторг у Джучи<sup>82</sup>, покажутся для алчных нойонов более приемлемым объектом прямого захвата, чем горная тайга Енисея и торговые города Уйгурии. Так и произошло: владения союзников Чингис-хана – уйгурских, карлукских, кыргызских ханов и беков – сохранили определенную автономию, и преемники основателя империи в целом оставили за тюрками этот статус.

В отношениях же с половецкими номадами создатели Монгольского государства могли найти гораздо меньше точек соприкосновения, чем с другими тюркскими народами. В 30-х гг. XIII в. Дешт-и Кыпчак был окончательно завоеван, местная аристократия была изгнана или истреблена.

### Результаты «объединительной» политики.

#### Ее периодизация

На определенной стадии программа «объединения» – покорения кочевников превратилась в лицемерный лозунг тюрко-монгольского «единства». Она перестала действовать при вступлении армии Чингис-хана во владения хорезмшаха. Таким образом, начало хорезмской войны знаменует собой кардинальное изменение политики правителей Еке Монгол улуса по отношению к западным соседям. Косвенное подтверждение находим в источниках: «Татары, сделав воззвание по всем местам, где жили их племена, бросились на персов, победили их...»<sup>83</sup> В этом тексте «персами» названы хорезмийцы, так как ниже

<sup>79</sup> Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 195–196, 225, 226; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 226, 227.

<sup>80</sup> Ахинжанов С. М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана. С. 88, 89.

<sup>81</sup> Кадырбаев А. Ш. Тюрки-канглы в империи Чингисхана (по китайским источникам). С. 70–74.

<sup>82</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 14.

<sup>83</sup> История монголов инока Магакии, XIII века. С. 5.



рассказывается о походе Субедэя и Джеббе, состоявшемся после завоевания Хорезма. Значит, «воззвание» появилось до 1219 г., т. е. в период «присоединения» к Монгольской империи народов Южной Сибири, уйгуров и карлуков (это и есть «их племена»). Следует отметить различие: если монголы к степным племенам «сделали воззвание», то на хорезмийцев они «бросились». Эту же разницу заметили китайские хронисты: карлуки «поддались» Чингису, Турфанское княжество «вступило в подданство монгольское», а «владение Киньча» (кыпчаков) было уничтожено после «великих грабежей» и народ его «вырублен»<sup>84</sup>.

Столь серьезная перемена курса требовала, вероятно, совещания всех монгольских предводителей. Действительно, в 1218 г. после победы над Кучлуком собрался курултай. На нем состоялось назначение новых темников, тысячников и сотников. В источнике это не детализируется, поэтому напомним, что в монгольских войсках назначение на командные должности состоялось за 12 лет до того. А теперь в армию вливались отряды тюркских князей, и десятичное деление распространялось на них. Были подтверждены принятые ранее законы и решено выступить в поход против хорезмшаха<sup>85</sup>. Видимо, именно здесь было выработано и оглашено новое направление политики – дальнейшее подчинение тюркских и прочих народов путем силы, прямого завоевания.

К чингисовским войскам, двинувшимся против Мухаммеда II, присоединились карлуки и уйгуры<sup>86</sup>. Произошел поворот от «союза» с тюрками к войне с туркменами и кыпчаками Хорезма и Дешта. С 1218 г. войска покоренных народов Восточного Туркестана были привлечены к дальнейшим завоеваниям Чингис-хана. Именно тогда было направлено монгольское посольство и к енисейским кыргызам «с требованием воинских отрядов для подавления внутриимперских мятежей, что вызвало возмущение и восстание в Южной Сибири»<sup>87</sup>.

Периодизация политики монгольского правительства по отношению к соседним с монголами кочевым народам во время правления Чингис-хана представляется в таком виде.

Первый период, 1207–1218 гг. Тактика «объединения народов, живущих за войлочными стенами» как дипломатического средства консолидации окрестных номадов в рамках единой империи. Критерий выбора объекта для присоединения к империи – номадизм. Форма отношений с «присоединившимися» подданными – заключение

<sup>84</sup> *Иакинф (Бичури И. Я.)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 41, 120, 273–274.

<sup>85</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 197.

<sup>86</sup> Там же. С. 198.

<sup>87</sup> Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 151.

с ними союзных договоров. В этом периоде выделяются три этапа: 1207 г. – поход Джучи в Южную Сибирь и Северо-Восточный Казахстан, подчинение кыргызов, алтайцев и кимаков; 1211 г. – заключение «союзов мира и родства» с восточнотуркестанскими правителями, подчинение уйгуров и карлуков; 1218 г. – разгром найманов Кучлука монголами.

Второй период, 1218–1223 гг. Пропаганда тюрко-монгольского «единства» как средство раскола вражеских сил – кыпчаков и их союзников. Критерий выбора объекта пропаганды – общность генеалогических истоков, происхождения (не важно, действительная или фальсифицированная). Форма отношений с «присоединившимися» ранее подданными – прямое участие их в войнах. Разгром и завоевание туркмен, канглы, части кыпчаков<sup>88</sup>.

После 1223 г. лозунг «единства», видимо, потерял актуальность и уже не использовался. Субедэй и Джебе увели войска из Восточной Европы. Все тюркские народы, что позднее оказывались на пути монгольских армий, расценивались лишь как объекты покорения, а не потенциальные союзники<sup>89</sup>.

При исследовании дипломатических и идеологических факторов внешней политики Чингис-хана пришлось оставить в стороне ее социально-классовую основу. Разумеется, каким бы ни было обоснование той или иной международной акции, исходившее из главной ханской ставки, – провозглашалось ли единение кочевников или месть за убийство послов, – социальная сущность политики не менялась. Все договоры и походы имели целью подчинение соседних владений монгольской знати.

В целом можно сказать, что тактика «объединения», которая должна была обеспечить по возможности бескровное завоевание кочевых народов, применялась успешно. Правителям империи удалось обеспечить добровольное признание подданства целым рядом тюркских князей. В ходе этого «объединения» велась подготовка к войнам с чжурчжэнями и Хорезмом, росла армия, укреплялось государство. Таким образом, использование древнетюркской государственной традиции в 1207–1223 гг. позволило Чингис-хану и его соратникам приобрести дополнительную социальную и военную опору за пределами Монголии. К началу 20-х гг. XIII в. оседлым государствам противостоял уже не маленький монгольский улус, а огромный и могущественный кага-

<sup>88</sup> При жизни Чингис-хана фактически был завоеван только Восточный Дешт-и Кыпчак.

<sup>89</sup> Например, у анатолийских турок память о Чингис-хане сохранилась лишь как о свирепом захватчике: *Nesri M. Nesri Tarihi*. С. 1. Ankara, 1983. S. 36.

нат – кочевая империя, населенная монголами и присоединившимися к ним тюрками.

## КОНЦЕПЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Для изучения организации управления в государстве необходимо прежде всего рассмотреть, кем и каким образом осуществлялась верховная власть. Во главе Монгольской империи стоял монарх-Чингисид. Основными компонентами концепции монархического правления являются, вероятно, следующие: внешнее оформление власти монарха (титулатура и придворный церемониал), обоснование ее (легитимизм) и осуществление (компетенция государя). Рассмотрим по порядку все эти пункты.

### Титулы правителей

Каан (хаган) – монархический титул у монголов XIII–XIV вв. – пришел в Еке Монгол улус из раннего Средневековья. В форме «каган» этот титул существовал у сяньби, жужаней, авар, тюрков-туцзюэ, сеяньто, уйгуров, кыргызов, хазар, ранних киданей и других тюркоязычных и монголоязычных народов IV (V?) – XI вв. Судя по «Тайной истории монголов» и «Джами ат-таварих», в XII в. звания «хаган» и «каан» носили предки Чингис-хана – Хабул, Амбагай, Хутула<sup>90</sup> и изредка предводители других племен<sup>91</sup>. В литературе нет единого мнения по поводу того, отражает ли эта информация действительно применявшуюся тогда титулатуру или же является следствием позднейшего переосмысления. В пользу первого мнения свидетельствует упоминание титула в источниках. В пользу второго – контексты его употребления и некоторые дополнительные сведения, а именно следующие. Государями найманов в первой половине XII в. были братья Наркыш-Таян (старший) и Эниат-каан (младший). Наркыш-Таян был выше рангом, чем младший брат, обязанный делиться с ним военными трофеями<sup>92</sup>. Налицо зависимость «каана» от вышестоящего вождя. Монгольских предводителей середины XII в. каганское звание не привлекало. В 1147 г. глава монгольского улуса отверг предложенный чжурчжэнями княжеский титул вана как недостаточно высокий, но провозгласил себя не каганом, а цзу-юань хуанди (т.е. на китайский манер – «император-ос-

<sup>90</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 84–86.

<sup>91</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 136, 137.

<sup>92</sup> Там же.

нователь династии») и объявил девиз правления<sup>93</sup>. Однако этот акт не имел далекоидущих последствий, и монгольские лидеры дочингисовской поры не обладали императорским званием. Ни у одного из них не было достаточно владений и военной силы, чтобы уравнивать себя с могучими монархами соседних стран. Это выглядело еще отчетливее позже, когда появилась возможность сравнить примитивные улусные структуры с имперской государственностью XIII в. Поэтому хронисты и заявляли, будто до воцарения Темучина у монголов не было единого, общего для всех правителя<sup>94</sup>, да и сам Чингис-хан придерживался такого мнения<sup>95</sup>. Правда, можно допустить, что произошла девальвация древнего титула, причем настолько, что и мелкие степные князьки считали возможным присваивать его себе. Но это не так, поскольку всемогущие самодержцы-Чингисиды пользовались им<sup>96</sup>. Скорее всего Хабул, Амбагай, Хутула и предводители окрестных племен были ханами, что вполне согласуется со званием вана, периодически предоставлявшимся некоторым из них цзиньским двором.

Кто же был первым кааном Монгольской империи? По этому поводу есть две точки зрения. Одни исследователи называют Чингис-хана, другие – его сына и преемника Угедэя. Сторонники второй версии<sup>97</sup>,

<sup>93</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 379; Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. С. 90.

<sup>94</sup> Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 305; The Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225–1286. Amsterdam, 1976. Vol. 1. P. 352; Та'рих-и jāhangushā. Pt. 1. P. 15.

<sup>95</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 28.

<sup>96</sup> В «Тайной истории монголов» Угедэй титулуется себя: *ulus-un ejen qagan* (Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 320), т.е. «державы господин каган». Во-первых, это – не персональный титул, а наименование монгольского высшего государя вообще, что следует из контекста. Ведь каан кается в разгульном поведении: «Опускаться до [столь] вопиющих нарушений недостойно для кагана, владыки державы» (Там же. С. 320). Во-вторых, для данной титульной конструкции имеется эквивалент в Бугутской надписи VI в., где имена правителей первого Тюркского каганата сопровождаются согдийским словом «в(у)» – «господин» (Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута. С. 129, 139–141), – имевшим хождение и у самих тюрков (было, например, звание «бойла-бага-гархан»). Монгольское «*ulus-un ejen qagan*» равнозначно тюркскому «*el baqa qagan*». Ср. титул Ышбара-кагана в примеч. 121.

<sup>97</sup> Boyle J. A. On the Titles Given in Guvaini to Certain Mongolian Princes // HJAS. 1956. Vol. 19. № 1–2. P. 152; *Ibid.* The Mongol Empire, 1206–1370. L., 1977. P. 52; Kotwitz W. Formules initiales des documents mongols aux XIII<sup>e</sup> et XIV<sup>e</sup>s. // RO. 1934. T. 10. P. 186; Lister R. P. Gengis Khan. N. Y., 1969. P. 186; Rachtwitz I. de. Qan, Qagan and the Seal of Cüyüg. P. 284–285 и др.

как правило, основываются на том, что Чингис-хана немонгольские источники не называют Чингис-кааном или Чингис-хаганом. Титул «каана» употребляется всегда с именем Угедэя. Они единодушны в том, что преемник Чингис-хана сам принял этот титул (иногда даже уточняют: по наущению уйгуров-несториан). Однако Бар Эбрей, Джувейни, Рашид ад-Дин сообщают о наделении Угедэя каанским званием на курултае по инициативе сородичей и знати. Причем в сценах интронизации Угедэя нет ни единого намека на то, что каанство вводится впервые<sup>98</sup>. Вероятно, термин «каан» был известен и ранее. Не в период ли правления Чингис-хана? «Тайная история монголов» называет основателя империи «Чингис-хаганом». Р. Груссе считал этот титул посмертным. Но наречение храмовым именем, т.е. посмертным титулом, принадлежит китайской политической традиции. Чингис-хан действительно удостоился посмертных обозначений «Тай-цзу» и «шэн-у хуанди», однако произошло это уже при Юанях в китайской части империи. При жизни же он довольствовался ханским достоинством<sup>99</sup>.

В «Тайной истории монголов», в повествовании о событиях 1200–1203 гг., говорится о том, что после победы над меркитами и Джамухой соратники «Тэмуджина Чингис-хаганом нарекли, ханом сделали» (*temujin-i činḡkis qaqaṅ keen nereičü qaṅ bolqaba*)<sup>100</sup>. По мнению Р. Груссе, авторы «Тайной истории монголов» соединили несоединимое – прижизненную и посмертную титулатуру государя<sup>101</sup>.

Обратимся к тексту монгольской хроники. Выражение «*qaṅ bol-*» («стать ханом») встречается в нем несколько раз и, похоже, выступает как терминологический трафарет для обозначения акта венчания на царство<sup>102</sup>. В таком случае следовало бы ожидать различий в употреблении фраз, применяемых для обозначения коронационной церемонии и для реального воцарения. В самом деле, около 1180 г. соратники Темучина его «Чингис-хаганом нарекли». После этого состоялось распределение новым государем административных должностей. «Тайная история монголов» пишет, что это произошло, когда «Чингис стал хаганом» (*činḡkis qaqaṅ boluat...*)<sup>103</sup> Здесь речь идет уже не о ритуале, а о начале отправле-

<sup>98</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 95; The Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225–1286. P. 303; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 146–147.

<sup>99</sup> Grousset R. D'empire mongole (1-re phase). P. 180.

<sup>100</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 230.

<sup>101</sup> Grousset R. D'empire mongole (1-re phase). P. 180.

<sup>102</sup> Варианты: *qaṅ nere...* *окба* («нарекли ханом»), *qaṅ orkuba* («подняли ханом»), *qaṅ erkuet* («когда возвели ханом»); Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 158, 209, 312.

<sup>103</sup> Там же. С. 230.

ния государем своих функций<sup>104</sup>, тем более что выше в том же источнике написано: «Когда Темуджин станет ханом» (*temujin-i qan boluas*)<sup>105</sup>, т.е. выражение «qan bol-» использовано по традиции, в данном случае для обозначения принятия кочевым вождем титула кагана. Ведь Темучин, судя по данным источника, стал все же не ханом, а каганом. Характерны и нюансы подобного рода в предсмертной речи Джамухи, который обращается к побратиму то «хан-анда», то «хаган-анда», но о провозглашении его правителем говорит: «место хана тебе вручили» (*qan ogo čimadur joriga*)<sup>106</sup>. Видимо, кагапский ранг Темучина признавался в конце XII в. только его немногочисленными дружинниками и подданными.

В глазах же соседних степных лидеров Темучин оставался обычным предводителем улуса и являлся улусным ханом. Каганом кочевой империи его пока никто не признавал.

Сторонники признания титула «хаган» позднейшей, посмертной интерполяцией ссылаются на то, что при жизни Чингис-хана его так не называли. Но следует помнить, что устойчивое сочетание «Чингис-хан» служило личным тронным именем (что, в отличие от невероятных посмертных прозвищ, знакомо кочевой государственности, прежде всего древнетюркской), а ведь должен был быть еще и титул. Чтобы отыскать его, нужно найти в монгольском источнике такие высказывания подданных о государе, где о нем говорилось бы без слова «Чингис-хан». Сыновья обращаются к нему со словами «хан-эчиге» и «хаган-эчиге» – «хаган-отец»<sup>107</sup>. Но это в кругу семьи, где не обязательно использовалась официальная титулатура. А вот Шиги-Хутуху, один из высших иерархов Монголии начала XIII в., и уйгурский идикут называли Чингиса просто «хаган»<sup>108</sup>. Следовательно, это и был титул Темучина, употреблявшийся наряду с тронным именем<sup>109</sup>. К тому же в армянской «Истории народа стрелков» (XIII в.) Акнерци рассказывает о том, что к Чингису явился некогда ангел и? продиктовав ему ясу, нарек кааном и «с тех пор стал [он] называться Чангыз-Каан»<sup>110</sup>. Акнерци особо огова-

<sup>104</sup> В «Алтай тобчи» Лубсан Данзана эта фраза подается более логично: *tendeče čingis qagan qagan bolju* (*Erten-ü qad-un ündüsülegsen törü yosun-u jokiyał tobčınlan quriyayasan altan tobci kemekü orošibai. 1 debter. Ulayanbayatur, 1937. S. 73*), т.е. «после того, как Чингис-каган стал каганом».

<sup>105</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 229.

<sup>106</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 275.

<sup>107</sup> Там же. С. 304, 306, 312.

<sup>108</sup> Там же. С. 278; Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 183.

<sup>109</sup> Интересное решение предложил Л. Крадер. По его мнению, Чингис-хан сам себя называл ханом, а подданные его – каганом. С эпохи Угедэя «каан» превратился в общеупотребительный титул монгольского монарха (*Krader L. Qan-Qagan and the Beginnings of the Mongol Kingship // CAJ. 1945. Vol. 1. № 1. P. 19–20*).

<sup>110</sup> История монголов инок Магакии, XIII века. С. 4.

ривает, что данные сведения поступили «от самих татар»<sup>111</sup>, т.е. здесь мы имеем дело тоже с монгольской информацией, но уже из вторых уст.

Таким образом, титул «каган» впервые был принят Чингис-ханом. Вопрос о времени этого события для нас несуществен, но все-таки выскажем такое соображение. Каган в степных державах обычно возглавлял независимое государство. Поэтому можно предположить, что в период признания монгольскими ханами номинального «вассалитета» от Цзинь такой титул у Чингис-хана появиться не мог. Вероятно, лишь официальный разрыв Чингис-хана с пекинским двором в 1210 г.<sup>112</sup> положил начало подлинной государственной самостоятельности монголов, послужил основанием для превращения ханства-улуса в каганат. Китайские источники прямо связывают конституирование Монгольской империи с началом конфликта степняков с Цзинями<sup>113</sup>. В середине XIII в. при написании «Тайной истории монголов» ее авторы умышленно отнесли принятие Темучином каганского звания к 1180 г.

### Идеологические основы монархического правления

Любая власть должна иметь идеологическое обоснование. Было бы ошибочным полагать, будто правители Монгольской империи не ставили перед собой проблемы легитимации своей власти<sup>114</sup>. Ведь оправдать и узаконить царствование Чингисидов требовалось в глазах не только многочисленных жертв завоеваний, но и кочевого населения Центральной Азии, привыкшего подчиняться своим «природным» ханам, и в глазах сородичей-борджигинов, оттесненных от трона.

Материальные причины появления власти, стоящей над народом, долго были скрыты от сознания людей. Они явились лишь позднейшим исследователям, а современниками оставались абсолютно неизвестными. Генезис ханского достоинства трактовался идеалистически, в виде стихийно оформлявшейся концепции харизмы. Для человека Средневековья законность власти означала ее санкционированность божественными силами.

Прежде всего освящение прерогатив кагана проступало в формуле его полной титулатуры. Так, суверен хунну во II в. до н. э. титуловал-

<sup>111</sup> Там же. С. 3.

<sup>112</sup> *Иакинф (Бичурин И. Я.)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 43.

<sup>113</sup> *Васильев В. П.* Вопросы и сомнения // ЗВОРАО. 1889. Т. 4. Вып. 1–2. С. 379, 380; Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Пер. П. С. Попова. СПб., 1895. С. 54; Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер., введ. и коммент. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 93, 100, 123–125.

<sup>114</sup> *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yüan Dynasty. München, 1978. P. 15, 16.

ся «Поставленный Небом великий шаньюй». Позднее, по рекомендации китайского перебежчика, более пространно: «Рожденный Небом и Землею, поставленный Солнцем и Луною хуннский великий шаньюй»<sup>115</sup>. В документах, относящихся к I в. до н.э. нет упоминаний о столь длинном наименовании, но дается словосочетание «чэнли гуту», где первое слово означает «небо», второе – «сыш»<sup>116</sup>. Это созвучно монгольскому «тэнгэрийн хууд» («сыновья неба») или тюркскому taŋri qut (y) («порождение неба, дух неба, благодать неба»)»<sup>118</sup>. Пока отметим лишь, что во всех этих вариантах присутствует выражение «Рожденный/Поставленный Небом».

Полное звание правителя древних тюрков было приведено в послании кагана суйскому императору 584 г. Каган назвал себя «Рожденный Небом великий Тукюе, мудрейший и святейший в Поднебесной Сын Неба» Или Гюйлу Шэ Мохэ Шиболо-каган<sup>119</sup> или «Рожденный Небом, мудрый Сын Неба, каган тюркского государства» Или Гюйлу Шэ Мохэ Шиболо-каган<sup>120</sup>. Едва ли это дословно переданный действительный титул. Вероятно, здесь объединение самого титула с его китайским переводом. Оригинал, же попробуем реконструировать так: taŋri dä bolmiš el qutluŋ šad türk bilgä baŋa išbara qaŋan, т.е. «Небом рожденный (букв. “на небе ставший [живым]”), счастливый (или священный) князь державы, тюркский мудрый (или: великий, облеченный властью) Бага Ышбара-каган»<sup>121</sup>. Первая и последняя части формулы совпадают

<sup>115</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 54, 58; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. С. 43, 45.

<sup>116</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 120.

<sup>117</sup> Сухбаатар Г. К вопросу о появлении письменности у народов Центральной Азии. С. 102; Он же. К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии. С. 112; см. также: Пуллиблэнк Э. Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1. С. 36.

<sup>118</sup> Фасеев Ф. С. К расшифровке хуннских фрагментов. С. 131; Mori M. The T'u-chüeh Concept of Sovereign // AA. 1981. № 41. P. 74; Müller F. W. Uigurische Glossen // Ostasiatische Zeitschrift. 1919, 1920. S. 316.

<sup>119</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 237.

<sup>120</sup> Bombaci A. Qutlug bolzun! A Contribution to the History of the «Fortune» Among the Turcs (Part One) // Ural-altaische Jahrbücher. 1965. Vol. 36. P. 287.

<sup>121</sup> Реконструкция титула произведена на основе следующих наблюдений. В «Суй шу» («История династии Суй», VII в.) звание кагана переданы так: цун тянь шэнда туцзюэ тянься сяньшэн тяньцзы или цзюйлу шэ мохэ шиболо кэхань. В первых, здесь допущена тавтология: цун тянь шэн («рожденный Небом») и тянь цзы («Сын Неба»); тянь ся («мир, поднебесная», что в понимании средневековых китайцев-синоцентристов было равнозначно понятию «страна, государство») и или, т.е. il, el (тюрк. «держава»); шэн («священный») и цзюй лу (иероглифическая передача тюркского qutluŋ – «обладающий магической силой, благодатью qut»),



с развернутым вариантом титулатуры шаньюя: «Рожденный/Поставленный Небом... хуннский/тюркский шаньюй/каган». Характерно, что китайские императоры, признавая за государями второго Восточно-тюркского каганата (680–745) царское достоинство, называли их именно этим общим выражением (частично модифицированным): «Дэ-цзинь Гйедемиши Да Шаньюй»<sup>122</sup>. По-древнетюркски это звучало, видимо, так: *tǎŋri jaratmīš bilgä a saŋyü* – «Небом поставленный му-

т.е. счастливый, священный, благословенный, помазанный и т. п.). Во-вторых, титул имеет две части – китайскую (поддающуюся переводу с китайского) и тюркскую (транскрипционную). Перевод китайской части, т.е. цун тянь шэн да туизюэ тянься сянь шэн тянь цзы: «Рожденный Небом, великой тюркской державы [Поднебесной] мудрый священный Сын Неба». Перевод тюркской части, т.е. или цзюйлу шэ мохэ шиболо кэхань (*el qutluŋ šad baya ĩšbara qaŋan*): «Державы священный (счастливый) князь Бага Ышбара-каган». Как видим, имеет место дублирование понятий одного и того же титула. Цун тянь шэн – это китайский перевод известного по орхонским памятникам выражения *tǎŋri dā bolmīš*; тянь ся шэн и или цзюй-лу – это соответственно *el qutluŋ*; стоящее перед шэи в первой половине фразы сянь («мудрый») – это, несомненно, обязательный каганский эпитет *bilgä*. Учитывая, что слово «*bilgä*» имело значение не только «мудрый», но и «правлящий» (Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980. С. 16–17), оно могло быть обозначено китайцами и через иероглиф «да» («великий»). Таким образом, личный титул Ышбара-кагана, начинающийся со слова «шэ» («шад»), и замыкающее китайский перевод выражение «тянь цзы» взаимозаменяемы. А если все же учесть синонимичность «цун тянь шэн» и «тянь цзы» («Рожденный Небом» и «Сын Неба»), то возможно, что с последнего начинается «тюркская» часть титула. Китайская же в таком случае кончается на слове «шэн» (*qutluŋ*), после которого во второй, транскрибированной половине всей фразы начинаются тронные имена кагана. М. Мори реконструировал этот же титул следующим образом: *tǎŋri dā bolmīš uluŋ türük tǔrt bulunċa üzä olurmīš bilgä qutluŋ tinsi illig kǔl baya ĩšbara qaŋan* (Mori M. The T'ü-chüeh Concept of Sovereign. P. 72–73). Таким образом, осталась незамеченной повторяемость двух частей титула, поэтому в предложенной М. Мори фразе присутствуют *tinsi* (тюркское произношение «тянь цзы») и громоздкая конструкция *tǔrt bulunċa üzä olurmīš* («на четырех углах [мира] севший», т.е. над всеу миром воцарившийся), не характерная ни для древнетюркской, ни для уйгурской титулатуры. М. Мори верно отождествляет «сянь» с *bilgä* и «шэн» с *qutluŋ*, но не обращает внимания на «цзюй лу», для которого неудачно, на мой взгляд, подобран эквивалент *kǔl*. Такое же смешение китайского перевода и китаизированной транскрипции тюркских терминов произошло, вероятно, и в зафиксированном китайской хроникой титуле Эльтерес-кагана: «Тянь шэн дэ го-бао тянь нань ту-цзюэ шэн тянь гу-ду-лу» (Bombaci A. *Qutlug bolzun!* P. 287). Дублирование начинается с «тянь нань». До этих слов переводим: «Рожденный Небом обладатель *qut*»; по мнению А. Бомбачи, «го-бао» есть буддийская интерпретация понятия «*qut*» (Ibid. P. 287–288). После этих слов идёт: «Дитя Неба тюркский мудрый небесный обладатель *qut*», т.е. тюркское *tǎŋri dā bolmīš türük bilgä tǎŋri qutluŋ (el torīš qaŋan)*.

<sup>122</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 268.

дрый (великий – кит. „да“) шаньюй/каган». Иногда к хану обращались и просто «дынли-хан»<sup>123</sup> (древнетюркское *tǎŋri qaγan*<sup>124</sup>; ср. хуннское «чэнли гуту»). Полностью большой титул начертан в рунических надписях-эпитафиях, сочиненных в VIII в. в честь кагана Могиляна и его брата, военачальника Кюль-Тегина: *tǎŋri tǎg tǎŋri jaratmīš* (или *tǎŋri dā bolmīš*) *türk bilgä qaγan*, т.е. «Небу подобный, Небом поставленный (или Небом рожденный) тюркский мудрый каган»<sup>125</sup>.

Сведения о хуннской концепции верховной власти мы черпаем из сочинений китайских хронистов, для которых связь с Небом мыслилась только через персону своего императора; звания же кочевников представлялись им проявлением «варварского» высокомерия<sup>126</sup>. А вот насчет древнетюркских доктрин имеются данные из орхонских текстов, «Рожденный Небом» – не просто автоматически повторяемое клише; в рунических надписях оно многократно расшифровывается: «По милости Неба и потому, что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом»; «Небо, дарующее [ханам] государства, посадило меня самого... каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа»; «Небо... сказала: я дало тебе (тюркскому народу. – В. Т.) хана»; «по воле тюркского Неба и тюркской священной родины (букв. „земли и воды“.– В. Т.) я стал ханом»; «я, благодаря благодати Неба, сам воссел на трон» и т.п.<sup>127</sup>.

<sup>123</sup> Там же. С. 277.

<sup>124</sup> Так же именовались позднее и уйгурские каганы – тянь (небесный) хан, тянь кэхань, тэнгри-хан, тэнгри-каган (Там же. С. 323, 324; *Васильев В. П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. С. 25, 26; *Klyashtorny S. G.* The Terkhin Inscription // АОН. 1982. Т. 36. Р. 342, 344.

<sup>125</sup> *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 27, 33; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 16.

<sup>126</sup> Не случайно сунский двор, отвечая Ышбара-кагану, сохранил в адресате послания только название государства и личные почетные звания и эпитеты, изъяс из титула указание на связь правителя туцзюэ с Небом: «Велико-Тукюесский Или-Гюйлу-ше Мохэ Шаболио-хан» (*Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 237), т.е. *el qutluy šad türk bilgä baγa išbara qaγan*.

<sup>127</sup> *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 35, 39, 65; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 20, 23. Здесь приводятся отдельные, наиболее яркие фрагменты орхонских текстов о связи кагана с Небом-тэнгри. Более подробную их подборку и интерпретацию см.: *Giraud R.* L'empire des Turcs célestes. Les regnes d'Elterich, Qarqghan et Bilgä (680–634). Р. 101–127; *Mori M.* The T'u-chüeh Concept of Sovereign. Р. 50–58. Правда, Р. Жиро и М. Мори больше акцентируют внимание на представлениях о роли небесных сил в судьбе всего тюркского народа, а не только его правителей.

Совпадение титульных выражений и присутствие одних и тех же космогонических персонажей наталкивает на мысль о близком сходстве, если не идентичности, идеологических построений в сфере легитимизма у хунну и туцзюэ. Согласно этой общей для них концепции: 1) каган рожден Небом, т.е. Небо вручает ему царство (поскольку существует синонимичное выражение «поставленный Небом», то ясно, что подразумевается не физическое рождение, а именно воцарение); 2) на этом поприще с Небом сотрудничает Земля (у хуннов еще Солнце с Луной, у тюрков – Вода); 3) цель этих акций потусторонних сил – благоденствие народа, о чем неоднократно говорится в орхонских эпитафиях.

Уйгуры, построившие свой каганат (745–840) на развалинах Тюркского, сохранили эти воззрения, видимо, без особых изменений. Так же как и у туцзюэ, Небо и Земля в декларациях их правителей трактовались как первопричина создания державы-эля и ее закона-төрү, как гарант процветания народа<sup>128</sup>. Реконструированный В. В. Радловым каганский титул уйгуров демонстрирует продолжение хуннской традиции: «Кат кутлук айдынылык ади улук куч мунмиш кат кучлук пак каган» («Очень счастливый, блестящий, очень высокая сила, воссевший очень сильный государь хан»)<sup>129</sup>. Кроме того, уйгурского правителя называли и малым титулом – «дэнли-хан/тэнгри-каган» и «тянь-хан» («небесный государь»)<sup>130</sup>.

О том, как представляли себе верховную власть кыргызы, сменившие главенствовавших в Центральной Азии уйгуров, информации

<sup>128</sup> Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 42; *Klyashtorny S. G. The Terkhin Inscription*. P. 344.

<sup>129</sup> Радлов В. В. Титулы и имена уйгурских ханов // ЗВОРАО. 1891. Т. 5. Вып. 2–4. С. 266–267. Анализ титулов произведен В. В. Радловым весьма убедительно. Вызывают возражения лишь два компонента восстановленной им уйгурской титульной формулы. «Дынли» – вероятно, не *aydınliq* («блестящий»), а *täŋri* («небо»), ср. «Дэнли-хан» у туцзюэ. «Би-гя» – это *bilgä* («мудрый» или «правлящий»). Таким образом, кроме пышных эпитетов, которые могли варьировать, присутствуют основные элементы титулатуры, использовавшейся предшественниками уйгуров – древними тюрками, помимо одной детали – не указана этнополитическая принадлежность монарха (по традиции должно было быть «уйгурский мудрый каган»). Впрочем, термин «*yuŋur qaŋan*» в составе титула неоднократно встречается в рунической Тесипской надписи и на монетах: *Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981. С. 72; *Klyashtorny S. G. The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan* // АОН. 1985. Т. 39. Р. 152, 153, а «*bilgä qaŋan*» – в Терхинской надписи: *Klyashtorny S. G. The Terkhin Inscription*. P. 341, 343.

<sup>130</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 331; *Васильев В. П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. С. 24, 25; *Супруненко Г. П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» // Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Фрунзе, 1963. Т. 5. Вып. I. С. 76.

нет. Титулы кыргызских правителей, переданные иероглифами<sup>131</sup>, не идентифицируются с хуннскими и тюрко-уйгурскими. В начале X в. пространство от Алтая до Ляодуна подчинили себе кидани. Сначала их предводитель именовался каганом<sup>132</sup>, но с развитием государственности этот титул перестали употреблять. Уже основатель династии Ляо Елюй Амбагай объявил себя по китайскому образцу императором (тяньхуан-ван); так же поступали его преемники<sup>133</sup>. Причем Небо в киданьских воззрениях выступало уже в другой ипостаси: Амбагай считался императором Неба, его супруга – царицей Земли, которая теперь персонифицировалась в образе старухи<sup>134</sup>. Следовательно, с падением Уйгурского каганата (середина IX в.) хунно-тюркская традиция трактовки верховной власти пресеклась.

За разгромом Ляо последовала 80-летняя хаотичная междоусобица между монгольскими и тюркскими племенами Центральной Азии. Но когда на исторической арене появился Еке Монгол улус, представления его правителей о монархическом правлении выглядели настолько стройными, что поневоле усомнишься в их конвергентном образовании в среде родов и племен Трехречья. Имеются сведения об отсутствии пространного титулования каана. Бар Эбрей писал: «Монголы не дают своим царям и знати пышных имен и титулов, как другие народы... А что касается [имени] того, кто восседает на престоле, они только прибавляют одно имя, а именно „хан“ или „каан“. И братья, и его родичи зовут его первым именем, данным ему при рождении»<sup>135</sup>; Джувейни свидетельствует: «Когда один из них (царевичей-Чингисидов. – В. Т.) наследует трон державы, он получает одно добавочное имя „хан“, или „каан“, кроме которого ничего не пишется»<sup>136</sup>. К братьям же и сыновьям каана «обращаются по именам, полученным при рождении, – как в присутствии их, так и в отсутствие; и это применяется и к простолюдинам, и к знати»<sup>137</sup>. Но здесь говорится о ситуации обращения подданных к кагану, и правильность наблюдений сирийского и персидского авторов подтверждается материалами «Тайной истории монголов». А ведь полный титул у хуннов, тюрков и уйгуров назывался

<sup>131</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 352, 355, 357.

<sup>132</sup> Ивлиев А. Л. О возникновении государства у киданей (к постановке вопроса). С. 67–69; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 128.

<sup>133</sup> Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 42, 55, 241.

<sup>134</sup> Викторова Л. Л. Основные этапы формирования монгольских этнических общностей. С. 262; Она же. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. С. 147.

<sup>135</sup> The Chronography of Gregorius Abu'I Faraj, 1225–1286. P. 354.

<sup>136</sup> Ta'rikh-i jāhangushā (История миропокорителя). Pt. 1. P. 19.

<sup>137</sup> Ibid.

лишь в торжественных декларациях государя, написанных от первого лица, к своему народу или к соседним монархам. Именно в такой ситуации Чингис-хан провозгласил: *muŋke teŋkeri-yin kučun-tur teŋkeri qaĵaĵa-a kuču aоqа nemekdeju kur ulus-i šidurqutqaju* (букв. «Вечного Неба силою, посредством Неба и Земли величие я умножил, многоплеменную державу подчинил своей власти») <sup>138</sup>. Ссылка на божественное покровительство («Вечного Неба силою») оформлена в эпической традиции – по образцу старой каганской титулатуры. Лишь указание на небесное происхождение или уподобление Небу здесь заменено заявлением о небесном источнике могущества кагана и обладании «силой», необходимой для создания «кур-улуса» <sup>139</sup>.

На печати каана Гуюка, поставленной на послании папе Иннокентию IV (1246), имеются слова: *mönkä täŋri-yin küčun-dür уеке monyol ulus-un dalay-yin qan-u jarliq* <sup>140</sup> («Силою вечного Неба, беспредельной великой Монгольской державы хана ярлык») <sup>141</sup>. Эта надпись еще ближе к старым степным формулировкам титулатуры (см. таблицу). Другие документы столь высокого ранга, как послание каана главе христианского мира, неизвестны.

Как видим из таблицы, структура титулов выдержана в строгом каноне. Полная идентичность монгольской схемы титулатуры хунно-тюркской позволяет, во-первых, рассматривать фразу на печати Гуюка в качестве полного титула монгольского государя; во-вторых, предполагать сходство в объяснении хуннами, древними тюрками и монголами сакральной связи монарха с высшими силами. Посмотрим, что предлагают на этот счет другие источники.

Придворный Хорчи пересказывает Чингис-хану вещий сон: «Небо с Землей сговорились, нарекли Тэмуджипа царем царства (*ulus-un eĵep*, букв. „господин народа, или державы“ – В. Т.). Пусть, говорят, возьмет в управление царство!» <sup>142</sup>. Т.е. сверхъестественная помощь заключается прежде всего в совещании Неба и Земли по поводу кандидатуры кагана и в избрании его. На каком основании избирается ими тот или иной человек? «Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, – писали советники Чингисхана от его имени даосу Чан-чуню, – а оттого,

<sup>138</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 287.

<sup>139</sup> В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана приведен вариант подобного обозначения государя: «Сын Вечного Высшего Неба, обладающий счастьем августейший Чингис-хаган» (*mönġke täŋri-yin köbegün sutu boyda činggis qagan*) Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 175.

<sup>140</sup> Pelliot P. Les Mongols et la papauté // Revue de l'Orient chrétien. 3-e ser. 1922–1923. Т. 3 (23). № 1–2. Р. 22.

<sup>141</sup> Дословно «Великого Монгольского улуса океана хана приказ», т.е. понятие «*dalay*» относится не к «*qan*», а к «*ulus*».

<sup>142</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 107.

Таблица

**Сопоставление титулов  
верховных правителей в кочевых империях**

Государство	Элементы полного титула		верховного правителя	
	Указание на небесное покровительство	Этнополитическое определение	Почетный эпитет	Собственно титул
Хунну	Поставленный Небом	Хуннский	Великий	Шаньюй
Тюркский каганат	Небу Подобный или Небом Рожденный (Поставленный)	Тюркский	Мудрый или правящий	Каган
Монгольская империя	Силою Вечного Неба (Поставленный)	Великой Монгольской державы	Океана	Хан

Составлено по: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.; *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии; *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 1; *Материалы по истории киргизов и Киргизии*. Вып. 1. М., 1973. «Океана» – А. П. Григорьев также находит возможным переводить выражение «*dalay-yin qan-u*» как «великого хана» (*Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. С. 17–21, 31). «Хан» – в монгольском варианте высшего титула благодаря аффиксу «-yin» у слова «*dalay*» в почетный эпитет превращается вся предыдущая часть фразы (если указанное слово не относится к «*qan*»).

что у Гиньцев (цзиньцев. – *В. Т.*) правление непостоянно, я получил от Неба помощь и достиг престола)<sup>143</sup>. Эта конфуцианская казуистика могла исходить от киданьских окитаившихся советников, но не от монгольского персонала ханской ставки. С китайским адресатом и разговаривать нужно было «по-китайски», поэтому на монгольскую харизматическую концепцию наслоились здесь чуждые ей категории праведности-неправедности. Реальнее выглядит аргументация кагана в отношении своей избранности перед монгольским окружением в монгольском же источнике: «От восхода до заката я трудился до тех

<sup>143</sup> Си ю цзи, или Описание путешествия на запад / Пер. П. Кафарова // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 370.

пор, пока не пожаловали Небо и Земля [мне] силы»<sup>144</sup>. Активность и целеустремленность представлялись критериями для получения монаршего сана; «труды» дают «силу»<sup>145</sup>.

В избрании государя и вручении ему власти участвуют Небо и Земля (как бы в подтверждение сна Хорчи Чингис позднее скажет: «Я теперь усилился в своей власти волею Неба и Земли, могуществом Вечного Неба»<sup>146</sup>). Но чаще Небо выступает самостоятельно как высшая субстанция. А каковы функции Земли? И на этот вопрос отвечает Чингис-хан: «Меня Тэнгри могучий призвал, а Земля-Мать-Этуген на груди пронесла»<sup>147</sup>. Значит, Земля – первая инстанция, через которую начинается осуществление небесной воли. Породив (доставив в мир) кагана, Мать-Земля в дальнейших событиях активного участия не принимает. Правда, по некоторым отголоскам кочевой харизматики в фольклоре можно судить, что она «отвечает» за личную безопасность и здоровье кагана<sup>148</sup>. Далее Небо указывает помазаннику владения и подданных – объекты его будущей власти, помогает осуществить завоевания. «Вечное Небо оказало помощь, раскрылись небесные створы, собрал я свои народы», – изрекает Чингис-хан<sup>149</sup>. Аналогичная идея видится в письме Гуюка римскому папе Иннокентию IV: «Посред-

<sup>144</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 188.

<sup>145</sup> Понятие сакральной силы күчү (kücü) – играло важнейшую роль в формировании монгольской концепции верховной власти (Скрынникова Т. Д. Место «kücü» и «suu jalı» в системе традиционных представлений монголов XIII в. // ИК-КНАЯО. М., 1986; Она же. Монгольские термины сакральности правителя (XIII в.) // 5-й Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. М., 1987. Ч. 1), причем монголы усматривали действие күчү в различных успехах и удачах ханов (Allsen Th. T. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. P. 43–44). По мнению кочевников, личные качества государей все же не играли такой большой роли, как благоволение Неба и Земли. В кругу соратников это отметил и сам Чингис-хан: «Я сделался владыкой не по своей храбрости. Я стал владыкой по велению Неба, моего отца! Я сделался владыкой не из-за удивительных своих достоинств. Я стал владыкой по велению моего отца Хан-Тэнгри. Он даровал мне победить хитрых врагов» (Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 123). Эта речь перекликается с письмом Чан-чуню, но теперь для Чингис-хана нет необходимости высказывать мнение о чжурчжэньской монархии. Попутно заметим: в рассуждения хана о своей богоизбранности логично включается сентенция о том, что Небо является отцом правителя (ср. с тюрко-уйгурской титулатурой).

<sup>146</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 104.

<sup>147</sup> Там же. С. 104–105.

<sup>148</sup> Трепавлов В. В. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности. С. 130–131; ср.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 40, 41.

<sup>149</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 188; см. также: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 232.

ством могущества Неба все царства от восхода до заката были вручены нам, и мы владеем ими»<sup>150</sup>. Выполнив волю божественных сил и воспользовавшись их благосклонностью, каган-завоеватель вручает им плоды своих «трудов». «Владыке Небу, – говорит Чингис младшей родне, – я вверился совершенно и доверил [ему] все государство!»<sup>151</sup>

Сведем воедино ступени осуществления каганской харизмы в понимании средневековых монголов: 1) Небо и Земля избирают достойного кандидата на царство; 2) Небо назначает его, Земля порождает (доставляет в мир) и охраняет; 3) Небо вручает кагану силу и предоставляет возможности для осуществления возложенных на него задач; 4) Небо помогает кагану во всех его начинаниях; 5) Небо служит гарантом могущества государя и его преемников; 6) каган, создав государство, вручает судьбы его и свою Небу. Все это вполне сопоставимо с идеями хуннов и тюрков. Мифологическими построениями концепция верховной власти, конечно, не ограничивалась.

### Представления о функциях правителя

В. С. Таскин на основе сведений китайских источников перечислил prerogatives шаньюя хунну: представление своей державы в сношениях с другими государствами; верховное командование войсками; охрана территории хуннов; вероятно, высшая судебная инстанция<sup>152</sup>. По справедливому заключению С. Г. Кляшторного, основанному главным образом на информации рунических текстов, функции кагана туцзюэ сводились к исполнению примерно тех же обязанностей. К ним добавлялись расселение подданных и переселение в случае необходимости побежденных племен; обустройство домениальной территории Отыюкен<sup>153</sup>. В целом каган выступает, во-первых, как глава гражданского управления (в качестве лидера правящего рода, верховного вождя, судьи и жреца), во-вторых, как глава политической организации (в качестве военного предводителя)<sup>154</sup>.

Имея в виду эти характеристики, обратимся к ситуации в Монгольской империи. Еще до ее создания центральноазиатские степняки

<sup>150</sup> Spuler B. History of the Mongols. Based on Eastern and Western Accounts of the 13th and the 14th Centuries. P. 69.

<sup>151</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 189

<sup>152</sup> Таскин В. С. Введение // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. С. 9–11.

<sup>153</sup> Кляшторный С. Г. Образ кагана в орхонских памятниках // ПППИКНВ (13-я сессия). М., 1977. С. 15; Он же. Формы социальной зависимости в го государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.). С. 20–321.

<sup>154</sup> Он же. Образ кагана в орхонских памятниках. С. 14; ср.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 83.



имели четкие представления о функциях правителя. Когда началось возвышение Темучина, верхушка племени джурьят рассудила: это именно «тот человек, который мог бы заботиться о войске и хорошо содержать улус»<sup>155</sup>. Здесь мы имеем дело с очередным трафаретом, взятым из раннего Средневековья, так как, согласно енисейским рунам, кыргызский хан тоже «держал эль и возглавлял бодун»<sup>156</sup>. Наиболее компетентное мнение принадлежит, конечно, самому кагану. В «Алтан тобчи» приведены слова Чингис-хана: «Став опорой [государства], я принял на себя трудное дело охраны народа»<sup>157</sup>. Таким образом, власть государя осуществлялась по трем основным направлениям: охрана целостности и укрепление державы (эль, улуса); забота о ее населении, народе (тут следует вспомнить слова орхонских эпитафий о каганских благодеяниях для всех тюрков); ведение завоевательных войн, забота об армии. К этим же пунктам сводятся и Чингисовы поучения сыновьям. Здесь вновь акцентируется внимание на поддержании благосостояния народа и боеспособности войска<sup>158</sup>.

Мы ставили проблему определения концептуальной основы верховной власти, поэтому на конкретных проявлениях прерогатив кагана, описанных почти во всех исследованиях по монгольской истории XIII в., останавливаться не будем. Но власть кагана имела еще одну сторону, слабо освещенную в литературе, – ритуальное оформление.

### Традиционные элементы придворного церемониала

Концепция верховной власти находила свое воплощение, кроме всего прочего, в церемонии коронации. Довольно подробная информация о ней поступает из нескольких источников. Для цельности картины не станем разбирать эти сведения одно за другим, но попытаемся соединить их в одну схему. Нужно учесть, что, несмотря на очевидную стабильность ритуалов, некоторые их детали варьировались на различных коронационных курултаях, поэтому ниже будут указываться имена провозглашаемых в каждом отдельном случае каанов. Из всех информаторов, видимо, только Плано Карпини со своими спутниками был очевидцем венчания на царство; остальные авторы описывали это событие с чужих слов, но наиболее детально оно отражено у Бар Эбрея и Джувейни. При-

<sup>155</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 90.

<sup>156</sup> Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. С. 81.

<sup>157</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 189.

<sup>158</sup> Котвич В. Л. Из поучений Чингисхана // Восток. 1923. № 3. С. 95–96.

Представление о правителе как о деятеле, который «устраивает государство и управляет народом», отражено на государственных печатях ильханов Аргуна и Газана: *Mostaert A., Cleaves F. Trois documents mongoles des Archives secrètes Vaticannes* // HJAS. 1952. Vol. 15. № 3–4. P. 483.

вода эти данные, мы имеем в виду, что наша цель остается прежней – найти соответствия с предыдущими государствами кочевников<sup>159</sup>. Итак, интронизация очередного каана происходила в следующем порядке.

1. Шаманы назначают благоприятный день (это отмечено в описаниях коронации Угедэя, Гуюка и Мункэ)<sup>160</sup>.

2. Присутствующие обнажают головы и развязывают пояса, демонстрируя покорность воле Неба (Угедэй, Гуюк, Мункэ)<sup>161</sup>. Аналогичная церемония происходила при коронации ильхана Аргуна<sup>162</sup>.

3. Участники курултая просят избранника занять место каана, на что следует символический отказ в пользу старших родственников (Угедэй, Гуюк)<sup>163</sup>.

4. Приближенные «силой», под руки усаживают каана на трон (Угедэй, Гуюк, Мункэ)<sup>164</sup>. Аналогичная церемония отмечена у древних тюрок<sup>165</sup>, сельджуков Рума<sup>166</sup>, при воцарении ильханов Текудер-Ахмеда и Аргуна<sup>167</sup>.

5. Знать и военачальники приносят присягу в верности (Гуюк, Хубилай)<sup>168</sup>; то же у румских сельджуков<sup>169</sup>. Источники не конкретизируют содержания присяги, но можно предположить, что раз вся церемония была отработана и практически неизменна, то и клятва содержала

<sup>159</sup> О подробностях акта воцарения хуннского шаньюя источники умалчивают.

<sup>160</sup> Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 146, 206; Ta'rikh-i jāhangushā. Leiden; L., 1936. Pt. 3. P. 28, 29.

<sup>161</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 119; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 146, 206; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 3. P. 30.

<sup>162</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 113.

<sup>163</sup> The Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225–1286. P. 393, 411; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 147, 205. Возможно, такой же «отказ» имел место у туцзюэ. В 716 г. царевич Могилян, «сознавая, что он не по личным заслугам возведен, уступил престол Кюэ Дэлэ (т. е. своему старшему брату Кюль-тегину. – В. Т.), но Дэлэ не смел принять, почему Могилян вступил на престол» Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 273. Ритуальные уговоры старших родственников со стороны младших могли происходить и до решающего курултая, в чем мы убедимся ниже, разбирая отношения Мункэ-каана и Бату.

<sup>164</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 219; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 16; The Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225–1286. P. 186; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 147, 207.

<sup>165</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 229.

<sup>166</sup> Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 88.

<sup>167</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 100, 113.

<sup>168</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 219; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 119, 160.

<sup>169</sup> Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 88.

некие застывшие сентенции. Мы располагаем текстом присяги соратников Темучина, данной своему лидеру в конце XII в.<sup>170</sup>, но это типичный договор вождя и дружины. Среди различных заверений в преданности, о которых сообщают монгольские источники, обращают на себя внимание однотипные выражения. Так, тайджиуты во главе с Наяя говорили Темучину: «Мы, с полной верою в тебя, пришли отдать свои силы»<sup>171</sup>; уйгурский идикут – Чингис-хану: «Если бы хаган соблаговолил... всю силу отдал бы тебе»<sup>172</sup>; военачальник Мэнгэту-сэчэн – Чингис-хану: «Будем трудиться, отдавая тебе свою силу»<sup>173</sup>; военачальник Богурчи, стыдя некоего Чуу-мергена, бегущего от тайджиутского войска, говорил: «Так-то ты, убегая, отдаешь силу владыке» (Чингис-хану)<sup>174</sup>; кравчий Чингиса баурчи Сараман – Чагатаю: «Ты... еще не родился, и еще не собралось множество подданных, а я уже отдавал свою силу хану, твоему отцу»<sup>175</sup>; и т.д. То же выражение в орхонских памятниках обозначало верную службу тюрок государю: «Пятьдесят лет отдавали [они ему] свои труды и силы... Какому кагану отдаю я мои труды и силы?»<sup>176</sup>. Слияние «силы» подданных и осуществляемых ее посредством «трудо» с магической «силой» кагана (*qut/küčü*), с его «трусами» являлось, вероятно, одним из центральных пунктов присяги как у туцзюэ, так и у монголов. Вновь проступил терминологический трафарет, сохранившийся от древнетюркской эпохи.

6. Участники курултая поднимают каана на войлоке (Угедэй, Гуюк)<sup>177</sup>; то же у сяньби<sup>178</sup>, древних тюрок<sup>179</sup>, уйгуров<sup>180</sup>.

<sup>170</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 108.

<sup>171</sup> Там же. С. 121.

<sup>172</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 183.

<sup>173</sup> Там же. С. 192.

<sup>174</sup> Там же. С. 121.

<sup>175</sup> Там же. С. 213.

<sup>176</sup> Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 37.

<sup>177</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 219; *Saint Quentin Simon de. Histoire des tartares*. P., 1965. P. 93. В восточных источниках прямо не говорится о поднятии каана на войлоке, но в отношении Угедэя «Тайная история монголов» применяет выражение «*qan orkuba*» – «подняли ханом»: Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 312. Существовало и общетюркское выражение «хан кбтәрмәк» – «поднимать ханом» (*Заседателев Н. Древний обычай коронования у тюркских народов // ИОАИЭКУ. 1895. Т. 12. Вып. 4. С. 380.*

<sup>178</sup> *Сухбаатар Г. К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии. С. 132.*

<sup>179</sup> Бичурин Н. Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 229.

<sup>180</sup> В Тесинской рунической надписи при описании церемонии провозглашения уйгурского кагана использован глагол «*aγ'ınturti*» – «был поднят»: *Klyashtorny S. G. The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan. P. 152. У венгров*

7. Каана заставляют взглянуть на небо и берут обещание царствовать справедливо под угрозой свержения (Гуюк)<sup>181</sup>. Описание ритуальной угрозы монарху у Сен-Кантена нечетко, но все же заставляет вспомнить имитацию убийства коронуемого государя у древних тюрков и хазар<sup>182</sup>.

8. Девятикратное поклонение перед кааном (Угедэй, Гуюк, Хубилай)<sup>183</sup>; то же у древних тюрков<sup>184</sup>, сельджуков Рума<sup>185</sup>, ильханов Аргуна и Газана<sup>186</sup>.

9. По выходе из шатра – тоекратное поклонение солнцу (Угедэй, Гуюк, Мункэ)<sup>187</sup>.

Как видим, монгольская церемония во многом дублирует древнетюркскую. Существенная разница лишь в том, что в возведении на престол каганов Ашина фигурировал конь, на которого сажали кагана после поднятия на войлоке<sup>188</sup>. Есть сведения об этом ритуале и у киданей<sup>189</sup>, но в Ляо кандидатуру императора всегда определяли, ставя перед ним знамя и барабан<sup>190</sup>. Последний, судя по имеющимся дан-

---

и хазар нового правителя поднимали на щите (*Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод, ком. М., 1989. С. 161*).

<sup>181</sup> Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. С. 219; *Saint Quentin Simon de. Histoire des tartares. P. 93*.

<sup>182</sup> *Артамонов М. И. История хазар. С. 410; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 229; Григорьев В. В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. Сборник исследований по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876. С. 72.*

<sup>183</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 160; The Chronography of Gregorius Abu'I Faraj, 1225–1286. P. 393, 411; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 147; 207.*

<sup>184</sup> *Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 229.*

<sup>185</sup> *Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 88.*

<sup>186</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 114, 166.*

<sup>187</sup> *The Chronography of Gregorius Abu'I Faraj, 1225–1286. P. 393; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 147, 207; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 3. P. 31.*

<sup>188</sup> *Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 229. Такой же обряд практиковался у Великих Сельджуков (Агаджанов С. Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. С. 65).*

<sup>189</sup> *Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 55. Но в целом ляоская многодневная церемония возведения на престол с ее сложными обрядами вторичного рождения и опознания императора мало напоминала древнетюркскую и монгольскую: Там же. С. 524–527.*

<sup>190</sup> Вручение этих предметов в качестве символов инвеституры практиковалось в VII–IX вв. в отношениях китайского двора с тюрками и уйгурами: (*Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 287, 293, 340; Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 44, 186.*

ным, к выполнению обряда коронации у монголов не привлекался, а знамя упомянуто только в связи с курултаем 1206 г.: «Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом – Чингис-хана»<sup>191</sup>. Х. Ховорс видел в девятиконечности стяга пережиток эпохи девятиплеменного союза шивэй<sup>192</sup>, Д. Банзаров – влияние иранской мифологии (девять гениев у бога Хормусты-Ахурамазды)<sup>193</sup>. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

### Вопрос о происхождении монгольской концепции верховной власти

До Чингис-хана каганами на монгольской территории, как говорилось, были правители тюрков, уйгуров и кыргызов. У киданей же царствовали монархи с китайскими титулами. У центральноазиатских народов в XII – начале XIII в. было престижным еще одно звание – гурхан (приблизительно с тем же смыслом, что и «каган»)<sup>194</sup>. Его носили кара-киданьские правители Западного Ляо в Туркестане и соперник Темучина Джамуха-сэчэн<sup>195</sup>. Одно время данный титул употреблялся у керейтов, имевших тесные политические и культурные связи с киданями<sup>196</sup>. Как уже отмечалось, монгольские вожди XII в. являлись скорее всего ханами. Таким образом, к началу XIII в. у кочевников Восточной Евразии сложились три традиции титулования сюзеренов – тюрко-уйгурская (каган), киданьская (гурхан) и китайская (хуанди, ван). В провозглашении Темучина каганом можно видеть демонстрацию противостояния Джамухе (с его киданьским титулом) и гурханам Семиречья, куда стекались недобитые противники Чингис-хана. Чингисидов в доюапские времена не именовали «хуанди», что говорит о равнодушии монгольской верхушки к политическим традициям Ляо и Китая. Поскольку киданьская и китайская традиции исключаются, остается наследие туцзюэ и уйгуров. Следовательно, титул кагана пришел в Еке Монгол улус, вероятно, из каганатов VI–IX вв.

<sup>191</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 158; см. также: *Накинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова*. С. 39–40; Мэн-да бэй-лу. С. 76; *Палладий (Кафаров П. И.). Старинное китайское сказание о Чингис-хане* // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1. С. 180.

<sup>192</sup> Howorth H. H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Pt. 1. L., 1876. P. 28.

<sup>193</sup> Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов // *Собрание сочинений*. М., 1955. С. 60, 80.

<sup>194</sup> Та'rikh-i jāhangushā (История миропокорителя). Pt. 1. P. 86.

<sup>195</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 116.

<sup>196</sup> Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. С. 168–171; Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 1. С. 130.

Многие историки полагают, что взгляды хуннов, тюрков и монголов на связь кагана с Небом заимствованы из китайских доктрин «Сына Неба», «небесного мандата» и т.д., причем это представляется им настолько очевидным, что они не приводят каких-либо аргументов, подтверждающих их мнение<sup>197</sup>. Утверждения О. Латтимора и К. Сиратори о калькировании формулы «тянь-цзы хуанди» хуннскими шаньюями требуют исторического объяснения. Но какое может быть объяснение, если держава хунну возникла всего лишь на 18 лет позже первой китайской империи Цинь, где было установлено звание «Сына Неба властителя-императора»<sup>198</sup>? Этот срок для мощного идеологического воздействия слишком мал. К тому же расширение шаньюева титула по подсказке китайца-мигранта (о чем мы рассказывали выше) происходило за счет использования персонажей «варварского» пантеона, а не харизматических абстракций, применявшихся в Поднебесной. Различия между китайскими и степными государствами четко осознавали и та, и другая стороны. В VII в. танский император отверг предложенный вассалами вакантный после падения первого Восточно-Тюркского каганата каганский трон, подчеркнув: «Я являюсь Великим Танским Сыном Неба, кроме того, не веду дел кагана»<sup>199</sup>. Подобные настроения царили и к северу от Великой степи. Порядки, нравы и идеология императорского двора вызывали у лидеров туцзюэ стойкую неприязнь. Тюркские предводители опасались дестабилизирующего влияния китайской культуры на их подданных<sup>200</sup>. Расхождения в идейных установках номадов и Китая сквозят в обращении Чингис-хана к Чан-чуню: «Небо отвергло Китай за его чрезмерную роскошь и гордость. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей»<sup>201</sup>. В этой парадоксальной фразе налицо убежденность в принципиальной неприемлемости (неудобности Небу) китайского влияния, но выраженная в конфуцианских, т.е. все-таки китайских, формулировках. Представляется, что сознательного заимствования из Китая монархических концепций

<sup>197</sup> Бернштам А. Н. Уйгурские юридические документы // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 70; Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yuan Dynasty. P. 18–19; Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N. Y., 1940. P. 450; Reischauer E. O., Fairbank J. K. East Asia: The Great Tradition. Boston, 1960. P. 264; Shiratory K. A Study on the Titles Kaghan and Khatun. P. 11.

<sup>198</sup> Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. 2 / Пер. и ком. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина. М., 1975. С. 62.

<sup>199</sup> Цит. по: Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 195.

<sup>200</sup> Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 34.

<sup>201</sup> Си ю цзи, или Описание путешествия на запад. С. 370.

в государствах кочевников все же не было, по крайней мере в период полного суверенитета кочевых империй.

Историки МНР выводят происхождение доктрин сакральных небесно-земных уз из общекочевнических шаманистских воззрений на предопределенность бытия всего сущего волей Неба<sup>202</sup>, а начальное применение этих идей относят к эпохе прототюркских и протомонгольских общностей<sup>203</sup>. Такие изыскания вполне плодотворны, по необходимости учитывать, что до III в. до н. э. в Центральной Азии не было государственных образований, поэтому в дохуннский период «идея о единохаганстве» (Ш. Бира) едва ли могла сформироваться. Реальнее возводить монгольскую концепцию не к племенным союзам I тысячелетия до н. э., а к одной из первых кочевых держав. Совпадение тюркской и монгольской формул титулования монарха, разобранные выше, конечно, не ускользнуло от внимания исследователей<sup>204</sup>. Такой идентичности не обнаруживается ни с киданьской, ни с китайской титулатурой. Поэтому данный аспект концепции верховной власти в Еке улусе приходится признать происходящим из древнетюркской государственности, в которую он перешел из державы хунну.

Владыка Китая рассматривался своими соотечественниками как единственный законный повелитель народов (в силу «небесного мандата»). Немыслимо представить, чтобы придворные законотворцы признали существование еще какого-нибудь императора-хуанди. У древних тюрков и монголов такого этноцентризма не было: орхонские надписи называют, кроме тюркского, табгачского (китайского), тюркешского, кыргызского и других каганов; «Тайная история монголов» – чжурчжэньского Алтан-хагана. Соответственно и в сферу власти кочевых властелинов включался не весь мир, а лишь подвластные территории (правда, с задачей их непрерывного расширения). Мы не находим у монгольских каганов номинальных обязанностей первосвященника, как

<sup>202</sup> Гаадамба Ш. Нууц товчооны нууцаас. Улаанбаатар, 1976. С. 29; Сухбаатар Г. К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии. С. 112.

<sup>203</sup> Бира Ш. Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов. С. 196–197; Сухбаатар Г. К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии. С. 117; Он же. Некоторые вопросы истории хуннов (сюнну). С. 262.

<sup>204</sup> Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). С. 30; Неклюдов С. О. Мифология тюркских и монгольских народов (проблемы взаимосвязей) // ТС. 1977. М., 1981. С. 189–198; Скрынникова Т. Д. Монгольские термины сакральности правителя (XIII в.). С. 128; Golden P. B. Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. P. 72–73; Kvaerne P. Mongols and Khitans in the 14th Century Tibetan Bonpo Text. P. 94–95; Rachewiltz J. de. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire. P. 28–31; Turan O. The Ideal of World Domination Among the Medieval Turks. P. 82.

у государей туцзюэ, китайцев и киданей Ляо, но все остальные функции в целом совпадают с прерогативами тюркского кагана.

Китайские авторы утверждали, будто церемония коронации Чингисидов была разработана Елюй Чуцаем – киданьским советником Чингис-хана и Угедэя<sup>205</sup>. Однако соответствия этому обряду у других кочевых народов заставляют предполагать, что заслуга советника скорее не в изобретении нового, а в восстановлении старого степного церемониала (вероятно, по хроникам). Собственно, неортодоксальной была всего лишь одна деталь – персональное (а не традиционно групповое) поклонение каждого участника курултая перед избранником, на чем особенно настаивал Елюй Чуцай<sup>206</sup>.

Выше высказывалось суждение о возрождении в этом смысле древнетюркских ритуалов. Обращает на себя внимание девятиконечный туг – знамя Чингиса. Махмуд Кашгарский писал о девяти знаменах, которые выставлялись самыми могущественными ханами<sup>207</sup>. Это опять приводит к заключению о древнетюркском наследии, так как ко времени составления «Диван-и лугат-ит-тюрк» (XI в.) еще не существовало монгольских могущественных ханов, а глава монголезычных киданей не являлся «ханом». К тому же термин, которым Махмуд Кашгарский обозначает таких сюзеренов, чисто тюркский: «токуз туглук-хан» («девятзнаменный хан»). Таким ханом и стал Темучин в 1206 г.

К общим придворным церемониям туцзюэ и монголов относятся и поклонение иноземцев очистительному огню в главных ставках<sup>208</sup>, и, возможно, другие обряды, сведения о которых предстоит отыскать в источниках.

Итак, в формировании государственно-идеологических основ Монгольской державы четко выделяются традиционные элементы. Прежде всего это касается первоначальных завоеваний за пределами Коренного юрта. Насильственное присоединение тюркских народов Южной Сибири, Прииртышья и Восточного Туркестана носило завуалированный характер, сопровождалось военно-дипломатическими интригами, заигрыванием с местной аристократией, пробуждением «этнородственных» чувств в населении кочевых степей. Монгольское правительство стремилось придать внешнеполитическим кампаниям 1207–1208, 1211 и 1218 гг. видимость традиционной консолидации кочевников в единой

<sup>205</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 149–150; Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. С. 72, 188.

<sup>206</sup> Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. С. 72, 188.

<sup>207</sup> Divanü lügat-it-türk tercümesi. С. 3. S. 127.

<sup>208</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 29–31, 70, 76; ср.: Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 76.



империи. Созданию нового, очередного «тюрко-монгольского кагана-та», каковым пытались представить Еке Монгол улус идеологи завоеваний, сопутствовало и теоретическое обоснование владычества Чингисидов над своим и покоренными («присоединенными») народами. Понимание власти степного государя в общем совпадало с представлениями кочевников раннего Средневековья. Доктрины верховной власти в Монгольской империи сложились в основном на базе древнетюркской концепции: был восстановлен титул кагана, возродилась полная формула титулатуры, отражающая связь кагана с Небом. Представления монголов об этой связи соответствовали воззрениям правителей каганатов VI–IX вв. Роль и место кагана в государстве в мире понимались монголами так же, как и их историческими предшественниками. Все эти идеологические традиции дополнялись общим для кочевых империй порядком исполнения важнейших дворцовых ритуалов.

## ДУАЛИЗМ УПРАВЛЕНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО- АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ

В гл. 2 мы говорили о том, что принципы организации одних государств передавались по различным каналам к другим. Наиболее устойчивой оказывалась информация об основных компонентах военно-административной структуры. К таким компонентам относятся этнотерриториальное деление (система крыльев), взаимоотношения между правителями-главнокомандующими крыльев (соправительство), порядок замещения поста главного хана. Данная глава посвящена выяснению вопросов: каким образом традиционные элементы государственности кочевников отразились в устройстве империи Чингисидов? Каковы исторические прецеденты и источники происхождения этих институтов в Монгольской державе XIII в.?

В государствах, созданных народами евразийского степного пояса, часто имело место «раздвоение» территории. Она делилась на две части-крыла (обычно западную и восточную) с особым правителем в каждой из них. Феномен деления на крылья уже неоднократно подвергался анализу, отмечалось широкое распространение этого явления в истории – и не только кочевников. Среди факторов, приведших к возникновению такого членения, исследователи называют пережитки первобытной дуально-фратриальной системы. Историческую стадию родового строя прошло в свое время большинство средневековых народов – создателей государств, чем и объясняется широкая распространенность двухкрыльной структуры<sup>1</sup>. Кроме того, выдвинуто еще

---

<sup>1</sup> Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. С. 103–104; Гуляев В. И. Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. М., 1976. С. 201–202; Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 119, 121, 148, 220, 291; Иванов В. В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // НАА. 1969. № 5. С. 113–114; История первобытного общества. Эпоха

несколько версий происхождения крыльев: деление территории государства на два крыла родилось из военно-организационных форм – разделения племенных ополчений на правое и левое крылья<sup>2</sup>; раздел территории на несколько частей был вызван необходимостью управления огромными завоеванными территориями, что было не под силу одному центральному правительству<sup>3</sup>; формирование системы крыльев явилось результатом противоречия между династическим наследованием трона (от отца к сыну) и родовым, когда престол переходил к старшему члену правящего рода<sup>4</sup>; система крыльев была заимствована у оседлых соседей<sup>5</sup>; образование двухполовинной конструкции государства являлось следствием межродовой и межплеменной борьбы. Более слабые племена, попадая в зависимость от сильных, занимали в улусе положение младшего, левого крыла; соответственно господствующее племя и его ближайшие союзники составляли правое крыло<sup>6</sup>; наконец, назывался географический фактор образования крыльев: если на территории расселения племени находилась какая-нибудь естественная преграда (река, овраг и т.п.), то это могло породить его раздвоение<sup>7</sup>.

Обозначающие двухкрыльную структуру термины, вводимые различными авторами, концентрируются вокруг понятий «двойной», «дуальный»: двойная монархия (А. Альфельди, П. Голден, Р. Груссе, Д. Данлоп, О. Прицак, Б. Шпулер и др.), дуализм (В. В. Бартольд, Х. Франке<sup>8</sup>, Э. Шаванн), двоевластие (В. А. Гордлевский, А. Н. Насонов, С. А. Плетнева), двойственность власти (А. М. Золотарев). Отношения между предводителями крыльев мы обозначим понятием «со-

классообразования. С. 424; *Сухбаатар Г.* К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии. С. 111; *Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // ПИДО. 1935. № 9. С. 32; *Он же.* К истории древнетюркской социальной терминологии. С. 76–77.

<sup>2</sup> *Бернштам А. И.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946. С. 112; *Жуковская Н. Л., Стратанович Г. Г.* Калмыки // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 274; *Стратанович Г. Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы // ПАМ. Элиста, 1974. Вып. 1. С. 230.

<sup>3</sup> *Golden P. V.* *Khazar Studies.* Budapest, 1980. Vol. 1. P. 100–101.

<sup>4</sup> *Гумилев Л. И.* Древние тюрки. М., 1967. С. 58; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 29–30.

<sup>5</sup> *Samolin W.* Hsiung-nu, Hun, Turk // CAJ. 1957. Vol. 3. № 2. P. 147.

<sup>6</sup> *Карагодин А. И.* Дуальная организация у приволжских калмыков // СЭ. 1984. № 5. С. 26–27; *Успенский В. М.* Страна Кукэ-нор, или Цин-хай. СПб., 1880. С. 75.

<sup>7</sup> *Alfoldy A.* *Türklere Çift Krallik.* S. 512.

<sup>8</sup> Но Х. Франке понимает «дуальную концепцию» не в традиционном смысле, как пару правителей, а как соуправление «метафизического» компонента – духа Чингис-хана с правящим кааном: *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yüan Dynasty. P. 24.

правительство», которое отражает факт одновременного правления двух государей в разных частях державы<sup>9</sup>.

## СОПРАВИТЕЛЬСТВО

Во всех касавшихся соправительства работах рассматривалось действие данного института до XIII в. О Монгольской империи упоминалось вскользь, и авторы, как правило, ограничивались общей констатацией наличия в ней признаков соправительства. Из авторов, специально посвящавших свои труды средневековой монгольской истории, вероятно, только Б. Шпулер уделил внимание этому институту государственности. Он признавал, что соправительство, часто практиковавшееся в ранних тюркских ханствах, встречалось и у Чингисидов, но лишь как спорадическое, эпизодическое явление в улусах Джучидов и Хулагуидов XIV–XV вв.<sup>10</sup> Поскольку соправительственные отношения имели место в большинстве крупных политических образований кочевников (см. Приложения. Табл. 1), то мы вправе считать такие отношения присущими государственному строю кочевников, традиционными для него. И эта традиционность соправительства побуждает искать признаки его в державе Чингис-хана и ее улусах.

Ханствование равновеликих по значению государей каждый раз объясняется в источниках стечением обстоятельств, перипетиями борьбы в правящем роде, победами и поражениями враждовавших группировок Чингисидов. При отсутствии непосредственной информации об интересующем нас институте остаётся другой путь – выявить в истории Монгольского государства XIII в. период сосуществования нескольких сюзеренов, два из которых признавались бы старшими над остальными. А затем определить общие черты отношений между этими парами правителей и сравнить с подобными явлениями в предыдущих кочевых державах.

### Соправительство каана и старшего хана западных улусов

Естественно было бы ожидать первых акций по установлению соправительства от основателя империи. Действительно, в источниках есть сведения об этом.

<sup>9</sup> В понятии «соправительство» присутствуют характерные признаки совместного правления двух ханов: «со» – «совместный, взаимный»; «правительство» – отражение частичного или полного суверенитета каждого из монархов в своей половине государства. Аналогичный термин (*Mitregentschaft*) применил Г. Дёрфер для обозначения древнетюркского правящего триумвирата – каган, ябгу, шад: *Doerfer G. Tiirkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1967. Т. 3. Р. 162.

<sup>10</sup> *Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502*. Leipzig, 1943. Р. 64–65.

*Чингис-хан – Джучи, 1225–1227.* В «Алтай тобчи» Лубсан Данзана описывается раздача уделов Чингис-ханом сыновьям и военачальникам в 1225 г., по возвращении из западного похода. К Джучи и Чагатаю отец обращается со словами: «Я отправляю вас, отделяя так, как отделил бы половину своего дома, половину своего тела»<sup>11</sup>. Джучи были отданы в управление Хорезм и Кыпчакская степь, Чагатаю – Мавераннахр и Семиречье; все это расценивалось как «половина дома». Другая «половина», стало быть, – Монголия, Маньчжурия, Уйгурия и Южная Сибирь. Право наместника над западными землями представлялось Чингисову первенцу, Джучи. Каган говорил ему: «В чем согласие между отцом и сыном? Ведь не тайком отправляю я тебя [так] далеко, [а для того], чтобы ты управлял тем, чем я овладел. Чтобы сохранил ты то, над чем я трудился. Отделяю тебя, чтобы стал ты опорой половины моего дома, половины моей особы»<sup>12</sup>. Чагатаю же, судя по «Алтай тобчи», ничего подобного сказано не было. Значит, Джучи признан старшим правителем западной части государства, обязанным сохранять завоеванные земли и управлять ими. А Чагатай подчинен брату, поскольку также выделен в западную «половину дома»<sup>13</sup>.

Джучи скончался в 1227 г., незадолго до смерти Чингиса. Перед каганом снова встал вопрос о соправителях. Но теперь, уже смертельно больной, он исключил себя из их числа и на будущее определил соуправление двух старших царевичей<sup>14</sup>. Об этом известно из сочинения Хондемира «Хабиб ас-сийар».

*Угедэй–Чагатай, 1229–1241.* Назначив Угедэя своим преемником и выделив Чагатаю удел, Чингис-хан вручил Чагатаю же «договор Кабул-хана с Каджули-бахадуром, скрепленный алой тамгою Тумене-

<sup>11</sup> Лубсан Данзан. Алтай тобчи («Золотое сказание»). С. 229.

<sup>12</sup> Там же. С. 232.

<sup>13</sup> В «Тайной истории монголов» этой сцены нет, но содержится следующая информация. Чингис-хан обратился к сыновьям с вопросом о кандидатуре своего преемника. Джучи тут же повздорил и подрался с Чагатаем, а затем сказал: «Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!» – «К чему же, – возразил Чингисхан, – непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше – будем отдельно друг от друга – править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья» (Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 186). Данная версия наделения старших царевичей тоже свидетельствует о задуманной обособленности западных улусов, но умалчивает о главенстве Джучи на западе.

<sup>14</sup> Л. Л. Викторова утверждает, что младший сын Чингис-хана, Толуй «в последние годы жизни Чингисхана... был его соправителем» (Викторова Л. Л. Ценный источник по истории монголов // 5-й Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. М., 1987. Ч. 1. С. 16). Однако Толуй, насколько можно судить по источникам, не имел под началом крыла армии, не выполнял функции правителя одной из половинных частей империи, поэтому я не рассматриваю его как соправителя.

хана»<sup>15</sup>. Комментариев к этой сцене Хондемир не дает и в последующем описании истории Чагатаидов на этот договор не ссылается. Но суть его изложена в повествовании о предках Чингис-хана. Прадед его, Кабул (Хабул в монгольских источниках), со своим братом-близнецом Каджули (Сэмсэчүлэ, Хам Хацула) заключили договор, по которому «ханствование будет, бесспорно, закреплено за Кабулом и потомками его, а Каджули с потомством станет эмиром и предводителем войск. По этому поводу подписали договор, который заверили тамгой Тумене-хана», их отца [Тумбиной-сэчэн]<sup>16</sup>. Напрашивается параллель между этими полулегендарными событиями и инвеститурой Чагатая и Угедэя. Угедэй назначается кааном, а Чагатай получает удел, видимо, так же, как и Каджули. Несмотря на то, что последний становился «предводителем войск», Тумене предрекал, что потомки близнецов долгое время будут править, «каждый на своей земле»<sup>17</sup>. Получается, что Чингис, вручив сыновьям договор-завещание предков, санкционировал раздвоение империи при подчинении западной ее части как каану, так и наместнику.

В 1229 г. Угедэй при активном содействии старшего брата встал во главе империи. Чагатай же в своих среднеазиатских владениях был полновластным государем, но не помышлял об отделении, сообщал каану о всех делах своего улуса. Более того: «Каан... совещался с Чагатаем о всех значительных делах и не начинал их без его совета и одобрения»<sup>18</sup>.

Выделим общие моменты в сообщениях Лубсан Данзана, Хондемира и Рашид ад-Дина: а) государство разделяется на восточную и западную части, половины; б) правитель западной части подчинен правителю восточной (Джучи – Чингис-хану, Чагатай – Угедэю); в) функции западного правителя – управление населением и командование войсками; г) у западного наместника нет права на трон; д) соправители являются близкими родственниками (отец и сын, затем родные братья). Такое положение сохранялось до смерти Угедэя в 1241 г., т.е. длилось 12 лет. Но если соправительство не только было завещано Чингис-ханом, но и коренилось в самой кочевой государственности, то должны были найтись новые соправители.

После Чагатая созеренитет над западными землями по старшинству перешел к потомству покойного Джучи: в улусе воцарился его сын Бату<sup>19</sup>. Косвенным подтверждением тому служит свидетельство рус-

<sup>15</sup> *Хондемир. Тарих-е хабиб ас-сийар*. Тегеран, 1954. Т. 3. Р. 47.

<sup>16</sup> Там же. Р. 14.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей*. Т. 2. С. 96.

<sup>19</sup> «Когда всех четырех сыновей Чингисхана не стало, то старшим над всеми внуками его стал он (Бату. – В. Г.), и он был у них в великой чести и почете. На

ской летописи: во время нашествия на Южную Русь «Куюкь... возвратися вспять, увьдѣвъ смерть канову. Кань же бысть не от роду Батыева, но (Батый. – В. Т.) прьвый бѣ и великий воевода его»<sup>20</sup>. На примере Каджули-бахадуря мы показали и в дальнейшем еще не раз убедимся, что соправители действительно считались «первыми и великими воеводами», главными военачальниками, фактически не являясь таковыми. Ведь и Бату был вовсе не главнокомандующим при верховном правителе, но формально одним из улусных ханов.

Гуюк – Бату, 1246–1248. В Каракоруме с 1246 г. стал царствовать Гуюк. Отношения между ним и Бату сложились враждебные, тем не менее по некоторым данным можно судить, что соправительство осуществлялось именно этими двумя ханами. Так, Плано Карпини передавал, будто «Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями Татар, за исключением императора, которому обязан повиноваться»<sup>21</sup>. И доминиканцы миссии Асцелина были убеждены, что, несмотря на наличие в империи полновластного каана, хан-Джучид являлся «правителем татар главнейшим»<sup>22</sup>. Имя его почиталось в далеком от Сарая Хорасане, где из всего множества Чингисидов европейским послам назвали в качестве верховных, с точки зрения монголов-информаторов, владельцев Гуюка и Бату (да еще местного военачальника-нойона)<sup>23</sup>.

О времени правления Гуюка пишет Джузджани: «Все вельможи и вожди мугальских войск повиновались Бату и обычно смотрели на него так же, как на отца его Туши (т.е. Джучи. – В. Т.)»<sup>24</sup>. Более определенно статус Бату выражен Киракосом Гандзакеци. Хронист

---

курултаях никто не противился его словам, все царевичи повиновались и подчинялись [ему]» (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 71).

<sup>20</sup> Патриаршая, или Никоновская, летопись. С. 116. В других летописях вместо имени Батыя стоит слово «его» (Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 785; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 131; Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 374), т.е. может подразумеваться и Гуюк. Но поскольку везде указано, что «он» «не от роду» каана, а Гуюк – сын Угедэй-каана, то, скорее всего речь шла о Бату. В научно-популярной литературе уже высказывалось суждение о том, что еще до воцарения Мункэ (1251) «Батый был не только ханом улуса Джучи, но и в какой-то степени соправителем ханов Каракорума. Поэтому на Русь двинулось все монголо-татарское войско, во главе его туменов стояли почти все принцы крови и... Субэздэй» (*Греков И. Б., Шахматов Ф. Ф.* Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М., 1986. С. 58).

<sup>21</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 69.

<sup>22</sup> *Saint Quentin Simon de*. Histoire des tartares. P. 93.

<sup>23</sup> Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях / Пер. Д. И. Языкова. СПб., 1825. С. 223; *Saint Quentin Simon de*. Histoire des tartares. P. 95.

<sup>24</sup> *Tabakat-i-Nasiri*. Vol. 2. P. 176.

рассказывает о посольстве грузинской царицы Русудан с предложением своего подданства к татарскому военачальнику, «которого звали Бату, командовавшему войсками, находившимися на Руси, в Осетии и Дербенте, поскольку тот (т.е. Бату. – В. Т.) был вторым после каана лицом. И он велел ей воссесть в Тифлисе, и [татары] не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан»<sup>25</sup>. Умершим ханом (Русудан называет его «хакан») мог быть только Гуюк, потому что во время смерти Угедэя Бату отсутствовал в улусе, так как воевал в Центральной Европе, а во время смерти Мункэ (1259) его самого уже не было в живых.

Даже из этих отрывочных данных можно сделать выводы об особом статусе джучидского хана, его подчиненности только каану и распространении его власти и влияния на определенную часть западных территорий империи. Источники умалчивают о том, признавался ли Чагатай старшим государем в землях Джучидов, а Бату позднее – в Чагатаевом улусе. Известно, что при Угедэе ставленники каана и Чагатая, хорезмийцы Махмуд Ялавач с сыном и Куркуз, управляли Китаем, Мавераннахром и покоренными к тому времени областями Ирана «от Хорасана до границ Рума и Диярбекра»<sup>26</sup>. Но их полномочия не распространялись на территории Джучидов за Джейхун (Амударью). Более определенные отношения между соправителями вырисовываются в период царствования Мункэ.

*Мункэ – Бату, 1251–1255.* После смерти Гуюка монгольская знать в соответствии с ритуалом предложила престол Бату как старшему Чингисиду (о подобных предложениях как части обряда упоминалось в разделе о порядке воцарения). Тот церемонно отказался, ссылаясь на то, что у него и без того достаточно земель и «управлять ими, да еще владеть и править государствами Чипа, Туркестана и Аджама было бы невозможно»<sup>27</sup>. Поэтому он предложил посадить на царство своего младшего кузена – Мункэ. «Мангу-хан... взшел на престол Чина и верхнего Туркестана»<sup>28</sup>, т.е., во-первых, стал управлять странами, от которых «отказался» джучидский хан; во-вторых, «престол» Мункэ не считался престолом Дешт-и Кыпчака и других западных регионов. Таким образом, вновь возникает мысль о существовании двух престолов монархов-соправителей.

Конечно, полностью суверенным ханом Батый не был: каан назначал в русские княжества своих фискальных чиновников, регламентировал

<sup>25</sup> *Киракос Гандзакецци. История Армении / Пер., предисл., комм. Л. А. Хиларян. М., 1976. С. 181.*

<sup>26</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 64.*

<sup>27</sup> *Tabakat-i-Nasiri. Vol. 2. P. 179.*

<sup>28</sup> *Idem. P. 180.*



финансовые расходы сарайского двора<sup>29</sup>. Насколько можно судить по сообщениям Г. Рубрука, Золотая Орда не имела права устанавливать дипломатические отношения без ведома центрального правительства, задерживать послов в Монголию, так как «Мангу-хан есть главный в мире Моалов»<sup>30</sup>. Но тот же Рубрук цитирует каана: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату»<sup>31</sup>. Путешественник заметил, что во владениях Мункэ посланцам Бату оказывалось даже больше почета, чем каанским эмиссарам в землях Джучидов<sup>32</sup>. Именно свидетельства этого источника позволили П. Джексону увидеть в отношениях двух ханов «нечто вроде кондоминиума»<sup>33</sup>, а В. В. Бартольд назвал 50-е гг. XIII в. «эпохой дуализма» в Монгольской империи<sup>34</sup>.

Мы видели, что Бату не причислял к своим владениям чагатайский Туркестан и Аджам (иранские территории, управлявшиеся тогда эмиссарами из Каракорума). Значит, к 1251 г. его приоритет распространялся лишь на улус Джучи. Однако начало каанствования Мункэ отмечено расправой с царевичами-Чагатаидами. Их земли были поделены между верховным ханом и Золотой Ордой. После этого в империи оказалось не только два государя, но и два территориальных подразделения, две половины.

Для вступления каанского приказа в силу на западе требовался его дубликат от Бату. По данным Киракоса, Мункэ даровал армянскому царю Гетуму I «указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его», а Гетум послал гонца с этим указом к Бату, «дабы и тот написал указ в соответствии с грамотами [хана]»<sup>35</sup>. И это естественно: Армения принадлежала к западной части империи и потому находилась в подчинении правителя западных земель. Сельджукские принцы в 1240–1250 гг. тоже обменивались послами с Сараем, использовали тамошнего правителя в качестве арбитра при своих междоусобных спо-

<sup>29</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 319–320, 331.

<sup>30</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 120, 180.

<sup>31</sup> Там же. С. 141.

<sup>32</sup> Там же. С. 126.

<sup>33</sup> Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire. P. 186.

<sup>34</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 561. Обзор дискуссии по этому вопросу: Allsen Th. T. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. P. 55, 56.

<sup>35</sup> Киракос Гандзакецц. История Армении. С. 224, 225. Благоклонностью Батия и Сартака пользовались и многие другие армянские феодалы, представители торгово-ростовщических кругов: Бабаян Л. О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. М., 1969. С. 130; Киракос Гандзакецц. История Армении. С. 218, 219.

рах, хотя за ярлыками ездили в Каракорум<sup>36</sup>. Сведения об активных связях Бату с иноземными владетелями в общем противоречат данным Рубрика о внешнеполитической несамостоятельности джучидского хана.

Существование двух частей империи отражалось и в фискальной политике. По сообщению Киракоса, в 1254 г. Мункэ поручил одному из своих приближенных, Аргуну, вместе с представителем «рода Батыя» Тора-агой произвести перепись податного населения империи<sup>37</sup>. Рашид ад-Дин тоже упоминает об этом событии, и хотя умалчивает о золотоордынском коллеге Аргуна, но пишет, что главному переписчику был придан в помощь Али-Мелик, наместник Исфахана и Нишапура, т.е. все же деятель из региона к западу от Джейхуна<sup>38</sup>. Эта река уже дважды упомянута мной в разговоре о соправительстве – и не случайно.

Принципиальность проведения рубежа по Джейхуну была продемонстрирована в начале войны против халифа. Бату по наущению брата, мусульманина Берке, остановил посланные кааном в Ирак войска Хулагу на правом берегу Амударьи. Два года они не двигались с места: возвратиться не позволял приказ Мункэ, а переправу запретил посол из Улуса Джучи. Только после смерти Батыя (1255), вняв настоятельным просьбам Хулагу, каан распорядился продолжать поход<sup>39</sup>. В этой потенциально конфликтной ситуации верховный хан в течение нескольких лет не вмешивался в ход событий, признавая тем самым законность действий соправителя, его сюзеренитет на всех землях за Джейхуном.

Я умышленно привожу сведения о диархии Мункэ – Багу без комментариев относительно функций соправителя, потому что они четко изложены в армянских источниках о Сартаке – сыне и преемнике Бату на джучидском престоле.

*Мункэ – Сартак, 1255.* Киракос пишет: Мункэ «возвеличил его (Сартака. – В. Т.) и воздал ему великие почести: передал ему власть отца его – командование всеми войсками, а также [владение] всеми покоренными им (Батыем. – В. Т.) княжествами; затем, назначив его вторым [человеком государства] и дав право издавать указы как властелину, отпустил его восвояси»<sup>40</sup>. В летописи Себастиаци говорится: Мункэ «почтил его (Сартака. – В. Т.) и отдал ему власти отца, признав вторым правителем после себя»<sup>41</sup>. В «Истории Вардана»: «По повеле-

<sup>36</sup> *Ibn Bībī. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bībī. S. 236–237, 253, 258, 262, 279–280 и сл.; Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 22.*

<sup>37</sup> *Киракос Гандзакец. История Армении. С. 221.*

<sup>38</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 141.*

<sup>39</sup> *Das Mongolische Weltreich: al'Omari's. Darstellung des mongolischen Reich in seinem Werk Masālik al-absār fi mamālik al-amsār. S. 101–102.*

<sup>40</sup> *Киракос Гандзакец. История Армении. С. 226.*

<sup>41</sup> *Армянские источники о монголах. С. 27.*

нию Мангу Хана к нему (Сартаку. – В. Т.) перешли все владения отца его, даже с прибавлениями»<sup>42</sup>. Во всех этих источниках подтверждается статус западного хана; сначала таковым был Бату, теперь стал Сартак. Данный статус предусматривал: положение второго правителя после каана (лично Сартаком ничем не заслуженное, в отличие от отца); управление западной частью империи; командование тамошними вооруженными силами; право автономного законодательства. Вероятно, хан-Джучид мог издавать указы по любому вопросу внутренней жизни подвластных ему регионов, лишь бы они не противоречили ясе и распоряжениям столичной администрации.

Как известно, Сартак умер, едва успев воспользоваться этими прерогативами. В Сарае воцарился его дядя Берке.

*Мункэ – Берке, 1255–1259.* В эти годы начал складываться улус Хулагу в Иране и Месопотамии, в 1258 г. монголы захватили Багдад. Хулагу был родным братом Мункэ и именно им был поставлен во главе армий в Иране с присвоением титула ильхана. Однако с географической точки зрения будущее царство ильханов принадлежало к западной половине Монгольской державы и, следуя логике предыдущих событий и разобранных выше отношений, должно было подчиняться еще и Берке. На этот счет в источниках есть следующие данные. Рашид ад-Дин передает, что Берке «непрестанно слал гонцов к Хулагу-хану, проявляя свою власть. Оттого что Берке был старшим братом, Хулагу-хан терпел»<sup>43</sup>. Едва ли только пиететом перед старшим родственником объясняется такая покладистость Хулагу, ведь в источнике говорится о власти Джучида над ним, что дает основание считать монгольских правителей на Среднем Востоке подданными не только каана, но и золотоордынского хана. К той же мысли приводит и распределение аббасидских сокровищ после разгрома Багдада: часть их увезли в Каракорум, часть должна была отправиться на Волгу, остальное поступало в распоряжение Хулагу<sup>44</sup>. Значит, главенство Берке проявлялось в распоряжениях, передаваемых младшему Чингисиду, и в праве на долю трофеев. Но признавался ли сюзеренитет правителя Сарая в ильханских землях? По сообщению Джузджани, «в странах Аджамы, Мавераннахра и Хорасана хутбу читают Барка-хану»<sup>45</sup>. А так

<sup>42</sup> История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. 1. С. 11.

<sup>43</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 59.

<sup>44</sup> Tabakat-i-Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia. Vol. 2. L., 1881. P. 1256–1257. Ал-Муфаддаль указывает, что такой порядок распределения касался лишь земель «от реки Джейхуна на запад» (*Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 158). Ср. с двухлетней задержкой армии Хулагу на Джейхуне в 1253 г.

<sup>45</sup> Tabakat-i-Nasiri. Vol. 2. P. 218.

как хутба (торжественное произнесение имени правителя в молитве) провозглашалась только в честь верховного государя, то ясно, что перечисленные Джузджани регионы (территории Чагатаидов и Хулагу) признавали таковым Берке. Причем такая хутба читалась в ильханском улусе и позже. По сообщению арабского историка XIV в. Ибн Халдуна, «Хулагу и те, кто был после него, считали себя заместителями царя Сарая, а когда утвердился стопа Газана (т.е. с 1295 г. – В. Т.), то он (Газан. – В. Т.) прекратил [доставлять] то, что доставлялось им, посвятил себя зикру и хутбе, отчеканил монету со своим именем...»<sup>46</sup> А. Аль-Холи считает, будто еще до взятия Багдада у Берке с Хулагу началась вражда, поэтому последний никак не мог быть «заместителем царя Сарая», и «высказывание Ибн Халдуна ничего не дает для понимания взаимоотношений между двумя татарскими государствами»<sup>47</sup>. Однако с учетом всех приведенных сведений представляется, что это высказывание как раз подтверждает формально-вассальный характер связи ильханов с Джучидами (формально – потому что Берке и Хулагу на самом деле стали смертельными врагами). И наконец, судя по словам Джузджани, Берке считался сюзереном не только своих и ильханских земель, но и чагатайского Мавераннахра.

Таким образом, в 50-е гг. XIII в. соправительство осуществлялось кааном и домом Джучи по линии Бату и Берке, и «до конца его (Батые. – В. Т.) жизни, а после смерти во времена Сартака и Улагчи»<sup>48</sup> и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана и Бату был проторен путь единения и дружбы»<sup>49</sup>.

*Хубилай – Алгу – Хулагу – Берке, 1260–1265 (1266?).* В 1260 г. новый каан, Хубилай, только что одержавший победу над братом-соперником Ариг-бугой, поддержанным Берке, обратился с посланием к ханам улусов: «В областях смута. От берегов Джейхуна до ворот Мисра (Египта. – В. Т.) войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведасть и хорошо охранять... С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет и ведает улусом и племенами Алгу (внук Чагатая. – В. Т.), а с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять»<sup>50</sup>. Это не просто подтверждение незыблемости улусной си-

<sup>46</sup> Цит. по: Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. С. 36. Не случайно средневековые арабские авторы считали хулагуидский Иран зависимым от Золотой Орды. См.: Федоров-Давыдов Г. А. Золотая Орда и монгольский Иран // Вестник МГУ. Сер. 8. История. М., 1978. С. 26.

<sup>47</sup> Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. С. 36–37.

<sup>48</sup> Сын (Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 223) или брат (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 72) Сартака. Был утвержден Мункэ главой улуса Джучи после смерти Сартака и вскоре тоже умер.

<sup>49</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 81.

<sup>50</sup> Там же. С. 162.

стемы, поскольку Хубилай не оговаривает свою верховную власть над империей. Ее территория делится на «зоны охраны», одну из которых оставляет за собой каан. Хубилай не упоминает золотоордынского правителя, господство которого в северо-западной части державы прочно и неоспоримо. Но налицо попытка изъять из-под юрисдикции Берке земли ильханов (Иран, Месопотамию и Армению), а также Мавераннахр, утвердив Алгу в правах улусного хана. При этом разделение «половин» остается прежним – к востоку от Алтая царствует каан, а на западе, по его предложению, оказывается двое равных соправителей, да еще ханствовавший в улусе Джучи Берке. Такая ситуация сохранялась, видимо, пять лет – до смерти Алгу (1265 или 1266 г.), так как следующий чагатайский хан был избран без каанского ярлыка, а свергнувший его ставленник Хубилая Барак сразу начал войну с Каракорумом.

Уже из неординарного числа соправителей (четыре вместо двух) можно сделать вывод о разложении империи. В последней трети XIII в. происходило необратимое центробежное отделение улусов, оформление их самостоятельной государственности. Вскоре Еке Монгол улус прекратил существовать как единое целое, и вести речь о соправительстве в рамках всей державы Чингисидов после 1260 г. не имеет смысла.

Получило ли соправительство терминологическое оформление, специальную титулатуру? По словам Лубсан Данзана, Чингис-хан поставил Джучи «главным даругачи над кыпчаками»<sup>51</sup>. Армянские средневековые историки приписывали Бату звания «великого военачальника», «главного военачальника Севера», «великого властителя Севера»; Киракос однажды обмолвился о нем так: «носивший титул царского отца»<sup>52</sup>. Все эти титулы и эпитеты употреблены по отношению к конкретным лицам и не встречаются у их преемников, поэтому нельзя видеть в приведенных словах термины, обозначающие соправительство<sup>53</sup>. Вероятно, таких терминов просто не было: выше приводились высказывания Бар Эбрея и Джувейни об отсутствии у монголов развитой титулатуры. Категорично отрицать факт ее применения, конечно, не следует – среди монгольской знати мы встречаем мергенов и багатуров, гованов и ильханов. Но, может быть, в отношении «второго человека государства» такие ограничения имели смысл во избежание сепаратизма на западе. Получается, что соправители в империи были, но особых званий, отражающих эту функцию, не име-

<sup>51</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 230.

<sup>52</sup> Армянские источники о монголах. С. 27; Киракос Гандзакец. История Армении. С. 217, 221, 222.

<sup>53</sup> Впрочем, обратим внимание на приписывание Бату функции главного военачальника и вспомним определение его русской летописью как «первого и великого воеводы» при каане. Эти сведения пригодятся нам ниже, при разборе внутриулусного соправительства.

ли<sup>54</sup>. Поэтому мы введем для них понятие «старший хан западных улусов», каковыми действительно являлись один за другим Джучи, Чагатай, Бату, Сартак, Берке и, возможно, Алгу вместе с Хулагу.

### Соправительство в улусах

*Улус Хулагуидов.* Источники не упоминают соправителей ни у Хулагу, ни у его преемников. Может быть, на улусном уровне их и не могло быть? Но вот что рассказывает Марко Поло. Перед сражением со своим племянником и претендентом на престол Аргуном ильхан Текудер-Ахмед обратился к войску: «Вы знаете, почему я должен быть владыкою всего того, чем Абага (прежний ильхан. – *В. Т.*) владел: потому что я сын того же отца (имеется в виду Хулагу. – *В. Т.*), что и он, и покорял те области и царства, чем он владел. Правда, Аргон – сын брата моего Абаги, но никто не скажет, что ему принадлежит властительство... Отец его владел всем этим, как вы знаете; справедливо, чтобы после его смерти стало моим и все то, половиною чего и при жизни его я должен был бы владеть, но по доброте отдал я ему все властительство»<sup>55</sup>.

В ханской речи выделим следующие моменты: ильханы Абага и Текудер-Ахмед – родные братья; Текудер, не царствуя, имел право на половину улуса («должен был бы владеть»); Текудер отказался от нее «по доброте». Следовательно, о соправительстве знали и помнили, но не реализовали. По доброте ли? Сомнительно: как мы видели, соправители на главный престол не допускались, довольствуясь владычеством в своей половине государства. Видимо, Текудер-Ахмед отказался от законных прав, стремясь стать ильханом после смерти старшего брата. Следует учесть еще одно обстоятельство. Ведь этот улус до Газан-хана был формально включен в систему соправительства каана и старшего хана западных улусов. Двойное подчинение не позволило ильханам оформить свои владения по старым традициям кочевого суверенитета, т.е. учредить институт двух правящих ханов.

<sup>54</sup> Неизвестно также о какой-либо церемонии назначения соправителя. Источники иногда фиксируют лишь факт назначения и изредка «напутствие» верховного хана. Можно предположить, что церемония выделения западной половины государства ограничивалась выдачей соответствующего ярлыка. Однако таких данных нет, а вот о позднейшей эпохе имеется следующая информация: в Ногайской Орде XVI в. провозглашение очередного западного соправителя-нурадина сопровождалось обрядом, при котором бий (государь ногаев) торжественно вел под уздцы коня нурадина, что, с точки зрения Е. А. Поноженко, должно было подчеркнуть получение этой должности из рук бия и вассальную зависимость от него нурадина (*Поноженко Е. А. Политический строй ногайцев в XV – середине XVII в. // Известия АН ТССР. Сер. общественных наук. 1987. № 6. С. 35*).

<sup>55</sup> Книга Марко Поло. С. 217.

*Юань*. В Юаньской империи – обособившейся в 60–70-х гг. XIII в. части державы Чингисидов в Монголии, Китае, Тибете и Корее – соправительство было заметнее. Император-каан имел резиденцию в Ханбалыке (Китай), а Монголия отдавалась в управление двум лицам – наследнику престола (хуан-тайцзы) и «князю по происхождению» (цзинь-ван). Назначение будущего правителя в домен диктовалось практическими соображениями – приучением его к управлению и предотвращением попыток борьбы за престол со стороны местных Чингисидов<sup>56</sup>. Присмотримся ко второй фигуре – цзинь-вану («джинонг» в монгольском произношении). Именно он являлся реальным правителем Монголии, хотя был рангом ниже наследника. Первым джинонгом стал назначенный в 1292 г. на этот пост Хубилаем его внук Гаммала, о котором Рашид ад-Дин сообщает как о наместнике Монголии (Каракорума, Онона, Керулена, Кэм-Кэмджиута, Селенги, Баялыка, «великого заповедника Чингиз-хана») <sup>57</sup>. Примерно то же говорится в «Юань ши»: «Вы (Гаммала. – В. Т.) по положению цзинь-вана управляли четырьмя великими орду Чингиз-хана и всей территорией государства, где ступали копыта коней [наших] воинов, и совершили десять тысяч подвигов»<sup>58</sup>. Джинонгами за всю юаньскую историю были только три человека: Гаммала, его сын Есун-Тэмур и сын последнего, Бадима-иргэлбу (или Бадам-рэгджибу)<sup>59</sup>. Есун-Тэмур, пережив в своей должности четырех императоров, сам сел на престол (1324–1328). После его таинственной смерти, одновременной с кончиной сына-джинонга, соправители в «Юань ши» не упоминаются.

Итак, джинонг – это наследственная должность; он управлял северной частью империи и подчинялся каану; первый джинонг был младшим родственником государя-основателя империи. Должность джинонга не давала права на наследование престола; для этого был принц хуан-тайцзы, а воцарение Есун-Тэмюра – узурпация. Статус джинонга совпадает со статусом общеимперских западных соправителей. Существенное отличие между джинонгом и старшими западными ханами заключалось в том, что под властью цзинь-вана находился северный, а не западный регион. Но это кажется юаньской модификацией, так как позже, в XV–XVII вв., в Монголии джинонги являлись владельцами за-

<sup>56</sup> Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской династии. С. 62.

<sup>57</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 206–207.

<sup>58</sup> Цит. по: Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской династии. С. 63.

<sup>59</sup> Gombojab H. The First Jinong of the Mongols // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар, 1978. Б. 1. С. 298–299.

падных земель (правого крыла) ханств, подчиненными хаганам – восточным правителям, начальникам левого крыла<sup>60</sup>.

Улус Джучи. Лубсан Данзан пишет, что при определении удела для Джучи, кроме провозглашения его правителем западной половины государства, Чингис-хан назначил «[для управления] землю оросутов и чэркисутов Хукин-нойона... [со словами]: “Отдели западную сторону владения Джочи!”»<sup>61</sup>. Далее о судьбе Хукин-нойона ничего не говорится. Скорее всего приказ Чингиса тогда не был реализован: в 1225 г., когда он отдавался, Северный Кавказ (чэркисуты) и русские княжества еще не покорились монголам, а начавшиеся в середине 30-х гг. XIII в. войны в Восточной Европе велись под руководством сыновей Джучи и полководца Субедэя<sup>62</sup>. Но сейчас важно отметить, что сам Чингис заложил основы раздвоения Джучиева улуса. В восточной его части предполагалось ханствование царевича со ставкой «в пределах Ирдыша»<sup>63</sup>, в западной же – правление наместника, подчиненного держателю улуса (так как речь шла не о наделении Хукин-нойона самостоятельным уделом, а лишь об отделении части владения старшего Чингисида)<sup>64</sup>. Эта же система закрепились среди потомков Джучи.

Улус был поделен между старшими сыновьями Джучи – Орду-эдженом и Бату. Остальные Джучиды оказались распределенными между этими крыльями – правым, западным (Ак, т.е. Белая Орда) и левым,

<sup>60</sup> Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 143–144.

<sup>61</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 232.

<sup>62</sup> Уточнение в монгольском источнике этнического состава населения западной половины владения Джучи заставляет усомниться в предположении В. П. Юдина о том, что до похода 1236–1238 гг. на Булгарию и Северо-Восточную Русь разделение улуса на крылья касалось только земель на восток от Яика до Иртыша: Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 424–425.

<sup>63</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 78.

<sup>64</sup> Из общей схемы здесь выбивается лишь то, что Хукин-нойон не принадлежал к «золотому роду»; поэтому он может считаться не соправителем Джучи, а только военным предводителем крыла. Если Хукин-нойон у Лубсан Данзана и Хушитай-Байку у Рашид ад-Дина – одно и то же лицо, то можно добавить, что этот военачальник командовал правым крылом армии Бату, которая, в свою очередь, имела статус правого крыла Джучидов. Позднее данный пост перешел к его сыну (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 172). Т.е. после смерти Чингис-хана и Джучи во главе крыльев улуса встали дети последнего, а Хукин (Хушитай-Байку) оказался у них армейским предводителем одного из улусных крыльев. По сведениям «Тайной истории монголов», некий Хунан был определен Чингис-ханом в качестве нойона-темника под началом Джучи: Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 163–164.



восточным (Кок, т.е. Синяя Орда)<sup>65</sup>. В каждой из Орд был свой хан. Отношения между ними мы и попытаемся рассмотреть.

Прежде всего следует отметить фактическое равноправие этих линий Джучидов: правители обоих крыльев являлись каждый «самостоятельным государем своего улуса»<sup>66</sup>. Это же отмечал Марко Поло, упоминая о Кончи, внуке Орду-эджена: «Царь их (т.е. татар Синей Орды. – В. Т.) никому не подвластен, хотя он из рода Чингисхана, то есть императорского, и близкий родственник великого хана (каана)»<sup>67</sup>. Как эта неподвластность воспринималась, например, первыми ханами Сарая, которые, кроме управления западными Джучиевыми землями, были признаны старшими ханами всех западных улусов? Выше приводилась информация Джузджани об отказе Бату от каанского трона в 1251 г. Цитирую: «Я и мой брат, который есть Барка, обладаем [уже] столь большой властью и уделом в этой части [империи]...» и т.д.<sup>68</sup> Ссылка на Берке выглядит неестественно, так как, насколько известно, последний не претендовал на какое-либо исключительное место в Золотой Орде в период ханствования старшего брата, являясь одним из «рядовых» царевичей-Джучидов. Резоннее было бы видеть на его месте в данном тексте Орду-эджена. Едва ли Джузджани разбирался в тонкостях структуры улусов и крыльев монгольского государства, и пояснение: «который есть Барка» – представляется домыслом автора, считавшего Берке могучим владыкой еще до его воцарения. О существовании соправителя в лице Орду-эджена Джузджани, судя по его сочинению, и не подозревал.

И Рашид ад-Дин, и Марко Поло называют правителей левого крыла государями, ханами, уравнивая их в статусе с домом Бату. Самостоятельность восточных Джучидов проявлялась и во внешнеполитических (точнее, межулусных) отношениях. Во времена жестокой борьбы Берке и его преемников с Хулагуидами внук Орду-эджена, Кончи, и правнук Баян не только не враждовали с ильханами, но и

<sup>65</sup> Белый (ак) и синий (кёк) – традиционные тюркские символы восточной (левой) и западной (правой) сторон. Такая же ориентировка практиковалась у средневековых монголов (Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках; *Gabain A. von. Die alttürkische Literatur // Philologicae Turciae Fundamenta. Wiesbaden, 1964. Т. 2. S. 211; Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Fardenzeichnungen in den altaischen Volkernamen // Saeculum. 1954. Т. 5. S. 472*). Относительно улуса Джучи вопрос о цветообозначениях крыльев разобран Г. А. Федоровым-Давыдовым: *Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 141–144.*

<sup>66</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 66.*

<sup>67</sup> Книга Марко Поло. С. 225.

<sup>68</sup> *Tabakat-i-Nasiri (Насирыны разряды). Vol. 2. P. 179.*

«беспрестанно» слали к ним гонцов «с изъявлением любви и искренней дружбы»<sup>69</sup>.

По обычной схеме западная половина державы должна быть «младшей». Действительно, Мункэ, направляя ярлыки Джучидам, писал имя Орду впереди, признавая его старшинство<sup>70</sup>. То же, вероятно, имел в виду и Карпини, называя Орду-эджена «старшим над Бату»<sup>71</sup>. Но в северо-западном улусе Монгольской империи произошло смещение понятий о старшинстве ханов настолько, что у потомков Орду «был такой обычай, что они признают царями и правителями своими преемников Бату и имя их пишут на ярлыках своих сверху»<sup>72</sup>. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, это свидетельствует, с одной стороны, о вассальной зависимости одной линии Джучидов от другой, но выражавшейся лишь во внешнем почитании золотоордынского хана, с другой – о фактической неподчиненности восточного удела Ак-Орде<sup>73</sup>. Причина – в конкретной ситуации усиления Батыея и приобретения им статуса старшего хана западных улусов. И после прекращения каанско-джучидского соправительства Кок-Орда «по инерции» оставалась подвассальной Сараю. Это выражалось, в частности, в утверждении восточных ханов белоордынским ярлыком, приездах их по вызову в волжскую столицу, участии в курултаях; все это у Натанзи названо «большой дорогой службы», «повиновением и подчинением» государям Ак-Орды<sup>74</sup>.

В разобранные выше параметры соправительства вполне укладывается сосуществование ханов Белой и Синей Орд. Но и оно не было последней ступенью раздвоения улусного управления у Джучидов.

*Хан и беклербек в Белой Орде улуса Джучи.* В исследованиях последнего времени утвердилось мнение о беклербеке как о главе военно-улусного ведомства Золотой Орды, главнокомандующем ее армией. Кроме того, являясь вторым после хана лицом, он ведал дипломатическими сношениями и был наделен высшей судебной властью<sup>75</sup>. Беклербек – старый титул; у огузов в IX–X вв. его давали командирам крыльев (бег-лер-бег), он существовал в государстве Великих Сельджуков (бейлербей, амир ал-умара). В XIII–XIV вв. это звание носил старший

<sup>69</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 67.

<sup>70</sup> Там же. С. 66.

<sup>71</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 73.

<sup>72</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 66.

<sup>73</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 57.

<sup>74</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 68, 130; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 129.

<sup>75</sup> Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 170–171; Федоров-Давыдов Г. А. Золотая Орда и монгольский Иран. С. 29.

из четырех улусных эмиров хулагуидского Ирана, распорядившийся «единолично в деле войсковом»<sup>76</sup>.

О Ногае, первом обладателе этого титула в Ак-Орде, источники пишут как о главном предводителе войск при Берке<sup>77</sup>. Но что характерно – только при Берке. Информация Казвини о том, что Ногай был начальником войска (эмир-и лашкар) улуса до Тохты и при нем<sup>78</sup>, вовсе не подразумевает общеармейских полномочий (тогда Ногай был бы назван «амир ал-умара»). Едва ли можно утверждать, что Ногай, как и его «коллега» в Иране, реально имел под началом все вооруженные силы улуса. Хан Тула-буга в 1285 г. «отправился с войсками своими в землю Краковскую... Он послал также к Ногаю, приказал ему двинуться с находящимися у него войсками... Ногай отправился с теми десятками тысяч, которые были у него»<sup>79</sup>. Постоянные ли это воинские формирования или же выделенные Ногаю перед походом? Постоянные, так как Ногай ведал правым крылом белоордынского улуса<sup>80</sup>. На этот факт обратил внимание Г. А. Федоров-Давыдов. Он обнаружил разделение Ак-Орды при хане Мункэ-Тэмуре (1266–1282) на крылья – левое, восточное, во главе с ханом (значит, старшее), с главным военачальником Маву, командиром армии крыла, и правое, западное, во главе с Ногаем и его военачальником, командиром армии крыла Тайра<sup>81</sup>. Спрашивается: зачем главнокомандующему улусными войсками, каковым якобы являлся Ногай, еще один военачальник? Зачем военачальник хану, у которого армией будто бы командовал беклербек?

В том-то и дело, что в Белой Орде, скорее всего при развале империи – как раз в период ханствования Мункэ-Тэмуре, сформировалось соправительство. А при отсутствии особой титулатуры соправитель довольствовался не совсем уместным званием главного ханского полководца. Такое же положение было у хондемировых Кубль-хана и Каджули-бахадур, а также у Бату в 1241–1242 гг., у первых ханов джучидских крыльев, первых Джучидов: по словам Вассафа, «Бату сделался наследником царства отцовского, а четыре личные тысячи Джучиевы...

<sup>76</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 249; Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. С. 22; Das Mongolische Weltreich: al'Omari's. Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-absār fi mamālik al-amsār. Berlin, 1955. S. 153; Spuler B. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanenzeit, 1220–1350. S. 400.

<sup>77</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 101, 360, 434.

<sup>78</sup> Там же. Т. 2. С. 91.

<sup>79</sup> Там же. Т. 1. С. 106, 156.

<sup>80</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 105.

<sup>81</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 58–60.

составлявшие более одного тумана живого войска, находились под ведением старшего брага, Хорду»<sup>82</sup>. Хотя, как мы видели, Орду-эджен в равной степени мог быть назван наследником главы улуса<sup>83</sup>.

Раз Ногай был главой правого крыла, то он должен был иметь удел «справа» – на западе. Западные границы Золотой Орды примыкали к Византии, поэтому именно ромейские писатели обрисовали пределы владений Ногая. Эта информация была обработана Н. И. Веселовским и В. Л. Егоровым; по их мнению, под управлением первого беклербека находились Крым, заднепровские области и левобережье Дуная<sup>84</sup>. Причем Георгий Пахимер прямо называет подданных Ногая западными тохарцами, в отличие от просто тохарцев во главе с ханом<sup>85</sup>. Другие источники также упоминают территории и подданных, находившихся под управлением Ногая. Эмиры, недовольные ханом Тохтой, ушли к Ногаю, который отвел им места «на своей земле»; для обсуждения ханских приказов он собирал «старейшин своего народа и советников своих». Значит, у Ногая были свой улус и своя армия. Он и сам говорил о своем царстве и войске<sup>86</sup>.

Теперь посмотрим, каким образом пост беклербека, начальника правого крыла, соотносился со званием хана. Напомню, что Ногай – Чингисид по линии Мувала, седьмого сына Джучи. Исследователи вслед за Н. И. Веселовским отказывают Ногаю в праве на престол из-за того, что его прадед Мувал был якобы побочным сыном<sup>87</sup>. Только С. Закиров обосновал свое мнение ссылкой на источник (Рашид ад-Дина). Но в указан-

<sup>82</sup> *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 84–85.

<sup>83</sup> Азиатские, европейские, тихоокеанские и другие аналогии такой ситуации, когда соуправляющий монарх или вождь считается главой войска: *Hocart A. M.* Kings and Councillors: An Essay in the Comparative Anatomy of the Human Society. Cairo, 1936. P. 159–160, 178, 181.

<sup>84</sup> *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // ЗРАН. Сер. 8. 1922. Т. 13. № 6. С. 23; *Егоров В. Л.* Развитие центрбежных устремлений в Золотой Орде // ВИ. 1974. № 8. С. 40.

<sup>85</sup> Георгия Пахимера история Михаила и Андроника Палеологов. СПб., 1862. Т. 1. С. 165, 211.

<sup>86</sup> *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 86; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 110.

<sup>87</sup> *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. С. 39; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 86; *Егоров В. Л.* Развитие центрбежных устремлений в Золотой Орде. С. 40–41; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 63. Г. А. Федоров-Давыдов, напротив, считает, что у Ногая были какие-то права на трон как у старшего в роде по отношению к Тохте: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 73. Но ведь Ногай сам настоял на воцарении этого хана: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 108.

ном С. Закировым месте «Джами ат-таварих» хронист просто перечисляет потомков Джучи, ни слова не говоря об ущемлении в правах кого-либо из них, не разделяет царевичей на «законных» и «незаконных»<sup>88</sup>. Другое дело, что престол был закреплен за домом Бату, однако в таком случае надежды на царствование не было не только у ветви Мувала, но и у других Джучидов, кроме Орду-эджена и его потомства в Синей Орде. Может быть, Мувалу и отпрыскам его было поручено управление западными кочевьями Ак-Орды, и эта функция перешла к Ногаю по наследству? Такая мысль уже высказывалась М. Г. Сафаргалиевым, хотя для ее подтверждения, по справедливому замечанию Г. А. Федорова-Давыдова, требуется доказать тождественность Мувала и Мауцы, который, как пишет Карпини, кочевал у Днепра<sup>89</sup>.

Но и без доказательства этого частного положения ясно, что отношения хана и беклербека подобны связям каанов и старших западных ханов, «белых» и «синих» Джучидов, которые не претендовали на троны друг друга. С одной стороны, беклербек подчинялся хану, о чем заявлял и сам Ногай<sup>90</sup>. Хан по своему усмотрению мог направить армию западного «вассала» на военные действия, чему пример – польские походы 1285 и 1287 гг.<sup>91</sup> В перечне адресатов, получавших подарки и принимавших посольства от дружественного Золотой Орде египетского султана, Ногай всегда называют после хана<sup>92</sup>. Полную подчиненность «князя князей» сюзерену мы видим в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и Джанибеке. С другой стороны, беклербек выглядит как равновеликий с ханом правитель. Ногай называют царем не только восточные, русские и западноевропейские наблюдатели<sup>93</sup>, но и его антагонист хан Тохта, приказывая казнить убийцу Ногая: «Про-

<sup>88</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 75–76.

<sup>89</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 70; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 42; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 53.

<sup>90</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 86.

<sup>91</sup> Георгия Пахимера история Михаила и Андроника Палеологов. С. 211. «Нелюбовье» между Ногаем и Тула-бугой, когда «боястася сии сего, а сей сего» (Ипатьевская летопись. Стб. 892, 895), ни в коей мере не опровергает тезиса о существовании формально-вассального отношения беклербека к хану.

<sup>92</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 67, 69, 155.

<sup>93</sup> Владимирский летописец. С. 97; Книга Марко Поло. С. 232, 234; Летопись по Воскресенскому списку С. 176–178; Московский летописный свод конца XV века. С. 154–156; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 327–328; Патриаршая, или Никоновская, летопись. С. 161–164, 169; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 195.

стой народ, да не убивает царей!»<sup>94</sup> Ногай самостоятельно обменивался посольствами с иностранными державами, воевал с Литвой, предоставлял русским князьям свои отряды<sup>95</sup>, во время распри улусных владетелей поддерживал дружественные отношения с Хулагуидами, а в ходе своего конфликта с Тохтой пожелал перейти в подданство к ильхану Газану<sup>96</sup>.

С. Закиров видит в самостоятельной внешней политике первого беклербека знак непризнания им законности ханов после Берке, в том числе и Тохты<sup>97</sup>. Но ведь сам «Ногай вручил ему (Тохте. – В. Т.) царство и утвердил его на нем»<sup>98</sup>. Вопрос о легитимизме обладания престолом решался вековыми обычаями, установками *töry* и, возможно, *ясой*; утверждение государя в правах происходило на совещаниях улусной аристократии. Для разрешения споров вокруг трона после свержения Туда-Мункэ (1287) Ногай дважды предлагал собрать *курултай*<sup>99</sup>, что было бы странно для сепаратиста. Его действия диктовались не оппозицией законным ханам, а полученным в свое время от Бату указом, «что если кто-либо в его (Бату. – В. Т.) улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я (Ногай. – В. Т.) расследовал это [дело] и склонил их сердца к согласию друг с другом»<sup>100</sup>. Руководствуясь этим приказом, Ногай пытался «устанавливать всякую справедливость», т.е., похоже, отвечал, кроме всего прочего, и за соблюдение законов *ясы* на территории Ак-Орды. А если мы присовокупим к этому и наличие у него своего удела с войском, и автономию, граничащую с независимостью, и командование правым крылом, и близкое родство с местной династией, и положение «старшего в роде»<sup>101</sup>, то обнаружится

<sup>94</sup> Там же. С. 383.

<sup>95</sup> *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. С. 27.

<sup>96</sup> *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 86–87.

<sup>97</sup> *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). С. 63–65.

<sup>98</sup> *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 108.

<sup>99</sup> *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 84, 85.

<sup>100</sup> Там же. С. 84.

<sup>101</sup> *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 83; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 73. Чагатай считался «старшим в роде» (*ака*) и хранителем *ясы* (Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. С. 48; *Hambis L., Pelliot P.* Le chapitre CVII du Yuan che. Le genealogies imperiales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945. P. 51). Но объяснение автономии Ногай только как старейшины рода кажется несостоятельным. Мункэ-Тэмур и Туда-Мункэ, в правление которых Ногай «уже начальствовал у них», т.е. у Джучидов (*Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 155), являлись его старшими троюродными братьями, а старшинство началось только с воцарением потомков Джучи в четвертом колене – Тула-буги и Тохты.

идентичность его статуса положению Чагатая при Угедэе, но в пределах одного из улусов. Позиция Ногая в улусе была такой же, как и положение Бату в империи 50-х гг.: соправитель не мог нарушить традицию и занять место государя. Предводительство над правым крылом закрывало и Ногаю, и Бату путь к вершине государственной иерархии.

Испытав всеилие беклербека, Тохта и наследовавшие ему ханы, судя по всему, более не помышляли о назначении «эмира эмиров» западным наместником. Исчезло ли после этого соправительство? Ведь оно было сопряжено с расчленением армии «белых» Джучидов на крылья. Посмотрим на события после разгрома Ногая (1300). Тохта разделил улус с братом Сарай-бугой («поставил на место Ногая»), который оказал покровительство «ногаевичу» Тураю и приютил его. Поддавшись на уговоры Турая, соправитель восстал против Тохты, погиб в бою и был замещен абсолютно лояльным ханским сыном Ильбарсом (Ирбысаром). Этот царевич стал, вероятно, беклербеком, так как «исполнял при отце должность командующего войсками»<sup>102</sup>. Позже беклербеки до «взлета» Мамая не посягали на соправительство.

На основании вышеприведенного материала можно сделать вывод, что отношения ханов Белой Орды с беклербеком строились по тем же канонам, что и у соправителей в имперском масштабе (ближайшие соответствия – Чагатай и Угедэй, Бату и Мункэ).

Если такой институт существовал у западных Джучидов, мы вправе искать его и в уделе Орду-эджена.

*Кок-Орда.* Сведения по ранней истории восточной части улуса Джучи очень фрагментарны. О ее внутреннем делении никаких данных нет. Рашид ад-Дин сообщает, что Орду-эджен составил левое крыло вместе с тремя или, по другому списку рукописи, четырьмя братьями – Удуром, Туга-Тэмуром, Шингкурором и Сингкумом<sup>103</sup>. Не известны ни территории уделов названных царевичей, ни их отношения с ханом Синей Орды. Зато известен владелец-держатель улуса, примыкавшего к ней «справа», с запада – пятый сын Джучи, Шибан.

По возвращении из европейского похода Бату выделил ему земли «между моим юртом и юртом старшего брата моего Ичена», т.е. Орду-эджена, с летними кочевьями на восток от Яика до Южного Урала, зимними – в Южном Казахстане, к северу от Сырдарьи<sup>104</sup>. Долгое время Шибаниды считались князьями левого крыла Джучиева улу-

<sup>102</sup> Там же. С. 118, 161–162.

<sup>103</sup> *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 66; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 41.

<sup>104</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 73; Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906. С. 160.

са<sup>105</sup>. Какой-либо аргументации для обоснования этого предположения не привлекалось, если не считать указания Н. Н. Мингулова на то, что владения Шибана, как и удел Орду-эджена, у Абулгази и других восточных авторов назван Ак-Ордой<sup>106</sup>. Г. А. Федоров-Давыдов и В. Л. Егоров отнесли Шибанидов к правому крылу. Доказательства таковы: имени Шибана нет среди Джучидов, состоявших, по словам Рашид ад-Дина, в крыле Орду-эджена; в источниках XVI–XVII вв. узбекские ханы-Шейбаниды отнесены к Ак-Орде; в сочинении Махмуда ибн Эмир Вали «Бахр ал-асрар» (XVII в.) говорится, что Шибан командовал правым крылом войска Бату; часть улуса Шибана – Ибир-Сибир – названа Муин ад-Дином Натанзи (XV в.) среди территорий правого крыла; внук Шибана, как сообщает Рашид ад-Дин, возглавлял караульные отряды татар под Дербентом<sup>107</sup>.

Итак, сообщения источников сводятся к следующему: Шибан был командиром правого крыла; население его улуса, получившее позднее имя узбеков, относилось к правому крылу, территория его улуса (Ибир-Сибир) – тоже. Район, народ и начальник правого крыла по

---

<sup>105</sup> *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 32; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 310, 408; *Савельев П. С.* Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // ТВОРАО. 1858. Ч. 3. С. 355, 357; *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502. S. 25.

<sup>106</sup> История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 150. Впоследствии Н. Н. Мингулов решил, что цветовые обозначения применялись только для восточной половины улуса Джучи: владения Шибана – Кок-Орда, владения Орду-эджена – Ак-Орда. В качестве довода использована информация источника XVII в. «Фирдаус ал-икбал» о походе Мункэ-Тэмюра в неподвластную ему Кок-Орду: *Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 85. Н. Н. Мингулов заключает, что речь идет о походе в улус Шибана. Но источник не идентифицирует Кок-Орду с чым-либо улусом. Ее столица Сыгнак находилась очень далеко от Сарая, откуда обычно отправлялся в походы Мункэ-Тэмур. Едва ли хан в данном походе совершил набег именно на Сыгнак. Скорее всего, сведения «Фирдаус ал-икбал» свидетельствуют о более широком применении и распространении термина «Кок-Орда», чем домениальная провинция Орду-эджена. Мнения И. Н. Мингулова и В. П. Юдина, будто территория Шибанидов составляла некую «буферную зону», «Серую Орду» между владениями Бату и его старшего брата (*Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам истории Ак-Орды. С. 83; *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... С. 130), все же не могут опровергнуть тезиса о принадлежности юрта Шибана к одному из крыльев. Ведь о трехчленном делении ханства Джучидов никаких данных нет, а членение его на два крыла абсолютно достоверно.

<sup>107</sup> *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 164; *Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 227, 229; *Он же.* Общественный строй Золотой Орды. С. 57, 144.



тюрко-монгольской традиции должны находиться на западе улуса. Западные же территории Белой Орды до начала XIV в. пребывали, как мы убедились, под верховенством Ногай и, позже, Сарай-буги и Ильбарса – отнюдь не Шибанидов. Ногай являлся и главой правого крыла удельной половины Бату. Выходит, в Ак-Орде был еще один такой военачальник? Тогда непонятно, почему хан выделил Шибану самый «левый» регион – на восточной границе с Орду-эдженом. Ведь в соответствии с рангом полководца правого крыла кочевья Шибана должны были располагаться где-нибудь за Доном. Действительно, сразу после европейского похода во владение Шибана было включено западное пограничье Монгольской империи – Венгрия<sup>108</sup>, но позже этот царевич получил земли в противоположном краю улуса. Тем более неуместно на первый взгляд отнесение у Натанзи Западной Сибири – крайних восточных пределов улуса Джучи – к западному, правому крылу. Да и В. Л. Егоров, исследователь золотоордынской исторической географии, резонно предположил, что межкрыльевой границей был Яик<sup>109</sup>.

По словам Абулгази, Мункэ-Тэмур «владение в Белой Орде отдал... Багадур-хану, сыну Шибан-ханову»<sup>110</sup>. Но Мункэ-Тэмур сам являлся ак-ордынским правителем! Если отбросить мысль о том, что он уступил трон Багадuru или отправил его в Причерноморье (там кочевал Ногай), то остается искать в Деште еще одну Белую Орду. Абулгази также сообщает, будто хан наделил Багадuru «согласно распоряжениям Бату». Поскольку Абулгази приводит только один указ Батыя об определении границ данного им Шибану владения, то можно считать, что имеются в виду именно эти «распоряжения Бату». И Мункэ-Тэмур лишь подтвердил ярлык деда, а Белая Орда – это улус Шибана.

В труде Натанзи цветообозначения крыльев и имена их правителей смешаны и перепутаны. Некоторые аспекты этих несоответствий

<sup>108</sup> Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. С. 159; *Rasonyi L. Türk Devletinin Batıdaki ve İlk Müslüman Türkler*. Ankara, 1983. P. 82. Под управляемой Шибаном «областью Корел» Абулгази и Рашид ад-Дин подразумевают, конечно, не Корелу, а страну «келаров» – «королевство», скорее всего Венгрию (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 67, 76; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 78–79; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 23; *Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'or*. P., 1949. С. 115–162.

<sup>109</sup> *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 161; см. также: *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. С. 502.

<sup>110</sup> Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. С. 151. См. также: Материалы по истории казахских ханств XV–XVII веков (извлечение из персидских и тюркских сочинений). С. 327, 347. Правда, Махмуд ибн Эмир Вали сообщает, что Багадур выбрал Ак-Орду для поселения сам, без чьей-либо инвеституры.

объяснены Г. А. Федоровым-Давыдовым как слияние представлений о первичном (Бату–Орду) и вторичном (хан – беклербек) делении на крылья<sup>111</sup>. Содержание «Анонима Искандера» показывает, что его автор был больше осведомлен в истории восточных Джучидов, нежели западных. Поэтому он должен был бы лучше разбираться в структуре именно левого крыла. Натанзи локализует крылья так: левое – Улут-таг, Секиз-ягач, Каратал, Дженд, Баркченд, «границы Луса» – все это города и местности в Юго-Восточном Казахстане; правое – Ибир-Сибир, Рус, Либка (вероятно, Литва), Укек (город в Среднем Поволжье), Маджар (город на Северном Кавказе) Булгар, Башгирд, Сарай, Казань<sup>112</sup>. Если принять положение о вторичном раздвоении Кок-Орды, а также гипотезу Г. Е. Грумм-Гржимайло и В. Л. Егорова о границе по Яику, то версия Натанзи оказывается правильной. Ибир-Сибир и Башкирия (владения Шибанидов) в самом деле сформировали правое крыло, но в государстве Орду-эджена. Все же прочие регионы в списке правого крыла (Поволжье, Северный Кавказ и вассальные государства) есть не что иное, как первичное большое правое крыло улуса Джучи. Западных вторичных подразделений улуса (т.е. владений хана Белой Орды и беклербека) хронист в данном случае не касается. Соответственно, южные казахские степи – левое крыло только Синей Орды, в которое, вероятно, и вошли владения перечисленных Рашид ад-Дином четырех царевичей – Удура, Туга-Тэмура, Сингкума и Шингкура.

Как известно, старший Джучид получил в удел домениальные владения отца – Прииртышье<sup>113</sup>. Резиденция Джучи, по словам Абулгази, именовалась Кок-Ордой<sup>114</sup>. Земли по Иртышу действительно включались в первичное левое крыло улуса Джучи, но принадлежали Шибанидам (Ибир-Сибир). Т.е. существовали и две Синие Орды; большая – улусное крыло, охватывавшее и Ак-Орду Шибана, и малая – вторичное крыльевое образование, подчиненное непосредственно Орду-эджену и его потомкам<sup>115</sup>.

Таким образом, если отнести информацию средневековых писателей о Шибанидах не ко всей Золотой Орде, а только к Синей, то картина, кажется, проясняется. Как Ногай возглавил правое крыло у Мункэ-Тэ-

<sup>111</sup> Федоров-Давыдов Г. А. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда»; Он же. Общественный строй Золотой Орды. С. 141–144.

<sup>112</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 127.

<sup>113</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 73; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 78; Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. С. 159.

<sup>114</sup> Там же. С. 151.

<sup>115</sup> Схема в Приложении поможет разобраться в хитросплетениях структуры крыльев.

мура и других государей из дома Бату, так и Шибан был правым полководцем при ханах, происходивших от Орду-эджена, и юрт Шибана был западным, «белым» (Ак-Ордой), по отношению не к сарайским ханам, а к владельцам Сыгнака. В таком случае уже не наблюдается явной несоответственности территорий левого и правого крыльев Золотой Орды<sup>116</sup>. Кроме того, восполняется пробел в схеме военно-административного устройства государства Джучидов: Кок-Орда оказывается так же поделенной пополам, как и ее соседка Ак-Орда<sup>117</sup>. Не случайно при очеред-

<sup>116</sup> Асимметричность крыльев в принципе возможна. Об этом явлении, при-  
сущем вообще дуальной организации см.: *Rivers W. H. R. Social Organization*.  
L., 1926. P. 28. Еще при Чингис-хане войска джунгара почти вдвое превосходили  
по численности армию левого фланга: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1.  
Кн. 2. С. 267, 270. Однако если двукратный количественный перевес еще мож-  
но было бы умозрительно вывести из приблизительно равной площади кочевий,  
занятых контингентом ополченцев, мобилизуемых в каждое крыло, то десяти-  
кратная разница в размерах территории (*Егоров В. Л. Историческая география*  
Золотой Орды в XIII–XIV вв. Карта 2) необъяснима.

Мысль об объединении улусов Орду-эджена и Шибана в одном государстве  
(Ак-Орде) уже высказывалась К. И. Петровым и К. А. Пищулиной (*Петров К. И.*  
Киргизско-кипчакские отношения (к вопросу об этногенезе и переселении кир-  
гизов) // *Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Фрунзе, 1961. Т. 3.*  
Вып. 2. С. 94; *Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – нача-  
ле XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории)*. Ал-  
ма-Ата, 1977. С. 231), но, к сожалению, без единого аргумента. Н. Н. Мингулов  
допустил, что Ак-Орда – это владения Орду-эджена, Кок-Орда – Шибана (*Мин-  
гулов Н. Н. К некоторым вопросам истории Ак-Орды*. С. 85). Абулхайр, объеди-  
нив обе Орды, якобы присвоил этому конгломерату общее имя Ак-Орда (Там же.  
С. 85–86). Но Абулхайр – потомок Шибана, и следовало бы ожидать, что он даст  
своей державе традиционное название владений Шибанидов. Если эти владения  
назывались все же Ак-Ордой, то именно так и произошло в XV в. Т. И. Султанов  
предлагает следующее движение термина «Ак-Орда»: сначала так назывался  
улус Бату, затем это обозначение распространилось на владения Багадура, сына  
Шибана, с усилением узбеков-Шибанидов так стал именоваться весь бывший  
улус Орду-эджена (*Султанов Т. И. О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда* //  
*Известия АН КазССР. Сер. общественных наук. 1972. № 3. С. 74*). В этой схеме  
допускается нетрадиционное для тюрок-кочевников перемещение цветообозна-  
чений крыльев и не объясняется, почему же Шибаниды вдруг стали «белыми».

Интересна интерпретация инвеституры Шибана Н. И. Веселовским: «Орда-  
Ичен от себя дал младшему брату, Шейбани, за храбрость, обнаруженную в по-  
ходе на Русь, особый удел: от верховьев Яика (Урала) до низовьев Сыр-дарьи»  
(*Веселовский Н. И. Золотая Орда* // *Энциклопедический словарь. Полутом 24.*  
СПб., 1894. С. 634). Это самое логичное объяснение географического положе-  
ния и крыльевой принадлежности улуса Шибанидов. Но автор не сообщил, на  
основании каких фактов он сделал подобное заключение. По приведенным мной  
данным, наделение Шибана улусом произвел Бату.

<sup>117</sup> Косвенным подтверждением этому служит информация ал-Муфаддала о  
времени Тохты: «Пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя

ном междоусобице в начале XV в. Шибаниды оказались ближайшими и самыми сильными претендентами на сыгнакский трон: «Так как держава Орды (имеется в виду Орду-эджен. – В. Т.) вследствие вражды между детьми Токтамыша совсем ослабла, то некоторые из потомков Шибана... найдя случай удобным, склонили на свою сторону некоторых и восстали»<sup>118</sup> и, добавив, захватили власть в Кок-Орде.

Командование правым крылом, наличие собственных кочевий и войск, улус на западе государства, близкое родство с сюзереном, «белая» номенклатура – все это позволяет отнести Шибанидов к соправителям ханов Синей Орды<sup>119</sup>. Бытование традиционного кочевого института соправительства в ней тем более объяснимо, если учесть отмеченную Г. А. Федоровым-Давыдовым большую архаичность социальных отношений в восточной половине улуса Джучи<sup>120</sup>.

---

татарскими царями; одним из них был... Токтай... Говорили, что цари, которые были соправителями его, обижали наместников его при [дележе]... доходов» (*Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 195*).

<sup>118</sup> *Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 212.*

<sup>119</sup> К этим признакам возможно отнести и командование Шибаном авангардом монгольской армии во время европейского похода: Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 225, 226. У ряда народов соправитель (или соответствовавший ему на ранних стадиях политогенеза «напарник» главного вождя) кроме прочих функций, в том числе главенства над правым крылом, возглавлял именно передовые воинские отряды (*Hocart A. M. The Northern States of Fiji. L., 1952. P. 177, 179–180*). Махмуд ибн Эмир Вали в «Бахр ал-асрар» утверждает, что Шибан вел правое крыло армии Бату в «семилетием походе» 1236–1242 гг. (*Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 163*); это согласуется и с первоначальным выделением в удел Шибану Паннонии. В том же источнике содержится сообщение о том, что Джучи-буга, сын Багадура, внук Шибана, стоял во главе авангарда во время похода Мункэ-Тэмюра на хулагуидское Закавказье (*Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 163*). Вероятно, наследственностью должности начальника авангарда объясняется и пребывание внука Шибана со сторожевой ратью на Кавказе, на переднем крае борьбы с ильханами (*Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 74*). Но между словами Джувейни о главенстве Шибана над правым крылом и сведениями Махмуда ибн Эмир Вали о командовании авангардом нет неустрашимого противоречия, поскольку пост командира передового войска в условиях жесткой двухкрыльной структуры мог сочетаться с предводительством над барунгаром. Видимо, вся сумма фактов подводит к следующей реконструкции событий. Шибан являлся начальником авангарда и правого крыла при Бату до отвода монгольских гарнизонов из Венгрии за Карпаты (1242). Вновь завоеванные Булгария, Крым, Северный Кавказ и Западный Дешт-и Кыпчак от Дуная до Урала включались в улусную систему и распределялись между царевичами. Вот тогда-то Шибан и был «передан» в крыло к Орду-эджену, оставшись главой авангарда общеджучидского войска.

<sup>120</sup> *Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 138–141.*

Улус Чагатай. Чагатай фактически передоверил управление Мавераннахром хорезмийцу Махмуду Ялавачу, а сам постоянно находился при имперском дворе. О правлении же его сына существует интересное свидетельство Джамала Карши: главой улуса являлся «Йису-Манку ибн Чагатай, а во главе войск [стоял] Бури сын его (Йису-Манку. – В. Т.) брата»<sup>121</sup>. Прерогативы верховного военачальника у ханского брата или племянника уже не должны вызывать у нас удивления. Бури, сын Мутугана, внук Чагатай, в этом смысле становится в один ряд с Бату в 1241–1242 гг., Орду (при Бату), Ногаем и Шибаном. А хронист не оставляет сомнений в стабильном соправительственном положении Бури, описывая улус как достояние именно этих двух Чагатаидов: «Они (Йису-Манку и Бури) (в то время) были довольно могущественны, обладали [достаточной] территорией, властью, оружием, бесчисленным и сильным войском»<sup>122</sup>.

Позднейшие алмалыкские государи, Хара-Хулагу и Алгу, ханствовали единолично, являясь, в сущности, ставленниками каанов, использовавшимися для борьбы с противниками имперского правительства. Именно это обстоятельство породило довольно неожиданную ситуацию с двумя правителями. В 1265 г. вдова Хара-Хулагу, могущественная ханша Эргэнэ, посадила на улусный трон своего сына Мубарек-шаха. Хубилай же выдал ярлык другому Чагатаиду – Бараку, «чтобы Мубарек-шах и он ведали [вместе] тем улусом»<sup>123</sup>. Однако Барак сначала не посягал на престол, даже утаил ярлык и притворился одержимым идеей «собирания» своего личного удела, рассеявшегося в ходе войн. Вскоре он накопил достаточно войск и сверг хана<sup>124</sup>. Мы не можем расценивать эту интригу как акт установления соправительства, так как Барак по приезде в Среднюю Азию не был воспринят как равный Мубарек-шаху династ и не получил, судя по свидетельству Рашид ад-Дина, половинного удела и армейского крыла. Однако обратим внимание, что предложение Хубилая о совместном сюзеренитете двух Чагатаидов расценивалось как вполне возможный и приемлемый вариант политической жизни улуса. Упоминаний о еще каких-либо попытках введения здесь соправительства мной не обнаружено, если не считать нескольких глухих фраз об отношениях сыновей Дува-хана – Эсен-буги и Кебека – в «Анониме Искандера» Натанзи<sup>125</sup>. Собственно, тандем монархов в империях устанавливал-

<sup>121</sup> В издании 1993 г. дана неверная ссылка. Цитируется по позднейшей публикации источника: *Джамал ал-Карши*. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Алматы, 2005. Т. 1. С. 121–122.

<sup>122</sup> Там же. С. 122.

<sup>123</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 91.

<sup>124</sup> Там же. С. 98.

<sup>125</sup> Материалы по истории киргизов и Киргизии. С. 116.

ся во времена их внутренней стабильности, а как раз ее у чагатаев на протяжении XIII в. почти не было.

Завершая рассмотрение конкретных материалов по соправительству в Монгольской империи, кратко укажем на факты подобного рода в вассальных владениях. Известно, что монголы учредили в 1249 г. более чем десятилетнее правление двух царевичей – дяди и племянника – в покоренной Грузии; Хулагу узаконил раздвоение султанской власти между сельджукскими принцами в Румском государстве. Может быть, именно традиционными степными административными установками, а не только расчетом на раскол подданных – потенциальных мятежников диктовалась золотоордынская практика выдачи ярлыков на великое княжение сразу нескольким русским князьям.

### Сопоставление признаков соправительства у кочевников III в. до н.э. – XIII в.

Теперь попытаемся сопоставить выявленные выше закономерности соправительства в Монгольской империи и ее улусах в XIII в. с аналогичными явлениями в государствах и предгосударственных структурах, созданных кочевниками в древности и раннем средневековье. Для сравнения выделим те общие параметры отношений двух соправителей, которые проявились во всех или в большинстве разобранных выше случаев. Такое сопоставление требует привлечения обширного исторического материала. Но изложение и анализ его заняли бы слишком много места, поэтому более целесообразным представляется сведение всех данных в общую таблицу (*Приложение. Табл. 1*).

Из таблицы явствует, что наибольшее сходство с монгольским (имперским и улусным) соправительством обнаруживают Жужаньский, древнетюркские и Караханидский каганаты. Все они связаны между собой: тюрки в VI в. построили свой «вечный эль» на развалинах жужаньского государства, а Караханиды (карлуки, чигили, ягма) воспользовались традициями располагавшегося на их территории Западно-Тюркского каганата.

Общими признаками почти для всех кочевых империй, таким образом, являются: а) разделение державы на две части; б) сюзеренитет над каждой из них особого правителя; в) принадлежность соправителя к одному роду с верховным каганом; г) соправители не наследовали каганский престол; д) чаще всего соправительство устанавливалось после раздела отцовских владений между двумя старшими сыновьями; е) соправительство передавалось по наследству в роде первого соправителя; ж) западная часть державы номинально подчинялась восточной (улус Джучи – исключение, но и там линия Орду-эджена в родственном отношении была старше Батыевой). Л. Квантен уста-

новил несколько пунктов парадигмы соотношения главного кагана и ябгу (начальника правого крыла) в тюркских каганатах VI–VIII вв.: ябгу всегда подчинен кагану; он всегда брат кагана; всегда правит западной частью государства<sup>126</sup>. Л. Н. Гумилев обратил внимание на то, что обычно ябгу не являлся наследником престола, исключая случаи узурпации<sup>127</sup>. Следовательно, самые близкие соответствия монгольское соправительство находит в монархии древних тюрков.

Только для монгольской государственности представляются характерными отсутствие особого титула у младшего соправителя и номинальное замещение им поста главного военачальника<sup>128</sup>.

Вторичное разделение крыльев с появлением соправителей (соответственно меньшего ранга) характерно лишь для огромных империй – древнетюркских и Монгольской<sup>129</sup>.

Все сказанное позволяет заключить, что отношения соправителей в Монгольской империи и ее улусах можно считать традиционным институтом, унаследованным монголами от предыдущих держав.

## КРЫЛЬЯ И УЛУСЫ

В военно-административном отношении Монгольская империя состояла из крыльев и улусов. Улусная система уже столь часто анализировалась историками, что я решил не выделять для нее специального раздела в книге, но остановиться на категории более высокого порядка – крыле, состоящем из нескольких улусов.

Как уже говорилось, Монгольское государство делилось на центр и крылья – правое (барунгар) и левое (джунгар) при формальном старшинстве восточных (левых) ханов над западными (правыми). Теперь поставим вопрос: ранг какого из крыльев у монголов считался выше? Обратимся к мнению авторитетных авторов. Абулгази: «По понятиям монголов, левая сторона почетнее правой, потому что сердце есть царь в государстве тела, а сердце бог устроил на левом боку»<sup>130</sup>. Пэн Дая:

<sup>126</sup> *Kwanten L. Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500. P. 44.*

<sup>127</sup> *Гумилев Л. И. Древние тюрки. М., 1967. С. 53.*

<sup>128</sup> По вопросу о совмещении одним лицом постов соправителя и главного военачальника необходимы дополнительные изыскания в источниках, так как существуют многочисленные соответствия этому вне евразийских степей (см. прим. 82).

<sup>129</sup> Может быть, это имело место и у Караханидов: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 19.

<sup>130</sup> Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. С. 163. По сообщению Махмуда ибн Эмир Вали, теми же соображениями руководствовались позже и узбеки (*Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов // Сочинения. М., 1964. Т. 2. Кн. 2. С. 393.*)

«Самым почетным считается центр, за ним идет правая [сторона], а левая [сторона] считается еще ниже»<sup>131</sup>. Между данными констатациями нет противоречия. Для монголов и некоторых тюркских народов традиционной была южная ориентировка, при которой восток оказывается слева, а запад – справа; у китайцев же, ориентировавшихся на север, наоборот – справа восток, слева запад<sup>132</sup>. Значит, более высокий статус – у джунгара. Но был еще и центр.

### Центр и крылья в Монголии в начале XIII в.

По словам Рашид ад-Дина, центр (гол, или кул) – это личная «тысяча» Чингис-хана под командованием его приемного сына Чагана. При чем «тысяча» не условная, как подобные подразделения в туменах, а реальная: она «не должна превышать тысячу человек»<sup>133</sup>. Персидский хронист говорит о сугубо военном формировании, привилегированном корпусе. Но понятие центра не ограничивалось обозначением десяти сотен гвардейцев. Оно имело и территориальное значение. По воцарении Темучин распределил ополчения монгольских племен и соответ-

<sup>131</sup> «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина. С. 141.

<sup>132</sup> Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. С. 31. Р. Груссе даже думал, что подобные взгляды кочевников на расположение стран света происходили от планов завоевания чужих территорий – «веером на юг»: слева Китай, в центре Туркестан и Иран, справа южнорусские степи (*Grousset R. L'empire des steppes. Attila, Gengis Khan, Tamerlan. P., 1960. P. 283*). На самом деле цветопространственные обозначения улусно-крыльевых образований соответствуют этнокультурному монгольскому стереотипу, в частности ориентировке входа юрты на юг (*Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. С. 16*). Объяснение же старшинства левого крыла расположением сердца представляется позднейшим переосмыслением. Повсеместное в древности распространение дуальной организации и, следовательно, фратрий (предшествовавших и типологически эквивалентных крыльям) позволяет по-иному объяснить причины старшинства левой стороны. Этнографии известны народы как правого, так и левого «приоритета». Интересующий нас второй феномен, по мнению В. В. Иванова, происходит из инверсии естественных отношений между сторонами правой (положительной, мужской) и левой (отрицательной, женской). Он зародился в первобытном обществе от следующих факторов: сакрализации левой руки с целью воспитания праворукости у детей, особенно мальчиков – будущих воинов, которым придется пользоваться оружием; зеркальности мифологической картины мира, где главенство сторон обратно обыденному. Различение правой и левой рук имело, «несомненно, биологическую основу» и было существенным для практической деятельности каждого человека (*Иванов В. В. Левый и правый // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 44*). К этому добавлю, что монгольские обозначения крыльев – барүүн гар и зүн гар – буквально переводятся соответственно как «правая рука» и «левая рука».

<sup>133</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 266.



ственно племенные кочевья по двум крыльям (тогда они назывались туменами) – правому, приалтайскому, и левому, хинганскому, или харун-жидаунскому. Между крыльями-туменами помещался срединный тумен в бассейне Онона, Керулена и Толы<sup>134</sup>. Все три тумена объединялись в удел центра – Голун улус – и представляли собой Коренной юрт, фамильные владения Чингисидов. В качестве домена они должны были перейти к младшему сыну Чингис-хана. Действительно, Толун стал «господином Коренного (монгольского.– В. Т.) юрта» и, кроме того, получил «те из войск Чингиз-хана, что относились к центру, правой руке и левой»<sup>135</sup>. Но это не означает, что младший царевич превратился в командира всех армий империи. Когда шли завоевательные войны и крылья неимоверно разрослись, на исконно монгольской территории сохранялись небольшие подразделения – три тумена, созданные Чингис-ханом в начале XIII в.<sup>136</sup> Только они и достались Толую.

Таким образом, гол охватывал скромную по размерам домениальную область и фактически представлял собой один из улусов Чингисидов первого колена.

### Крылья Монгольской империи

Разделение кочевых армий и населения на крылья спроецировалось на административное устройство всей Монгольской державы. К 60-м гг. XIII в. образовалось четыре больших улуса – Джучи, Чагатай, Хулагу и каана. Попробуем определить их крыльевую принадлежность (*Приложение. Табл. 2*).

Из таблицы видно, что источники согласно относят улусы двух старших сыновей Чингис-хана к правому крылу; столь же единодушно отмечается расположение уделов братьев Чингис-хана в джунгаре империи; удел центра – под началом Толуя. После воцарения Угедэя о центре не упоминается. Создается впечатление, что гол как удельная единица был ликвидирован. В самом деле, на коронационном курултае

<sup>134</sup> Гонгор Д. Халх товчоон. Б. 1. Р. 94–95; Б. 2. Р. 15–24; Он же. К вопросу о формировании халхаской народности. Т. 1. Улан-Батор, 1973. С. 121.

<sup>135</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 274.

<sup>136</sup> Рашид ад-Дин четко разделяет войска Чингис-хана, доставшиеся Толую, и те, что каган «отдал по отдельности другим своим сыновьям и братьям» (Там же. С. 274). Н. Ямада из сообщений китайских источников заключил, что у хунну существовала структура с большими общеимперскими крыльями и малыми, подчиненными непосредственно шаньюю и составляющими центр. Н. Ямада сопоставил ее с разделением монгольского войска на «тысячи», но он рассматривал систему крыльев империи Чингисидов безотносительно к их территориальному расположению, просто отметив сходство с хуннской: Yamada N. Formation of the Hsiung-nu State // АОН. 1982. Т. 36. Р. 577, 578.

1229 г. Чагатай «передал во власть Огодая... Голун улус» вместе с гвардией<sup>137</sup>. Т.е. центр фактически слился с уделом Угедэя, сформировав вместе с ним единый каанский улус. С этих пор имеет смысл вести речь только о двух крыльях, и Угедэидов с Толуидами приходится отнести к князьям левого крыла<sup>138</sup>.

Четкое распределение родичей первого кагана между западным и восточным регионами до воцарения Мункэ выдерживалось строго. Но для 50-х гг. XIII в. у Рашид ад-Дина отмечена другая ситуация: к правому, несомненно джучидско-чагатайскому, крылу приписаны сыновья Угедэя (и внук его) и Толюя. Однако Угедэй единственный раз (в 1213 г.) участвовал в сражениях на правом фланге (см. Приложение. Табл. 2), а позднее получил улус, гол и примкнул к левому крылу. У Толуидов же вообще не было никаких оснований причислять себя к западной половине империи. Дело, видимо, заключалось в следующем.

50-е гг. – период наиболее стабильных соправительственных отношений между кааном (Мункэ) и старшим ханом западных улусов

<sup>137</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 191.

<sup>138</sup> Это подтверждается и принадлежностью урянхатов, обитавших в Северной Монголии и Саяно-Алтае, т.е. на землях Толюя, к левому крылу (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 273). В. П. Юдин полагает, что в Монгольской империи не было центра как административной единицы, так как, во-первых, триада «крыло–центр–крыло» создавалась, по его мнению, только в действующих армиях кочевников; во-вторых, империя делилась на число улусов и имела ханских ставок больше чем три (Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... С. 151). Этот вывод можно было бы сделать из перевода С. А. Козиным одного из распоряжений Чингис-хана: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком» (Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 170). Но монгольский текст гласит: *bidano čaada tumen kešikten kekeleju yeke qol bolun atuqai* (Там же. С. 288), т.е. буквально: «ближайший к нам тумен кешиктенов усилен, великим центром пусть станет». Как видим, здесь не идет речь о военном времени. Из источников видно, что гол все же имел и территориальный статус (гол-ун улус), а количество улусов и главных орд не обязательно было пропорционально крыльевому разделению.

Центр, происходящий от концентрической дуальной структуры, был более пластичен по сравнению с крылом – порождением диаметальной дуальной структуры. По закону Хокарта–Леви–Строса, при наложении концентрической структуры на диаметральную образуется троичная конструкция (крыло–центр–крыло), в которой диаметальный порядок оказывается основным, а концентрический – дополнительным (Иванов В. В. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (рец. на книгу: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964) // СА. 1968. № 4. С. 280; Он же. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // НАА. 1969. № 5. С. 114; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 121). К. Леви-Строс заметил, что обычно восточной части в дуальных структурах приданы и функции центра, западной – функции периферийного круга (Там же. С. 133).

(Бату, Сартак, Берке). Каракорумский государь, не имея в полномочном распоряжении территорий, над которыми господствовали Джучиды, стремился организовать управление подчиненной ему областью по обычному образцу, т. е. поделить ее на джунгар и барунгар. По данным «Джами ат-таварих» видно, что из этих вторичных крыльев правое являлось сферой господства Толуидов<sup>139</sup> (Хулагу, Ариг-буга, Хубилай<sup>140</sup>), а левое оставалось под управлением племянников Чингис-хана. Следовательно, в каанском улусе, т. е. в левом крыле империи (улус Угедэя + Коренной юрт + Северный Китай с Маньчжурией), образовались вторичные крылья. В барунгаре империи их роль играли Белая и Синяя Орды Джучидов, так как земли чагатаев в это время были распределены между соправителями<sup>141</sup>.

### Вторичные крылья (военно-административное деление улусов)

Дуальная структура племени не ограничивалась раздвоением на фратрии, которые у многих народов продолжали дробиться пополам<sup>142</sup>. Соответственно, и на государства, созданные кочевыми наро-

<sup>139</sup> Названный в одном ряду с ними Чагатаид Хара-Хулагу, таким образом, состоит в общеимперском правом крыле.

<sup>140</sup> Назначение Хубилая начальником левого крыла войск в Китае знаменовало начало оформления вторичных крыльев каанского улуса, так как в «Джами ат-таварих» прямо указано, что Хубилай заменил на этом посту Тогачара, племянника Чингис-хана (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 157). Ведь уделы младших борджигинов, в том числе и Тогачара, располагались в Восточной Монголии, Маньчжурии и цзиньской части Китая. На территорию Южной Сун, где воевала армия Тогачара – Хубилая, они не распространялись.

<sup>141</sup> Мункэ овладел Семиречьем, Бату – Мавераннахром (*Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 561, 566; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 71; *Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.* История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1. С. 334, 335).

<sup>142</sup> *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 51; *Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // ПИДО. 1935. № 9; *Hocart A. M.* Kings and Councillors: An Essay in the Comparative Anatomy of the Human Society. Cairo, 1936. P. 175–176, 261, 266, 267. Г. Г. Стратанович и У. Э. Эрдниев указали на двухступенчатость крыльевого деления у монгольских народов: с одной стороны, по отношению к общему построению армии ханства, с другой – по отношению к своему племенному ополчению (если ханство было многоплеменным) (*Стратанович Г. Г., Эрдниев У. Э.* Опыт анализа социальной терминологии // 7-й Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады. М., 1964. С. 4). Сходное явление наблюдается и в древних структурах родства (*Иванов В. В. К. Леви-Строс* и структурная антропология // *Леви Строс К.* Структурная антропология. М., 1985. С. 404, 405). Данная закономерность дуальной организации сформулирована А. Хокартом: в первобытном и раннеклассовом обществе «каждая общественная единица делится на две ритуаль-

дами – носителями сильных родо-племенных пережитков, наложился отпечаток этих явлений: на вторичные крылья распадались тюркские каганаты, дорбэтские княжества и др.

*Улус Джучи.* Двухкрыльная структура здесь начала складываться в середине–конце 20-х гг. XIII в., когда Чингис-хан приказал Хукинойюну отделить «западную сторону владения Джучи». По завещанию, старший царевич получил 4-тысячный корпус, в котором один тысячник, Мунгкур, «в эпоху Бату... ведал [войском] левой руки», а другой, Хушитай-Байку, «ведал барунгаром»<sup>143</sup>. В первом случае мы видим разделение улуса Джучи, во втором – разделение его армии. Но поскольку западный Дешт-и Кыпчак был захвачен после смерти Джучи уже в 30-х гг., то, пожалуй, к этому времени нужно отнести и окончательное оформление двух общеулусных крыльев. Оно произошло, когда старшие Джучиды – Орду-эджен и Бату – воцарились в своих уделах.

*Улус Чагатай.* Источники по бурной истории чагатайского царства XIII в. не дают сведений о его системе крыльев. Правда, известно, что Чагатаю тоже были выделены 4 тыс. воинов<sup>144</sup>, а Чагатаиды Есу-Мункэ и Бури ханствовали совместно. Но неясна принадлежность войска и ханов к джунгару или барунгару улуса. Распад этого государства на Мавераннахр и Моголистан в первой половине XIV в. был вызван не реформами управления, а сепаратизмом тюрко-монгольских правителей восточных районов<sup>145</sup>.

То же можно сказать и о *юрте Угедэя*. Вероятно, хронисты не успели собрать данных насчет системы крыльев: в начале своего правления Мункэ раздал личные войска Угедэя своим союзникам, а армия Угедэя Хайду была набрана из воинов разных улусов<sup>146</sup>.

*Улус Хулагуидов.* В 1270 г. перед сражением с Чагатаидом Бараком ильхан Абага «вверил правое крыло рати Тубшин-огулу (сыну Хула-

---

но противостоящие половины, семейные ветви. Они соотносятся друг с другом как море и суша, побережье и глубинные районы и как передняя и тыльная стороны... как правое и левое, внутреннее и внешнее» (*Hocart A. M. The Northern States of Fiji*. P. 33). Ясно, что это характеристики прежде всего экзогамных фратрий. По мере своего развития и ветвления фратрии все более утрачивают функции брачного обмена и экономические и усиливают свое ритуальное значение. В конце концов они совсем исчезают, оставив след в мировоззрении и общественной жизни (*Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология*. С. 288 и сл.). В нашем случае это пережитки фратриального деления в улусно-крыльевой системе.

<sup>143</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 274.

<sup>144</sup> Там же. С. 275.

<sup>145</sup> *Строева Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика И. Ю. Крачковского. Л., 1958. С. 216–217; *Oliver E. E. The Chagatai Mughals // The Journal of Royal Asiatic Society*. 3ser. 1922–1923. Т. 3 (23). № 1–2. P. 106–108.

<sup>146</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 276.

гу. – В. Т.), а левое крыло – Юшумуну», брату Абаги и Тубшина<sup>147</sup>. Юшумун по приказу Хулагу управлял Арраном и Азербайджаном – западом улуса, оставался он там и при Абаге. Тубшин же находился со своими войсками «слева», на востоке – в Хорасане и Мазендеране «до берегов Амуйе»<sup>148</sup>. Видимо, система крыльев была не такой жесткой и устоявшейся, как разграничение Золотой Орды на Белую и Синюю, поскольку позже ильхан Газан назначил наместником Хорасана сына Юшумуна, переместив его таким образом из правого крыла в левое<sup>149</sup>.

Упомянутый в истории Хулагуидов «великий центр» (кул-и бузург) функционировал в военное время, так как объединял личные войска улусного хана и находился под его непосредственным командованием. Административная должность начальника центра (чарик-и кул) предполагала контроль за обеспечением, боеспособностью и численностью воинов этого подразделения<sup>150</sup>.

*Улус каана.* Выше отмечалось, что в регионе джунгара империи возникли вторичные крылья. Есть основание полагать, что на этом не закончилось дробление. Мункэ, поручив братьям командование армиями, послал их на запад и на восток, «чтобы оба они с ратями, которые у них имелись, были бы его правым и левым крылом». Хулагу предназначались «Иранские земли, Сирия, Миср, Рум и Армения», Хубилаю – «Хитай, Мачин, Карананак, Тангут, Тибет, Джурджэ, Солонга, Гаоли и в части Хиндустана, смежной с Хитаем и Мачином»<sup>151</sup>. Толуиды явно планировали увеличить свою часть державы, не посягая на ее барунгар и владения братьев Чингис-хана. В разделе о каанско-джучидском соправительстве мы выдвинули предположение о формальной подчиненности Хулагу Золотой Орде. В свете же данных о приказах каана, отданных Хубилаю и Хулагу, получается, что конституирование юго-западного улуса представлялось центральному правительству вне связи с Сараем.

Налицо два направления в отношении государства Хулагуидов. Линия Каракорума – подчиненность его только каану на правах барунгара вторичного правого крыла, т.е. по нисходящей (см. Приложение. Схема): империя – ее левое крыло во главе с кааном (в правом – Джучиды) – его правое крыло во главе с кааном (в левом – братья Чингис-хана) – его правое крыло во главе с ильханом. Линия Золотой Орды – подчиненность Хулагуидов Джучидам. Одно время ильхан действительно расценивался как «наместник царя Сарая» (Ибн Хал-

<sup>147</sup> Там же. Т. 3. С. 77, 80.

<sup>148</sup> Там же. С. 61, 67. Тубшин был, скорее всего, главным военачальником крыла, поскольку общее управление восточными землями обычно поручалось, как и у хуннов, наследникам, старшим сыновьям ильханов (Там же. С. 61, 110, 111).

<sup>149</sup> Там же. С. 167.

<sup>150</sup> Там же. С. 183, 285.

<sup>151</sup> Там же. С. 23.

дун). Не случайно, узнав о каанском ярлыке – назначении Хулагу улусным правителем, царевичи-Джучиды, бывшие в его войске, «пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву... не захотели признать его ханом»<sup>152</sup>, за что и были им казнены.

Политика самих ильханов двойственна. С одной стороны, близкое родство с верховными государями, практика каанской инвеституры, использование каанской печати в документах и имени Мункэ на монетах, отчисление части военной добычи каану, постоянное присутствие его наблюдателей в ставке Хулагу<sup>153</sup> свидетельствуют об их ориентации на Каракорум. Ал-Омари даже сообщает, будто «Хулаку всю жизнь... управлял не как независимый государь, но лишь как наместник (на'иб) своего брата Мунку Кана», т.е. Мункэ<sup>154</sup>. Но, с другой стороны, хутба в честь Берке говорит о признании старшинства Джучидов. Однако и та и другая тенденции становились все более призрачными, и к концу XIII в. царство ильханов стало полностью независимым от каких-либо вышестоящих государей. Этому способствовали также ухудшение его отношений с Золотой Ордой и значительная удаленность от улуса каана, путь к которому преграждали обширные земли чагатаев и владения Угедэида Хайду, не признававшего над собой чьей-либо власти.

В целом военно-административная структура империи представлена в *Приложении (Схема 1)*.

### Сопоставление монгольской системы крыльев с аналогичными структурами у кочевников III в. до н.э. – XIII в.

Обратимся к *Табл. 3*. Получается, что почти все государства, созданные кочевниками, делились на крылья, иногда с центром. Допускаю, что в отношении многих из них сведения о центре в источники не попали. Лишь для крупнейших держав характерна полиэтничность крыльев. Военно-административное устройство Монгольской империи в период ее могущества по разбираемым показателям имеет полное сходство со структурой тюркских каганатов VI–VIII вв. Вообще система крыльев Еке Монгол улуса, а также в улусах Джучидов и Хулагуидов находит наиболее близкие соответствия у хунну и древних тюрков.

<sup>152</sup> История монголов инока Магакии, XIII века. С. 24.

<sup>153</sup> Das Mongolische Weltreich: al'Omari's. Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-absār fi mamālik al-amsār. S. 103; Schurmann H. F. Problems of Political Organization during the Yuan Dynasty // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 5. P. 27; Spuler B. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanenzeit, 1220–1350. P. 265; Tabakat-i-Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia. P. 1256–1257.

<sup>154</sup> Das Mongolische Weltreich: al'Omari's. Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-absār fi mamālik al-amsār. S. 91.

Для проверки этого вывода сравним территориальные разделения туцзюэ и монголов. Монгольская империя и первый Тюркский каганат располагались практически на одних и тех же территориях, причем охватывали не только евразийский степной пояс, что объяснялось бы номадизмом завоевателей, но и горные районы Средней и Центральной Азии, а также места проживания оседлых земледельцев. Идентичны южные границы каганата конца VI в. и империи конца 20-х гг. XIII в. (когда Чингис-хан закончил завоевания на западе) с Тибетом и Ираном. Границы крыльев двух империй абсолютно совпадают, и здесь уже нет однозначного объяснения естественно-ландшафтными факторами. Пожалуй, в данном случае наследие предшественников проявилось наиболее ярко. Созданная по образу и подобию государства Ашина, Монгольская империя продолжила кочевую государственную традицию.

Крылья и соправительство отражали разные стороны одного и того же явления – дуализма в управлении. Между этими двумя ипостасями дуализма существовало географическое несоответствие. Граница между имперскими крыльями проходила в районе Алтая (Горного, Монгольского и Гобийского); рубежом территорий, подвластных старшему и младшему соправителям, считалась Амударья (исключая краткий период раздела Чагатайского улуса при Мункэ и Бату). Это демонстрирует определенную самостоятельность института соправительства по отношению к системе крыльев.

## ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ

Этот вопрос не относится непосредственно к сфере административного строительства, но логически вытекает из его принципов. Компетенция правителей определяла и их права на высшую ступень иерархии в империи. Наследование престола в империи и улусах не было законодательно оформлено, значит, оно регулировалось традицией. В одном пункте ученые солидарны: хан реально или формально избирался на курултае. Но основания для избрания нового государя трактуются по-разному. Одни исследователи полагают, что кааном или улусным ханом становился «достойнейший из Чингисидов», указанный в завещании предыдущего правителя<sup>155</sup>. Другие считают, что на троне мог оказаться любой Чингисид в силу своей принадлежности к правящему роду<sup>156</sup>. Третьи придерживаются мнения, что на царский

<sup>155</sup> Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. С. 423.

<sup>156</sup> Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 99.

венец имели право в первую очередь старшие родственники<sup>157</sup>. Четвертые утверждают, что сын наследовал отцу<sup>158</sup>. Наконец, некоторые исследователи вообще отказывают монгольской государственности в четком порядке престолонаследия<sup>159</sup>. Интерес историков к этой, казалось бы, частной проблеме показывает ее значение для понимания особенностей государственного устройства Монгольской державы. Диссонанс мнений демонстрирует неполную изученность данной темы. Поскольку в источниках не зафиксированы какие-либо нормы по этому поводу, то приходится, так же как и при разборе сопровительства, опереться на отдельные факты и выделить из конкретных ситуаций общие и особенные черты наследования. Прежде всего следует установить, кто имел принципиальное право и возможность обладать монаршим саном.

### Империя – достояние рода. Чингисиды и борджигины

Высшие посты в кочевых государствах (каганы, ханы-правители уделов, верховное военное командование) обычно предоставлялись людям, принадлежавшим к одному правящему клану: Люаньди у хуннов, Ашина у древних тюрков, Яглакар у уйгуров, Елюй у киданей и т.д. Соответственно, вся держава расценивалась как достояние данного рода, и остальные роды и племена, включенные в нее, считались подданными клана-гегемона. Происхождение родового принципа управления одни исследователи объясняют дублированием первобытнообщинных институтов, другие – наличием их пережитков<sup>160</sup>, третьи – необходимостью поддержания дисциплины в армейских частях за счет солидарности родственников в боях<sup>161</sup>, четвертые – сакрализацией племенного вождя и его родичей в период выделения административных должностей в общине<sup>162</sup>. Родовой принцип нашел воплощение и у монголов в XIII в. Но в его реализации были нюансы, приводившие историков к спорным и противоречивым заключениям. Так, если допу-

<sup>157</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 69; Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire. P. 194.

<sup>158</sup> Spuler B. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350. P. 255. Шпулер высказал это мнение относительно каанства и ильханства в Иране.

<sup>159</sup> Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 147; Ayalon D. The Great Yasa of Chingis Khan. P. 154–155.

<sup>160</sup> Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6. С. 78, 79.

<sup>161</sup> Майский И. М. Чингисхан. С. 79.

<sup>162</sup> Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). С. 30, 31.



стить, что империя представлялась ее основателям как собственность рода и уделы соответственно распределялись между его членами<sup>163</sup>, то почему Чингис-хан, принадлежавший к роду борджигинов, раздал огромные улусы только сыновьям, а многочисленные сородичи-борджигины получили мелкие владения в Монголии и Северном Китае? Почему наследником был назначен Угедэй в обход братьев Чингис-хана Хасара и Тэмугэ-отчигина, которые имели право на престол<sup>164</sup>? Может быть, представления о родовом достоянии возникли уже после смерти Чингисхана: известно, что ни один из его сыновей не унаследовал «могучей воли отца»<sup>165</sup>?

Обратимся к документам. В «Алтан тобчи» Чингис обращается к сыновьям и братьям: «Вы – мой род-племя»<sup>166</sup>. В «Тайной истории монголов» говорится о том, что сразу после интронизации в 1206 г. Чингис-хан приказал одному из приближенных сановников: «Произведи ты мне такое распределение разноплеменного государства: родительнице нашей, младшим братьям<sup>167</sup> и сыновьям выдели их долю...»<sup>168</sup> В данном случае понятие рода сужается: в него не включаются ни дядья, ни свойственники. «Вы, мои сыновья и родичи, после меня охраняйте и оберегайте созданное мною... государство... примите на себя это трудное дело!» – изрекает Чингис<sup>169</sup>. Так очерчен круг лиц, имевших доступ к кормилу власти. Выходит, империя – достояние Чингис-хана, его сыновей, братьев и племянников? Нет, он особо оговаривает свою компетенцию: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один – и наследием Отчигина, один же – и наследием Бельгутаея (все это братья Чингис-хана. – В. Т.). В таком-то разумении я и мое наследство поручаю одному»<sup>170</sup>. Этим «одним» и оказался Угедэй-каан. Т.е. вся держава, созданная в ходе войн, рассматривалась как сфера управления одной-единственной ветви рода борджигинов. На каком же основании Чингис-хан выделил свое потомство из боковых линий? В 1225 г. он заявил Джучи и Чагатаю перед их отправлением в только что образованные улусы: «Родичи мои прославились среди своих родственников. Даже сквозь скалы учиняют нападение»<sup>171</sup>. Участие в Сибирском, Цзиньском и Хо-

<sup>163</sup> Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах. С. 366.

<sup>164</sup> Козьмин Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М; Иркутск, 1934. С. 59, 147.

<sup>165</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 529.

<sup>166</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 189.

<sup>167</sup> Старших братьев у Темучина не было, он первенец Есугэй-багатура.

<sup>168</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 159.

<sup>169</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 189.

<sup>170</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 186.

<sup>171</sup> Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 189.

резмийском походах, умелое командование, личная храбрость и инициативность показали кагану достаточными для утверждения приоритета своих отпрысков над их дядьями и двоюродными братьями. Сформировался конический клан с отсутствием прежнего равенства в правах между мужчинами-родственниками из одного поколения; выделилась главная линия борджигинов – Чингисиды. Царство досталось Угедэю, затем его сыну Гуюку. Это не означает, что в Еке Монгол улусе приняли и утвердили династийную форму наследования. Джувейни свидетельствует: «Хотя кажется, что власть и империя передаются [по наследству] одному человеку, а именно тому, кто зовется ханом, в действительности все дети, внуки и дядья имеют свою долю власти и собственности, чему доказательство то, что... Менгу-каан на... курилтае распределил и разделил все свои царства между своими сородичами – сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами»<sup>172</sup>. Таким образом, «все царства» делятся между ближайшими родственниками каана. Его тогдашний соправитель Бату – кузен, значит, отнесен в источнике к категории братьев, а никого из упомянутых Джувейни дядьев Мункэ, т.е. сыновей Чингиса, к тому времени (1251) не осталось в живых. Следовательно, родовой принцип воплощался в предоставлении Чиигисидам прерогатив центрального и улусного управления. Улусы, выделенные братьям Чингис-хана и их потомству, находились на географической и политической периферии империи и в соответствии со статусом левого крыла подчинялись каану.

### Кааны

Из четверых сыновей от главной жены Чингис-хан нарек своим преемником не двоих старших, а только третьего. «Тайная история монголов» эту сцену описывает так. О персоне будущего правителя было спрошено у Джучи и Чагатая, и они предложили Угедэя. Отец согласился, оговорив, что в случае неспособности Угедэевичей к царствованию «среди моих-то потомков ужели так-таки ни единого доброго не родится?»<sup>173</sup> Таким образом, во-первых, трон закреплялся за семьей третьего Чингисиды не навечно, при определенном условии он мог достаться и улусным царевичам<sup>174</sup>. Во-вторых, странно, почему старшие сыновья единодушно

<sup>172</sup> Та'рих-и jāhangushā. Pt. 1. P. 30–31.

<sup>173</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 185–186.

<sup>174</sup> Р. Груссе считал пассаж о возможности детронизации Угедэидов позднейшей вставкой, обоснованием воцарения Толуидов (*Grousset R. D'empire mongole (1-re phase)*. P. 230, 303). Такая трактовка встретила возражения П. Пельо и И. де Рахевилца. Обзор дискуссии по данному вопросу: *Бира III. Монгольская историография (XIII–XVII вв.)*. С. 42, 43.

не посягали на корону. К тому же и Джувейни, и Рашид ад-Дин сообщают, что Чингис-хану пришлось выбирать не из четырех, а только из двух кандидатур – Угедэя и Толуя, младших сыновей<sup>175</sup>. В. В. Бартольд видел причину назначения Угедэя в его личном обаянии, «светлых чертах характера», привлекательных для сородичей и подданных<sup>176</sup>. Возможно, и это сыграло свою роль, но мне кажется, что дело в другом.

Джучи и Чагатай отправлялись ханствовать западной половиной империи. Облеченные прерогативами соправителей, они не смели надеяться на владычество в Каракоруме, поэтому Чингис-хан и не учитывал их при выборе преемника. Поэтому они и предложили на это место старшего из братьев, остававшихся на востоке. Косвенным подтверждением закрепления поста каана за родами Угедэя и Толуя служит демонстративный отказ Бату от верховной власти в пользу сына Толуя – Мункэ, несмотря на то что Бату как тогдашнему старейшине Чингисидов формально «наступил черед царствовать»<sup>177</sup>. Безразличие Джучидов к каанству вытекает и из обстоятельств союза Угедэева внука Хайду с ханом Джучиева улуса Ёрке. Воюя против Хубилай-каана, Хайду обратился в соседние улусы за помощью в восстановлении своих прав («Я сам законный наследник хаганского престола» и т.п.). Золотая Орда его поддержала<sup>178</sup>, тем самым признав эти доводы убедительными, а претензии угедэйского дома обоснованными. Итак, потомство Джучи и Чагатая ханствовало на западе, потомство Угедэя – на востоке.

Толуй, младший сын Чингис-хана от главной ханши, судя по «Тайной истории монголов», никогда не являлся претендентом на пост верховного монарха, хотя персидские источники и пытаются представить его как законного наследника по обычаям самих же монголов: личный юрт отца переходит к младшему сыну<sup>179</sup>. Джувейни и Рашид ад-Дин, жившие при дворах ильханов-Толуидов и во времена «каанов-Толуидов, вероятно, умышленно извратили понятия о наследовании, чтобы оправдать воцарение рода Толуя. Чингис-хан нимало не поступился общепринятым порядком, предоставив Коренной юрт (собственно монгольские степи) в удел Толую. Ведь и сам Рашид ад-Дин пишет о тюрко-монгольском обычае, по которому «еще при жизни выделяют своих старших сыновей... а то, что остается, принадлежит младшему сыну»<sup>180</sup>. Примечательно, что Угедэй в преддверии коронации отказывался от трона в пользу (по порядку) Чагатая, своих дядьев и Толуя.

<sup>175</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 258; Т. 2. С. 8; Ta'rnkh-i-jāhangushā. Pt. 2. P. 3.

<sup>176</sup> *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 529, 531–532.

<sup>177</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 113.

<sup>178</sup> *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983. С. 48–49.

<sup>179</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 8.

<sup>180</sup> Там же. С. 107, 108.

Толуй попал в этот перечень под предлогом того, что он постоянно находился при отце, когда тот был жив, прекрасно знал ясу и обычаи, что он младший сын, а стало быть, и наследник отцовского достоинства<sup>181</sup>. Скорее всего, это часть церемониала, дань традиции, о чем говорилось выше. Но основатель империи не собирался, как мы видели, раздавать улусы-«царства» и предоставлять трон своим братьям, Угедэевым дядьям. Точно так же отнекивался от каанства и Гуюк через 17 лет, но в том случае церемония отказа изложена весьма лаконично (букв. «такой-то и такой-то более подходят» для каанствования)<sup>182</sup>. Бар Эбрей прямо указал, что царевич делал это только в соответствии с обычаем. Ни Угедэй, ни его преемник своими lamentациями ничего не добились и были «силой», под руки посажены на трон. Тем не менее порядок ритуального предложения каанства свидетельствует о реликтовом приоритете старших родственников, в том числе из боковых, кузенных линий. Полагаю, что это и являлось официальной доктриной престолонаследия. Вспомним: ведь и для Бату наступил отвергнутый им «черед царствовать», когда он остался «старшим среди царевичей».

Из всего сказанного заключаем, что выбор Чингис-ханом третьего сына в наследники объяснялся жесткой традиционной раскладкой компетенции царевичей: два старших – соправители каана, младший – наместник домена<sup>183</sup>.

<sup>181</sup> Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 146–147; The Chronography of Gregorius Abu'I Faraj, 1225–1286. P. 393;

<sup>182</sup> Ibidem. P. 411.

<sup>183</sup> Л. Л. Викторова предлагает следующее объяснение выбора Чингис-ханом Угедэя. Джучи и Чагатай враждовали между собой, к тому же было подозрение, что первый – «плод меркитского плена» ханши Бортэ-хатун, и Чагатай оспаривал у него старшинство. Угедэй явно стремился к власти. Толуй же из всех сыновей был наиболее близок к Чингисхану. Поэтому каган принял компромиссное решение: трон передал Угедэю, а реальную силу (101 тыс. воинов и управление Коренным юртом) – Толую (Викторова Л. Л. Ценный источник по истории монголов. С. 16, 17). При такой интерпретации событий остается ряд неясных моментов. Как бы ни враждовали между собой двое старших царевичей, они единогласно предложили отцу остановить выбор на Угедэе. Таким образом, претензии Чагатая на старшинство не имеют значения. Насколько мне известно, в источниках не содержится данных о каких-либо намерениях Угедэя занять место отца. Как бы ни относился Чингис-хан к Джучи, непонятно (если принять точку зрения Л. Л. Викторовой), почему большинство монгольского войска получил Толуй, а не Чагатай, который был вынужден довольствоваться 4-тысячным отрядом, как и его старший брат-«бастард». Ведь Чагатай и Угедэй находились в наиболее дружеских отношениях, и получается, что Чингис-хан сам провоцировал будущую кровавую распрю между сыновьями, наделив одного каганским званием, а другому завещав почти всю армию (Л. Л. Викторова сама приводит к заключению о преднамеренном отравлении Толуя Угедэем). А теперь перечитаем примеч. 13. По логике соправительственных отношений, разобранных выше,

Архаичный алгоритм наследования соблюдался на практике далеко не всегда. Угедэй выступил сторонником династийного принципа, при жизни завещав свое место внуку. Но в результате придворных интриг на престоле оказался Гуюк, сын Угедэя. На курултае 1246 г. Гуюк заявил о своем согласии короноваться лишь при условии, что «после меня [каанство] будет утверждено за моим родом»<sup>184</sup>. Признание династической очередности проявилось и во внутриимперской политике нового каана. Отвергая кандидатуру очередного чагатайского хана, Гуюк недоумевал: «Как может быть наследником внук, когда сын [Чагатай] (Есу-Мункэ. – В. Т.) находится в живых?» Декларация на курултае показывает, что каан не был уверен в долговечности царствования Угедэидов. Действительно, родовой порядок престолонаследия в принципе давал шанс стать монархом всем восточным Чингисидам. А помимо потомков Угедэя к ним относились и Толуиды.

После консультаций с Бату монгольская знать подняла на белом войлоке старшего Толуида – Мункэ. Он тоже, видимо, придерживался концепции династийного правления; во всяком случае, ярлык на улус Джучи он выдал Сартаку, сыну Батыя, а затем сыну Сартака – Улагчи<sup>185</sup>. Однако собственным трон Мункэ, умерший скоропостижно, распорядиться не успел, и в империи оказалось двое каанов – его братья Ариг-буга и Хубилай. Последнего можно считать узурпатором, поскольку он, находясь на южносунском фронте и не созывая курултая, сам объявил себя верховным ханом. А вот Ариг-буга выдвинул следующие соображения по поводу своих прав на царствование. Отправляясь в поход на Сунов, Мункэ оставил его в Каракоруме, «препоручил ему улус и оставил у него своего сына»<sup>186</sup>. После гибели каана Ариг-буга произнес: «Ясно, что царство должно быть моим, потому что Мунга Хан дал его мне, когда уходил на войну и при своей жизни он поручил мне сидеть на его месте»<sup>187</sup>. Едва ли Мункэ передал брату высшую власть. Рашид ад-Дин утверждает, что царевич был поставлен лишь «во главе войск и орд монголов, которые оставались» в Ко-

---

Толуй действительно мог быть соправителем Угедэя (а не Чингис-хана, как думает Л. Л. Викторова), поскольку фактически возглавил вооруженные силы империи. Однако он унаследовал домен, а не правое крыло. Полноценным соправителем каана в то время являлся все же Чагатай. В. В. Бартольд, не упоминая об их соправительстве, тем не менее тоже отмечал у последнего такую власть, «которой должен был подчиняться даже сам великий хан Угэдэй» (*Бартольд В. В. Чагатай // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1964. Т. 2. Кн. 2. С. 538*).

<sup>184</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 119.*

<sup>185</sup> Сын Сартака, согласно сведениям Джувейни: Ta'rikh-i jāhangushā. Pt. 1. P. 223; *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 72.*

<sup>186</sup> *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 145.*

<sup>187</sup> *The Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225–1286. P. 439.*

ренном юрте<sup>188</sup>. Однако наместничество в домене не давало права на престолонаследие. Передача управления столицей (главной ставкой) и доменом кому-либо из младших родственников практиковалась и до Мункэ. Чингис-хан оставлял наместниками Монголии во время своих военных кампаний дочь Алахай-бэки и младшего брата Тэмугэ-отчигина<sup>189</sup>. Угедэй, выступив в 1234 г. против Цзинь, доверил родные степи Олдохару – родственнику из боковой линии, вообще не Чингисиду<sup>190</sup>. Хан Бату при отъезде в Монголию на коронацию Угедэя «поручил свое царство младшему своему брату – Тукай-Тимуру»<sup>191</sup>. Конечно, все эти временные правители не являлись наследниками престола. Поэтому доводы Ариг-буги представляются неубедительными. Собственно, и сам Ариг-буга должен был сознавать шаткость своей аргументации, и правдоподобнее выглядит версия Рашид ад-Дина, по которой не сам царевич осмелился претендовать на каанство, а его советники подали ему эту мысль: Хубилай и Хулагу воюют далеко отсюда, а «великий улус каан поручил тебе»<sup>192</sup>. Заметим попутно, что вопрос о сыне Мункэ даже не поднимался; брат наследовал брату.

Как известно, военная сила решила спор двух ханов в пользу Хубилая. В свою очередь, проблема его преемника разрешилась своеобразным завещанием каана: был устроен конкурс на лучшего знатока «биликов» – изречений Чингис-хана, в котором победил и потому воцарился внук Хубилая – Улджэйту-Тэмур<sup>193</sup>.

Суммируем результаты всех приведенных данных. Из шести каанов (Чингис-хан не в счет) двое – Угедэй и Улджэйту-Тэмур – стали править в соответствии с завещанием предыдущего монарха; трое избирались съездом знати<sup>194</sup>; один (Хубилай) – узурпатор. Но нельзя утверждать, что в целом преобладало выборное начало, так как трое (Угедэй, Гуюк, Улджэйту-Тэмур) являлись ближайшими и прямыми потомками своих предшественников на престоле, т.е. воплощали династийный порядок. Как ни старался первый монгольский государь ограничить круг претендентов на царствование – сначала выделением своей семьи из борджигинов, затем отделением западных царевичей, – избежать путаницы его

<sup>188</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 145.

<sup>189</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 187; Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 225; Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). С. 46.

<sup>190</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 192.

<sup>191</sup> Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. С. 150.

<sup>192</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 166.

<sup>193</sup> Там же. С. 206.

<sup>194</sup> Ариг-бугу избрал межулусный курултай. Но, во-первых, Чингисиды присутствовали на нем далеко не в полном составе; во-вторых, новый каан открыто заявил, что является ставленником Берке и Хулагу (Там же. С. 160).

потомкам не удалось. Династийный и родовой принцип сосуществовали и боролись: царствующие кааны выступали за династию, их кузены – за ее свержение. Еще более пестрая картина наблюдается в улусах.

### Престолонаследие в улусах

Во всех улусах наблюдается закономерность: сначала трон переходит к сыну первого хана (Джучи – Бату – Сартак, Чагатай – Хара-Хулагу, Хулагу – Абага), потом начинает передаваться дядьям, братьям и племянникам. Т.е. каждый из улусных правителей старался закрепить царствование за своим домом. Анализ смены ханов в чингисидских улусах позволяет заключить, что относительное большинство улусных ханов (около 41%) назначалось старшими государями, особенно часто у первых Джучидов, связанных соправительственными отношениями с каанами, и у Чагатаидов, зависевших от Хайду. Большое значение имел курултай, вручавший царство монархам (21%). Правда, чаще он использовался как орудие интриг, но семь раз междуцарствие и борьба претендентов действительно кончались примирением на съезде князей и царевичей, избравших хана. Курултаев, которые собирались по поводу провозглашения любого хана, было столько же, сколько ханов, т.е. 32. Были и другие основания для воцарения, но они сравнительно редки. Завещание трона конкретному лицу практиковалось очень редко – известно по одному случаю на улус. Это демонстрирует непопулярность, нетрадиционность для монгольской государственности замещения престола по воле предшественника. Что касается родственных связей сменявших друг друга сюзеренов, то наблюдается преобладание родового принципа над династийным: из 32 великих и улусных ханов 11 являлись детьми и внуками предшественников, 21 – другими старшими и младшими родственниками. 11 раз (из 21) престол переходил к родному или двоюродному брату, затем следует престолонаследие племянников (8 случаев, особенно у «белых» Джучидов и Чагатаев). Просматривается определенная система: ханами становились в основном родные братья или кузены предыдущего монарха; трон передавался от одного брата к другому как бы по горизонтали, переходил к племянникам или к дядьям по диагонали.

Таким видится принятый в империи порядок престолонаследия, содействовавший с официальной концепцией кланового старшинства.

### Происхождение системы престолонаследия у монголов XIII в.

Вариации родовой и династийной систем наследования имели место во всех раннесредневековых государствах Центральной и Восточной Азии и Восточной Европы. В одних державах, как и в монгольской,

преимущественными правами пользовались старшие родственники правителя или лица, принадлежавшие к одному с ним поколению, чаще братья (южные хунну<sup>195</sup>; древние тюрки<sup>196</sup>; печенеги<sup>197</sup>; хазары<sup>198</sup>; волжские болгары<sup>199</sup>; чжурчжэни<sup>200</sup>). В других твердо держалась династия (северные хунну<sup>201</sup>; уйгуры VIII–IX вв.<sup>202</sup>; Караханиды<sup>203</sup>).

В третьих сначала практиковалось родовое чередование, затем оно сменялось династией (Китай<sup>204</sup>; сяньби<sup>205</sup>; кыпчаки<sup>206</sup>; сельджуки<sup>207</sup>; кидани<sup>208</sup>). В четвертых – наоборот (хунну до раскола<sup>209</sup>; жужане)<sup>210</sup>.

Из всего этого множества соответствий напрашивается вывод, что обе системы преемственности царской власти вели свое происхождение не от какой-то одной государственности, а по крайней мере в большинстве случаев формировались конвергентно. Поэтому представляется целесообразным искать истоки монгольского престолонаследия в истории древних монголов.

<sup>195</sup> Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960. С. 213–214; древние тюрки (Он же. Удельно-лестничная система у тюрков в VI–VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) // СЭ. 1959. № 3;

<sup>196</sup> Он же. Древние тюрки. С. 58–59, 287, 315; Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 328; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 36.

<sup>197</sup> Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 155.

<sup>198</sup> Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 81, 98.

<sup>199</sup> Греков Б. Д., Калинин И. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 162.

<sup>200</sup> Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. С. 81.

<sup>201</sup> Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. С. 214.

<sup>202</sup> Hamilton J. R. Les Ouighours à l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois. P., 1955. P. 139–141.

<sup>203</sup> История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1984. Т. 1. С. 317; Караев О. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983. С. 268–270.

<sup>204</sup> Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 114, 248.

<sup>205</sup> Думан Л. И. Общественный строй сяньби и тоба III–IV вв. н. э. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 47–48, 53–54.

<sup>206</sup> Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. С. 195, 196; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). М., 1978. С. 237, 239.

<sup>207</sup> Агаджанов С. Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. С. 65.

<sup>208</sup> Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. С. 142; Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 142–170; Wittfogel K., Fêng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). P. 401.

<sup>209</sup> Таскин В. С. Предисловие. С. 7–9.

<sup>210</sup> Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 267–280.



Прадед Темучина, Хабул, которого многие историки считают основателем первого монгольского улуса, распорядился, чтобы ему наследовал его двоюродный брат Амбагай, несмотря на то что у самого Хабула было семеро сыновей. Амбагай же, попав в чжурчжэньский плен, отправил на родину завещание ханства своему сыну, Хадану, или сыну Хабула, Хутуле, – на усмотрение курултая. Курултай остановил выбор на Хутуле<sup>211</sup>. А после него остатки распавшегося улуса возглавил племянник Хутулы Есугэй, отец Чингиса. Получается следующая последовательность: хан – двоюродный брат – двоюродный племянник – племянник. О родовой очередности помнил и Темучин: «Сэчэнь-дайчэу (Сэчэн-бэки в монгольских источниках. – В. Т.)... есть потомок Балгата (Укин-Баркака. – В. Т.), двоюродного деда. Желали поставить его владельцем, но он с твердостью отказался, назначили тебя, Хуцзир (Хучир, Хучар. – В. Т.), как сына дяди Нагуня (Нэгун-тайши. – В. Т.), но ты с твердостью отклонил сие... Предложили постановить тебя, Алтан, как сына нашего деда Худулы, и ты также с твердостью отказался, почему вы и избрали меня своим государем. Ужели я сам предварительно искал сего? Противу чаяния избран я общим мнением...»<sup>212</sup> Судя по этому фрагменту из «Юань ши», трон монгольского улуса в конце XII в. поочередно предлагался троюродному брату по линии старшего (по отношению к родному деду) двоюродного деда, затем двоюродному брату (сыну старшего по отношению к отцу дяди), затем младшему дяде, наконец, самому Темучину. Допускаю, что и в этом разговоре отказ от ханства подразумевается чисто обрядовый, ритуальный по значению<sup>213</sup>. Но то, что монголы еще до создания империи признавали за старшими родственниками первенство в праве на ханствование, несомненно. Родовой принцип наследования у них соблюдался строго, так как в XI – начале XIII в. в их среде не от-

<sup>211</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 84, 85.

<sup>212</sup> Иакинф (Бичурин И. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 27–28.

<sup>213</sup> Конечно, в провозглашении Темучина ханом имела значение и политическая конъюнктура, признание за ним реальной военной силы (*Владимирицов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 85; *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингисхан // *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М., 1970. С. 27), но нас сейчас интересует только формальная очередность родичей на ханский трон. Обратите внимание на последние фразы Чингис-хана: воцарение подано как «безвыходный» акт после отказа родичей. Свое воцарение он объясняет избранием на курултае. Вероятно, в этом обстоятельстве заключались как смысл ритуального отказа, так и «земное» (в отличие от небесного благоволения) объяснение полномочий кагана. Добровольное вручение власти кагану родственниками принуждало их заранее примириться с его прерогативами, явно более обширными, чем у остальных членов клана.

мечено конфликтов ханских сыновей со старшими родичами, каковые происходили в то время у соседей-кереитов<sup>214</sup>.

Обобщим заключения по этой проблеме. Правящим родом Монгольской империи являлись не борджигины, к которым принадлежал Чингис-хан, а одно из их ответвлений – Чингисиды. К управлению империей в целом и улусами теоретически допускались все потомки Чингис-хана от ханши Бортэ. Практически, место каана предоставлялось царевичам, получившим уделы в восточной половине державы, – Угедэю и его потомкам (по завещанию Чингис-хана) и потомкам Толуя (по законам родового наследования). Правители западных улусов по традиции не могли претендовать на главный престол. В империи сосуществовали и боролись две тенденции в порядке престолонаследия – родовая и династийная. Носителями первой были улусные ханы. Поскольку происходило все большее обособление улусов, эта система получила преобладание. Выразителями второй тенденции являлись центральные правители – кааны. Видимо, поддержка ими улусных династий диктовалась необходимостью закрепления крупных уделов империи за боковыми линиями Чингисидов, которые в таком случае отказались бы от посягательств на каракорумский трон. Родовая система наследования сформировалась у монголов в период предгосударственных и раннегосударственных образований XI–XII вв.

Таким образом, в территориально-административной структуре Монгольской империи историческая преемственность проявилась в восстановлении дуализма управления, т.е. двухкрыльной системы и соправительства двух сюзеренов в восточной и западной частях государства, а также организации престолонаследия. Перерыв в практической реализации этих институтов на протяжении нескольких столетий, особенности развития традиции и специфика Еке Монгол улуса не способствовали буквальному повторению раннесредневековых принципов управления. Империя Чингисидов включила в себя страны древней оседло-земледельческой цивилизации, тогда как ее предшественники (кроме киданей) ограничивались торговлей с ними и набегами. Нормы управления степняками, продиктованные неписанным кодексом *töry*, оказывались в чистом виде непригодными для формирования единой государственности монголо-тюркских кочевников и жителей покоренных стран. Деспотичная власть каана и – на первых порах – преклонение перед ней улусных Чингисидов выступали решающими, хотя и недолговечными, факторами относительной внутренней стабильности в империи. Естественно, что в этих условиях соправители главных монархов не получали официального (дарован-

<sup>214</sup> *Иакинф (Бичурин И. Я.)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 14–15.

ного ярлыком) статуса равновеликих каану государей, не дублировали в полном объеме его функций<sup>215</sup>. Подобная ситуация сложилась и в улусных ханствах.

Аморфной оказалась и общеимперская система крыльев. Установленное Чингис-ханом разделение населения и территории на три части было изменено Угедзем и Чагатаем на двусоставную структуру. В 50-х гг. XIII в. дробление каанского улуса нарушило ее, а сепаратизм Хулагу и узурпация Хубилая привели к обесмысливанию и без того лишь номинально существовавших больших крыльев империи. Пожалуй, в конструкции «джунгар-барунгар» противоречия традиционности проявились наиболее четко. Командиры правого крыла не являлись полноценными соправителями, подобно хуннским правым сянь-ванам и тюркским джабгу-каганам. Разбросанность мигрантов-завоевателей по гигантской территории превращала общеимперские крылья в политическую абстракцию, в чисто территориальную категорию, что послужило и одной из причин их последующего дробления. Эта система (по сравнению с улусной) уже не имела рационального применения<sup>216</sup> и сохранялась только по традиции, в соответствии с *törü*.

Военно-административное районирование и управление были унаследованы от тюркских каганатов VI–VIII вв. Именно в них соправительство и система крыльев Монгольской империи находят ближайшие соответствия. Ни китайские, ни киданьская империи не оказали влияния на формирование этих ингредиентов монгольской государственности.

Представление об империи как о сфере управления и власти только чингисидской ветви тайджиутского рода борджигинов отразилось на особенностях престолонаследия. Родовой принцип передачи трона был ведущим в улусных ханствах, что также традиционно для политических образований Великой Степи.

---

<sup>215</sup> Так что напрасно, по нашему мнению, И. Я. Гурлянд считал самостоятельность Золотой Орды нарушением ясы (*Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. С. 25*). Верховенство каана в улусе Джучидов номинально сохранялось до периода правления Мункэ-Тэмюра, а возможно, и позднее – до Узбека.

<sup>216</sup> А. И. Карагодин тоже обратил на это внимание: распространяясь на целые народы, «дуальная организация... скоро угасла ввиду полной невозможности сохранения и поддержания ее в таких широких масштабах» (*Карагодин А. И. Дуальная организация у приволжских калмыков. С. 28*).

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ государственного строя Монгольской империи позволяет сделать некоторые выводы в конкретно-историческом плане в отношении кочевой государственности XIII в. Анализ же государственных традиций позволяет вывести отдельные теоретические, общеисторические положения с аргументацией, в основном построенной на конкретике восточного Средневековья.

*Общие выводы.* В монографии обращалось внимание лишь на те явления, которые могли быть рассмотрены в качестве традиционных для кочевого мира. Остались в стороне многочисленные аспекты внутренней организации Монгольской империи, необычные для прежних держав номадов. Это главным образом перенятые из покоренных стран элементы податной системы, организация административного аппарата, особенно на местах, в улусах. В соответствии с очередностью задач, сформулированных во Введении, резюмируем результаты их решения.

Выявленный на сегодняшний день комплекс источников позволяет начать разработку проблемы историко-генетических связей в кочевой государственности. Этот вопрос в исторической науке был поднят в самом общем виде и до сих пор не исследован. На пути его изучения стояла методологическая трудность – необходимость анализа движущих сил развития и средств сохранения принципов государственности, ее традиций в истории.

Для политических структур кочевников такими средствами выступали (в порядке значимости) нормы *төрү*, информация эпических сказаний, практика государственного строительства (сознательное или неосознанное использование политико-административных достижений народов-соседей и предшественников). В этих трех сферах происходят развитие и изменение представлений о государственном устройстве. Наконец, сведения памятников письменности также выступали в качестве фактора сохранения традиций. В этих памятниках имеет место консервация таких представлений.

Государственная традиция в Монгольской империи проявлялась в двух направлениях – идеологическом оправдании завоеваний (провозглашение политики очередного объединения «народов, живущих

за войлочными стенами») и организации управления (концепция верховной власти, соправительство, система крыльев и улусов, престолонаследие). Следовательно, государственная традиция выполняла две функции: с одной стороны, способствовала созданию полноценного управления государством; с другой – помогала консолидировать военные силы. Отсюда применительно к Монгольской империи общее понятие «государственная традиция» можно разделить на две сферы проявления, две «субтрадиции»: традицию построения империи и традицию «объединения» кочевников.

Несомненно, монгольская государственность развилась на своей собственной основе, явилась плодом общественного развития в Центральной Азии XII – начала XIII в. Но ее форма, в отличие от содержания, была традиционной, т.е. существовала в виде институтов, уже апробированных в кочевых державах раннего Средневековья. Наиболее заметное влияние на ее генезис оказали традиции древнетюркских и Уйгурского каганатов VI–IX вв. Однако эпические сказания и нормы обычного права не содержали информации о времени появления управленческих учреждений в истории, либо их создание приписывалось легендарным персонажам. Поэтому преемственность и подражательность в организации управления осуществлялись и, возможно, осознавались обычно по отношению не к какому-то конкретному государству, а к абстрактному эпическому образу степной империи в целом. Наше исследование показывает, что более всего в этом образе отразились черты древнетюркского эля.

Существование многовекового разрыва между падением царства уйгуров в середине IX в. и воцарением Чингис-хана в 1206 г. требует повторного обращения к особенностям и диалектике государственной традиции, завершения характеристики этого социального феномена, начатой выше (см. Введение и гл. 2).

*Особенности государственной традиции.* Смена форм актуализации представляется фундаментальным свойством, присущим традициям социально-политической сферы, в частности государственной традиции. Допустим, феномен соправительства, возникнув как элемент государственности в державе хунну, приобрел законченные формы в первом Тюркском каганате и гипертрофированную форму у хазар. Уйгурский эль явил лишь слабое подобие древнетюркской дуальной структуры, а кидани и правители большинства тюркских и монгольских ханств XI–XII вв. ее вообще не применяли. Но традиция соправительства продолжала существовать, хотя и вне практики, т.е. в фольклоре и тóру. Она как бы потерялась из виду, и, когда возникла у монголов XIII в., создалось впечатление абсолютной новации. Значит, в отношении действия социально-политических традиций, в том числе государственной, не всегда имеет смысл говорить о преемственности в общепринятом понимании – как о передаче их поколения к поколению в неизменных (по уровню)

формах<sup>1</sup>. Напротив, государственной традиции присуще явление, которое может быть названо *хронологической прерывностью*.

Кроме того, история кочевой государственности демонстрирует и *этническую прерывность*. Например, стратегия объединения кочевников, приемы управления ими и построения империи, применявшиеся тюркоязычными хуннами и туцзюэ, были возрождены и воплощены этнически чуждыми этим народам монголами. Принципиальная идентичность экономики и быта, близкое соседство (и кое-где чересполосное расселение), частые миграции, полиэтничность ранних степных империй – все это позволяло государственной традиции переступать этнолингвистические барьеры, переносить достижения хунно-тюркской и сяньбикиданьской политической культуры в среду средневековых монголов.

Все традиции – порождение движения общественного бытия и сознания. Значит ли это и оправданно ли мнение, будто они возникают стихийно в ходе истории? Можно ли безоговорочно исключать из сферы традициогенеза одноразовые декретивные постановления властей предрежащих, как это делают отдельные исследователи<sup>2</sup>?

<sup>1</sup> Исследователи не раз указывали на временную непрерывность любых традиций как на непреложный фактор их воспроизводства и жизнестойкости (Аленина Р. А. Социальная природа традиций и их роль в жизни и развитии общества. Автореф. канд. дис. М., 1977. С. 17–18; Есенгелдиев С. Структура традиций и формы их существования. Автореф. канд. дис. Фрунзе, 1969. С. 5; Захарова Т. В. К проблеме классификации традиций. Л., 1978. С. 8). Однако те ученые, что анализировали историческую конкретику и проблемы исторической преемственности, отмечали возможность явления, названного в данной работе хронологической прерывностью. Так, по мнению В. Т. Пашуто, коллективный сюзеренитет русских князей XII в. после векового перерыва возродился на рубеже XIII–XIV вв. в Северо-Восточной Руси (Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 12–13). У Э. А. Баллера рассматривается как непрерывный, так и прерывный характер преемственности тех или иных явлений в процессе исторического развития. Эту особенность он напрямую не связывает с традицией (хотя приводимый им пример развития атомистического учения от Античности к Новому времени может быть отнесен к материалистической традиции). Впрочем, Э. А. Баллер не указывает, в каком качестве эти явления существуют в периоды «перерыва»; он просто констатирует их временное «исчезновение из культурного обихода» и «возрождение к жизни на новом этапе» (Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969. С. 37). Для изучения ранней, в том числе кочевой, государственности принципиально важно рассмотренное А. В. Коротаевым и А. А. Оболонковым свойство родовой организации регенерировать даже через несколько столетий в условиях ослабления действия организации государственной (Коротаев А. В., Оболонков А. А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // СЭ. 1989. № 2. С. 41).

<sup>2</sup> Аленина Р. А. Социальная природа традиций и их роль в жизни и развитии общества. С. 11, 13; Плахов В. Д. Традиции и общество. Опыт философско-со-

По нашему мнению, такой подход, во-первых, противоречит разработкам философов, которые специально занимались данным вопросом. Так, Э. А. Баллер заметил избирательность в пользовании традиционными установками, ценностями. Класс, находящийся на подъеме, использовал только то, что может помочь ему в борьбе с уходящими классами и сохранении своего господства над классом-антагонистом<sup>3</sup>. Э. А. Баллер оперирует присущими историческому материализму масштабами и категориями. В нашей работе речь не идет непосредственно о классовой борьбе, но для характеристики в целом социальных процессов мысль Э. А. Баллера выглядит вполне адекватной. В. А. Малинин, разбирая диалектику развития традиций, остановился и на соотношении их с субъективным фактором. По мнению данного автора, субъективный фактор может оказывать существенное влияние только на форму традиции, но не на ее содержание, т.е. может в определенной мере утилизировать ее идейное богатство. Кроме того, он способен играть и новаторскую роль, выдвигая идеи, дающие «начало новой традиции... лучше отвечающей изменившимся историческим условиям»<sup>4</sup>. Чаще всего человек, конечно, не «застает» начала традиции во времени. Но он может не только слепо и неотвратимо ей подчиняться, но и ломать ее, когда изменившиеся исторические обстоятельства побуждают к изменению отживших форм жизнедеятельности.

Во-вторых, неприятие дискретного источника традиции противоречит историческим фактам. Полная формула титулатуры верховного кочевого монарха возникла при хуннском дворе во II в. до н.э., была повторена в древнетюркскую эпоху и в слегка модифицированном виде и в изменившемся контексте применялась правителями-Чингисидами в XIII в. Следовательно, политическую волю можно признать фактором генезиса традиции, и это, видимо, составляет одну из специфических черт социальных и политических традиций<sup>5</sup>. У них наряду с общим для всех традиций источником – непрерывным раз-

---

циологического исследования. М., 1982. С. 71; Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. С. 20.

<sup>3</sup> Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. С. 86.

<sup>4</sup> Малинин В. А. К диалектике традиций в общественном сознании. С. 206.

<sup>5</sup> В этом тезисе я, видимо, солидаризируюсь с Э. С. Маркаряном, считающим возможным включать в сферу действия традиции все без исключения «социально организованные стереотипы» (Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурных традиций // СЭ. 1981. № 2. С. 80). Типологически сходное с государственной традицией явление – политические традиции – попытался рассмотреть Л. М. Медведь. Он видит в них «способ, механизм трансляции политического опыта» (Медведь Л. М. Опыт и традиция в системе политической культуры // Методологические вопросы социального познания. Калинин, 1986. С. 28). Но тогда получается, что традиция сама выступает в качестве механизма своего развития, и непонятно, за счет чего она движется во времени.

витием производственных и общественных отношений – имеется и особенный: дискретные, «точечные» акты, весьма ограниченные во времени. Такой сложный процесс, как организация государственного управления, неизбежно предполагает участие политической воли. Если происходят возрождение или гальванизация традиции, то это обычно связано с действиями группы лиц, которые не только берут на вооружение отдельные установки прошлого, но также, что более важно, сознательно выбирают из прошлого элементы общественной жизни, адекватные новым условиям, особенно если они соответствуют сложившейся политической ситуации и могут быть безболезненно введены в социальную практику<sup>6</sup>.

Традиция вполне может выступать в своем идеологическом оформлении, ведь для восстановления каких-либо феноменов прошлого не обязательно и чаще нежелательно их копирование. Важно корректное представление о данном явлении, сохранившаяся в сознании сумма его существенных характеристик. Иногда этот «запас представлений» предстает в виде сложной фундаментальной концепции («объединение народов, живущих за войлочными стенами»). Иногда из него извлекаются отдельные компоненты, не противоречащие новым историческим обстоятельствам (например, система крыльев в Монгольской империи без традиционного параллельного дублирования компетенции правителей каждого из крыльев). Говоря об извлечении компонентов, следует логически допустить и существование композиционной совокупности, объединяющей в себе эти компоненты, т.е. допустить существование традиции как сложной структуры.

Структура традиций довольно четко определена А. И. Першицем и И. В. Сухановым. Сводится она к членению на идеологическую мотивацию деятельностного акта, представление о способе его осуществления и обрядовое оформление<sup>7</sup>. Думается, в нашей книге нашли отражение именно эти аспекты. Часть ее отведена идеологическому обоснованию создания Монгольской империи и организации ее управления, т.е. фактическому оправданию завоеваний. Традиционными, идущими из кочевой старины оказались как способы «объединения» кочевников, так и методы построения военно-государственного административного механизма. Обрядовая сторона этих процессов очень скупо показана в источниках. Однако и ничтожные сведения о коронационных, некоторых других ритуалах позволяют делать вывод о существ-

<sup>6</sup> Преднамеренный отбор социальной верхушкой выгодных для нее первобытных норм происходил повсеместно при формировании права в эпоху разложения родового строя и образования государства: *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 161.

<sup>7</sup> *Першиц А. И.* Традиции и культурно-исторический процесс. С. 71; *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. С. 37.



вовании особой церемониальной программы для важных мероприятий (в том числе принятия в подданство, инвеституры и т. д.). Собственно, выдача ярлыка на улус или пайцзы на проезд уже являлась официальным обрядом, так что государственная традиция кочевников имела полноценную форму и на обрядовой стадии своего бытия.

В итоге отметим следующее. Государственная традиция представляет собой один из способов организации и регулирования связей между людьми в процессе функционирования социальных институтов. Поэтому она выполняет регулятивную функцию, как и все остальные традиции. Государственная традиция действует на уровне социальной идеологии в качестве оправдания политического господства конкретного класса, сословия или другой общественной группировки. Актуализация государственной традиции неразрывно связана с историческим знанием (исторической, или социальной памятью), ведь сведения о социально-политических явлениях предшествующих эпох далеко не всегда опираются на существование этих явлений в настоящем. Напротив, эта информация чаще хранится в исторической памяти (в кочевых обществах это, как правило, фольклор и обычное право) и в письменных сочинениях. Историческое знание выступает при этом фактором политического сознания, потому что представления о государственности прошлого служат предпосылкой для осмысления и воплощения принципов организации современных политических структур. Выделяются следующие характерные для государственной традиции черты<sup>8</sup>: а) повышенная роль субъективного фактора в создании и возрождении традиции; б) хронологическая прерывность – соответствующие элементы государственного строя могут возродиться там и тогда, где и когда для них сформируются подходящие условия и возникнет целесообразность применения; в) этническая прерывность – особенности государственности одного народа в каком-либо регионе наследуются последующим иноэтничным населением данной территории.

*Эволюция государственных традиций в конце XIII–XIV в.* Население разных частей Монгольской империи не было связано ни экономическим, ни культурным, ни тем более этническим единством. Это обстоятельство порождало сепаратизм улусных ханов: ведь чтобы сохранить свое господство, они были вынуждены приспособляться к местным условиям. Джучиды и Хулагуиды приняли ислам и вместе с ним ориентацию на городскую мусульманскую бюрократию и купече-

<sup>8</sup> Некоторые из выделенных характеристик государственной традиции соответствуют особенностям общекультурной традиции, определенным Э. С. Маркаряном (*Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурных традиций. С. 85, 86*). Следовательно, разобранный нами явление государственной традиции действительно можно расценивать как частный случай традиционности.

ство; юаньские императоры китаизировали двор и всю державу, установив налогообложение, провинциальное деление и создав чиновничий аппарат в традиционно китайских формах. Чагатайские царевичи перессорились между собой, их улус попал в зависимость от Угедзида Хайду, а затем распался. Созданная Чингис-ханом и его внуками империя к концу XIII в. перестала существовать как единое целое.

Причины этого раскрываются в каждом исследовании по монгольскому Средневековью. Но нас интересует судьба кочевого государственного наследия. Как уже говорилось, его применение было рассчитано прежде всего на монгольские и тюркские народы евразийской степи, которые были носителями традиции и оказались ее жертвами. Мы видели, что традиционные нормы государственного строительства, возникшие у кочевников, оказались наиболее жизнеспособными на степных территориях империи – в Монголии и Золотой Орде, чего нельзя сказать об улусах Чагатая (в его мавераннахрской части) и Хулагу. Оседлые же цивилизации, включенные в Еке Монгол улус, имели собственную развитую государственность, поэтому правление завоевателей там осуществлялось руками туземных властей (русские княжества, Уйгурия, енисейская Кыргызия), или монгольские власти сами перенимали местные административные системы (Иран, Китай). Следует учесть, что в первые десятилетия после смерти Чингис-хана его авторитет как основателя царства и сакрализованного предка регламентировал многие аспекты государственных отношений. Преклонение перед создателем империи обеспечило на первых порах сохранение освященных им политических и идеологических норм. Другими словами, на общекочевническую государственную традицию наложилась другая, стимулировавшая ее, – «чингисовская».

Но развитие общественных отношений, жесткая экономическая зависимость от оседло-земледельческих областей вызывали затухание, девальвацию обеих традиций. Инертность традиционных учреждений не позволяла оперативно и точно регулировать политические и социальные процессы. Поэтому, когда появились достаточные причины и объективная, даже настоятельная необходимость замены кочевых форм государственности на оседлые, эти формы утратили первоначальную абсолютную значимость и остались лишь в сфере военного строительства и придворном церемониале. Указанный процесс можно рассматривать как двухплановый. Во-первых, шло формирование новых, синтезных, оседло-кочевых традиций, все более отрывавшихся от центральноазиатской основы. Во-вторых, и это главное, в улусных ханствах набирали силу мощные традиции, которые существовали в поработанных странах до завоевания. Кочевое государственное наследие на чуждой для себя почве соперничать с ними не могло.

# ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

## Сопоставление признаков соправительства у кочевников III в. до н. э. – XIII в. н. э.

Признаки	Государства и союзы племен																								
	Хунну	Усуни	Гаюй	Туйюхунь	Жужаньский каганат	Тюркский каганат 552–630 г.	Западно-тюркский каганат	Второй Восточно-тюркский каганат	Сеяньто	Уйгурский каганат, 745–840 г.	Кыргызский каганат	Караханиды	Хазарский каганат	Кериты	Монголы до 2016 г.	Монголы 1206–1227 г.	Монголы 1229–1242 г.	Монголы 1246–1259 г.	Улус Джучи	Ак-Орда	Кок-Орда	Улус Чагатай	Хулагуиды	Юань	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	
Разделение территории на две части	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	
Наличие правителя в каждой из двух частей государства	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	
Наличие особого титула у младшего соправителя	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	
Номинальный пост главного военачальника у младшего соправителя	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	+	-	-	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Сфера власти младшего соправителя - западная часть государства	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	-	-	-
Подчиненность младшего соправителя главному хану	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
Принадлежность младшего соправителя к одному роду с главным ханом	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-
Первые соправители - братья	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-
Назначение младшего соправителя инвеститурой главного хана	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Наследственное соправление в роде младшего соправителя	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	-	+
Ненаследование младшим соправителем главного престола	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	-	+
Дипломатические сношения без санкции главного хана	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Ведение войн без санкции главного хана	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Вторичное раздвоение улуса младшего соправителя	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-	-	+

### Составлено по:

*Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 49, 54, 64, 70, 185, 202–203, 236, 293, 342; Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. С. 175, 176; Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. С. 374; *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. С. 143; *Гумилев Л. И.* Древние тюрки. С. 159; *Давидович Е. А.* О двух караханидских каганатах; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. С. 227; *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 81, 85, 174–175; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 192; *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 183–184, 216; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 44–45, 52–53, 153, 216, 217, 404; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 267, 268; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. С. 78; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 150; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 96; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 146; Родословное древо тюрков. С. 67; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Tursc) occidentaux. P. 17; *Golden P. B.* Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. P. 62; *Liu Mau-tsai.* Die chinesische Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken (T'u-küe). S. 61; *Pritsak O.* Karachanidische Streitfragen. S. 209, 212.

### Условные обозначения:

Знак + означает наличие признака.

Знак - означает отсутствие признака.

## Распределение улусов по крыльям

Период	Лица, состоящие в крыле	Улус	Примечания
<i>Правое крыло (барунгар)</i>			
1207 г.	Джучи	Джучи	Сын Чингис-хана
1213 г.	Джучи	Джучи	Сын Чингис-хана
	Чагатай	Чагатай	Сын Чингис-хана
	Угедэй	Угедэя	Сын Чингис-хана
1224 г.	Джучи	Джучи	Сын Чингисхана
	Чагатай	Чагатай	Сын Чингис-хана
1228 г.	Чагатай	Чагатай	Сын Чингис-хана
	Бату	Джучи	Сын Джучи
30-е годы	Чагатай	Чагатай	Сын Чингис-хана
XIII в.	Бату	Джучи	Сын Джучи
1236 г.	Орду-эджен	Джучи	Сын Джучи
	Байдар	Чагатай	Сын Чагатай
1251 г.	Берке, Туга-Тэмур	Джучи	сыновья Джучи
	Хара-Хулагу	Чагатай	Сын Чагатай
	Хадан	Угедэя	Сын Угедэя
	Мункату	Угедэя	Внук Угедэя
	Хубилай, Ариг-буга	Каана	Сыновья Толуя
	Хулагу	Хулагуидов	Сын Толуя
	Шиги-Хутуху	Каана	Приемный сын матери Чингис-хана
1258 г.	Племянники Бату	Джучи	Внуки Джучи
<i>Левое крыло (джунгар)</i>			
1213 г.	Хасар	Каана	Брат Чингис-хана
1228 г.	Тэмугэ, Есункэ	Каана	Братья Чингис-хана
1229 г.	Бэлгэтэй	Каана	Брат Чингис-хана
	Алчидай	Каана	Племянник Чингис-хана
30-е годы	Тэмугэ	Каана	Брат Чингис-хана
XIII в.	Егу	Каана	Племянник Чингис-хана
1236 г.	Бучек, Мункэ	Каана	Сыновья Толуя
1251 г.	Бэлгэтэй, Есункэ	Каана	Братья Чингис-хана
	Еке-Хадаи	Каана	?
	Асутай	Каана	Внук Толуя
	Тогачар	Каана	Племянник Чингис-хана

Период	Лица, состоящие в крыле	Улус	Примечания
	Сыновья Хасара и Есункэ	Каана	Племянники Чингис-хана
	Хубилай	Каана	Сын Толуя
	Бэлгэгэй	Каана	Брат Чингис-хана
<i>Центр (гол)</i>			
1206 г.	Толуй	Удел центра	Сын Чингис-хана
1213 г.	Чингис-хан, Толуй		Улус
1228 г.	Угедэй	Угедэя	Улус
	Толуй	Удел центра	Улус

**Составлено по:**

*Иакинф (Бичурин И. Я.)* История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 53, 66, 305; *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 174, 191, 198; *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 152, 229; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 269, 273; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 38, 45, 131–132; Родословное древо тюрков. С. 120; *Ta'rikh-i-jāhangushā.* Pt. 3. S. 91.

**Сопоставление систем крыльев  
у кочевников III в. до н. э. – XIII в. н.э.**

Признаки	Государства и союзы племен																						
	Хунну	Сяньзи	Жужаньский каганат	Тюркский каганат 552–630 гг.	Западно-тюркский каганат	Второй Восточно-тюркский каганат	Сельто	Уйгурский каганат, 745–840 гг.	Огузы	Караханиды	Хазарский каганат	Печенеги	Кипчаки	Монголы до 1206 г.	Монгольская империя 1206–1227 гг.	Монгольская империя 1229–1259 гг.	Улус Джучи	Ак-Орда	Кок-Орда	Улус Чагатай	Хулагуиды	Юань	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
Разделение территории на две части	-	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	-	
Признание каждой части особым крылом	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	
Левое крыло «старше» правого	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	
Западная сторона – «белая»	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	
Восточная сторона – «синяя»	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
Крылья моноэтничны	-	-	+	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	
Крылья полиэтничны	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	-	



1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Вторичное раздвоение крыльев	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-
Тройное раздвоение крыльев	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
Разделение государства на три части (крылья и центр)	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Центр — под управлением главного хана	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-

#### Составлено по:

*Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. С. 103, 104; *Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. С. 13; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. С. 341; *Бернштам А. И.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. С. 185; *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 49, 51, 154, 185, 233, 286–287, 342; Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. С. 176; Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. С. 374; *Доржсурэн Ц.* Умард хунну. С. 84; *Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрок. С. 11, 17, 18; *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий. С. 66; *Иакинф (Бичурин И. Я.)* История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 56, 66; История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 108; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 155, 157; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 144–145, 190–192; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 40; *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. С. 115, 323; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 40; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 76, 365; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. С. 138; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях С. 192, 194–195; *Таскин В. С.* Китайские источники о тюркских и монгольских племенах. С. 45, 46; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 219; *Czégledy K.* On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Organization. P. 280; *Klyashtorny S. G.* The Terkhin Inscription. P. 152–153; *Pritsak O.* Orientierung und Farbsymbolik. Zu

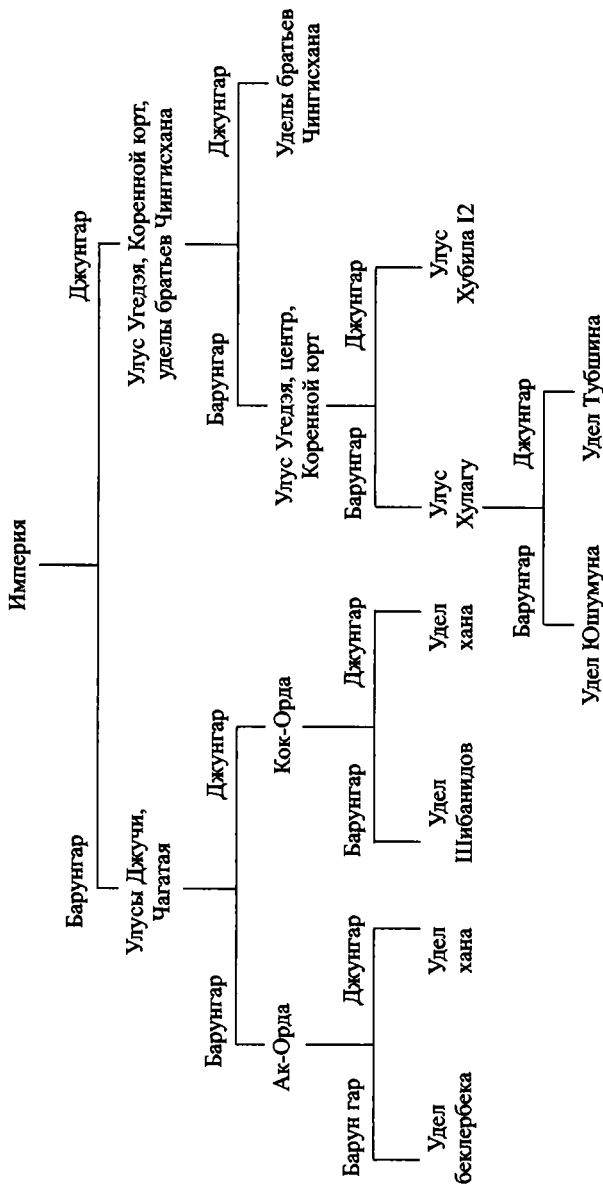
den Fardenzeichnungen in den altaischen Volkernamen. S. 184, 185; *Pritsak O. The Pecenegs*. P. 12.

Условные обозначения:

Знак + означает наличие признака.

Знак — означает отсутствие признака.

## Разделение Монгольской империи на крылья



<sup>1</sup> Власть старшего хана западных улусов некоторое время распространялась и на часть чагатайских территорий. Поэтому можно предполагать включение их в систему джучидских крыльев.

<sup>2</sup> Регион для правления Хубилая был определен, но он, не довольствуясь будущим улусом, узурпировал каанство.

# ЗОЛОТАЯ ОРДА В XIV СТОЛЕТИИ





## ЗОЛОТАЯ ОРДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Для большинства российских читателей название средневекового государства Золотая Орда ассоциируется с мрачной эпохой «монголо-татарского ига»<sup>1</sup>. В школах и вузах учащимся до сих пор внушается представление о периоде 1230–1470-х гг. как о времени жестокого порабощения Русской земли завоевателями, высасывания ими соков из многострадальной Руси. Ханские баскаки выколачивали дань – «царев выход», князья садились на отчие столы не иначе как по ярлыку ордынского хана-«царя», кровожадные татарские всадники совершали набеги на мирные города и селения... В общем, получается жуткая картина бесправия и унижения, длившихся без малого два с половиной столетия.

Этот исторический штамп, впитанный поколениями российских школьников и студентов, уходит корнями не просто в официальную имперскую историографию по главе с великими Карамзиным и Соловьевым. Такое отношение к Золотой Орде, ее правителям и жителям формировалось русскими интеллектуалами уже в XIII в. и объяснялось мировоззрением, кругозором, политическими и культурными стереотипами средневековых авторов. Дело в том, что летописи (главный

---

<sup>1</sup> «Монголо-татары» – искусственный термин, изобретенный историками в XIX в. Слово «татары» (имя одного из древних народов Восточной Монголии) еще за несколько столетий до монгольских завоеваний служило на Востоке общим обозначением народов и племен Центральной Азии – в том числе и собственно монголов. Русские и европейцы в XIII в., узнав о приближении к их странам монгольских войск, очевидно, от кипчаков, переняли у последних обычное восточное обозначение монголов – «татары». Поэтому в русских средневековых текстах, как и в большинстве западноевропейских, этноним «монголы» не употреблялся. Покоренные тюркские народы Золотой Орды, по традиции приняв на себя имя народа-завоевателя, но сохраняя свои племенные наименования, стали называть себя еще и татарами, что в их глазах служило синонимом монголов.

источник, из которого мы узнаем о тех далеких временах) составлялись по большей части в духовной среде. Священники и монахи отображали современную действительность сквозь призму привычных для них библейских образов и аналогий.

Едва восточнохристианский мир успел оправиться от крестового разгрома Константинополя в 1204 г., как разразилось новое нашествие иноплеменников, и православие потерпело новое поражение. Монгольское завоевание Руси воспринималось как неоспоримое свидетельство того, что Господь отвратил Свой лик от Святой Руси, отказал ей в Своей милости и благодати. Кровавые княжеские распри, беспринципные интриги и свары на протяжении предыдущих десятилетий, наведение на враждебные княжества «диких половцев» лишили русских людей божественного заступничества. Кара пришла в виде чужеземного порабощения. Сравнения с библейскими прецедентами напрашивались сами собой: не так ли пребывал в услужении фараону «избранный народ» Израилев? Не так ли оказался он в вавилонском пленении? Теперь нужно было молиться и уповать на благосклонность Всевышнего. А пока она не воссияла, терпеть и переносить лишения, связанные с «игом» (ярмом) – именно это понятие ввели в обиход церковные писатели для обозначения режима, установленного монголами на Руси.

Соответственно, и падение «ига» в XV в. воспринималось духовными писателями (и внимавшей им аудиторией) как результат божественного благоволения. Ну а Орда заслуженно покатила в исторические тартарары, якобы расплатившись за долгое поругание православного христианства<sup>2</sup>.

В общем, эпоха монгольского завоевания и подчинения Золотой Орде традиционно стала восприниматься как национальная трагедия, черная полоса в русской истории.

Совсем по-другому смотрели на эту историческую ситуацию историки евразийской школы. Эта школа сформировалась в среде русской эмиграции 1920-х гг. и имеет сейчас немало последователей (правда, среди не ученых, а в основном людей, которые профессионально не занимаются изучением прошлого). Общая схема евразийской идеи сводится к исторической преемственности великих континентальных держав – Тюркского каганата, Монгольской и Российской империй.

---

<sup>2</sup> Об отношении русских к «монголо-татарам» именно сквозь призму христианского провиденциализма см.: *Амелькин А. О., Селезнев Ю. В.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2005. Гл. 1; *Они же.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011; *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009.

Они будто бы объективно передавали друг другу функцию собирания народов в общих границах. При такой трактовке Россия (иногда добавляют: и СССР) выступала в качестве наследницы объединительной миссии предыдущих «сверхдержав» Евразии.

Евразийцы и их позднейшие последователи увлеченно пытались определить многообразные проявления цивилизационной связи России с Востоком. Ярким показателем такой связи они считали заимствования из Золотой Орды XIII–XV вв. и из более ранних тюркских государств. Кое в чем здесь можно согласиться. Существуют бесспорные примеры таких заимствований – например, в русской титулатуре и социальной терминологии (каган, тархан и т.п.), в финансовой системе средневековой Руси, в организации военного дела, ямской службы и проч. Хотя некоторые авторы абсолютизируют размах восточных заимствований, приписывая татарское происхождение русскому поместью, Земскому собору и др.<sup>3</sup>

Перенимание из Орды некоторых явлений и учреждений может свидетельствовать, с одной стороны, о привлекательности и целесообразности для русских восточных образцов в то время. Но сами по себе они все-таки не являются аргументом в пользу золотоордынского «наследия» или какой-то исторической преемственности России по отношению к Золотой Орде. Ведь импорт идей и институтов – это общекультурное явление. Оно присуще всем народам и государствам, не исключая Россию. В начале XVIII в. управление и администрация волей Петра I были преобразованы на германский и шведский манер; в наше время наблюдается широкое и повсеместное внедрение западных, особенно американских, социальных и культурных стандартов. Но все это не означало и не означает, будто Россия превратилась в «наследницу» или «преемницу» Германии, Швеции или США.

С другой стороны, некоторые установки управления и налогообложения были навязаны завоевателями побежденным данникам, хотя со временем, за два с половиной столетия «ига», они и укоренились на русской почве. При этом картина всеохватного татарского влияния на Русь на самом деле оказывается гораздо более скромной. Многие явления, которые некоторые авторы считают заимствованными из Орды (десятичная система, структура великокняжеского двора, организация воинских подразделений и др.), сложились на Руси еще до монгольского завоевания.

<sup>3</sup> *Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара, 2001; *Pelenski J.* State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1980. Bd. 27.



Давно, часто и во многом справедливо историки критикуют концепции Л. Н. Гумилева. Но в литературном мастерстве изложения своих взглядов ему не отказывает никто. В одной из своих ярких работ, книге «Поиски вымышленного царства», Л. Н. Гумилев предлагает взглянуть на исторический процесс как бы с трех позиций: «из мышинной норы», «с кургана» и «с высоты птичьего полета». Если воспользоваться таким оригинальным подходом при разборе русско-татарских отношений, то окажется, что наша традиционная историография объясняет их, как правило, глядя «из мышинной норы», вне широкого исторического контекста. Можно уверить себя, что Святая Русь есть центр мира, и тогда получится, что она всегда была окружена врагами, посягавшими на ее свободу, что она веками стояла, как крепость, отбиваясь от посягательств разномастных недругов.

Если же подняться чуть выше и посмотреть «с кургана», то окажется, что Русь изначально пребывала в окружении равновеликих и равноценных ей государственных и культурных систем и взаимодействовала с ними. К таким системам принадлежали европейские страны и Византия, мир ислама и языческий мир тюрко-монгольских степных кочевников.

А если бы нам довелось взмыть на высоту «птичьего полета» и, следуя Гумилеву, обозреть Евразию в середине XIII в., то мы увидели бы колоссальную державу – Еке Монгол Улус. Как и любая империя, Монгольское царство имело сложную структуру. Наряду с уделами сыновей Чингис-хана (в том числе Улусом Джучи – Золотой Ордой) туда входили наместничества и автономные владения разного статуса и ранга. Русь как часть Монгольской империи находилась точно в таком же положении, как Уйгурия, Рум (сельджукская Малая Азия), Грузия, страна енисейских кыргызов. Все эти государства сохраняли собственных правителей и домонгольское внутреннее устройство.

Кстати, чертой, присущей также большинству империй, была и веротерпимость монголов. Привлекая к себе на службу чиновников и военачальников из разных народов, заботясь о лояльности миллионов своих подданных, правительство не считало нужным диктовать им религиозные предпочтения.

С ослаблением Монгольской империи, в течение второй половины XIII – первых десятилетий XIV в., от нее постепенно отделилась Золотая Орда (Улус Джучи). Соответственно, Русь утратила связи с имперским центром и стала подчиняться только ханам этого Улуса. На вопрос: входила ли Русь (Северо-Восточная: великие княжения Владимирское, Тверское, Рязанское, Суздальско-Нижегородское) в состав Золотой Орды или нет? – автор этих строк сейчас склонен отвечать утвердительно. От Еке Монгол Улуса Орда унаследовала управление русскими данниками. Они теперь составляли часть ее подданных, но не в рамках обычной улусной системы, а как владения иного рода – как плательщи-

ки дани-«выхода» и управлявшиеся на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации.

При этом не нужно усматривать в факте давней подчиненности Руси Улусу Джучи и вхождения Руси в состав Монгольской империи нечто унижительное или несовместимое с престижем русского «народа-богосца». Пребывание в составе крупнейшей державы Средневековья и тесная связь с Золотой Ордой придали русской государственности и культуре особенное своеобразие. Такая ситуация не является чем-то уникальным. Например, достоинство испанцев ничуть не пострадало оттого, что их страна некогда составляла часть Арабского халифата, а затем в течение нескольких столетий на Пиренейском полуострове существовали мусульманские государства. Наоборот: в результате появилась неповторимая испанская культура с ее ярко выраженным «мавританским» компонентом.

Есть еще один любопытный момент, который евразийцы и их позднейшие адепты «благоразумно» обходят молчанием. В ордынской государственности и культуре есть влияния китайские, иранские, уйгурские, но нет ни малейшего следа русских влияний. Это говорит, во-первых, о том, что монголы не нашли в русской среде полезных и рациональных для себя явлений; во-вторых, кочевые степи и Русская земля в XIII–XIV вв. существовали как бы в параллельных мирах, соприкасаясь лишь по формально-государственным поводам.

Конечно, дело здесь вовсе не в более низком социальном и культурном уровне развития Руси. Сложно сопоставлять этот уровень, но не думаю, что Русь выглядела настолько «варварской», чтобы присущие ей явления и установления отвергались монголами из-за ее отсталости. Отсутствие русских заимствований у монголов, скорее всего, объяснялось другими причинами.

Во-первых, ко времени завоевания Руси государственная система Монгольской империи уже в основном сложилась на основе восточных институтов. К тому же в первые десятилетия после завоевания Русь подчинялась не ханам-Джучидам – потомкам Джучи (старшего сына Чингис-хана), а центральному имперскому правительству. А там при дворе ведущими чиновниками были уйгуры и кидани. И у тех, и у других за плечами был вековой опыт собственной государственности (плюс мощное китайское влияние), и им незачем было присматриваться к далекой северо-западной окраине державы, чтобы что-то оттуда перенимать.

Во-вторых, азиатские монархии обычно были приспособлены под управление как оседлым, так и кочевым населением. Это было более привлекательно для завоевателей-монголов, чем цивилизация Руси, ориентированная только на земледельцев.

При учете этой ситуации и русско-ордынские отношения выглядят иначе по сравнению с привычным шаблоном. До сих пор в учебниках и монографиях эти отношения определяются как жесткая система господства-подчинения. Принято считать, что владычество ордынцев над завоеванной Русской землей проявлялось в двух главных формах: в выдаче ханами ярлыков и в выплате «выхода».

При знакомстве с устройством Монгольской империи оказывается, что ни один из этих пунктов не может служить доказательством какого-то приниженного, угнетенного положения Руси в структуре огромного государства. Ярлыки вовсе не были признаком порабощения и подавления. Их выдача являлась процедурой инвеституры, которая пронизывала всю империю. Вплоть до начала XIV в. ханам Золотой Орды также жаловались ярлыки в имперской столице, которая располагалась в Монголии, затем в Китае. Правда, к тому времени это превратилось в чисто ритуальное действие, которое демонстрировало лишь иерархическое старшинство верховного хана над улусными правителями.

«Выход» (заимствованный ордынцами из мусульманских стран налог *харадж*) тоже не являлся данью в строгом смысле, т.е. изъятием завоевателями продукта, произведенного завоеванным населением. Слово «дань» в средневековом русском языке было гораздо более многозначным, и толковать «выход» как беспощадное выкачивание ресурсов из многострадальной Русской земли было бы неверно. Имеются сведения, что с города Хаджи-Тархана (Астрахани) в Золотой Орде взимался «выход» в 60 тыс. алтын<sup>4</sup>. Но Хаджи-Тархан никак не мог расцениваться как завоеванный город: он был основан самими ордынцами и располагался на домениальных ханских землях. Следовательно, в «выходе»-харадже можно видеть государственный налог, которым облагались как собственно ордынские, так и нетатарские владения.

Высказанные выше положения – это не просто чисто академические, отвлеченные рассуждения. Проблема русско-татарских отношений, исторического наследия Золотой Орды составляет часть более широкого круга вопросов – об историческом, государственном и культурном наследии, общем для народов России (Евразии).

Евразийская схема преемственности России от Золотой Орды, несмотря на свою искусственность, все же имеет некоторое рациональное основание. Геополитическая ситуация, связанная с распадом Золотой Орды в XV в., по-новому поставила вопрос о положении Руси среди восточно-европейских государств. В определенном смысле московский правитель по отношению к поволжским и заволжским народам принимал на себя функции верховного сюзерена. А эти функции традиционно связывались

<sup>4</sup> Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Мачкала, 1995. С. 139.

некогда с правителями Золотой Орды, затем Казани и Сибири. В XVIII в. башкиры вспоминали о той ситуации именно в таком контексте: «Мы, башкирские народы, наши отцы, деды и прадеды, великому государю в подданство пришли своими волями, *оставя своих ханов*, и великие государи нас содержали по нашей воле...» (курсив мой. – В. Т.)<sup>5</sup>. Да и сам Иван IV в обращении к населению Южного Урала призывал его платить ясак русскому царю, «якоже и прежним казанским царям»<sup>6</sup>.

По некоторым отрывочным данным можно полагать, что в XV – первой половине XVI в. великий князь Московский имел промежуточный статус между ханами-Чингисидами Сарая, Крыма, Казани и Астрахани, с одной стороны, и правителями ногайскими, касимовскими, сибирскими – с другой. Для поддержания своего ранга улусного владельца он должен был обустривать двор и государство соответствующим образом. Известно, что при московском дворе широко практиковался восточный дипломатический церемониал.

Принципиальным рубежом в повышении статуса русского монарха в глазах соседних татарских правителей явилось подчинение Иваном IV Казанского и Астраханского «царств». В руках московских властей оказались бывшие ханские домены, включая «царево место» – руины Сарая. Именно подчинение татарских государств Поволжья и Сибири трактовалось в России как начало обретения Иваном IV царского достоинства, «а преж сего в Русской земле царей не бывало»<sup>7</sup>. Само понятие «царь», очевидно, справедливо расценивается некоторыми историками как демонстрация независимости по отношению к ханам. Хотя по своему происхождению на Руси оно, скорее всего, греко-византийское, но появление русского *царя* можно равным образом связывать с послеордынской политической ситуацией.

Правда, история предоставила Ивану Грозному не очень много возможностей проявить себя в этом своеобразном статусе. Например, в 1555 г. сибирский бек Ядгар попросил царя принять его под покровительство и защиту, обязавшись выплачивать за это ежегодно 30 тыс. соболей. Царь сперва колебался. Но посольства из сибирского стольного Искера прибывали снова и снова. Наконец Иван Васильевич повелел считать сибирцев своими данниками и оказывать им подмогу против враждебных царевичей. В соответствии с положением старшего государя, как это было принято в Золотой Орде и в ее наследных владениях, он выдал Ядгару ярлык на княжение (бекство), обложил

<sup>5</sup> Цит. по: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996. С. 146.

<sup>6</sup> ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 221.

<sup>7</sup> *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 1; ПСРЛ. Т. 34. С. 188.

Сибирский юрт податью-*ясаком* и назначил туда своего наместника-*даругу*. Впрочем, вскоре власть на Иртыше захватил хан Кучум, и зависимость юрта от Москвы сошла на нет.

В ходе экспансии за Урал правительство и воеводы использовали и другие перенятые из татарской административной практики приемы управления новоприсоединенными подданными: заключение шертных договоров с определением взаимных обязательств, взятие заложников-*аманатов* и др. Именно таким образом, с точки зрения и администрации, и местного населения, и должна была действовать законная власть – в том числе от лица русского «белого царя».

Следовательно, в отношении восточных и южных соседей Россия XV–XVII вв. представляла как победоносный участник борьбы за геополитическое наследие Золотой Орды. Соответственно, и налаживание отношений с бывшими ордынскими подданными – татарами, башкирами и ногаями – происходило по привычным для них схемам. Это обеспечивало их менее болезненную адаптацию к жизни в пределах Московского государства.

А вот идейная преемственность Московской Руси от Орды представляется очень сомнительной. Русские власти кое в чем заимствовали у татар технологию власти (и то в основном по отношению к неславянским подданным), но не ее идеологию.

Есть еще одна проблема, очень сложная для анализа, – взаимное восприятие средневековых русских и татар. При ее изучении перед исследователем встают труднопреодолимые препятствия. Практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Золотой Орде. Почти все известные источники о ней написаны за ее пределами – нередко за тысячи километров от Орды – и к тому же людьми, никогда в ней не бывавшими. Судя по очень лаконичным и косвенным данным, ордынцы видели в русских по большей части покорных данников, жителей «Русского улуса». Интерес к внутренним делам этого улуса абсолютно незаметен в восточных текстах, рассказывающих о Золотой Орде.

Русь в золотоордынские времена была завоевана, но не оккупирована. Поэтому простой народ редко сталкивался с ордынцами. Мало кто видел живого татарина, особенно в XIV в. Знали, что где-то далеко на Волге есть «вольный царь», для которого его баскаки, а потом княжеские дьяки собирают меха и серебро. Разве что жители стольных городов изредка наблюдали приезды ханских послов для введения в должность очередного князя и оглашения ярлыка. Да еще несчастные обитатели пограничных крепостей и деревень страдали от набегов из степи.

Летописи изображают татар негативно, хотя и сравнительно сдержанно (по сравнению с «латинянами»). Сказывались здесь и воспри-

ятие завоевания как Божия попущения, и многолетняя приспособленность, даже привычка к ордынскому верховенству. Князья могли сетовать на бесчинства татарских отрядов и несправедливость ханского суда (Даниил Галицкий: «злее зла честь татарская»), призывать к борьбе против «бусурман», но здесь в основном влияли факторы политические и религиозные. Зримым рубежом в изменении образа Орды в источниках послужило «обесерменивание» хана Узбека в 1314 г. – обращение Улуса Джучи в ислам, после чего у русских появилась идеологическая основа для будущей борьбы с Ордой.

Что же касается основной массы русского населения, то сведения о его отношении к тогдашним татарам могут быть почерпнуты разве что из такого позднего (по времени фиксации) и ненадежного источника, как фольклор. Вот зачин «Повести о Щелкане Дудентьевиче», изображающий двор грозного Узбека:

*А и деялося в Орде,  
Переделялось в большой.  
На стуле золоте,  
На рытом бархате,  
На черевчатой камке  
Сидит тут царь Азвяк,  
Азвяк Таврулович;  
Суды рассуживает  
И ряды разряживает,  
Костылем размахивает  
По бритым тем усам,  
По татарским тем головам,  
По синим плешам<sup>8</sup>.*

В этой карикатурной сцене звучит не ненависть к завоевателям, не боль за поруганное православие, а скорее сарказм, насмешка над «вольным царем» и его придворным окружением. Слушатель «Песни» ясно понимал разительный контраст между татарским владыкой и русским князем, любовно описанным во множестве фольклорных памятников. Конечно, ведь идеальный князь вершил свой строгий и справедливый суд, вовсе не охаживая просителей и истцов костылем по плешивым головам!

Тем не менее ордынский правитель на протяжении XIII–XV вв. воспринимался на Руси как абсолютно законный государь, да еще и стоящий на иерархической лестнице выше всех разномастных великих и удельных князей. Ниже «царя»-хана и его царственных родичей в ордынской иерархии располагалось многочисленное сословие беков – в общем-то тех же князей. Самые влиятельные и могущественные из них звались *беклербеками* – «князьями князей» или *улуг беками* – «ве-

<sup>8</sup> Песни XIII–XVI веков. <http://www.sippala.com/fra/music/histsong/istsong2.htm>.

ликими князьями». Именно таким главным беком был знаменитый Мамай.

Он появился на исторической арене в то время, когда Золотая Орда стала погружаться в тяжелый и необратимый кризис. Надвигалась эпоха смут и междоусобных войн. Обо всем этом рассказ будет впереди. Пока же отметим, что упадок Улуса Джучи происходил одновременно с усилением Московского великого княжества. Вскоре молодое владение потомков Калиты вступило в жестокую борьбу за выживание, а затем и за первенство на развалинах могущественной державы потомков Чингис-хана.

## ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Первоначально понятие «золотая орда» использовалось, вероятно, как название парадного ханского шатра. В таком качестве оно фигурирует в восточных текстах еще в XIII в., а на страницах русских документов появилось во второй половине XVI в. – уже как название татарского государства («Златая Орда», «Большая Орда Златая»). До того сами русские называли Монгольскую державу просто «Ордой» или «Татарами». Официальным же ее наименованием служили словосочетания «Улус Джучи» и «Великий Улус».

Начало существования Золотой Орды было положено в 1224 г., когда Чингис-хан отдал в управление своему старшему сыну Джучи Хорезм и Восточный Дешт-и Кипчак (современный Казахстан). Джучи устроил себе резиденцию где-то в среднем Прииртышье. В 1227 г. он умер. Двое сыновей Джучи, Орду-эджен и Бату (Батый), возглавили многочисленное потомство своего отца (Джучидов). Орду-эджен являлся старшим по возрасту и считался высшим по рангу; он властвовал над степными просторами теперешнего Восточного Казахстана. Бату достались поволжские кочевья и те земли далее на запад, что были завоеваны в результате походов 1236–1241 гг.

Многие историки склонны связывать начало истории Золотой Орды именно с Бату, который якобы основал это государство, завершив свои кампании в Европе. Однако как часть Монгольской империи Улус Джучи уже существовал к тому времени, а самостоятельность от имперского центра обрел в 1260-х гг. – только с тех пор и можно отсчитывать историю независимой Золотой Орды.

В соответствии с древними традициями кочевников Улус Джучи стал делиться на две части, или крыла – правое (западное) и левое (восточное). Граница между ними проходила, очевидно, по реке Яик (Урал). К востоку от нее ханствовали Орду-эджен и его потомки, к западу – Бату. Впрочем, вопрос о расположении крыльев и разграничившем их рубеже остается пока дискуссионным.



Ставка Орду-эджена находилась в районе озера Балхаш; позднее, в XIV столетии, восточные джучидские ханы сделали своей столицей город Сыгнак на Сырдарье. Бату сперва обосновался в Булгаре – столице завоеванной им Волжской Булгарии, а затем переместился на нижнюю Волгу, где впоследствии его брат, хан Берке (1256–1266), воздвиг стольный город Сарай ал-Махруса («Богохранимый Дворец»). Долгое время считалось, что в 1330-х гг. хан Узбек (1312–1341 или 1342) построил в Нижнем Поволжье вторую столицу – Сарай ал-Джадид («Новый Дворец»). Однако некоторые исследователи высказывают мнение, что город Сарай мог быть и один. Просто в источниках и на монетах он фигурирует с разными эпитетами<sup>1</sup>.

Размеры Золотой Орды поражали воображение современников. Мусульманские авторы утверждали, будто она простиралась с запада на восток на шесть (по другим источникам, восемь) месяцев пути, а с севера на юг – на четыре (или шесть). Большая часть Улуса Джучи располагалась в степной зоне. Это объяснялось кочевым образом жизни монголов и завоеванных ими тюрок.

На громадном пространстве Золотой Орды проживало множество народов, говоривших в основном на тюркских языках. Самыми многочисленными из них были кипчаки (половцы). Что же касается самих монголов, то их в Улус Джучи мигрировало довольно мало. Те монголы, что переселялись в завоеванные страны (Иран, Среднюю Азию, Китай, степи Восточной Европы), оказывались немногочисленными по сравнению с местным населением. Пришельцы-завоеватели в первые десятилетия осознавали свою принадлежность к монгольскому народу. Но, очутившись в окружении тюрок – таких же кочевников, они быстро, уже через столетие, полностью слились с ними. В Золотой Орде они постепенно утрачивали исконный язык, культуру и смешивались с коренными жителями. К середине XIV в. большинство таких переселенцев уже не считало себя монголами. Приблизительно в это же время официальные документы в Улусе Джучи стали составляться не на монгольском языке, а на тюркском.

Формально монгольский народ считался правящим в империи. Но в действительности он почти не смог воспользоваться плодами завоева-

---

<sup>1</sup> *Евстратов И. В.* О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997 Ч. 2; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004. С. 15–226. По мнению этих авторов, Сарай располагался на месте современного Селитренного городища (в Астраханской области); на месте же Царевского городища (в Волгоградской области), традиционно трактуемого как остатки Нового Сарая (Сарай-Берке), находился ордынский город Гюлистан.

ний. Основная масса монголов продолжала жить далеко на востоке, в степях Центральной Азии и вести привычную жизнь кочевых скотоводов. Сокровища и подати оседали в ставках ханов и нойонов (князей), купцы не были заинтересованы в торговле с пастухами, ведущими примитивное натуральное хозяйство. В 1264 г. внук Чингис-хана Хубилай перенес столицу империи из монгольского города Каракорума в Пекин (Ханбалык), и Монголия фактически превратилась в захолустную периферийную провинцию.

Как говорилось выше, общим названием тюркоязычных жителей Золотой Орды стало слово «татары». В правом (западном) крыле Золотой Орды в XIV в. существовала развитая городская цивилизация, были налажены оживленные межрегиональные связи, функционировали мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Булгария, Крым, Молдавия). Поэтому там происходило постепенное отмирание патриархальных племенных норм жизни. Явно наблюдалась этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности. Однако сначала пандемия чумы в середине столетия, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс.

Носители архаичных социальных и культурных норм, ордынцы левого (восточного) крыла свято соблюдали племенной строй в своей среде, и социальные порядки в степях к востоку от Яика были гораздо более консервативными. Хотя для жителей восточных районов Золотой Орды XIV–XV вв. историки иногда употребляют условное общее наименование «кочевые узбеки», единого этноса там так и не сложилось.

Степной пояс Евразии представляет собой особую страну со специфической природой, с особенностями климата, растительности и животного мира. Эта страна издавна была освоена кочевыми скотоводами. Племена кочевников на протяжении столетий сменяли друг друга. Некоторые из них обосновывались здесь надолго и образовывали политические объединения (каганаты). Другие проходили сквозь степные пространства в поисках лучших пастбищ или жертв для набегов. Чаще всего массовые миграции кочевников происходили с востока на запад. Периодически десятки и сотни тысяч всадников, в сопровождении огромных стад, отар, табунов, кибиток с семьями, караванов вьючных верблюдов, устремлялись из глубин Центральной Азии в Восточную Европу, переправлялись через Иртыш, Урал, Волгу, Дон... То и дело с востока накатывалась очередная лавина конных «варваров». На протяжении двух с половиной тысячелетий через так называемые Ворота народов (район между Каспием и южными отрогами Уральских гор) прошли сарматы, гунны, болгары, жужани (авары), древние тюрки, печенеги, огузы («торки»), кипчаки, монголы, калмыки.

Со страхом и подозрением окрестные народы следили за такими передвижениями, справедливо опасаясь появления новых противников на своих границах. Кочевники интересовали наблюдателей из соседних государств прежде всего как опасная военная сила, которую, впрочем, при умелой дипломатии можно было обратить себе на пользу. Страна, которую населяли эти беспокойные соседи, в географических описаниях и исторических хрониках зачастую получала название по самому сильному или самому известному народу. В разное время евразийские степи именовались, например, у мусульманских писателей *Мафазат ал-гузз* (араб. «Пустыня огузов») и *Дешт-и Хазар* (перс. «Хазарская степь»). В XI в. на страницах трактатов и путеводителей появляется обозначение *Дешт-и Кипчак* (перс. «Кипчакская степь»)<sup>2</sup>. В нем запечатлено имя кипчаков – одного из самых известных кочевых тюркских народов «домонгольской» эпохи. Именно кипчаки составили большинство населения Золотой Орды.

---

<sup>2</sup> Ниже для краткости мы иногда будем называть Дешт-и Кипчак просто Дештом.

## ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Четырнадцать сыновей Джучи оказались разверстанными между двумя крыльями, а население обеих половин Золотой Орды было разделено на мелкие улусы – удельные владения Джучиевых потомков.

Права на улусы всех степеней даровались ханскими ярлыками. Все земли государства считались собственностью рода Чингис-хана-Джучи, и хан являлся главным распорядителем в земельных вопросах; формально такими же правами он обладал и в отношении скота и имущества своих подданных. «Все настолько находится в руках императора, что никто не смеет сказать: “Это мое или его”, но все принадлежит императору, то есть все имущество, вьючный скот и люди», – писал о порядках в Монгольской империи итальянский дипломат XIII в. Плато Карпини<sup>1</sup>.

Большая часть жителей Золотой Орды в XIII в. оставалась язычниками. Во многом религиозная политика диктовалась примером и заветами Чингис-хана. Основатель Монгольской империи не выделял ни одной религии и с одинаковым почтением относился к приверженцам всех вероучений, а любых священнослужителей считал посредниками в общении с божественными силами. Ордынский хан Берке хотя и стал мусульманином, но не проявлял никакого фанатизма. В 1261 г. в своей столице он позволил учредить православную епархию.

Золотая Орда имела сложную и разветвленную систему управления. Она формировалась и изменялась на протяжении почти всех трех столетий существования государства. Начав с введения в завоеванном Дешт-и Кипчаке традиционных, принятых для всей Монгольской империи институтов, Джучиды впоследствии сумели также рационально использовать административные традиции покоренных народов и соседних стран. Образовался комплекс управленческих органов и долж-

---

<sup>1</sup> Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 45–46.

ностей, центральных и местных ведомств, иерархически организованных столичных и провинциальных властей.

Историки традиционно проявляют большой интерес к джучидской системе управления. Это вызывается несколькими причинами. Во-первых, она оказалась настолько устойчивой, что надолго пережила государство, в котором была создана, и продолжала функционировать (в основных чертах) в наследных постзолотоордынских ханствах и Ордах. В других бывших улусах Монгольской империи – в Китае и Иране – этого не произошло; правда, в Средней Азии некоторые устои имперской государственности то и дело обретали второе дыхание благодаря политике Тимура (Тамерлана) и узбекских ханов, переселившихся в Мавераннахр<sup>2</sup> в XVI в.

Во-вторых, система управления Золотой Орды объективно оказывала значительное воздействие на русские княжества. Поэтому изучение истории Руси XIII–XVI вв. является неполным без учета этого фактора, и в историографии сложилось целое направление, изучающее восточные черты русской государственности и культуры.

В-третьих, государственность Золотой Орды демонстрирует достаточно редкий исторический пример длительного бесконфликтного сосуществования на огромной территории подданных, принадлежащих к разным сферам экономики (кочевые скотоводы и оседлые земледельцы), исповедующих разные религии, говорящих на разных языках.

При всей важности проблемы историки сталкиваются с довольно скудным ее освещением в средневековых текстах. Важнейшими источниками при изучении ордынской системы управления являются немногие сохранившиеся ханские ярлыки; определенную помощь оказывают арабские и персидские хроники, русские летописи.

Используя вековые социальные институты, присущие кочевникам, имперские и золотоордынские власти в XIII в. разделили подвластное население на *тумены* (округа, способные выставить в ополчение по 10 тыс. боеспособных мужчин), тысячи, сотни и десятки. Тумены, как правило, составляли крупные улусы. Между начальниками этих подразделений была установлена строгая военно-административная иерархия. Пастбища закреплялись за держателями улусов, которые регулировали все передвижения и податные платежи подвластного населения.

Десятичная система вводилась и на оседлых территориях, но там она служила, очевидно, главным образом основой для налогообложения, а не военной мобилизации. Известно об учреждении туменов («тем») в завоеванных русских землях в результате общеимперской переписи

<sup>2</sup> Мавераннахр – страна в междуречье Амударьи и Сырдарьи, с главными городами Бухарой и Самаркандом.

населения, проведенной монголами во второй половине 1250-х гг. Тем не менее есть многочисленные сведения о том, что подданные из земледельческих регионов (в том числе русские) привлекались к военным кампаниям, которые вели ордынские ханы (см. ниже).

В истории джучидской державы было несколько событий, которые можно интерпретировать как решающие вехи в трансформации ее административного устройства. Обретение государством фактической независимости от имперского правительства во второй половине 1260-х гг. побудило сарайских ханов обустроить государство в соответствии с новым, самостоятельным статусом. Первым признаком этого была выдача ханом Менгу-Тимуром от своего имени ярлыков русским православным иерархам. Однако разгоревшиеся после его смерти распри отвлекли джучидскую элиту от налаживания управления, и окончательно административная структура независимой Золотой Орды сложилась, очевидно, после окончания смуты, при хане Тохте (1290–1312). Вскоре принятие ислама Узбеком в качестве государственной религии повлекло новые преобразования, в результате которых Орда превратилась в одно из мусульманских государств со всеми присущими им приемами и канонами управления, отработанными на протяжении столетий.

В дальнейшем, насколько можно судить по источникам, принципиальных преобразований в данной области не происходило. Междоусобицы 1360–1370-х гг. и нашествия Тимура в 1390-х гг. не давали правителям Орды возможности совершенствовать ее устройство. Ведя жестокую борьбу за власть, они ограничивались лишь поддержанием тех административных институтов, которые сохранялись после политических катаклизмов.

К характерным чертам государственного строя Золотой Орды можно отнести: а) монархическую власть хана; б) участие в управлении *карачи-беков* – представителей нескольких (обычно четырех) аристократических татарских родов; в) разделение кочевого населения и территории на правое и левое крылья; г) улусную систему – совокупность контингентов подданных и территориальных уделов, пожалованных ханом в управление военачальникам и «штатским» сановникам; д) институт наместников (монг. *даругачи*, *даруга*, тюрк. *баскак*) в управлении городским и сельским оседлым населением; е) ясачное налогообложение; ж) сочетание государственной администрации с традиционными органами управления местных жителей.

Во главе системы управления у Джучидов стоял хан. Функционирование государственной машины осуществлялось от его имени и в виде выполнения его приказов – независимо от того, сидел на престоле самодержавный государь или марионетка придворных клик. Хан производил назначения на главные административные должности,

осуществлял выпуск денег, вел переговоры с иноземными правителями, возглавлял армию во время больших военных кампаний и т.д.

Обоснование монархического правления и организации правящей элиты имели в Золотой Орде несколько источников. Первый и главный из них – это авторитет основателя Монгольской империи и правящего в ней клана. Кроме того, при наследовании власти действовали внутриклановые принципы наследования ханского ранга. Из кочевой старины тянулась традиция всенародного избрания (фактически – одобрения избрания) государя. Поскольку Джучиев улус представлял собой вторичное образование в рамках империи, то в течение XIII в. имела значение также инвеститура вышестоящего сюзерена – каракорумского каана. Когда золотоордынские ханы перешли в ислам, встал вопрос о легитимизации их власти уже в соответствии с канонами этой религии. Наконец, в ходе распрей и смут случалось, что на авансцену выходила нединастическая знать – различные тюрко-монгольские аристократы. Одолев соперников, они принимались управлять государством или его отколовшимися провинциями, будучи убежденными, что высшие силы находятся на их стороне, раз даровали успех в борьбе с соперниками.

Пока монголы в большинстве своем оставались язычниками, их трактовка источников и пределов ханской власти базировалась на установках, традиционных для кочевого мира. Очевидно, основные позиции концепции верховной власти были унаследованы Монгольской империей от ее исторических предшественников – каганатов раннего Средневековья. Данная концепция объясняла воцарение основателя державы и благополучное правление его потомков благоволением и помощью божественных сил. Прежде всего, это ведущая пара центральноазиатского языческого пантеона – Небо (Тэнгри) и Земля (Этуген).

Дарованная Небом и охраняемая Землей власть осуществлялась в четырех главных сферах: охрана целостности и укрепление державы; расширение ее пределов путем завоеваний; забота о благоденствии поданных; поддержка боеспособности войска. Еще в начале карьеры Чингис-хана его первые сторонники увидели в нем «человека, который мог бы заботиться о войске и хорошо содержать улус»; сам Чингис отзывался об этом сходным образом: «Став опорой [государства], я принял на себя трудное дело охраны народа»; к подобным же пунктам сводятся и его поучения сыновьям<sup>3</sup>.

В начале XIV в. государственной религией Золотой Орды стал ислам. Перед ордынской элитой встала проблема легитимизации прав-

<sup>3</sup> Котвич В. Л. Из поучений Чингисхана // Восток. 1923. № 3. С. 95–96; Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). С. 189; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 90.

ления Чингисидов с позиций новообретенного вероучения. Не могло быть и речи, чтобы они хотя бы формально получали инвеституру от безвластного аббасидского халифа, прозябавшего при египетском дворе. Вместо этого была разработана абсолютно фантастическая версия о том, будто Чингис был обращен одним из сподвижников Пророка в ислам – «принял все установления Бога, кроме *хаджжа* и обрезания, перешел в исламскую веру» и произнес *шахаду* (символ веры). Об обращении монгольского правителя будто бы узнал и одобрил его праведный халиф Абу Бекр, живший на самом деле в VII в.<sup>4</sup> Теперь Чингис-хан в принципе мог быть причислен к сонму мусульманских династов, перестав быть «неверным».

В начале XIII в. монголы пока не обладали развитой государственностью, отчего и их правящая элита не имела четкой иерархической градации, оформленной соответствующей номинацией должностей. Относительная простота титулатуры была присуща и высшим правителям империи. Средневековые авторы сообщают, что «монголы не дают своим царям и знати пышных имен и титулов, как другие народы. А что касается [имени] того, кто восседает на престоле, они только прибавляют одно имя, а именно “хан” или “кан”. И братья, и родичи его зовут его первым именем, данным ему при рождении»; «Когда один из них наследует трон державы, он получает одно добавочное имя “хан” или “каан”, кроме которого ничего не пишется»; к братьям же и сыновьям каана «обращаются по именам, полученным при рождении, – как в присутствии их, так и в отсутствие; и это применяется и к престолюдинам, и к знати»<sup>5</sup>.

Таким образом, для верховных правителей Монгольской державы употреблялись древний императорский титул *каан* (т.е. каган), возрожденный Чингис-ханом, и термин *хан* в отношении царевичей-держателей улусов. В особо торжественных случаях (в частности, на печатях, скреплявших послания к иноземным владыкам) кааны использовали сакральную формулу *möngke tängri-yin küčün-dur*<sup>6</sup> с упоминанием силы Вечного Неба как источника своей власти.

Все прочие монгольские аристократы-нечингисиды обладали «княжеским» рангом *нойонов*, которому впоследствии в Золотой Орде были полностью уподоблены тюркское *бек* и арабо-персидское *эмир*. От патриархальных порядков, родо-племенного быта раннего Средне-

<sup>4</sup> Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999. С. 64–66.

<sup>5</sup> Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225–1286. Amsterdam, 1976. Vol. 1. P. 354; *Ala al-Din Ata Malik Juvaini. Ta'rikh-i jahangusha*. Pt. 1. Leiden; L., 1912. P. 19.

<sup>6</sup> Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 287; *Pelliot P. Les Mongols et papauté // Revue de l'Orient chretien*. 3-e ser. P., 1922–1923. T. 3 (23). № 1–2. P. 22.



вековья уцелели почетные титулы (или, скорее, звания-прозвища) *багатур*, *мерген* и т.п. В качестве персональных отличий могли также дароваться (или – реже – присваиваться самовольно) звания *гован*, *ильхан*, *гурган*, *тархан* и проч. Для нецарствующих членов династии Чингисидов в XIII–XIV вв. практически одновременно употреблялись синонимичные термины *кёбэжюн* (монг.) и *оглан* (тюрк.) в значении «царевич» (букв. «сын»). В XV в. в тюркизированных и исламизированных бывших западных улусах империи они были заменены в данном контексте арабским словом *султан*.

Принадлежность к *алтан уругу* («золотому роду») Чингис-хана теоретически давала возможность всем потомкам основателя империи рассчитывать на обладание удельными владениями. Поэтому в действительности власть осуществлялась не только центральным правительством и улусными дворами, но также сонмом близких и дальних родственников, выстроенных в сложную иерархическую пирамиду. Периодически члены огромного клана удостаивались инвеститур в разных районах огромного завоеванного пространства Евразии. Персидский хронист Джувейни определенно пишет об этом: «Хотя кажется, что власть и империя передаются [по наследству] одному человеку, а именно тому, кто зовется ханом, в действительности все дети, внуки и дядья имеют свою долю власти и собственности, чему доказательство то, что... Менгу-каан (после своей коронации в 1251 г. – В. Т.) на курилтае (съезде знати. – В. Т.) распределил и разделил все свои царства между своими сородичами – сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами»<sup>7</sup>.

Вопрос о принципах престолонаследия в империи и улусах довольно запутан в источниках, но сравнительно хорошо проанализирован в историографии. Передача престола у монголов не была законодательно оформлена, т.е. регулировалась обычным правом, традициями. Традиции же эти допускали наследование как сыновьями (династия), так и братьями или другими, старшими по отношению к сыновьям родственниками («удельно-лествичная система», по определению Л. Н. Гумилева).

Формально хан делил свои полномочия с карачи-беками, один из которых считался старшим (*беклербек*, *улуг бек*). Некоторые историки без основания полагают, что эти четыре высших вельможи представляли наиболее влиятельные тюрко-монгольские кланы и образовывали совет при правителе. Насколько можно судить по информации о татарских ханствах позднего Средневековья, именно на них было возложено выполнение церемонии воцарения очередного хана. Структура четырех главных родов (помимо царствующей династии) была тради-

<sup>7</sup> *Ala al-Din Ata Malik Juvaini. Ta'rikh-i jahangusha. P. 30–31.*

ционной для тюрко-монгольской государственности и происходила из кочевой старины. Можно предполагать, что при Узбеке в добавление к своим придворным обязанностям карачи-беки получили в управление и четыре части государства, превратившись еще и в *улусбеков*.

В управленческой структуре Золотой Орды не фиксируется такое традиционное для тюрков и монголов учреждение, как *курултай* – съезд знати. Можно предполагать, что номинально он все-таки существовал, но собирался лишь в исключительных случаях или по торжественным поводам (провозглашение нового государя). Скорее всего, в реальности четыре карачи-бека подменили собой это аристократическое совещание. Впоследствии, когда ордынская государственность продолжала существовать на уровне отдельных татарских ханств, *курултай* возродился, насколько можно судить по неоднократным упоминаниям о собраниях «всей земли» в Казани, Крыму и Астрахани.

Как и в любой державе, созданной кочевниками, военная сфера занимала важнейшее место в жизни государства. Кроме того, номады составляли большинство его населения и войска. Поэтому в первую очередь для управления именно кочевыми поданными создавались административные институты в Золотой Орде. Однако оседлое население – земледельцы, ремесленники и торговцы – тоже являлось важнейшей категорией подданных, прежде всего в качестве налогоплательщиков. Со временем, с принятием ислама и расцветом городов в первой половине XIV в., роль горожан в экономике и, следовательно, их социальная значимость кардинально возросли. Поэтому центральное управление было ориентировано на две эти главные части населения.

Условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклербека и иерархически подчиненных ему трех карачи-беков; невоенными делами (прежде всего финансовыми) ведали *везир* и подчинявшаяся ему канцелярия-*диван*. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклербека, а оседлые – *везира*.

Роль хана при подобном распределении компетенции сводилась к верховному контролю над своими сановниками, арбитражу при разногласиях между ними, принятию окончательных решений в принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных относительно взимания и расходования»<sup>8</sup>. Правда, такая отстраненность хана от повседневных дел была характерна для XIV столетия и, может быть, 1270–1290-х гг.

<sup>8</sup> *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 230.

Первые ханы, Бату и Берке, досконально вникали во все детали управления, поскольку еще только налаживали действие государственной машины.

Беклербек являлся номинальным главой сословия беков (нойонов, эмиров) и в этом качестве выступал как верховный военачальник. Когда Орда обратилась в ислам, с ним связывалась и идеологическая основа внешней политики, обычная для средневековых мусульманских государств, – борьба (война) за веру. В этом качестве его титуловали «помощь ислама и мусульман», «поборник воителей и борцов за веру». При этом прерогативы беклербека, конечно, уступали ханским, поскольку хан возглавлял весь народ – как в мирное время, так и во время выступления на войну всеобщего ополчения. Кроме того, на беклербека как на второе лицо в государстве возлагались обязанности налаживать отношения с другими странами и, возможно, вершить правосудие в качестве высшей судебной инстанции (в тех сферах жизни и среди тех слоев населения, где пока не распространился шариат). Под непосредственным управлением главных беков находилась самая западная часть государства – от Дона до Дуная, включая Крым.

Неудивительно, что в руках этих сановников сосредотачивались столь обширные прерогативы и ресурсы, что они порой могли претендовать на самостоятельность и распоряжаться троном. Самые известные и могущественные беклербеки Ногай, Мамай и Едигей (зачастую неверно называемые в историографии временщиками или узурпаторами) назначали ханов по своему усмотрению и полностью контролировали все дела в государстве.

Если институт беклербекства был порождением тюрко-монгольской государственной традиции, то везир и диван – это результаты заимствования мусульманских государственных институтов. Главной обязанностью этих органов были обеспечение функционирования финансовой системы, осуществление фискальной политики, контроль над все более ветвившимся административным аппаратом, регулирование торговли, городского строительства и проч. Если ханы и главные беки проводили большую часть времени в привычных (и престижных) перекочевках, то чиновничество по большей части размещалось в городах. В ведомстве дивана хранились податные списки (*дафтары*), разнообразные ведомости и кадастры.

К сожалению, вся эта огромная документация на сегодняшний день утрачена. Однако даже то немногое, что известно о деятельности центральных правительственных учреждений Золотой Орды, позволяет утверждать, что в ней сочетались элементы делопроизводственной культуры разных стран и народов в составе Монгольской империи – уйгуров, киданей, чжурчжэней, китайцев и др. В самом улусе Джучи явно просма-

тривается также влияние мусульманских регионов Хорезма и Мавераннахра; возможно, какой-то след оставила культура Волжской Булгарии.

Наличие двух высших сановников, беклербека и везира, отражало деление правящей элиты Золотой Орды на две категории – военную знать (нойоны, беки, эмиры) и чиновную администрацию. Средневековые арабские авторы именуют их соответственно правителями эмиров и правителями городов<sup>9</sup>. Обе структуры, военная и гражданская, действовали параллельно, исполняя разные функции.

Иерархия беков известна из оригиналов ханских ярлыков и их русских переводов, в которых упоминаются темники, тысячники, сотники, десятники, князья улусные, ратные, полчные, людские (возможно, синоним улусных). Все эти военачальники и наместники составляли пирамиду, сходящуюся на вершине к карачи-бекам и беклербеку. В течение XIII в. они образовали своеобразную корпорацию, державшую в руках военно-административную структуру державы и практически не вмешивавшуюся в дела невоенной сферы. В XIV в. стало заметно сближение и даже определенное слияние военно-кочевой знати, хранительницы завоевательных традиций Монгольской империи, с чиновничеством.

Кроме прежних баскаков, темников и прочих беков, появились функционеры, отвечавшие за специальные статьи доходов: таможенники, весовщики, заставщики, перевозчики, рыночные надзиратели, служители ведомства почтовых сообщений и многие другие.

Чиновники Золотой Орды тоже имели многоступенчатую градацию. После везира высшее должностное место занимал даруга – лицо, ответственное за сбор налогов с определенной местности. Даруги назначались как в отдельные населенные пункты, города и селения, так и в целые тумены – улусные уделы. В последнем случае они делили управленческие полномочия с местными беками, держателями улусов, и вместе с ними организовывали сбор податей. Даруги олицетворяли собой присутствие и надзор центральной власти на местах, служили ее представителями.

Как указывалось выше, Золотая Орда делилась на два крыла, разграниченные рекой Яик, т.е. Урал, – правое (западное) и левое (восточное). Каждое из них, в свою очередь, также делилось на крылья. Правое состояло из двух половин, разграниченных Доном, левое – из уделов Джучиевых сыновей: Орду-эджена, Шибана и их младших братьев, рубежи между которыми сложно определить из-за скудости сведений. В распоряжении историков имеются относительно подробные данные о территориально-административном устройстве только ханства правого крыла.

<sup>9</sup> *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 412 и сл.

Одной из главных отличительных черт государственного строя Золотой Орды была улусная система. Понятие *улус* пришло в Золотую Орду из монгольской старины и первоначально обозначало народ, данный в управление. Позднее термин распространился также на территорию, занимаемую этим народом, и в данном качестве стал служить названием удела и в целом государства (фактически обособившегося удела, как Улус Джучи, Улус Чагатай, Улус Хулагу). Подобная трансформация подготовила полноценное административное членение Золотой Орды в XIV в., когда она была разделена на четыре провинции-улусбекства.

В Золотой Орде улусы не были наследственными владениями – по крайней мере до второй половины XIV в. Фактически они представляли собой условное держание. Условиями же пользования уделом для его правителя являлись исправная выплата податей населением, поддержание порядка и стабильности на подконтрольных землях, мобилизация в ополчение определенного количества рядовых кочевников от каждого десятка, сотни и т.д. Принято считать, что улус соответствовал войсковому тумену, т.е. десятитысячному корпусу; другими словами, с каждого улуса в ополчение выставлялось 10 тыс. воинов. Правитель улуса, таким образом, имел ранг темника.

Хан мог менять держателей улусов, отбирая и передавая уделы по своему усмотрению. При этом границы улусов, очевидно, оставались неизменными. Каждый из них имел как бы две ипостаси, две формы бытия: территорию и народ. Пространство кочевания обозначалось *нутаг* (монг.) или *юрт* (тюрк.), население – *ирген* (монг.) или *эль*, *иль* (тюрк.). Вместе нутаг/юрт и ирген/эль и образовывали улус.

Состояние улусной структуры общеджучидского правого крыла в середине XIII в. проанализировали в разное время В. Л. Егоров и А. И. Ракушин. По их наблюдениям, с запада на восток улусы располагались приблизительно следующим образом<sup>10</sup>.

1. Крайние западные, заднестровские области на границе с Дунайской Болгарией находились под управлением Джучида Ногая. В конце столетия в сферу его контроля попал также весь регион к западу от Дона, включая Крым. Резиденцией Ногаю служил город Исакчи на правом берегу нижнего Дуная.

2. Между Днепром и Днестром располагался улус военачальника Куремсы – возможно, не Джучида.

3. По левому берегу Днепра кочевал темник Маучи (Мауцы), также не принадлежавший к царствующему клану.

<sup>10</sup> Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 163–164; Ракушин А. И. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Поволжья XIII–XIV вв.) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.

4. Далее к востоку и до Дона простирались земли, отданные Картану, женатому на сестре Бату.

5. В особый улус был выделен Крым.

6. Волго-Донское междуречье было занято кочевьями Сартака, старшего сына Бату.

7. Южнее, в северокавказских степях, первоначально правил будущий хан Берке, младший брат Бату, но в конце 1240-х гг. Бату выделил ему другой район – восточнее Волги (наверное, в южной части Волго-Яицкого междуречья).

8. Вдоль левого берега Итиля (Волги) протянулся ханский домен – личный, собственный улус правителя Золотой Орды. Демонстрируя приверженность жизненному укладу предков, ордынские государи старались сохранить кочевой образ жизни своей семьи и двора. Главная ставка (собственно «золотая орда») периодически в течение года перемещалась вдоль Волги на северные летовья и южные зимовья. Исходя из климатических условий этой части Евразии, больше времени хан и двор вынуждены были проводить на зимних пастбищах. Именно в местах зимних стоянок возникли крупнейшие города – Сарай и Хаджи-Тархан (Астрахань). В XIV в. джучидские государи зимовали также на пастбищах степного Предкавказья (там был основан город Маджар). В зоне ханских летовок располагались города Булгар и Укек (правда, последний стоял на правом берегу Волги).

9. Правый берег Яика. В этих местах, на древнем караванном пути, на переправе через Яик, стоял один из золотоордынских «мегаполисов» Сарайчик. В период распада державы в конце XIV–XV в. на Сарайчик претендовали потомки Джучиевых сыновей Орду-эджена, Шибана и Туга-Тимура.

10. Улус на левом берегу Яика (впрочем, возможно, что он уже относился к левому крылу).

Кроме того, самостоятельной административной областью, несомненно, являлся Хорезм; северная часть этой страны с городами Ургенчем и Хивой принадлежала Золотой Орде. Может быть, эта область древней культуры на нижней Амударье являлась анклавом правого крыла, окруженным улусами левого крыла и владениями Чагатаидов – потомков второго сына Чингис-хана.

Что касается внутреннего деления левого крыла, то известно лишь о расположении владений Орду-эджена и Шибана. Старший Джучид унаследовал отцовскую ставку в верховьях Иртыша. Источники, описывая ханский домен, называют различные топонимы в Юго-Восточном Казахстане. Из крупных городов там фиксируются Отрар, Сауран, Дженд, Барчкент и Сыгнак, который во второй половине XIV в. превратился в резиденцию местных монархов. Все это по большей части

поселения на Сырдарье, в местности, урбанизированной еще в домонгольские времена.

Улус Шибана занимал обширные степи Западного и Центрального Казахстана. По рассказу хрониста Абу-л-Гази (XVII в.), Бату выделил удел младшему брату с напутствием: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика по рекам Ирғиз, Санук, Ор до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису»<sup>11</sup>.

Где находились кочевья других сыновей Джучи, назначенных в подчинение Орду-эджену, – Удура, Шинкура, Сингума и Туга-Тимура – никаких данных нет.

В XIV в., по мере усиления роли городской экономики и развития административного аппарата в формах, присущих стабильным оседлым государствам, в Золотой Орде произошла трансформация административно-территориального деления. Сохранив структуру кочевых уделов, правительство учредило еще и четыре улусбекства, именуемые в арабских документах Сараем, Хорезмом, Крымом и Дешт-и Кипчаком. Нетрудно заметить, что первые три из них – это довольно локальные регионы с развитой городской жизнью и для них действительно было достаточно одного наместника. Что касается громадного Дешта, то для управления им необходимо было использовать дополнительное внутреннее разделение. Эту функцию, видимо, и выполняла старая улусная система.

По немногочисленным указаниям источников, общее число улусов в обоих крыльях Золотой Орды в XIV в. равнялось семидесяти. Из них тридцать приходилось на долю левого крыла – явно менее многолюдного.

Принцип разграничения их, очерчивания улусных границ пока невозможно установить по средневековым текстам. Как мы убеждаемся, географические критерии (речные рубежи) действуют не во всех случаях. Если, допустим, с одной стороны улус ограничивался Волгой или Яиком, то что служило его границами в голой степи – более мелкие реки? другие ландшафтные ориентиры, наподобие горных хребтов? В историографии высказано предположение, что в основе улусно-крыльевого деления могло лежать расселение различных этнических общностей – например, огузов и кипчаков (по археологическим материалам)<sup>12</sup>.

Возможно, при формировании удельной системы у Джучидов учитывался состав местных кипчакских и пришлых монгольских племен, когда один улус соответствовал определенной племенной общине или

<sup>11</sup> Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906. С. 160.

<sup>12</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 57–58.

группе общин. Об этом косвенно свидетельствуют позднесредневековые упоминания о населении Дешт-и Кипчака прежде всего как о совокупности *элей*, т.е. людских контингентов улусных владений; при этом каждый эль обозначался в источниках племенным этнонимом: эль найманов, эль кунгратов, эль мангытов и т.п.

В истории Улуса Джучи однажды наступило время, когда деление его на крылья превратилось в номинальную абстракцию, обозначение ранга племен и их предводителей. Очевидно, такую перемену следует связывать с чрезвычайным усилением правого крыла государства в первой половине XIV в. Начало данному процессу было положено, вероятно, при хане Тохте, который выдал царевичу Баяну ярлык на царствование в левом крыле в 1301–1302 гг. Затем последовали попытка совместных действий ханов Узбека и Баяна против старых врагов Золотой Орды – монгольских ханов Ирана (Хулагуидов), свержение войсками Узбека сыгнакского хана Мубарака (который попытался выйти из повиновения Сараю), правление сына Узбека – Тинибек в Сыгнаке, ярлык западного хана Джанибека (1341 или 1342–1357) восточному, Чимтаю, и военная поддержка последнего в борьбе за Сыгнак.

Естественно, в той ситуации были проигнорированы номинальные принципы старшинства левой стороны над правой и первенства потомков Орду-эджена перед потомками Бату. В ходе этих событий произошло фактическое объединение территории государства под верховенством сарайских правителей. Это иллюстрируется борьбой восточной аристократии именно за столицу на Нижней Волге во второй половине XIV в., в период «великой замяти».

В государственной номенклатуре племена и беки правого и левого крыла сохранялись, но теперь это отражало лишь их традиционную принадлежность к одному из двух подразделений. В реальной административной практике деление на крылья продолжало учитываться разве что при больших мобилизациях ополчения (когда нужно было выстраивать конницу в боевые порядки).



## ЭКОНОМИКА

Жители обширных степных равнин Дешт-и Кипчака – основной территории Золотой Орды – продолжали в большинстве своем вести привычный кочевой образ жизни. В западной части государства (правом крыле) огромные массы народа, не исключая и ханскую семью, ежевесенне отправлялись на летние пастбища, расположенные в северной части «Дикого поля» и в бывшей Волжской Булгарии; на зиму стада и люди уходили на юг, в низовья Волги и на Северный Кавказ – там находились зимние стоянки. В русских летописях неоднократно встречаются упоминания о посещениях князьями ханских кочевых ставок. Если визит затягивался (порой на несколько лет!), то «гость» вынужден был перемещаться вместе с двором и царственной семьей с летовья на зимовье и обратно.

В левом крыле действовал похожий кочевой цикл, но о нем историкам известно гораздо меньше. Вероятно, летними пастбищами там служили степи Северного Казахстана и в районе Яика, а зимними – берега Сырдарьи. Как восточный, так и западный годичные циклы таких перемещений сложились задолго до появления Золотой Орды у домонгольских кочевников этого региона (кипчаков, кимаков, огузов и др.).

В Улусе Джучи имелись и области традиционной оседло-земледельческой культуры: Молдавия, Крым, Волжская Булгария, Хорезм. Там продолжала развиваться городская цивилизация, хотя и в специфических условиях монгольского завоевания и последующего доминирования кочевников.

Кочевые устои практически безраздельно господствовали в левом крыле Улуса Джучи, к востоку от Яика, на территории Казахстана и Юго-Западной Сибири. Городов там почти не было (исключение составляла освоенная с древности область по берегам Сырдарьи).

Городские поселения, разрушенные при нашествиях Чингис-хана и Бату, стали понемногу отстраиваться – прежде всего те, что стояли на старых торговых путях. Правительство быстро оценило выгоду от

международной караванной и морской торговли. Для ее развития хан Менгу-Тимур позволил итальянским коммерсантам из Генуи обосноваться в Крыму, и в последней четверти XIII в. там поднялись их торговые города. Самым крупным и значительным была Кафа (Феодосия). Генуэзцы платили налоги в ханскую казну, и местный ордынский наместник не вмешивался в дела итальянской колонии. При этом степная часть Крыма представляла собой обычный улус с кочевым населением. Именно там было одно из «гнезд» племени киятов, к которому принадлежал Мамай. В середине XIV в. он, помимо прочих должностей и титулов, обладал рангом крымского темника, т.е. наместника этой провинции.

Коммерсанты Генуи не позволили закрепиться в Крыму своим конкурентам-венцианцам, до того уже успешно обосновавшимся в монгольском Иране. Однако в 1320-х гг., при хане Узбеке, венцианцы основали колонию в устье Дона, в г. Азаке (Азове), который они называли Тана.

Политические кризисы второй половины XIII в. пока не давали возможностей для широкого экономического и культурного развития Золотой Орды. Но в царствование Тохты усобицы утихли. Долгие смуты в предыдущие десятилетия опустошили казну. Поэтому хан решил воздержаться от разорительных войн – даже со старыми врагами-Хулагуидами. Это позволило возобновить старый караванный путь через Дербент на Ближний Восток. В золотоордынских городах Поволжья и Северного Кавказа развернулось широкое строительство, развивалось ремесленное производство.

Все это привело к тому, что монгольская кочевая знать начала постепенно брать в свои руки управление оседлым населением, сближаться с мусульманской городской верхушкой – бюрократией и купечеством. До тех пор наследники завоевателей в большинстве своем гнушались предаваться занятиям, недостойным степных воинов и присущим, по их мнению, оседлым земледельцам.

При Узбеке и Джанибеке города Золотой Орды пережили пик своего развития. Их насчитывалось более сотни. Трудом тысяч рабов возводились дворцы, мечети, караван-сарай, богатые особняки знати и купечества; росли многолюдные ремесленные кварталы. Города превратились в средоточие экономической и культурной жизни.

Ордынская столица Сарай принадлежала к числу крупнейших городов мира. В 1333 г. его посетил арабский путешественник Ибн Баттута и передал свои впечатления: «Город Сарай – [один] из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали

оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, совершили [там] молитву полуденную, поели и добрались до [нашего] жилища не раньше, как при закате»<sup>1</sup>. Такие размеры в то время были немыслимы для русских и западноевропейских городов. Во многом обширность золотоордынских городских поселений объяснялась отсутствием у них крепостных стен, ограничивавших территориальный рост. Считалось, что государство обладает достаточной военной силой, чтобы защитить подданных и без искусственных укреплений.

В XX в. были предприняты широкие археологические раскопки золотоордынских городских поселений – прежде всего стольных – в Астраханской и Волгоградской областях. Исследования обнаружили их действительно огромные размеры, существование кварталов, заселенных аристократами, ремесленниками и купцами. Заметным элементом жизни городов были рабы – как военнопленные, так и попавшие в неволю за неуплату налогов. Они жили в убогих землянках без отопления. Многие из них работали на своеобразных рабских мануфактурах (*кархана*), широко распространенных в то время на мусульманском Востоке. Наиболее искусные ремесленники получали разрешение обзавестись семьей и построить собственный домик, оставаясь на положении полусвободного работника в хозяйстве какого-нибудь богача.

Изучение жилищ показало, что культура городского населения Золотой Орды впитала самые разные элементы – китайские, хорезмийские, кочевнические. Это наглядно отразило многонациональность огромной державы. Самыми урбанизированными областями были Поволжье, Северный Кавказ, Хорезм и Крым. Там стояли крупные города: волжские Гюлистан, Увек и Булгар, кавказский Маджар, Сыгнак на Сырдарье, Сарайчик на Яике (там располагался один из *куруков* – династических некрополей Джучидов).

Города имели собственную администрацию и свою, отличную от кочевой степи, систему налогообложения. Во главе городского управления стоял ханский наместник-даруга, которому подчинялся довольно разветвленный штат чиновников: *диван-битикчи* (секретари), *бакши* (писцы), а также перечисленные выше лица, отвечавшие за различные податные сборы. Эта «протобюрократия» вместе с купечеством и оседлой городской знатью поддерживала сильную централизованную ханскую власть – гарант государственной стабильности и непрерывного поступления доходов в казну. Как только в Золотой Орде начались междоусобицы и власть хана ослабла, городская жизнь стала угасать.

Золотоордынская налоговая система была довольно разветвленной. Вся сумма податей, которыми облагалось какое-либо владение, обо-

<sup>1</sup> *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 306.

значалась тюркским словом *ясак*. Важной частью ясака был *чыкыш* – в переводе «выход» (перс. *харадж* с тем же значением), тот самый, что взимался в том числе и с покоренной Руси; обычно он трактуется как поземельный налог с оседлого населения. Нормой «выхода» была 10% доля доходов (десятина). Кроме того, ясак включал в себя многочисленные поборы и повинности. В документах упоминаются налоги амбарный и торговый (*тамга*), расходы на содержание ордынских официальных лиц – послов и чиновников – во время их поездок по территории государства.

Основной податью для кочевого населения был *кончур*, состоявший в выплате 1% от поголовья скота и скотоводческой продукции.

Важнейшую статью доходов казны составляли торговые пошлины. Через Золотую Орду тянулись тысячекилометровые магистрали, по которым происходило передвижение товаров и ресурсов по Евразийскому континенту. Европу и Дальний Восток связывала сеть путей, протянувшихся через обширные ордынские владения. После поражения крестоносцев на Ближнем Востоке в XIII в. и конфликтов между Ираном и Египтом захирело прежнее, южное направление трансконтинентальной торговли (наследие древнего Великого шелкового пути), и купцы стали водить караваны через безопасные северные территории – Дешт-и Кипчак и Причерноморье.

В Золотой Орде сложилась целая экономическая отрасль, ориентированная на внешнюю и транзитную торговлю. Богатые купеческие корпорации-*ортаки* пользовались неизменным покровительством ханов и высших чиновников (во многом потому, что обслуживали ханский двор и потребности правящей элиты).

Особенно активно велась торговля через черноморские и азовские порты: Кафу, Солдайю, Аккерман (Белгород-Днестровский), Тану. Кроме морских портов, средоточием торговли служили города на переправах через крупные реки – Сарай, Укек и Хаджи-Тархан (Астрахань) на Волге, Сарайчик на Яике.

Именно интенсивностью торговых операций во многом объяснялся многонациональный состав населения городов в Золотой Орде. Ибн Баттута писал о Сарае: «В нем (живут) разные народы, как то: монголы – это (настоящие) жители страны и владыки (ее)... асы, которые мусульмане; кипчаки; черкесы; русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет на своем участке отдельно: там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут на (особом) участке, где стена окружает имущество купцов»<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Тизенгазен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 306.

Золотая Орда была не только потребителем и перевалочным пунктом товарных масс. На мировых рынках она предлагала и свои товары: меха, кожу, зерно, соль, лошадей и верблюдов. Подвластные Орде ремесленные центры Хорезма и Северного Кавказа поставляли шелковые, парчовые и хлопчатые ткани, драгоценные камни, красители.

Одной из самых ценных статей товаров были рабы. Из уже цитированной песни о Щелкане Дюдентьевиче известна жесткая система сбора податей в Золотой Орде:

*Брал он, млад Щелкан,  
Дани-невыходы,  
Царски невыплаты.  
С князей брал по сту рублей,  
З бояр по пятидесят,  
С крестьян по пяти рублей;  
У которова денег нет,  
У тово дитя возмет;  
У которова дитя нет,  
У того жену возмет;  
У которого жены-та нет,  
Тово самово головой возмет<sup>3</sup>.*

Действие песни происходит в русской Твери, однако подобная беспощадность к недоимщикам практиковалась и по отношению к тюркским поданным. Правда, судя по известиям иностранных наблюдателей XIV–XV вв., татары сами продавали своих домочадцев, чтобы рассчитаться с ханской казной: родители отдавали работорговцам детей, мужа – жен, братья – сестер.

На Востоке особенно ценились молодые сильные мужчины. Их в основном сбывали в Египет, где из кипчакских невольников формировалась султанская гвардия мамлюков. В конце концов эта гвардия настолько усилилась, что захватила власть в Египте и основала собственную султанскую династию. Арабский хронист в середине XIV в. записал: «Из них (кипчаков. – В. Т.) состоит большая часть войска египетского, ибо от них (происходят) султаны и эмиры его (Египта), с тех пор как (египетский султан. – В. Т.) ал-Малик ас-Салих Наджм ад-дин Аййуб... стал усердно покупать кипчакских невольников. Потом господство перешло к ним. Цари из них чувствовали склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так что Египет заселился и стал охраняемым ими со всех сторон»<sup>4</sup>.

Ордынцы поставляли рабов и в Европу, где большим спросом по сравнению с мужчинами (вчетверо дороже) пользовались невольни-

<sup>3</sup> Песни XIII–XVI вв.

<sup>4</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 232.

цы. Известно, что огромное количество их было переправлено через крымские генуэзские колонии в города Италии<sup>5</sup>.

Торговые доходы и налоговые поступления (в том числе непрерывная дань с Руси) обеспечили приток серебра для денежной реформы хана Тохты 1310–1311 гг., когда в Золотой Орде впервые была введена единая собственная монета – сарайский дирхем, устойчивый по весу и курсу. В ханствование Узбека оформилась устойчивая денежная система. Наладилась чеканка разменной медной монеты – пула, в Хорезме выпускались золотые динары.

Право выпуска монет с своим именем (*сикк*) было одним из обязательных атрибутов суверенного правителя. Именно легенды на монетах позволяют историкам определять личности ханов и очередность их царствований в смутные времена, о которых сохранились лаконичные сведения в письменных источниках, или вообще нет данных. В частности, события в Золотой Орде эпохи «великой замятни» и Куликовской битвы восстанавливаются во многом благодаря обширному нумизматическому материалу (см. ниже).

Динар, или в тюркском варианте *алтын*, был распространенной единицей денежного счета. В условных алтынах измерялись суммы налогов. На Руси до второй половины XIV в. не было собственной монетной чеканки, и при денежных расчетах по поводу дани по необходимости пользовались татарской системой. Алтынный счет настолько прочно укоренился в русском финансовом обиходе, что он употреблялся в речи еще в течение несколько столетий после падения «ига».

<sup>5</sup> Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 39.

## ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Помимо исправной выплаты податей, еще одной главной обязанностью ордынских подданных было участие в военных мобилизациях.

Крыльевая система деления государственной территории и населения на крылья имела первооснову в построении степной конницы на правом и левом флангах. Существовал еще и «центр» (*гол, кул*), олицетворявший присутствие хана или главного военачальника с отборными отрядами на театре военных действий; однако в Золотой Орде центр, кажется, не имел специальной территории. Теоретически при поголовной мобилизации ополченцев все подданные должны были занимать свои места на соответствующем фланге – крыле. Однако Улус Джучи имел громадные размеры, затруднявшие такую мобилизацию; к тому же, как говорилось выше, правое и левое крылья в этом государстве имели самостоятельных ханов и долгое время существовали самостоятельно. Поэтому в каждом из «первичных» больших крыльев возникло аналогичное двухчастное разделение владений и народа, т.е. в каждом из крыльев появились собственные правое и левое крыло (во всяком случае, это достоверно известно о регионе к западу от Яика).

Военная организация, позволившая монголам создать мировую империю, практически не менялась со времен Чингис-хана (в отличие от административных, экономических и прочих институтов) и была сформулирована в его знаменитом своде законов – Великой Ясе<sup>1</sup>. В преддверии войны хан рассылал гонцов в улусные провинции, к своим наместникам-темникам. Те были обязаны обеспечить прибытие к месту общего сбора надлежащего количества вооруженных всадников-ополченцев и, как правило, возглавлять их во время ведения боевых действий.

Размеры и многонаселенность Золотой Орды заставляют предполагать очень большую численность вооруженных сил. Авторы

---

<sup>1</sup> Вернадский Г. В. История России. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 110–111; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 163–165.

хроник оперируют величинами во многие десятки тысяч человек. Например, сообщается, что хан Тохта собрал 250-тысячное войско; а при дворе его преемника Узбека для участия в празднике собралось 170 тыс. воинов<sup>2</sup>.

Однако при оценке сведений о численности воинского контингента Золотой Орды нужно учитывать, во-первых, обычное для средневековых восточных авторов преувеличение численности; во-вторых, отсутствие буквального соответствия количества ополченцев и представляемых ими десятичных подразделений. Т.е. на поле боя тумен не обязательно включал 10 тыс. воинов, тысячный отряд – тысячу и т.д. В источниках неоднократно встречаются упоминания о ханских приказах выставить в войско по одному или два человека от каждого десятка. Точно так же число туменов или темников, участвующих в сражениях, нельзя просто умножать на 10 тыс., чтобы получить реальную численность армии. В 1300 г. Тохта собрал 60 туменов против своего родича и соперника Ногая с его 30 туменами<sup>3</sup>, но это вовсе не означает, будто друг на друга двинулись 600-тысячная и 300-тысячная армады (немыслимые для той эпохи и обстоятельств цифры!).

Таким образом, невозможно даже приблизительно определить численность ни населения Золотой Орды, ни ее войска. Даже сумев договориться о количестве ополченцев, выставившихся от кочевых улусов, историки едва ли сумеют подсчитать численность отрядов из оседлых подданных (русских, мордвы, алан, волжских болгар и др.), по отношению к которым, скорее всего, применялись несколько иные принципы мобилизации.

Поэтому количество воинов Мамай на Куликовом поле в 300 тыс. или 400 тыс., приведенное в русских источниках<sup>4</sup>, условно и не отражает действительного положения дел. При этом следует учитывать, что Мамай мог собрать под свои знамена ополченцев с довольно незначительной части раздробленной в то время ордынской державы.

В историографии и популярной литературе распространено убеждение, будто русские княжества не платили «налог кровью», – не отправляли своих воинов для боевых действий в составе золотоордынской армии – с тех пор, как Александр Невский, находясь в ранге великого князя Владимирского, «отмолил» от этой обязанности соотечественников у хана Берке. Но, может быть, такая льгота действовала только при жизни этих двух правителей. В источниках упоминается участие

<sup>2</sup> *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 178, 225.

<sup>3</sup> *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 86. Кстати, Ногай после своего окончательного разгрома был убит неким русским – вероятно, из числа его воинов.

<sup>4</sup> *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 35.



русских в боевых действиях на стороне ордынских ханов в Литве и Польше, на Кавказе и на Балканах, а также в междоусобных распрях внутри Орды.

Из-за ничтожного объема информации трудно судить, были ли это воины, призванные на службу по ханскому приказу, вольные наемники (как считал Л. Н. Гумилев) или люди, угнанные в Орду за какие-то провинности (недоимки?). Во всяком случае, известно, что в 1330 г., т.е. уже в период полной независимости Золотой Орды, номинальный глава Монгольской империи, каан Туг-Тимур, сформировал целый гвардейский тумен из русских, расквартированный в окрестностях стольного Пекина. Одновременно колония русских и аланских войск была учреждена в Маньчжурии и Корее. В литературе высказано предположение, что русские гарнизоны в Китае были укомплектованы из пленников, захваченных в ходе татарской карательной экспедиции против восставшей Твери в 1327 г.<sup>5</sup>

Однако во второй половине XIV в. уже нет никаких признаков привлечения русских ратников в войска Золотой Орды. Есть лишь единственное упоминание о русских в составе «войска изрядно большого», которое хан Тохтамыш собрал против Тимура в 1388 г.<sup>6</sup>

---

<sup>5</sup> Сводку сведений и мнений по этому вопросу: *Почекаев Р. Ю.* Сведения о Золотой Орде в «Книге о Великом хане» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 270.

<sup>6</sup> *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 41–42. Однако под русскими цитируемый хронист (Шараф ад-Дин Йазди) мог подразумевать представителей не только княжеств Северо-Восточной Руси, но и православных жителей Великого княжества Литовского.

## КРАТКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА

В результате двух зимних кампаний 1237/1238 и 1240/1241 гг. большая часть русских княжеств была подчинена потомкам Чингис-хана и включена в состав Монгольской империи как автономный «Русский улус» (об этом уже говорилось выше). На остальную территорию Восточной Европы раздвинул свои пределы громадный Улус Джучи.

В начале 1240-х гг. умерли один за другим сыновья Чингис-хана Чагатай и Угедэй. После пятилетнего междуцарствия, когда во главе империи стояла Угедеева вдова Туракина, на всемонгольский трон вошел ее сын Гуюк, а старейшиной рода Чингис-хана стал Бату. С новым кааном Гуюком у него была давнишняя вражда. Два правителя ненавидели друг друга, между ними назревала схватка. В 1248 г. их войска уже выступили в поход и изготовились к сражению, но тут Гуюк внезапно умер. Снова наступило междуцарствие, которое завершилось триумфом Бату. В 1251 г. в имперской столице Каракоруме воцарился его двоюродный брат и преданный друг Мункэ, при котором старейшина Чингисидов превратился в фактического соправителя.

Старший Батыев брат Орду тоже вынужден был подчиниться могущественному соправителю каана, хотя в официальных документах его имя ставилось впереди имени Бату.

В последние годы жизни авторитет Бату был непререкаем; к тому же за плечами у него была успешная завоевательная кампания в Дешт-и Кипчаке и на Руси. Именно через посредничество этого хана устанавливались отношения покоренных монголами русских княжеств с Каракорумом. Правда, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович был отравлен в ставке вдовы Гуюка. Но сам Бату в целом был настроен к подчиненным правителям довольно милостиво. Он стремился к скорейшему налаживанию выплаты ими дани. Большинство русских князей во время визитов к нему отделялись унижительными

языческими церемониями и возвращались восвояси с жалованными ярлыками.

После смерти Бату в 1256 г. каан Мункэ выдал ярлык на ханствование его сыну Сартаку, но тот умер еще по пути из Монголии на Волгу. Власть в Улусе перешла к Батыеву брату Берке, получившему мусульманское воспитание. Из стран ислама к новому хану потянулись чиновники, торговцы, правоведы... Покровительство хана мусульманам тогда еще не привело к переходу жителей Золотой Орды в ислам, но способствовало широкому городскому строительству; именно в то время был основан Сарай.

Главной внешнеполитической заботой Берке стала борьба за Закавказье. В 1258 г. армия хана Хулагу, брата Мункэ, завоевала Аббасидский халифат. Иран, Ирак, Сирия и Закавказье составили новое государство – Улус Хулагу. Однако Джучиды считали, что по крайней мере Азербайджан должен принадлежать им. Вскоре между двумя соседними Улусами начались конфликты, а затем разразилась долгая война. Сперва Хулагу потерпел поражение, но в дальнейшем борьба шла с переменным успехом. В противостоянии с Хулагуидами Золотая Орда заручилась поддержкой Египта. На протяжении полутора столетий египетские султаны оставались верными союзниками поволжских ханов.

В начале своего царствования Берке был лоялен к имперскому правительству. В 1257 г. он помог организовать на подвластных территориях, в том числе в Северо-Восточной Руси, общеимперскую перепись населения. После смерти Мункэ в 1259 г. отношения с Каракорумом испортились. Сарайский двор поддержал в борьбе за главный трон брата покойного каана, Ариг-Бугу, но победу одержал и занял престол другой брат, Хубилай. Берке не пожелал ему подчиняться и признавал его верховенство лишь номинально. С тех пор связи русских с монгольскими властями стали ограничиваться Золотой Ордой.

После кончины Берке в 1266 г. на золотоордынский трон взошел Батыев внук Менгу-Тимур (1266–1280 или 1282). Уже в самом начале правления он повелел чеканить на монетах свои имя и семейную *тамгу* (род герба) вместо имени и тамги каана Хубилая. Этим он формально отделился от Монгольской империи, и только с этого времени можно отсчитывать самостоятельное государственное существование Золотой Орды. Четырнадцатилетнее царствование Менгу-Тимура отмечено крупными внешними акциями. В 1270 г. золотоордынские полчища двинулись на Константинополь – союзник Хулагуидов. Едва возродившаяся после крестоносных погромов Византия была спасена тем, что император встретил ханскую армию богатыми подарками и изъявил полную покорность. Через семь лет войско Менгу-Тимура, в котором состояли и дружины русских князей, взяло и разрушило аланский город Демяков – один из последних очагов сопротивления народов Север-

ного Кавказа. Впоследствии тюркские историки вспоминали правление Менгу-Тимура как эпоху спокойствия и процветания: «Мунк-Тимурхан был государь очень справедливый, могущественный и мудрый. Во время Мунк-Тимура народ жил в большом благоденствии»<sup>1</sup>.

После этого хана в Улусе Джучи разразился тяжелый династический кризис. В борьбу за престол вступили царевичи из разных ветвей потомства Бату. Однако реальная власть в ханстве постепенно перешла в руки Ногая. Правнук одного из младших сыновей Джучи, Бувала, он имел личный удел в Пруто-Днестровском междуречье, а позднее стал управлять еще и Крымом. Выдвинулся Ногай в сражениях с иранскими армиями Хулагу на Кавказе. Он водил туда ордынскую конницу еще при Берке. К 1290-м гг. он обзавелся рангом *ака* – старейшины клана Джучидов.

Интригуя против соперников, Ногай способствовал свержению очередного хана, Тула-Менгу, которого объявил сумасшедшим (1287), и воцарению Тула-Буги. Он вел самостоятельную внешнюю политику, организовывал походы на Польшу, Венгрию, Фракию, Македонию; по просьбе своего тестя, византийского императора Михаила VII Палеолога, неоднократно вторгался в Болгарию. Ее царь, а также царь Сербии признали себя вассалами Ногая. Его покровительством пользовались и некоторые русские князья, в том числе великий князь Владимирский Дмитрий Александрович. Во многих княжествах Ногай воспринимался как хан («царь»), и именно в его кочевье ездили испрашивать «стола». Хан Тула-Буга стал тяготиться верховенством всемогущего военачальника. А тот желал видеть на сарайском троне абсолютно покорного себе монарха. Обманом он завлек хана с ближайшими соратниками в ставку своего протеже царевича Тохты и отдал тому на расправу.

Новый хан Тохта поначалу раболепно подчинялся старому полководцу. Но со временем почувствовал себя в силах начать борьбу за единоличное правление. В 1293 г. он направил на Русь своего брата Тудана (Дюдены) с войском в карательный поход.

«Дюденева рать» разорила владения тех князей, что пользовались покровительством Ногая. Власть постепенно перетекала в руки Тохты; кочевая знать, уставшая от междоусобиц, мечтала о сильном и авторитетном государе. Открытое столкновение с Ногаем неотвратимо надвигалось. Несколько раз войска хана и беклербека сходились на поле брани. В 1300 г. Ногай был наконец разгромлен, бежал и вскоре погиб. Его земли победитель раздал своим братьям и сыновьям. В Золотой Орде надолго установились стабильность и спокойствие. Она вступила в период апогея своего могущества. Расцвет ее государственности и культуры пришелся на время правления ханов Узбека и Джанибека, т.е. 1310–1350-е гг.

<sup>1</sup> *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме / Пер. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992. С. 101.

В 1312 г. Тохту сменил его племянник Узбек, сын казненного Тохтой Тогрула. Одним из первых мероприятий нового монарха стало обращение своего многоплеменного государства в мусульманство. В 1314 г. он объявил ислам официальной религией Золотой Орды и сам стал мусульманином, приняв имя Мухаммед. Тюркские легенды рассказывают, будто хан перешел в новую религию, потрясенный чудесами странствующего проповедника Баба-Туклеса, который вышел невредимым из раскаленной печи благодаря своей истовой вере<sup>2</sup>. Знатные родичи Узбека, попытавшиеся было воспротивиться столь вопиющему нарушению древнемонгольских обычаев и заветов Чингис-хана, подверглись казням и ссылкам в глухие степи.

Улус Джучи превратился в мусульманский султанат. В его пределы хлынули из исламских стран священнослужители и чиновники, торговцы и ремесленники. Естественно, все они оседали в городах. Управление государством и облик городов стали быстро приобретать среднеазиатские и ближневосточные черты.

Узбек вел активную внешнюю политику: поддерживал союзнические отношения с Египтом, посылал войска на Литву, Польшу, Чагатайский улус (в Средней Азии), возобновил прерванные Тохтой войны с Хулагуидами. В 1318–1319 и 1335 гг. золотоордынская армия вторгалась в Азербайджан, но не сумела там закрепиться. В выработке политики видную роль играли беклербек (затем наместник Хорезма) Кутлуг-Тимур и старшая ханша Тайдула.

Потребность в драгоценных металлах для экономических и военных нужд, равно как и полная покорность русских данников, вызвала изменения в отношениях ордынского правительства с русскими княжествами. На смену постоянным наместникам-баскакам пришли периодические вооруженные посольства для посажения новых князей и для контроля над внутренней ситуацией. Русские теперь сами должны были собирать назначенную сумму податей и регулярно отправлять в Орду. Политика Узбека сводилась в основном к стравливанию князей друг с другом, некоторые были им казнены. Используя соперничество между Москвой и Тверью, хан чередовал выдачу ярлыков на великое княжение Владимирское Юрию Даниловичу Московскому (1317), тверским Юрию Михайловичу (1322) и Александру Михайловичу (1325). После подавления антиордынского восстания в Твери в 1327 г. великокняжеский ярлык и полномочия по сбору дани со всего «Русского улуса» получили московские государи Иван Данилович Калита и затем Семен Иванович Гордый. Удовлетворенный их политикой, Узбек не видел причин для вооруженных вторжений в русские земли: начались отмеченные летописями «сорок лет тишины».

<sup>2</sup> *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. С. 106, 107.

В 1341 г. Узбека сменил его сын Джанибек, убив своего старшего брата – законного, намеченного отцом престолонаследника Тинибека. В целом он продолжил политику предыдущего царствования – в частности, по отношению к Руси. Он поддерживал сыновей Калиты в их притязаниях на великое княжение Владимирское и в борьбе с литовским господарем Ольгердом. Об этом хане у русских остались в общем благожелательные воспоминания: в средневековых письменных памятниках он фигурирует как «добрый царь Чанибек». Солидарны с ними и мусульманские хроники, утверждающие, будто «справедливость, святость и великодушие его известны, не было в стране Дашт- [и Кипчак] подобного ему правосудного, благочестивого и могущественного государя»<sup>3</sup>. Хотя сам Джанибек продолжал активно внедрять ислам, он не препятствовал своей матери Тайдуле покровительствовать православному духовенству.

Можно полагать, что эта «царица» испытывала особое расположение к русским подданным. По официальной московской версии, она была благодарна митрополиту Алексию за исцеление от слепоты. Однако в некоторых ранних редакциях летописей сохранились отголоски другой, более драматичной ситуации: Алексей помог избавиться от душевной болезни ее сыну, самому хану Джанибеку<sup>4</sup>.

Расцвет Золотой Орды продолжался. Огромное пространство Дешт-и Кипчака стало безопасным для передвижений. Вдоль торговых магистралей выросли вереницы караван-сараев – постоянных дворов и складов, поставленных на расстоянии дневного перехода друг от друга. Развалины этих однотипных построек до сих пор сохранились в Средней Азии и Казахстане. Однако в экономике Золотой Орды накапливались и предпосылки будущих потрясений. Отдельные районы становились все более замкнутыми экономически, что в дальнейшем способствовало развитию сепаратизма у местных улусных правителей. Большой урон Улусу Джучи нанесла эпидемия чумы (та самая, что впоследствии перекинулась оттуда в Западную Европу и стала известна как «Черная смерть»).

Джанибеку наследовал его сын Бердибек (1357–1359). Он оставил у потомков дурную память: «Очень безрассудным и глупым человеком был этот Бердибек. Убивал он своих родственников в страхе, что оспорят они ханство у него»<sup>5</sup>. С гибели Бердибека в результате заговора в 1359 г. начались кровопролитные раздоры и перевороты. В Улусе Джучи разразилась смута, названная в русских летописях «великой замятней».

<sup>3</sup> Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 107.

<sup>4</sup> Кучкин В. Зачем митрополит Алексей в 1357 году ездил в Орду // А се его сребро. Киев, 2002; Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 86–87, 129.

<sup>5</sup> Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 108.

## «ВЕЛИКАЯ ЗАМЯТНЯ». ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КАРЬЕРА МАМАЯ

В борьбу за сарайский трон вступили различные группировки золотоордынской знати: во-первых, придворные аристократы, подвизавшиеся в столичных дворцах; во-вторых, улусбеки и более мелкие провинциальные наместники, которые опирались на потенциал подвластных регионов; в-третьих, Джучиды левого (восточного) крыла, которые решились вмешаться в дела западной части Джучиева улуса. Из-за Яика на запад устремились потоки кочевников и стали обособываться в Причерноморье, Крыму, Поволжье, степном Предкавказье.

На ордынский престол восходили слабые и недолговечные правители. Их очередность частично восстанавливается по монетам, которые они иногда успевали отчеканить в свою честь в захваченных городах. Считается, что на протяжении 1360–1370-х гг. в Золотой Орде сменилось около двух десятков ханов (подсчеты разных исследователей расходятся); некоторые из них царствовали одновременно. Постепенно стала вырисовываться закономерность: одна ханская ставка по-прежнему оставалась в Сарае, а вторая расположилась в причерноморских кочевьях. Последней стал распоряжаться знаменитый Мамай.

Ему удалось заручиться доверием хана Бердибека, жениться на его дочери<sup>1</sup> и занять пост беклербека. Во время «великой замятни» Мамай фактически управлял территорией к западу от Волги – от имени своих ставленников, марионеточных ханов. Эти ханы-«цари» во всем зависели от «князя Мамаея», для которого летописцы не жалели уничижительных эпитетов. В летописях неоднократно подчеркивается несамостоятельность ханов «Мамаевой Орды». Это особенно ярко контрастировало с отношением к Тохтамышу, впоследствии покончившему

---

<sup>1</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 389. По другим сведениям, женой Мамаея стала дочь хана Джанибека по имени Сулу Ханыш (*Абд ал-Гаффар Кырыми*. Умдет ут-теварих. Истанбул, 1343 (1924/1925). С. 53).

с всевластием этого беклербека. А вот о Тохтамыше наши средневековые авторы отзываются с должным почтением в силу его высшего иерархического «царского» ранга – несмотря на разорение им Москвы в 1382 г.

Появление Мамайя на политической сцене было следствием сложных социальных процессов, которые развернулись в Золотой Орде в первой половине XIV в.

Источники о Золотой Орде посвящены в основном деяниям царственных особ, привязаны к городам и ханским ставкам. Вне поля зрения историков остается абсолютное большинство населения государства – кочевые общины кипчаков и кипчакизированных монголов. Содержание хроник не позволяет хотя бы в какой-то степени проследить события в жизни этой массы подданных сарайских и сыгнакских (восточных) ханов. Коллизии кануна и разгара «великой замятии» показали, что в степных общинах существовала собственная элита. До поры до времени она была совершенно незаметна для посторонних (чужеземных) наблюдателей. Не принадлежавшие к «золотому роду» беки кипчакских племен смиренно кочевали в отведенных им местах бескрайнего Дешта, платили подати царевичам, в улусы которых им довелось угодить в соответствии с ярлыком очередного монарха, послушно собирали соплеменников в ополчение, если хану вздумается воевать с Ираном или Литвой.

Но с начала XIV в. эта категория подданных становится с каждым десятилетием все более заметной. Здесь сказались несколько факторов.

К тому времени в основном закончилась этническая консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место мирной и стабильной жизни в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные племена множились, делились и ветвились, и их беки обретали все больше подданных. А в кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Первые признаки этого проявились в самом начале XIV в., при хане Тохте, когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители племен выступили как само-



стоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью<sup>2</sup>.

Несомненными стимулами выхода беков на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование самодостаточных замкнутых экономических провинций. Это явление давно отмечено историками, но обычно преподносится как основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла способствовать не только отделению от Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Парадоксальным образом вхождению племенных беков во власть помогла страшная эпидемия чумы, разразившаяся в джучидской державе во время ханствования Джанибека. Она поразила прежде всего места массового скопления оседлого населения. В условиях ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место частично заняли представители другого социального сегмента – аристократии кочевых степей.

Дополнительным подспорьем в получении доступа беков-нечингидов к государственным делам были кризисы в доме Джучи, когда происходили массовые казни принцев крови. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз. Источники показывают, что в 1300–1370-х гг. ордынские монархи видели такую опору в киятах.

Именно из монголов-киятвов, из родового подразделения этого племени – борджигин, происходил Чингис-хан и, соответственно, все его потомки, в том числе в Золотой Орде. Правда, незаметно, чтобы генеалогическое родство с царствующим домом как-то повлияло на статус киятов в Улусе Джучи. Они ничем не выделялись в сонме других тюркских и тюркизированных монгольских племен. Переселение киятов в Дешт-и Кипчак не отражено в источниках. Об их судьбе в северо-западном улусе Монгольской империи есть упоминание в сочинении хорезмийца Утемиш-хаджи «Тарих-и Дост-султан» (середина XVI в.): после завершения завоеваний «Саин-хан (Бату. – В. Т.) роздал всем своим родственникам роды и племена и назначил [им] земли и юрты». В том числе своему брату Шайбану (Шибану) он дал «десять

<sup>2</sup> Хорезмский хронист XVI в. Утемиш-хаджи приписывает начало смуты 1360–1370-х гг. интригам беклербека при хане Бердибеке, Тулубая из тюркского племени канглы, который якобы мстил всему роду Бату за казнь своего сына ханом Джанибеком (*Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. С. 108). Здесь сказались присущая средневековым авторам преувеличенная персонализация исторических процессов.

тысяч кыйатов [и] йуралдаев и отправил [его], назначив в вилайеты Крыма [и] Каффы»<sup>3</sup>. Таким образом, кияты жили в Джучиевом улусе еще при Бату (он умер в 1255 или 1256 г.) и уже тогда, в начале истории Золотой Орды, оказались связаны с Крымом – будущим улусом Мамаю. Очевидно, часть этого племени переселилась туда, а другая часть осталась кочевать к востоку от Волги, на территории Казахстана.

Хан Тохта встретил свою смерть бездетным. Именно с этим роковым для ордынского престола обстоятельством связано первое появление киятов при дворе и в большой политике. Как рассказывает Утемиш-хаджи, старый и больной, оставшийся без наследников Тохта обрадовался, узнав, что его племянник Узбек стараниями главной ханши Баялун уцелел от истребления ближних родичей, устроенного некогда ханом, чтобы освободить путь к власти для своего первенца Ильбасара (впоследствии умершего еще при жизни отца). «Созвал он беков, дал Кыйат Исатаю и Сиджут Алатаю сорок тысяч человек и отправил [их] за Узбекханом» в Черкесские горы<sup>4</sup>. *Кыйат* и *Сиджут* являются обычными для Средневековья прибавлениями к именам, определявшими племенную принадлежность человека, который не происходил из «золотого рода». В данном случае это племена кият и сиджут (сиджиут).

По версии Утемиш-хаджи, Исатай и Алатай не только доставили юного царевича на родину, но и обезвредили дворцовый заговор против него, убив главного заговорщика, «черного человека» Баджира Ток-Бугу.

Татарский автор Кадыр Али-бек Джалаир, написавший свой труд «Джами ат-таварих» в Касимове через полвека после Утемиш-хаджи, тоже знал об этих событиях и передал их, приведя похожие сведения: Тохта не оставил наследника; в то время Бачкир Ток-Буга был главным эмиром и правил улусом; кият Исатай и чичут Алатай привезли из Ирана Узбека и сделали его ханом, прикончив Бачкира Ток-Бугу<sup>5</sup>.

Бек Исатай фигурирует в арабских источниках как Иса Коркуз, в персидских – как Иса-гурган<sup>6</sup>. Его карьера достигла пика при Узбеке. Но мы видели, что еще Тохта расценивал его как своего преданного приближенного, поскольку доверил ему самое важное предприятие в деле передачи власти над ордынской державой.

Едва успев взойти на престол, Узбек учинил жестокую расправу над родственниками, которые приняли сторону Баджир Ток-Буги. В наказание за поддержку ими мятежника всех джучидских принцев – «огла-

<sup>3</sup> *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. С. 94–95.

<sup>4</sup> Там же. С. 102–103.

<sup>5</sup> Библиотека восточных историков, изд. И. Н. Березиним. Казань, 1854. Т. 2. Ч. 1. С. 155 (араб. паг.) (текст неполный); *Джами ат-таварих*. Отдел рукописей Научной библиотеки Казанского гос. университета. Ед. хр. 40. Л. 60а.

<sup>6</sup> *Гурган* – титул ханского зятя.

нов Йочи-хана, родившихся от [других его] семнадцати сыновей» – он, если верить Утемиш-хаджи, отдал во владение Исатаю. Причем хронист делает многозначительную оговорку о социальном статусе бека – Узбек в гневе изрекает: «...Я отдам вас в кошун простолюдину!»<sup>7</sup>

Давняя кочевая традиция позволяла породнение с ханской семьей через брак с царевнами в виде особой милости или в знак благодарности за чрезвычайные заслуги; нередко такие браки заключались в политических целях. Исатай в полной мере воспользовался своими семейными узами. Гурганом он стал, женившись на Узбековой дочери Иткучук. Очевидно, этой чести бек удостоился за помощь в воцарении Узбека. И сам хан взял в свой гарем дочь Исатая, сделав ее своей «четвертой хатун»<sup>8</sup>.

Насколько можно судить по арабским хроникам, при Тохте и Узбеке Исатай занимал очень высокие посты. В иерархии беков он, видимо, стоял лишь на одну ступень ниже беклербек Кутлуг-Тимура и являлся, следовательно, главным военачальником левого (восточного) крыла Золотой Орды. Именно с этими двумя сановниками Узбек обсуждал важнейшие вопросы.

Наивысший взлет гургана-кяята произошел в 1321/1322 г., когда «Узбек отставил своего наместника Кутлуктемира и поставил на его место Ису Куркуза»; правда, через два года хан вернул верховному беку его пост<sup>9</sup>. Можно полагать, что впоследствии Исатай вновь удостоился высшего аристократического ранга, поскольку Ибн Баттута титулует «Исабека» старшим эмиром, начальником улуса и начальником эмиров<sup>10</sup> (последнее выражение передает точный смысл тюркского термина «беклербек»). Этот арабский путешественник, проезжая по Золотой Орде в 1333 г., застал Исатая тяжело больным. Из-за подагры тот не мог самостоятельно ходить и ездить верхом, отчего его возили на арбе.

Как и когда умер Исатай, информации нет. Во всяком случае, при Джанибеке он уже не упоминается. Вероятен переход отцовских владений и полномочий в тот период к его сыну Джир-Кутлугу. Похоже, что Исатай после пожалования остался вершить высокую политику в Сарае, а толпу царевичей и царевен, включая и овдовевший гарем Тохты, он вручил своим домочадцам во главе с Джир-Кутлугом. Тот увел их куда-то за Яик. Это вполне находится в русле карательных меро-

<sup>7</sup> Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 105. Кошун – удел, держание; имел также значение личного ополчения бека, не включаемого в десятичную структуру войска.

<sup>8</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 295.

<sup>9</sup> Там же. С. 328, 388.

<sup>10</sup> Там же. С. 295.

приятый Узбека, который устроил массовые репрессии против своей родни не только после подавления заговора Баджира Ток-Буги, но и после своей религиозной реформы – обращения в ислам.

Джир-Кутлуг сложил голову в сражении (?) с Урусом – будущим могущественным правителем Орды, сумевшим впоследствии на некоторое время захватить Сарай (в 1375–1376 гг.).

После гибели Джир-Кутлуга киятских беков возглавил его сын Тенгиз-Буга, характеризующийся в сочинении Утемиш-хаджи как бессердечный деспот. Он заставил царевичей из кошуна строить мавзолей над могилой своего отца, Джир-Кутлуга, и вдобавок придумал унижительную процедуру: во время пиршеств, устраиваемых Тенгиз-Бугой, «невольники» в любую погоду садились у дверей его юрты, прислушиваясь; когда оттуда начинала звучать хвалебная песнь (*кюй*), это означало, что их притеснителю пришел черед пить из чаши – в тот момент они должны были обнажить голову. Происходило все это в зимовье бека на Сырдарье<sup>11</sup>.

В обстановке начавшегося безвластия и хаоса в Золотой Орде перед киятами стояли две насущные задачи. Они попытались, во-первых, сохранить влияние своего племени при сарайском дворе, утвердившееся при Исатае (используя многочисленных претендентов на трон из дома Джучи); во-вторых, заполучить власть, заняв беклербекскую должность в Сыгнаке – столице ханства левого крыла. Для этого им предстояло найти царевичей, согласных подчиниться киятам, и организовать их воцарение. В любом случае им предстояла жестокая борьба с джучидской аристократией и беками других племен. Первая задача начала успешно претворяться Мамаем: Бердибек выдал за него дочь, отчего киятский бек, как и его предок (дед?) Исатай, вошел в высшие придворные сферы. Более того, арабский историк Ибн Халдун уверяет, будто Мамай «в его (Бердибека. – В. Т.) царствование управлял всеми делами» – явно в должности беклербека<sup>12</sup>.

Тенгиз-Буга попробовал было использовать царевича Кара-Нога – одного из своих «невольников» – в качестве марионетки на троне. Однако тот в сотрудничестве с другими царевичами зарезал интригана. После этого сколько-нибудь заметное участие киятов в жизни левого крыла незаметно. Мамай же, как известно, был более удачлив на этом поприще. На западе Золотой Орды он сумел поставить дело так, что безвластные, поставленные им ханы были во всем ему покорны.

Утемиш-хаджи приписывает киятским предводителям инициативу массовых миграций ордынских кочевников, причем датирует их пери-

<sup>11</sup> Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 109.

<sup>12</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 390.

одом правления Бердибека: «В его время было много смут. Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы»<sup>13</sup>. Однако мы видели, что у Мамаю в период царствования этого хана не было причин уходить из волжской столицы Орды. Поэтому ближе к истине, наверное, Ибн Халдун, который пишет, что «Мамай выступил в Крым» лишь «после того, как Бердибек умер и [верховой] власти не стало»<sup>14</sup>.

Мамай и Тенгиз-Буга действовали по одной схеме: концентрация под своим началом массы подданных, переселение и закрепление на новых землях, использование покорных креатур – подставных ханов. Сведения источников о синхронном движении тюркских племен на огромном пространстве Золотой Орды под водительством Мамаю и Тенгиз-Буги позволяют предполагать существование единого руководящего центра этой грандиозной интриги, который размещался где-то в степях к востоку от Яика и к северу от Сырдарьи. Там находилось семейное «гнездо» киятских беков – потомков Исатая, развернувших борьбу за власть в Золотой Орде.

Крым явно не случайно был избран Мамаем для поселения. В общем-то этот край находился в его ведении как бы по должности: беклербек командовал правым крылом в ханстве западных Джучидов, к которому (крылу) принадлежал и Крым<sup>15</sup>. Но, кроме того, выше говорилось, что Крым еще с начала существования Золотой Орды был предоставлен для проживания киятам – той их части, что обосновалась в ханстве правого крыла. Именно этих своих соплеменников Мамай решил использовать в качестве опоры в борьбе за удержание власти на западе государства.

Погибший от рук придворных интриганов-заговорщиков Бердибек не оставил наследников. Сыновей у него не было, а своих братьев он истребил, опасаясь их притязаний на трон. Считается, что с этого времени династия Бату пресеклась.

Между тем возможно, что какие-то отпрыски дома Бату еще оставались. В историографии существует мнение, что Мамай видел свою задачу в сохранении за ними престола, а впоследствии, когда вынужден был оставить Сарай, держал их у себя в Крыму и в подчинявшейся ему причерноморской части государства. Там он устроил новую ханскую резиденцию. Русские называли ее Мамаевой Ордой, татары – просто Ордой и Шахр ал-Джадид (араб. «новый город»). На Крымском полу-

<sup>13</sup> Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 108.

<sup>14</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 390.

<sup>15</sup> Ибн Халдун: «Мамай при Бердибеке управлял всеми делами. К его владениям принадлежал город Крым» (Там же).

острове Мамай предпочитал жить в городе Солхате (Старый Крым), который приказал обнести стенами (напомним, что обычно золотоордынские города не имели подобных укреплений).

Несколько лет после Бердибека Мамай еще обретался в столице, наблюдая смену ханов (Кулпа, Науруз, Хызр) и лишившись беклербекского ранга. Но когда смута приняла опасный для него оборот и виновные родичи хана Хызра вступили в борьбу за трон, он переселился в западные улусы. Там он провозгласил ханом некоего царевича Абдуллу, которого египтянин Ибн Халдун называет «отроком из детей Узбека»<sup>16</sup>, и стал при нем главным беком. Абдулла действовал, на первый взгляд, как полноправный ордынский монарх, выпуская монеты со своим именем и выдавая ярлыки. Однако действительным правителем являлся Мамай. Опираясь на ресурсы подвластных территорий, ему несколько раз удавалось захватывать Сарай, изгоняя очередных ханов-однодневок.

Судя по нумизматическим данным, в 1369–1370 гг. в Мамаевой Орде появляется новый хан – Мухаммед-Булак, который сменил скончавшегося Абдуллу. Возможно, это тоже был какой-то потомок Узбека или Джанибека<sup>17</sup>. Мамай при нем также состоял в должности беклербека. Мухаммед-Булак был вместе с Мамаем на Куликовом поле.

Тем временем «великая замятня» разгоралась. В борьбу за сарайский престол вступили Джучиды левого крыла – восточной части Золотой Орды, которые до того не смели и помыслить о претензиях на верховенство. Одним из самых заметных и удачливых претендентов на власть был хан Урус – представитель одной из младших ветвей клана Джучи. Выше упоминалось, что на недолгое время ему удалось захватить Сарай. Впрочем, он не смог удержать столицу и вынужден был вернуться в восточные степи.

Смута фатально ослабила Золотую Орду и изменила баланс сил на международной арене. Государство на глазах распадалось. От него отделились богатые земледельческие провинции – Хорезм (беки из племени кунграт основали там собственную династию) и крайние западные владения за Днестром (там возникло Молдавское княжество). Занятые внутренними распрями, Джучиды не имели возможности

<sup>16</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 390.

<sup>17</sup> Полемику о личностях и сроках правления ханов Мамаевой Орды см.: Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 145 и сл.; Он же. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7; Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980; Кучкин В. А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996.

проводить активную внешнюю политику. Ордынская держава, полтора столетия доминировавшая на значительной части Евразийского континента, уже не воспринималась соседями как самое могущественное государство. Наиболее успешно этой ситуацией воспользовались, пожалуй, власти Великого княжества Литовского.

Еще в первой половине XIV в. литовский правитель Гедимин осмелился посягнуть на подвластные Орде владения. Тогдашний хан Узбек был отвлечен на конфликты с Ираном и с ханством левого крыла, и литовцы присоединили к своим владениям Вольнь и Киевщину, распространили свой сюзеренитет на Смоленск. Собственно, все это были, по татарской терминологии, земли «Русского улуса», обязанные выплачивать «выход». Очевидно, Гедимин принимал на себя эту обязанность вместе с новообретенными подданными (иначе его государству угрожали бы опустошительные ордынские нашествия) и обзаводился соответствующими ханскими ярлыками. Собственно, получение доходов было главной заботой правительства Орды в отношении «Русского улуса», а какой именно великий князь – владимирский, тверской, рязанский, нижегородский или литовский – пополнит казну исправным «выходом», было не первостепенным вопросом.

Сын и преемник Гедимины Ольгерд (1345–1377) продолжил восточную экспансию. Но он уже посягнул на собственно татарские территории – кочевые степи. В битве на Синих Водах 1362 г. им были разгромлены войска ордынских наместников южных улусов, и в состав Великого княжества Литовского был включен регион между правобережьем Днепра и нижним Днестром.

Отношения с Мамаем у Ольгерда колебались между нейтралитетом и враждебностью, но до крупных вооруженных столкновений дело не дошло. Следующий литовский князь, Ягайло Ольгердович (1377–1392, с 1386 г. был одновременно польским королем), рассматривал Мамай уже как союзника по антимосковской политике.

Взаимное потепление отношений во многом объяснялось интересами международной торговли, необходимостью сохранять циркуляцию товаров между странами. Мамай стремился поддерживать коммерческие связи даже в условиях «великой замятни». Его ставленник Мухаммед-Булак предоставил льготы львовским и краковским купцам. Но гораздо более активно развивались связи с итальянцами.

Генуэзские колонии в Крыму и венецианская колония в Тане располагались на землях, подчинявшихся Мамаю. Контакты итальянских торговцев с ордынскими властями складывались непросто. Близкое соседство с беспокойным Нижним Поволжьем, постоянные конфликты и интриги татарских царевичей, нередкие сражения в окрестных владениях вносили нервозность в эти отношения. Время от времени европейцам удавалось добиваться от ханов (в том числе сидящих в

Мамаевой Орде) налоговых послаблений. Но в жестокой борьбе за гегемонию Мамай не останавливался и перед насилием по отношению к колонистам; так, он отобрал у генуэзцев 18 селений в окрестностях крымского города Солдайя (Судак)<sup>18</sup>.

С русскими данниками Мамай от лица своих марионеточных ханов пытался наладить отношения, традиционные для ситуации незыблемого «ига». Для него, как и для многих последующих ордынских правителей, образцом служили порядки, действовавшие при последнем полномочном, самодержавном хане – Джанибеке. Продолжались комбинации с правами на великое княжение, доведенные в свое время до совершенства Узбеком, когда ярлык на владимирский стол выдавался то в Москву, то в Тверь.

Русские современники тех событий пристально следили за сменой власти у Джучидов, т.к. это было связано с обязанностью регулярно отправлять «выход» в Орду; кроме того, князья должны были являться на аудиенцию к каждому новому хану для обновления (или оспаривания у соперников) ярлыков. Во время «великой замятни» соперничавшие князья в целом пытались соблюдать этот привычный порядок, но иногда из-за быстрой и хаотичной смены ордынских правителей предпочитали выжидать и не ездить в охваченную распрями Орду. Зачастую контакты осуществлялись через княжичей, доверенных бояр, церковных иерархов или ханских послов. Порой наблюдатели даже не успевали отслеживать очередность ханов; об этом свидетельствует тот факт, что из двух десятков татарских монархов на протяжении 1360–1370-х гг. русские летописи зафиксировали лишь 10<sup>19</sup>.

В тот период великокняжеские ярлыки поочередно получили Андрей Константинович Нижегородский (1359 г., от хана Науруза), его брат Дмитрий Суздальский (тогда же, т.к. Андрей отказался от великого стола; 1363 г., от Мурата; 1364 г., от Азиза), Дмитрий Иванович Московский (1362 г., от Мурата; 1363 г., от Абдуллы; 1371 г., от Мухаммед-Булака), Михаил Александрович Тверской (1370 и 1374 гг., от Мухаммед-Булака<sup>20</sup>).

В этой обстановке у князей появилась возможность меньше считаться со своими степными сюзеренами. Признавая за последними право на «ярлычную» инвеституру, русские стали при этом все более явно пренебрегать своей обязанностью выплачивать «выход». Дань отсылалась в Орду нерегулярно и в меньших размерах. Ответственным

<sup>18</sup> Григорьев А. П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 4 (№ 26). С. 27, 28.

<sup>19</sup> Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 25.

<sup>20</sup> В 1374 г. Михаил, столкнувшись с превосходящими военными силами Москвы, отказался от ярлыка в пользу Дмитрия Ивановича.



за ее сбор с большей части русских земель являлся великий князь Владимирский. Состоявший в этом ранге с 1371 г. Дмитрий Иванович в 1374 г. прекратил платить «выход». Очевидно, дело здесь не столько в развернувшейся «освободительной борьбе русского народа за освобождение от монголо-татарского ига», сколько в раздражении, которое вызывал у славянских данников «делатель королей» Мамай, прибравший к рукам власть на значительной территории Золотой Орды. Законные ханы, состоявшие при нем в положении бесправных марионеток, не имели никакого влияния на государственные дела. Получалось, что князья обращались за ярлыками и отсылали «выход» к безродному бекклербеку, который волей случая закрепился у трона<sup>21</sup>.

Именно выход из повиновения правителей «Русского улуса» послужил одной из главных причин организации Мамаем в 1380 г. большого карательного похода против Дмитрия Московского, его союзников и вассалов.

Тем временем далеко на востоке Золотой Орды происходили события, которые в конце концов привели к завершению «великой замятни». Хан Урус казнил одного из своих противников Туй-ходжу, удельного правителя Мангышлака. После этого на страницах хроник появляется сын Туй-ходжи Тохтамыш. Он вступил в конфликт с Урусом и включился в борьбу за власть в Джучиевом улусе. По некоторым (нумизматическим) данным, в 1370-х гг. Тохтамышу несколько раз удавалось занять Сарай. Но каждый раз он вынужден был отходить в восточные степи под напором более сильных соперников. После одного такого поражения он укрылся в Мавераннахре, при дворе набиравшего силу эмира Тимура. Будущий великий завоеватель помог ему, в отдалении от сильных врагов, пережить апогей усиления Уруса, когда тот, управляя левым (восточным) крылом Золотой Орды, смог захватить еще и Сарай.

В 1377 г. Урус умер. Его слабые и не имевшие широкой поддержки среди знати наследники не сумели удержать власть. Тохтамыш вернулся в Дешт, чтобы возобновить борьбу за главный престол. Сначала он занял столицу левого крыла Сыгнак и привел к покорности восточных кочевников, затем двинулся к Волге. Уставшие от многолетнего хаоса беки и народ, очевидно, поддержали его. Безусловным сторонником восстановления государственного единства было население городов, которое несло убытки от прекращения торговли, движения купеческих караванов по стране, охваченной смутой. В 1379 или 1380 г. Тохтамыш уже царствовал в Сарае. Главным его противником теперь был Мамай со своей обширной Ордой в причерноморских степях.

<sup>21</sup> На низкое происхождение «Кыйат Мамай» указал хронист Утемиш-хаджи, назвав его черным человеком (*кара киши*), т.е. простолюдином (*Утемиш-хаджи. Чингизнаме. С. 117, 144*).

Мамай же был занят подготовкой карательной экспедиции против русских данников и всю энергию направил на сбор войска – ополченцев и наемников. Возможно, факт появления в столице сильного, легитимного (Джучида) хана сказывался на настроениях в Мамаевой Орде, отчего с мобилизацией подданных возникли трудности, и Мамаю пришлось пригнать к широкому найму разноплеменных воинов.

Поражение на Куликовом поле сыграло роковую роль в судьбе беклербека. Вернувшись в свои улусы, он собрал новое войско – наверняка для реванша. Но эта рать была разгромлена Тохтамышем. Мамай покинули его знатные приближенные, решив перейти на службу к новому хану. По одним сведениям, Мамай бежал в Кафу, где был убит местными жителями; по другим, генуэзцы отказались его принять из боязни наказания со стороны то ли русских, то ли Тохтамыша и убили<sup>22</sup> (возможно, он погиб от рук сторонников хана-победителя). Предположительно, Мамай был погребен под курганом в Солхате (на окраине современного Старого Крыма).

Его сыновья разъехались в разные страны. По родословному преданию князей Глинских, потомки одного из них, Мансура, получил от великого князя Литовского Витовта в удел городок Глинск, от которого княжеская семья вела свою фамилию<sup>23</sup>. Из этой семьи происходила княгиня Елена Васильевна, мать царя Ивана Грозного.

Теперь Золотой Ордой правил единственный, общепризнанный и могущественный хан. Прекратились сепаратистские мятежи, единство государства стало быстро восстанавливаться. К вассальным и соседним правителям из Сарая отправились посольства с известием о полной победе и, следовательно, окончательном воцарении Тохтамыша. В самом конце 1380 г. он прислал своих представителей к главным русским князьям, «поведавая им свой приход и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамайя победи, а сам шед седе на царстве Волжьском». Князья снарядили ответные посольства с щедрыми дарами и поздравлениями новому «царю Воложскому и всех орд высочайшему царю»<sup>24</sup>.

Однако проблема выплаты «выхода» оставалась. Признавая иерархическое верховенство Тохтамыша, Дмитрий Донской не собирался выплачивать ему дань, намереваясь сохранить порядок, установившийся с 1374 г. Конечно, Тохтамыша это не могло устроить. В авгу-

<sup>22</sup> Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11, 41, 82, 104, 118, 131, 187, 337, 366.

<sup>23</sup> Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 195–196; Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сборник имп. Санкт-Петербургского археологического института 1613–1913. СПб., 1913. С. 44–45.

<sup>24</sup> ПСРЛ. Т. 11. С. 84; Т. 15. М., 2000. Стб. 141.

сте 1382 г. он возглавил поход на владения московского князя. Москва была сожжена, и победителю в Куликовской битве пришлось возобновить отправку «царева выхода» в Орду. Правда, сам Дмитрий не рискнул ехать в Сарай, а отправил сына, который весной 1383 г. доставил в ханскую казну «8000 сребра»<sup>25</sup> – видимо, выплату за два года (долг Мамаевой Орде московитянам простили). Удовлетворенный таким оборотом, Тохтамыш оставил за Дмитрием Ивановичем ярлык на великое княжение Владимирское. Дань за обладание западными русскими землями стал выплачивать и король Ягайло.

Тохтамышу недолго довелось ханствовать в объединенной державе. Начал он как умелый и жесткий правитель: провел денежную реформу, вновь присоединил Хорезм, возобновил союз с Египтом, начал традиционную для Орды кампанию по завоеванию Закавказья. Но с конца 1380-х гг. он вступил в открытый конфликт со своим бывшим покровителем Тимуром. В следующем десятилетии разразились два страшных нашествия Тимура, в результате которых Тохтамыш потерял власть, а Золотая Орда окончательно утратила былое могущество. В 1406 г. этот хан погиб от рук соперников.

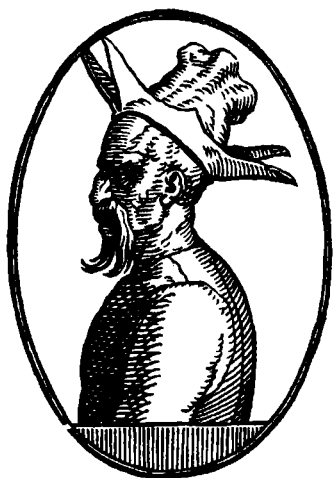
\* \* \*

В восточных источниках Куликовская битва не удостоилась ни единого упоминания. События 1380 г. наблюдатели в мусульманских странах расценивали исключительно как противостояние Тохтамыша и Мамаю, без участия «Русского улуса». Очевидно, в их глазах (и, соответственно, в глазах их татарских информаторов) «Донское побоище» стояло в одном ряду с прочими стычками и конфликтами периода «великой замятни».

Тем не менее значение разгрома Мамаю 8 сентября для Золотой Орды оказалось значительным. Именно это поражение фатальным образом подорвало силы и истощило ресурсы многолетнего вершителя судеб государства. После бегства с Непрядвы беклербек не смог противостоять превосходящим силам Тохтамыша, к которому, кроме того, переметнулись беки его Орды. Объективно Дмитрий Донской своей победой расчистил Тохтамышу путь к единовластию. При этом никакого возмущения против восстановления власти татарского «царя» тогда не было. Ведь вернулся привычный (можно сказать, завещанный предками) порядок подчинения Руси золотоордынскому правителю. Мысль о прекращении этого подчинения еще только формировалась в умах русских политиков.

<sup>25</sup> ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 238.

БОЛЬШАЯ ОРДА – ТАХТ ЭЛИ  
ОЧЕРК ИСТОРИИ





## ВВЕДЕНИЕ

Большой Ордой в историографии принято называть часть Улуса Джучи (Золотой Орды) XV в. на юге Восточной Европы. Фактически это была южная область правого крыла Золотой Орды, оставшаяся под контролем «центрального» (сарайского) правительства после отпадения вновь образовавшихся ханств: Казанского, Крымского, Узбекского, а также Мангытского юрта – будущей Ногайской Орды<sup>1</sup>.

Историография «постордынских» (или «поздnezолотоордынских») политических образований довольно велика. Монографически исследованы ханства, которые возникли на месте Джучиева улуса. Написаны труды, посвященные Астраханскому, Казанскому, Крымскому и Сибирскому юртам, ханству кочевых узбеков и Касимовскому царству, Ногайской Орде. Большая Орда в этом отношении пока являет собой исключение. И это удивительно, поскольку источниковая база для подобного исследования более чем достаточна. В сочинениях хронистов и в дипломатических архивах разных стран – прежде всего Московского государства и Великого княжества Литовского – сохранились многочисленные документы, позволяющие осветить историю этого «осколка» Золотой Орды<sup>2</sup>.

Немало аспектов этой истории остается непроясненными. Некоторые проблемы изложены мной конспективно – во-первых, потому, что я имел возможность отослать читателя к уже имеющимся работкам историков, не пересказывая их; во-вторых, по причине того, что многие исторические сюжеты представляются пока загадочными для меня самого. Нельзя сказать, что история Большой Орды являет собой абсолютное «белое пятно». В целом представление о ней у исследовате-

---

<sup>1</sup> Судя по последним исследованиям (И. В. Зайцев), Астраханское ханство не должно фигурировать в этом перечне, поскольку образовалось позднее, а его территория располагалась на бывших большеордынских землях в Нижнем Поволжье.

<sup>2</sup> Б. Н. Флоря справедливо заметил, что история Орды и русско-ордынские отношения второй половины XV в. хорошо обеспечены источниками, однако этого нельзя сказать о событиях середины столетия, сведения о которых приходится разыскивать в «источниках неместного происхождения» – польских и орденских (Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 172, 173).

лей все же имеется. Но она достаивалась их внимания прежде всего в связи с окончанием так называемого монголо-татарского ига на Руси, отказом Ивана III платить дань хану Ахмеду (Ахмату) и их «стоянием на Угре» 1480 г. Почти всегда в историографии это государство играло роль некоего фона для описания крепнувшей Московии, да еще и несло на себе отпечаток традиционно негативного отношения к ордынцам – поработителям Руси.

В июне 1502 г. правитель Крыма Менгли-Гирей разгромил хана Шейх-Ахмеда, захватил его кочевую ставку и казну. Это событие принято считать концом существования Большой Орды (хотя, как мы увидим, впоследствии предпринимались попытки ее возрождения). В отношении же начального этапа ее истории среди авторов нет единодушия. Поскольку это государство специально не изучалось, то и суждения по этому поводу обычно диктовались приблизительным анализом ситуации на «постордынском» пространстве.

Одни историки считают первым ханом Большой Орды Улуг-Мухаммеда, свергнутого в 1438 г. Кучук-Мухаммедом<sup>3</sup>, другие Кучук-Мухаммеда<sup>4</sup>, третьи Саид-Ахмеда – современника и противника обоих Мухаммедов<sup>5</sup>; во всех трех случаях предполагается, что Большая Орда существовала уже с середины 1430-х гг. Некоторые исследователи относят ее формирование ко второй половине XV в., приурочивая к отделению Астраханского ханства в 1460-х гг.<sup>6</sup>, или даже к гибели хана Ахмеда в 1481 г., т.е. ко времени правления его сыновей<sup>7</sup>.

В литературе встречается утверждение, будто впервые в русских источниках понятие «Большая Орда» употреблено в летописном рассказе о набеге хана Махмуда на Рязань в 1460 г.<sup>8</sup> А. П. Григорьев предполагает

<sup>3</sup> Там же. С. 182.

<sup>4</sup> Сафаргалиев М. Г. Разгром Большой Орды // Записки НИИ при Совете министров Мордовской АССР. История. Вып. 11. Саранск, 1949. С. 82; Очевидно, такого же мнения придерживался К. В. Базилиевич, который отмечал для 1440-х гг. набеги на Русь «со стороны хотя и уменьшившейся, но постепенно консолидировавшей свои силы Большой Орды – основной части распавшегося Джучиева улуса» (Базилиевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 48).

<sup>5</sup> Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. С. 149. Автор называет Саид-Ахмеда Сейид-Мухаммедом.

<sup>6</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 166.

<sup>7</sup> Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 70.

<sup>8</sup> Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. С. 45, 46; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 151. «Того же лета безбожный царь

ет, что это было терминологической новацией конца 1450-х гг.: словосочетание «Большая Орда» появилось тогда в документах ордынской канцелярии и было усвоено русскими современниками. На самом же деле в летописях имеются более ранние упоминания. Под 1438 г.: «Тое иже осени прииде царь Улу-Махметь Болшиа Орды кь граду Белеву и сяде въ Белеве, бежавъ отъ брата своего отъ Кичи-Ахметя царя Болшиа же Орды»; под 1440 г.: «Тоя же осени царь Махметь Болшиа Орды убиль болшаго своего князя ордыньскаго Мансупа»; под 1442/1443 г.: «В лето 6950 приходиша татарове Болшиа Орды на Рязаньския крайны и много зла сотвориша и отъидоша съ полономъ»<sup>9</sup>.

Казалось, первый из процитированных фрагментов указывает на Улуг-Мухаммеда как большеордынского правителя. Однако, во-первых, здесь же назван «царем Болшиа Орды» еще и Кучук-Мухаммед; во-вторых, предыдущее сообщение летописи об ордынских делах относится к знаменитому спору московского князя Василия II с его дядей Юрием Дмитриевичем о великом княжении в 1432 г. в ставке Улуг-Мухаммеда<sup>10</sup>. Там страна татар названа просто Ордой, т.е. так же, как она именовалась в русских текстах на протяжении всего XIV и начала XV в. Следовательно, Орда стала «Большой» (во всяком случае в глазах русских наблюдателей) именно в период смены власти в Сарая – изгнания Улуг-Мухаммеда и воцарения его «маленького» тезки<sup>11</sup>.

При этом нельзя утверждать, что после данного государственного переворота новый юрт сразу оформился. Происходило долгое, мучительное, временами кровавое отделение самостоятельных владений от бывшего имперского центра. Поэтому некоторые историки обоснованно указывают на постепенность складывания Большой Орды, растянутость этого процесса во времени. М. Г. Сафаргалиев и Я. Тышкевич датируют его промежутком между 1430-ми (первое появление обозначения «Большая Орда») и 1460-ми гг. (образование Астраханского ханства)<sup>12</sup>. Д. М. Исхаков относит окончательное оформление Большой Орды к периоду между 1452 г. (полное отделение Крыма) и 1460 г. (по его мнению, первое упоминание Большой Орды в русских источниках)<sup>13</sup>.

---

Ахмутъ Болшиа Орды приходиль съ всею силою подь Переславль Рязанской» (ПСРЛ. Т. 12. С. 113).

<sup>9</sup> Там же. С. 24, 30, 42.

<sup>10</sup> Там же. С. 15–17.

<sup>11</sup> Улуг – большой, кучук – маленький.

<sup>12</sup> Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996. С. 513, 514; *Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 130.*

<sup>13</sup> Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009. С. 21, 22.



В любом случае точную хронологическую точку отсчета существования Большой Орды определить затруднительно. Однако мы все же попытаемся обозначить ее событием, которое представляется наиболее удобным для исследования, – это воцарение в степях Восточной Европы Кучук-Мухаммеда. Династический цикл ханствования его самого и его потомков и составил историю Большой Орды 1438–1502 гг. Впрочем, до середины столетия параллельно существовала еще Орда хана Саид-Ахмеда, которая заслуживает особого рассмотрения.

## НАЗВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Русское выражение «Большая Орда» – это несомненная калька тюркского словосочетания *Улуг Орду*, которое являлось, по словам М. А. Усманова, «исконно татарским названием Золотой Орды» – Улуса Джучи<sup>1</sup>. По А. Ю. Якубовскому, Большой, или Великой, Ордой русские называли татарскую Орду в Дешт-и Кипчаке (т.е. не только в Нижнем Поволжье)<sup>2</sup>. Действительно, в некоторых контекстах источников просматривается такая трактовка.

Цитированная выше Никоновская летопись называет царями Большой Орды боровшихся друг с другом и в какой-то период одновременно ханствовавших Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда. «Казанский летописец» (1560-е гг.), в котором впервые фиксируется понятие «Золотая Орда», применяет его и Большую Орду как взаимодополняемые и взаимозаменяемые синонимы: «Царь Ахмать воспримь царство Златыя Орды по отце своем»; Ахмат «собрался (в) Велицеи Орды всю силу свою Срацынскую»; «И тако скончашася царие Ардинстии, и таковымъ Божиимъ приискомъ погибе царство и власть Великия Орды Златые» и т.п.<sup>3</sup> Царство Ахмеда именуют Золотой Ордой и более поздние летописцы<sup>4</sup>. В русских повествованиях о нашествиях Тимура-Темир-Аксака на Улус Джучи в 1390-х гг. последний именуется Большой Ордой и Великой Ордой, в одном ряду с Китаем, «Шамахией» и другими странами<sup>5</sup>.

Слово «орда» имело несколько значений в русских средневековых текстах, и полагаться на них при объяснении тюркской терминологии

---

<sup>1</sup> Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 193.

<sup>2</sup> Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. С. 307.

<sup>3</sup> ПСРЛ. Т. 19. Стб. 6–8.

<sup>4</sup> Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. М., 1853. С. 15.

<sup>5</sup> ПСРЛ. Т. 21. С. 431; Т. 22. С. 195.

иногда рискованно. Если в летописном рассказе об изгнании из Сарая Улуг-Мухаммеда говорится, что он «пришелъ съ Поля согнанъ з Болшіа Орды отъ брата своего Кичи-Ахметя»<sup>6</sup>, то здесь можно видеть упоминание Орды как государства и как ставки. Но в 1472 г. «безбожный царь Ахмат Кичиахметевич съ всею Ордою поиде на Русь и подошел близ Руси, и остави у царицы старых и болных и малых...»<sup>7</sup>. Под ордой в данном случае подразумевается ханская рать, а не ставка, где остались «царицы» с небоеспособными татарами.

В некоторых текстах просматривается более узкое значение «Большой Орды» – как резиденции главного хана. Такова интерпретация, в частности, А. П. Григорьева. По его мнению, официальным названием империи Джучидов было *Улуг улус* (Великое государство), а *улуг орда* – это главная ставка, в которой находится *улуг орун* – главный трон<sup>8</sup>. В самом деле, трудно интерпретировать иначе оборот из грамоты хана Махмуда османскому султану Мухаммеду Фатиху 1466 г. *Ordu-yü mü'azzam Ezoglu Özen yakasında idi* – «Великая Орда была на берегу Азуглы Узен»<sup>9</sup>. Здесь явно обозначено не все государство, а конкретное место, пункт, в котором составлялось послание.

Представляется, что более точной является интерпретация Большой Орды как совокупности ханского двора с нукерами, канцеляриями, хозяйственными службами (*ордобазар*) и подчиненных хану кочевых общин-улусов – соответственно вместе с занимаемыми ими кочевьями; сюда же, в Орду, следует включать городские поселения, признающие сюзеренитет ее хана. В 1482 г. крымский хан Менгли-Гирей известил киевского воеводу о предполагаемых перекочевках большеордынцев, которые в русском переводе грамоты предстают именно как «столечные влусы»<sup>10</sup>.

В источниках польско-литовского происхождения русская «Большая Орда» неизменно именовалась Заволжской Ордой. Причем это устойчивое обозначение применялось и в то время, когда большеордынские кочевья располагались к западу от Волги, т.е. не «за Волгой» по отношению к Польше и Великому княжеству Литовскому: «... Завольская орда часто кочуетъ близко границъ нашихъ по тому жъ, какъ и Перекопская»<sup>11</sup>. От поляков и литовцев это наименование рас-

<sup>6</sup> Там же. Т. 12. С. 63.

<sup>7</sup> ПСРЛ. Т. 27. С. 278.

<sup>8</sup> Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата. С. 47–48.

<sup>9</sup> Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 241; Özyetgin A. M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. Ankara, 1996. S. 110.

<sup>10</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491) / Parengė L. Anyžytė. Vilnius, 2004. P. 90.

<sup>11</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. Vilnius, 1994. P. 122. Перекопская Орда – название Крымского ханства, принятое в Польско-Литовском государстве.

пространилось дальше на запад, о чем свидетельствует информация С. Герберштейна: «Татары разделяются на орды, первое место среди которых и славой и многочисленностью заняла Заволжская орда, так как говорят, что все остальные орды получили начало от нее»<sup>12</sup>. Правда, иногда москвитяне «заимствовали» литовское название Орды и наоборот, но это, кажется, были единичные случаи<sup>13</sup>.

Как сами татары называли этот юрт? Очевидно, названиями, принятыми как в самой Орде, так и в окрестных тюркских владениях, были словосочетания, включавшие термин *тахт* (трон, престол) и неоднократно встречающиеся в хрониках и дипломатической переписке: *Тахт эли*, *Тахт мемлекети*, *Тахт вилайети*<sup>14</sup>. Все они переводят-

<sup>12</sup> *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 167.

<sup>13</sup> Московский посол в Крыму И. Мамонов – Ивану III, 1501 г.: «...а сказывают царю (т.е. хану. – В. Т.), что Орда заволжская Ши-Ахметь царь, а князь с ним Тивикель... кочуют к Дону»: СИРИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. СПб., 1884. Т. 1. С. 356 – приводятся вести от перебежчика из Большой Орды); король польский и великий князь Литовский Александр – крымскому хану Менгли-Гирею, 1502 г.: «Великие Орды великому царю, Мендли-Гирею царю... Божьею милостью, отца своего болшую Орду взял еси да и люди, и мы то слышав обрадовалися» (Акты, относящиеся к истории Западной России. 1340–1506. СПб., 1846. Т. 1. С. 344). Интересно, что в одной и той же грамоте присутствуют «Великая Орда» как обозначение Улуса Джучи, на главенство над которым претендовал Менгли-Гирей, и «Большая Орда» – небольшой к тому времени степной юрт, завоеванный им в 1502 г. Но в общем появление «Великой Орды» в крымском титуле знаменовало именно победу над Большой Ордой (*Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 193). При этом заметим, что еще до того русские называли Крымское ханство Ордой (СИРИО. Т. 41. С. 22, 23, 41–43, 47), а Менгли-Гирей эпизодически рекомендовал себя ханом Большой Орды – в данном случае подразумевая Улус Джучи: «От болшие Орды от болшого царя от Менгли-Гирея водчию волошскому Степану воеводе» (Там же. С. 257).

<sup>14</sup> *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 383; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Т. 1. С. 113; *Kafalı M.* Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976. S. 35; *Le khanate de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı.* P., 1978. P. 111; *Григорьев А. П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486 г.) // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковед. наук. Вып. 29. Востоковедение. Вып. 13. Филологические исследования. Л., 1987. С. 136; *Özyetgin A. V.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarıllık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. S. 119; Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сб. документов. Сост. И. М. Мутакимов. Казань, 2008. С. 49, 50; *Лемерсье-Келькеже Ш.* Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 50, 55.

ся приблизительно как «Тронное владение», «Престольная держава», «Престольная область», «Столичная область» (ср. выше: «столечные улусы»).

О самоназвании ордынцев есть несколько путаное сообщение Мацея Меховского: «Первая из всех (татарских орд. – В. Т.) по значению это орда чагадаев<sup>15</sup> или заволжских, называющая себя Так кси, то есть главной ордой или людьми первенствующими и свободными, отчасти потому, что она никому не подчинена, отчасти потому, что от нее пошли и другие орды»<sup>16</sup>. Отсюда можно догадываться, что татары Большой Орды гордо именовали себя *тахт киши* – «столичные люди», или «люди престола», осознавая и подчеркивая исключительное место своего юрта среди прочих ханств и Орд.

В источниках встречается еще и своеобразное эвфемистическое обозначение Большой Орды – Номоганов юрт, происходящее от имени Номоган~Намаган~Нумкан, которое носили предки правящей в ней династии, ханы Тимур и Тимур-Мелик<sup>17</sup>. Оно появилось в русле сформировавшейся при распаде Золотой Орды традиции называть юрты именами родоначальников местных царствующих кланов<sup>18</sup>.

<sup>15</sup> «Орда чагадаев», т.е. среднеазиатский Улус Чагатай, в этом тексте является неуместным анахронизмом.

<sup>16</sup> Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и комм. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 63.

<sup>17</sup> Эту «расшифровку» названия Номоганова юрта см.: Григорьев А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковед. наук. Вып. 27. Востоковедение. Вып. 11. Филологические исследования. Л., 1985. С. 177; Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Leparno. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571. Amsterdam, 1991. P. 372–379; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 109; Заичев И. В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 50, 51.

<sup>18</sup> Трепавлов В. В. Среднее Поволжье в эпонимической традиции позднего средневековья // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С. 181–188.

## ТЕРРИТОРИЯ

Пределы Большой Орды очерчивались в историографии нечасто, т.к. это государство, как уже говорилось, не являлось предметом специального изучения. По К. В. Базилевичу, его жители кочевали от Волги до Днепра, «в зависимости от состояния травяного покрова»<sup>1</sup>. По М. Г. Сафаргалиеву, Большая Орда занимала пространство от Волги до Днепра и от Северного Кавказа до верховьев Донца (в другой работе он сформулировал так: «до границ Русского государства»); до подчинения турками Молдавии большеордынцам принадлежали также земли к западу от Днепра<sup>2</sup>.

Д. М. Исхакову принадлежит наиболее подробное на сегодняшний день описание территориального расположения «Престольной державы»: между Волгой и Днепром и от Северного Кавказа «до границ Русского государства» (вслед за М. Г. Сафаргалиевым)<sup>3</sup> и Казанского ханства с рубежом в районе рек Сура, Мокша, Цна, верховьев Дона; восточнее Днепра татары кочевали по рекам Самара, Овечья Вода, Кобылья Вода; на Северном Кавказе граница проходила «под черкасами» – в районе Пятигорья, по реке Куме; Большой Орде принадлежали земли по Дону (район Азова), Хопру и Медведице; восточная граница скорее всего располагалась восточнее Волги – может быть, по волж-

---

<sup>1</sup> Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 155.

<sup>2</sup> Сафаргалиев М. Г. Разгром Большой Орды. С. 82; *Он же*. Распад Золотой Орды. С. 514.

<sup>3</sup> Имеется указание на соприкосновение рубежей Московии и Большой Орды. В 1474 г. Н. Беклемишеву, снаряжавшемуся послом в Бахчисарай, было велено реагировать на возможное недовольство хана Менгли-Гирея русско-ордынскими дипломатическими контактами таким образом: «Осподаря моего (Ивана III. – В. Т.) отчина с ним (ханом Ахмедом. – В. Т.) на одном поле, а кочюет подле отчину осподаря моего ежелет; ино тому не мощно быть, чтобы межи их послом не ходити» (СИРИО. Т. 41. С. 4).

ской протоке Бузан, но не исключено, что до продвижения ногаев к Волге Большая Орда контролировала на востоке более обширные территории<sup>4</sup>.

У Мацея Меховского так описана территория Заволжской Орды: «Земля хана и поволжских татар ограничена с востока Каспийским или Гирканским морем, с севера – степями, тянущимися на большое расстояние вширь и вдаль; с запада – реками Танаисом (Доном. – В. Т.) и Волгой; с юга – частью морем Эвксинским, или Понтом, частью высочайшими горами Иберии и Албании»<sup>5</sup>. В своем «Трактате о двух Сарматиях» польский хронист отразил реалии поздней Большой Орды. Если опираться на наши основные источники по этой теме – московские и литовские, то создается впечатление, будто все события, связанные с Большой Ордой во второй половине XV в., происходили к западу от Волги. Но предположение Д. М. Исхакова о восточных владениях Орды представляется весьма резонным. Не случайно в польско-литовских текстах этот юрт имел стойкое обозначение «Заволжская Орда», и оно, конечно, возникло не без оснований. Еще один польский средневековый автор, Мацей Стрыйковский, пишет, что набег на Украину (датируемый в других источниках 1469 г. – см. ниже) совершили «Tatarowie Zawolscy, ktyrzy za Wolgą rzeką mieszali» – заволжские татары, которые жили за рекой Волгой<sup>6</sup>.

В самом деле, иногда встречаются указания на заволжские владения. В 1480 г. в наказе московскому послу в Бахчисарай предписывалось уговаривать Менгли-Гирея напасть на Большую Орду, если ее хан Ахмед находится «на сей стороне Волги, а покочует под Русь»; «а будет Ахмат царь за Волгою, ино о том не говорити» Менгли-Гирею<sup>7</sup>. В таком же наказе 1486 г. пересказывались речи крымского посла в Москве о том, что хан просит Ивана III послать свою рать на ордынцев в случае, если «будут на сей стороне Волги Муртоза и Седехмат цари»<sup>8</sup>. То есть была вероятность пребывания этих «царей» – ханов-соправителей, преемников Ахмеда, и на волжском левобережье. На такую же вероятность указывалось в инструкции следующему послу из Москвы (1487 г.): «А пойдут Муртоза и Седехмат цари за Волгу, а на великого князя не пойдут...» и т.д.<sup>9</sup>

В 1509 г. Менгли-Гирей сообщал панам рады Великого княжества Литовского, что «зъдавна Тимир Кутлу ц(а)ревых детей житлу за Вол-

<sup>4</sup> Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 42, 43.

<sup>5</sup> Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 61.

<sup>6</sup> Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytiej Rusi Macieja Stryjковского. Warszawa, 1846. S. 271.

<sup>7</sup> СИРИО. Т. 41. С. 19, 20.

<sup>8</sup> Там же. С. 46.

<sup>9</sup> Там же. С. 66.

гою подле Яика»<sup>10</sup>. Через три года он же писал королю Сигизмунду I, опровергая претензии свергнутых «Ахматовичей» на причерноморские степи: «Шигахматовы отцы и дети за Волгою кочовывали, а в сих сторонах николи не бывали»<sup>11</sup> – и это при том, что практически вся известная нам история Большой Орды разворачивалась как раз «в сих сторонах» от Волги.

О расположении ханской ставки на востоке ясно свидетельствует указание на место написания цитированного выше послания Махмуда турецкому султану 1466 г.: «Великая Орда была на берегу Азуглы Узен», что объясняется исследователями как реки Большой и Малый Узень в северной части Волго-Уральского междуречья, на территории современных Саратовской области РФ и Уральской области Казахстана<sup>12</sup>. И.В.Зайцев соотнес эту Великую Орду ~ *Ordu-yü mu'azzam* с городом *Suburzam*, изображенным в районе нижнего Яика на карте Фра Мауро 1459 г.<sup>13</sup>

Представляется, что какая-то часть истории или предыстории Большой Орды в самом деле пришлась на Заволжье. В сочинении бухарского хрониста XVII в. Махмуда б. Вали рассказывается, что после смерти могущественного узбекского государя Абу-л-Хайра<sup>14</sup> трое сыновей хана (Кучук-)Мухаммеда – Ахмед, Махмуд и Мангышлак поделили между собой власть и территорию Джучиева улуса: Махмуд стал верховным правителем, Ахмеду достались Хорезм и «некоторые из областей» Дешт-и Кипчака; Мангышлак стал управлять Орду-Базаром, Хаджи-Тарханом и «всем побережьем Итиля» (Волги)<sup>15</sup>. Ниже мы еще вернемся к этому этапу «постордынского» передела владений. А пока укажем, что отмечаемое по источникам постоянное пребывание правителей и населения Большой Орды к западу от Волги не случайно. На правый волжский берег основная масса большеордынцев вынуждена была переместиться из-за конфликта с усилившимися племенами Мангытского юрта, располагавшегося в Яицко-Эмбинском междуречье, – будущими ногами.

<sup>10</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8 (1499–1514) / Parengė E. Baliulis, A. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995. S. 60. «Темир-Кутлуевы царевы дети» – правители Большой Орды и позднее Астраханского ханства, потомки золотоордынского хана Тимур-Кутлуга (1391–1399).

<sup>11</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 188.

<sup>12</sup> Kurat A. N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940. S. 170; Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов. С. 242.

<sup>13</sup> Зайцев И. В. Астраханское ханство. С. 84.

<sup>14</sup> В 1468 или 1469 г.

<sup>15</sup> Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрап. СПб., 2006. С. 85.



В одной из своих прежних работ мы разбирали ход этих событий. «Казанский летописец» описывает вытеснение мангытами ордынцев из Волго-Яицкого междуречья: на Орду с запада приходили крымцы, с севера московитяне, «а з другую сторону, создаи, мангаты силныя стужаху, их же беша улусы качевныя на великой реке на Яике»<sup>16</sup>. Разрыв мангытов с Сараем пришелся на время княжения в Москве Василия II (1425–1462) и ханствования в Золотой Орде «Улуахмета» – Улуг-Мухаммеда (1425–1438), которому они «покорятся... не восхотеша». Наложение дат правлений двух государей дает период конца 1420-х – конца 1430-х гг. Видимо, тогда и начался многолетний конфликт<sup>17</sup>.

Однако, как мы увидим в дальнейшем, легитимность правления «Темир-Кутлуевых детей» на вынужденно оставленных ими территориях не оспаривалась и захватчиками-ногаями, что проявилось в их приглашениях большеордынского хана Шейх-Ахмеда, жившего в Литве, «на его царство Заволжское»<sup>18</sup> – в степи за Волгой.

Не исключено, что некоторые улусы Большой Орды подолжали кочевать на «законных» восточных землях юрта. Вот как пишет об этом А. Контарини (1476): «Татары этой Орды располагаются на пространствах между двумя реками – Доном и Волгой. Но, как рассказывают, есть еще другие татары, они живут по ту сторону Волги и кочуют в сторону северо-востока и востока. Их очень много... и называются дикими татарами»<sup>19</sup>. С одной стороны, отмеченная венецианским дипломатом многочисленность «диких татар» позволяет идентифицировать их как ногаев; но с другой сведения о заволжских кочевниках, кажется, продолжают его рассказ о татарах Большой Орды.

Точками притяжения кочевых улусов служили города в этой местности, прежде всего реликты великой городской цивилизации Золотой Орды – Сарай, Хаджи-Тархан и Тана. В источниках отмечена концен-

<sup>16</sup> ПСРЛ. Т. 19. С. 14.

<sup>17</sup> Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 99, 126, 127. Ранее я принял этих двух ханов за сыновей Кучук-Мухаммеда, которые вместе царствовали в Поволжье в середине XV в. Однако в начале 1430-х гг. Кучук-Мухаммед не мог иметь взрослых сыновей, ему тогда едва ли исполнилось 14–15 лет (в 1438 г. Барбаро определил его возраст в 22 года (Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер., комм. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 142)). Некоторые исследователи справедливо сомневались в идентичности противников Абу-л-Хайра с сыновьями Кучук-Мухаммеда и предполагали, что это отпрыски Хаджи-Мухаммеда, занявшего ханский престол в Сибири около 1421 г. (Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 459; Ускенбай К. З. Арало-Каспий в первой трети XV века: упадок Ак-Орды и начало возвышения мангытов // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006. Ч. 2. С. 23).

<sup>18</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 915 (916).

<sup>19</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 123.

трация номадов поблизости от них: «сказывают, что Орда под Астороханью на Мочаге»; «татары Болшие Орды... ту близ кочевали за один день» от Сарая»<sup>20</sup>.

Основная масса ордынцев пасла стада и сеяла хлеб на степных просторах Предкавказья, Приазовья и Северного Причерноморья. Тот же Контарини ниже определенно пишет, что главный хан «справит в настоящее время татарами, которые живут в степях Черкесии и около Таны. Летом... они уходят к пределам России в поисках прохлады и травы»<sup>21</sup>. Для последних двух десятилетий XV в. в разных источниках отмечены передвижения Орды «межи Дону и Крыма», «межи Дону и Днепра»<sup>22</sup>, «на сей (здесь – восточной. – В. Т.) стороне Днепра», «на Орел и на Самару и на Овечью Воду», «к Орелю а к Самару»<sup>23</sup>. В начале 1481 г. ногаи и сибирцы разгромили «Ахматову Орду» «меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова»<sup>24</sup>.

Политическая ситуация к концу XV в. складывалась таким образом, что стремительно слабеющая Орда старалась держаться подальше от наиболее опасных противников – ногаев, черкесов<sup>25</sup> и крымцев. Недаром в польских документах начала следующего столетия появляются синонимы «заволжских татар» – *Tatarzy Zadońsky* и *Transtanaitani*<sup>26</sup>. Местность между Доном и Волгой (включая предкавказские степи) до поры до времени играла роль относительно безопасного убежища. Но в 1497 г. хан Шейх-Ахмед объявил о намерении «через Дон всею Ордою своею перенести», чтобы быть ближе к союзным литовцам<sup>27</sup>. Следовательно, «вся Орда» базировалась тогда на восточной стороне Дона, воспринимая его как некий пограничный рубеж.

Однако на территории между Доном и Днепром Орда оказывалась в опасной близости от еще одного своего злейшего врага – Крыма (в 1500 г. османский наместник Кафы отказал большеордынцам в разрешении переселиться за Днепр, т.к. там – «земли и воды волного че-

<sup>20</sup> СИРИО. Т. 41. С. 180; ПСРЛ. Т. 28. С. 128.

<sup>21</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 220.

<sup>22</sup> Занятие большеордынцами пространства между Доном и Днепром произошло после распада Орды хана Саид-Ахмеда в 1450-х гг. (см. ниже).

<sup>23</sup> СИРИО. Т. 41. С. 67, 88, 113, 140, 301; *Lietuvos Metrika*. Кнуга Nr 4. P. 90. Цитируется по публикации 4-й книги записей Литовской метрики 2004 г. В тексте документа, изданном П. А. Мухановым, последняя цитируемая фраза неправильно прочитана: «ко реке ко Самару» (Сборник Муханова. М., 1856. С. 24).

<sup>24</sup> Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 до 7106 года. М., 1819. С. 188; ПСРЛ. Т. 37. С. 95.

<sup>25</sup> Черкесами в нашей работе мы будем называть восточных адыгов (предков кабардинцев).

<sup>26</sup> *Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516* (Kodeks Zagrzebski). Opracował J.Garbacik. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966. См. Index.

<sup>27</sup> *Lietuvos Metrika*. Кнуга Nr 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2007. P. 84.

ловека царя Менли-Гирея»<sup>28</sup>). Окруженная со всех сторон непримиримыми противниками и малонадежными союзниками, «Престольная держава» в конце концов превратилась в группу улусов, кочующих по довольно небольшому пространству на берегах Дона.

---

<sup>28</sup> СИРИО. Т. 41. С. 321.

## НАСЕЛЕНИЕ

Пытаясь определить численность населения Большой Орды, историки сталкиваются с обычными трудностями, возникающими при изучении демографии средневековых кочевников. В источниках или приводятся несообразно завышенные цифры, или указывается только количество воинов-ополченцев. В последнем случае исследователи обычно вычисляют общее количество жителей кочевого владения, устанавливая приблизительное соотношение числа военного контингента и мирного населения как 1 : 4. Принято считать, что кочевое общество выставляет в ополчение на время войны примерно четверть народа; половина народа приходится на женщин, пятая часть на мальчиков до 15–16 лет и дряхлых стариков, 5% на лиц, остающихся для поддержания скотоводческого хозяйства.

Выше приводилось высказывание С. Герберштейна о Заволжской Орде как самом многолюдном из татарских государств. Оно было записано австрийским дипломатом более чем через два десятилетия после исчезновения этой Орды, т.е. на основе устаревших источников информации или каких-то застарелых стереотипов. Когда-то домениальная часть Джучиева Улуса, видимо, действительно считалась многолюдной. Контарини пишет об этом ханстве в 1476 г., ссылаясь именно на молву: «Все утверждают, что там огромное количество народа, но бесполезного для этой (военной. – В. Т.) цели из-за большого количества женщин и детей»<sup>1</sup>.

Европейские купцы, побывавшие в Западном Дешт-и Кипчаке второй половины XV в., могли оценить степень заселенности региона. В 1459 г. Фра Мауро поместил на своей карте легенду относительно «Кумании»: «...сейчас эти земли пустынно и не представляют большого интереса. Населения здесь не больше, чем в Венгрии»<sup>2</sup>. Если

---

<sup>1</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 223.

<sup>2</sup> Цит. по: Пачкалов А. В. Города Нижнего Поволжья в XV веке // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008. Вып. 1. С. 67.

учесть, что в конце XV в. в Венгерском королевстве проживало 3,5–4 млн чел.<sup>3</sup>, то для кочевых степей такое сравнение не кажется уничижительным, вопреки тону Фра Мауро. Счет народа на миллионы у номадов велся только во времена наивысшего процветания их держав.

Обратимся к конкретным цифрам, которые встречаются в источниках. В 1438 г. венецианский посланник Иосафат Барбаро наблюдал со стен Таны (Азака–Азова) захватывающую и устрашающую картину переселения с востока подданных Кучук-Мухаммеда. Татары со своими семьями, их караваны вьючных верблюдов, отары и табуны сходились в низовья Дона в течение шести дней и в итоге заняли равнину, равную в поперечнике 120 милям. Пересчитать кочевников степняков было невозможно, но «я уверен и твердо держусь этого, – пишет Барбаро, – что их было триста тысяч душ во всей орде, когда они собраны воедино»<sup>4</sup>. К. В. Базилевич справедливо усомнился в точности приведенной итальянцем цифры 300 тыс. чел.; М. Г. Сафаргалиев допустил, что если у Кучук-Мухаммеда в самом деле было под началом столько народа, то вскоре большая часть его ушла вместе со свергнутым Улуг-Мухаммедом в Среднее Поволжье, часть – с Махмудом б. Кучук-Мухаммедом в Хаджи-Тархан<sup>5</sup>. В самом деле, ведь Барбаро описывает краткое стечение обстоятельств, когда соединились подданные Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда.

Сведения о войске одного из преемников Кучук-Мухаммеда – его сына Ахмеда встречаются в рассказах восточных хронистов о его участии в разгроме ханства кочевых узбеков после смерти Абу-л-Хайрхана. Во время этой войны рубежа 1460–1470-х гг. внук Абу-л-Хайра Мухаммед Шейбани вознамерился напасть на армию Ахмеда, которая состояла, по одним данным, из 100 тыс., по другим – из 150 тыс. всадников; причем Молла Шади в своей хронике «Фатх-наме» ссылается на некое «исчисление сего войска»<sup>6</sup>.

Примерно в то же время, в 1472 г., сам Ахмед через своего посла в Венеции, которая пыталась втянуть его в войну с турками, заявлял о находящемся под его началом 200-тысячном воинстве<sup>7</sup>. Ю. Г. Алексею показалось, что «эта цифра не может считаться вполне точной: желая получить венецианские субсидии, Ахмат имел основание преувеличить свои силы». Однако расчетливые венецианцы едва ли при-

<sup>3</sup> История Венгрии: В 3 т. М., 1971. Т. 1. С. 204.

<sup>4</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 146.

<sup>5</sup> Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 515; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 51.

<sup>6</sup> Шейбаниада. С. LVI; Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969. С. 20, 65, 101, 363.

<sup>7</sup> Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). М., 2004. С. 89.

няли бы за чистую монету откровенную дезинформацию. Поэтому при определении численности татарской рати, приведенной Ахмедом на Русь в 1472 г., Ю. Г. Алексеев решил ограничиться 150 тыс., что «не будет большим преувеличением»<sup>8</sup>.

Если принять на веру сведения восточных источников (о 100–150-тысячной рати), то получится, что в Большой Орде в начале 1470-х гг., т.е. в период ее могущества, проживало около 400–600 тыс. чел. В целом мы не находим такое количество невероятным. Ведь правое крыло Улуса Джучи на протяжении предыдущих полутора столетий представляло собой многолюдное и богатое ханство. От междоусобных конфликтов и внешних нашествий (Тимур) страдали в первую очередь города, а кочевники, как мы полагаем, не несли в них фатального численного урона.

Даже на закате истории Большой Орды в хрониках и дипломатической переписке встречаются упоминания о значительном количестве татар. Несмотря на голод среди них и при полном обнищании, как докладывал в Москву из Крыма посол Ивана III в 1498 г., «сказывают, татар болшой Орды добре много»<sup>9</sup>. По Мацею Меховскому, в начале зимы 1500 г. войско хана Шейх-Ахмеда насчитывало 60 тыс. чел., а женщин и детей было в Орде 100 тыс.<sup>10</sup> Через год Шейх-Ахмед привел своих подданных в Северскую землю, на литовско-московское пограничье, «и стал под Новгородом Северским и под другими городами, землю же всю, почти до самого Брянска, заполнил своим бесчисленным воинством»<sup>11</sup>. Мацей Стрыйковский дополняет, что в то время Шейх-Ахмед, планируя напасть на московские владения, призвал на помощь литовцев, которым сообщил о 100 тыс. конников под его началом<sup>12</sup>.

Но это был уже период коллапса и агонии Орды. Подданные уходили от своих неудачливых правителей в соседние юрты. Брат и соправитель Шейх-Ахмеда Саид-Махмуд увел своих людей к Хаджи-Тархану. В итоге накануне губительного нападения крымцев осталось «со царем с Ши-Ахметом и с салтаны и со князми всее конных и пеших тысячь с двадцать»<sup>13</sup>.

Любопытную демографическую реконструкцию предложил О. Гайворонский. В 1501 г. крымский хан Менгли-Гирей командовал армией в 25 тыс. чел.; в 1502 г. она уже насчитывала 100 тыс. За столь короткий срок население и ополчение Крыма не могли настолько увеличиться за счет естественного прироста. О. Гайворонский резонно видит причи-

<sup>8</sup> Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 73.

<sup>9</sup> СИРИО. Т. 41. С. 255.

<sup>10</sup> Матвей Меховский. рактат о двух Сарматиях. С. 65.

<sup>11</sup> Хроника Быховца / Рус. пер. И. И. Улащика. М., 1966. С. 115.

<sup>12</sup> Kronika polska, litewska, zródzka... S. 313.

<sup>13</sup> СИРИО. Т. 341. С. 367.

ну этого колоссального увеличения в переходе в крымское подданство жителей бывшей Большой Орды<sup>14</sup>. Следовательно, четырехкратное увеличение воинства Гиреев объясняется соответствующим пополнением их подданных после разгрома Большой Орды в 1502 г. Применяя указанную выше методику подсчета, получаем численность этих подданных, равную приблизительно 300 тыс. чел.<sup>15</sup>

Принято считать, что общим названием тюркоязычных жителей Золотой Орды был этноним «татары». В правом крыше государства в XIV в. существовала развитая городская цивилизация, действовали оживленные межрегиональные связи, функционировали мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Булгария, Крым, Молдавия). Поэтому там происходило постепенное отмирание патриархальных племенных норм жизни. Явно наблюдалась этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности. Однако сначала пандемия чумы в середине столетия, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс.

Эти пришлые носители архаичных социальных и культурных норм, ордынцы левого крыла свято соблюдали племенной строй в своей среде, и социальные порядки в степях к востоку от Яика были гораздо более консервативными. Хотя для жителей восточных районов Золотой Орды XIV–XV вв. историки иногда употребляют условное общее наименование «кочевые узбеки», единого этноса там так и не сложилось.

Тем не менее зачатки общей идентичности – и как раз не татарской, а «узбекской» – порой можно зафиксировать для «постордынской» эпохи. Последний хан Большой Орды Шейх-Ахмед, отмечая сходство племенного состава кочевников Дешт-и Кипчака и мигрантов из Улуса Джучи в Великом княжестве Литовском в начале XVI в., говорил о «нашем узбекском народе» (*бизниң өзбэг та'ифиси*)<sup>16</sup>. В тюркских и персидских сочинениях XVI в. Ногайская Орда именуется Узбекистаном, а ее жители – мангытскими узбеками (*узбакан-и мангити*)<sup>17</sup>. Кроме того, подданные Казахского ханства предстают в некоторых источниках как узбек-казаки и (еще в XVII в.) узбеки<sup>18</sup>. По сообщению этнографа XIX в. А. Хорошихина, в разговоре с казахом

<sup>14</sup> Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007. С. 98, 113.

<sup>15</sup> Из численности армии Менгли-Гирея в 1502 г. (100 тыс.) вычитаем численность ее в 1501 г. (25 тыс.) и оставшиеся 75 тыс. умножаем на 4.

<sup>16</sup> Утемиш-хаджи. Чингиз-наме С. 96, 124, рис. XII.

<sup>17</sup> DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Pennsylvania), 1994. P. 201, 347.

<sup>18</sup> Консультация Д. Девиза.

о его исторических корнях тот обычно говорил: «Предки мои, начало мое – узбеки»<sup>19</sup>.

Заметим, что этническая идентичность у жителей Дешта в те времена проявлялась прежде всего в осознании своей принадлежности к определенному племени (*эль*) и роду (*уруг*). Пребывание в составе более обширных общностей уже не предполагало рефлексии по поводу близости по родству и происхождению. Такими общностями были кочевой образ жизни, подданство одному монарху и – позднее – мусульманское единоверие.

Поэтому не стоит буквально трактовать слова Шейх-Ахмеда об узбекском народе как свидетельство сложившегося этноса. Слово *узбек* здесь могло иметь иное значение. В XVIII в. джунгарский хунтайджи заявил казахскому хану Абу-л-Хайру: «...перед оной вороной (российской императрицей. – В. Т.) мы не станем на колени, ибо де они (русские. – В. Т.) тележные, а мы узбеки (т.е. кочевники. – В. Т.)»<sup>20</sup>.

Определить племенной состав Большой Орды можно только приблизительно, опираясь на отрывочные сведения источников. Ю. Шамильоглу считает, что основу населения ханства составляла конфедерация четырех племен: кияты, мангыты, салджиуты, кунграты<sup>21</sup>. Кроме того, имеется информация и о некоторых других элях.

*Мангыт.* Мангыты занимали первое место по влиянию и, может быть, по численности. В книге об истории Ногайской Орды мы подробно осветили историю этого эля в Большой Орде<sup>22</sup>, поэтому здесь не будем подробно останавливаться на ней. Укажем лишь, что ведущая роль мангытских беков была освящена традицией беклербекства их родоначальника Эдиге. Эта традиция по-разному трансформировалась в Казанском, Астраханском, Крымском юртах и в Большой Орде. В этих ханствах (возможно, за исключением Казани) присутствовали аристократические мангытские роды, которые в разной степени влияли на политику местных Чингисидов и на управление их владениями. Кажется, наибольшим влиянием соплеменники Эдиге пользовались именно в Тахт эли. Мангыты жили там со времен Эдиге и пытались обосноваться

<sup>19</sup> Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 251, 252.

<sup>20</sup> Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. документов и материалов / Под ред. М. О. Джангалина, Ф. Н. Киреева, В. Ф. Шахматова. Алма-Ата, 1961. С. 306.

<sup>21</sup> *Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia University, 1986. P. 196, 203; История татар с древнейших времен: В 7 т. Казань, 2009. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. С. 690.*

<sup>22</sup> *Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 119–126.*



по возможности в ставке каждого хана, которому доставался трон. Ниже мы еще вернемся к мангытским бекам в Большой Орде.

*Кият.* Этот эль с начала XIV в. играл исключительную роль в истории Золотой Орды. Киятские беки принимали активное участие в политических событиях, связанных с воцарениями и свержениями ханов (особенно во время смуты-«замятни» 1360–1370-х гг.), участвовали в управлении государством, занимали высочайшие административные посты<sup>23</sup>. Самым известным из них является знаменитый Мамай. В Большой Орде кияты тоже присутствовали, но уже далеко не на первых ролях. Хотя хан Шейх-Ахмед и отзывался о них в превосходных выражениях: «...у мене нетути болшыхъ и лепшыхъ» слуг, чем кияты<sup>24</sup>. В 1515 г. на Северском Донце русскому посольству встретился некий Карачура, который «родом сказывается (уже несуществующей. – В. Т.) Болшие Орды Кият»<sup>25</sup>.

*Кипчак.* В упомянутой выше стычке Мухаммеда Шейбани с ратью хана Ахмеда со стороны последнего сражался тысячник Конуш-кипчак<sup>26</sup>. Возможно, что и возглавляемый им тысячный отряд состоял из его единоплеменников.

*Китай.* В разное время Шейх-Ахмед отправлял с посольскими поручениями «Китай Баибосова сына Махаметь мурзу» и «Булгаирь-китаа»; упоминается перебежчик в Крым «Кирей Менглишиков сын китай», при котором был какой-то «Китай Киреев человек»<sup>27</sup>.

*Алчин.* Приближенным Шейх-Ахмета был «Тахтамыш Алчин»<sup>28</sup>.

*Минг, сарай-минг.* Возможно, племенное название минг зафиксировано в имени посла большеордынского посла в Литву «Минъ Булата богатыра»<sup>29</sup>. В перечне людей, которых «переимали в Орде» в 1487 г., значится «Иким Субуев... Сарайские тысени роду»<sup>30</sup>. Полагаю, что «сарайская тысяча» – это искаженно переданное *сарай-минг*. Такое подразделение мингов существовало в Ногайской Орде и включало компоненты самостоятельных элей сарай и минг<sup>31</sup>.

<sup>23</sup> Трепавлов В. В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 319–359.

<sup>24</sup> Lietuvos Metrika. Кнуга Nr 5. P. 180.

<sup>25</sup> СИРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 144.

<sup>26</sup> Материалы по истории казахских ханств. С. 20, 101; Шейбаниада. С. LVII.

<sup>27</sup> СИРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 432; Т. 41. С. 70, 323; Lietuvos Metrika. Кнуга Nr 5. S. 181.

<sup>28</sup> СИРИО. Т. 35. С. 432.

<sup>29</sup> Lietuvos Metrika. Кнуга Nr 5. P. 181.

<sup>30</sup> СИРИО. Т. 41. С. 70.

<sup>31</sup> Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 502. Считаю сарай минг подразделением именно мингов, а не сараев, по аналогии с ногаями, среди которых насчитывалось около двух десятков родов со сходными названиями: алан-минг, алчин-минг, буйрабас-минг, канглы-минг, ябы-минг и т.п. Эля сарай в Ногай-

*Найман. Уйшун.* Присутствие данных элей в Большой Орде выясняется из местнического спора, который был затеян маршалком и писарем Ибрагимом Темирчичем в Великом княжестве Литовском. В 1517 г. Ибрагим бил челом королю польскому и великому князю Литовскому Сигизмунду I о признании знатности его рода, ссылаясь на положение своих родичей в Крыму, а также при дворе большеордынского хана Шейх-Ахмеда, находившегося тогда в литовском плену; кроме того, род Ибрагима – «Тюменскимъ Уишенскимъ князем братья (в тексте: братья. – В. Т.) суть». Ибрагим представил какие-то подтверждающие документы, на основании которых Сигизмунд повелел Ибрагиму с его детьми и братьями «в той почетности быти, какъ есть выписано в тых листех братья нашое, Менли Кгирея ц(а)ря перекопского и Шиг-Ахмата ц(а)ря заволского»<sup>32</sup>. Таким образом, выясняется, что Ибрагим происходил из татарского эля уйшун.

В 1522 г. Ибрагиму был выдан специальный королевский указ-привилей. Там содержалась ссылка на ярлык Шейх-Ахмеда, в котором подтверждалось, во-первых, право Ибрагима быть на «местьце предков их кн(я)зей Юшинских», во-вторых, «тое местьцо маеть имь быти вышей Наимановь кн(я)зей Петровичовь а Алчыновь». Король пожаловал Ибрагиму с семьей право «тое местьцо предковь своих вышей Наимановь а Алчыновь мети, на том местьцы во чьти и въ ровности седети по тому, какъ и предкове их кн(я)зи Юшенскийи сеживали (в старину в Большой Орде. – В. Т.)»<sup>33</sup>.

Князья Петровичевы (найманского происхождения) возмутились и написали королю, что Ибрагим и хан Шейх-Ахмед ввели его в заблуждение: никогда уйшуны не сидели выше найманов. С этим делом пришлось разбираться панам рады Великого княжества Литовского на Берестейском сейме. Шейх-Ахмед признался, что неоправданно завысил ранг родни Ибрагима (о причинах, побудивших хана солгать королю, источники умалчивают). В 1525 г. Сигизмунд объявил, что «мы то вчинили в неведомости того», и привилей был отменен<sup>34</sup>.

В общем-то вся эта история разворачивалась в польско-литовских владениях, и татарская знать определяла свои позиции в местнической иерархии, исходя из реалий своей новой родины, а не татарских юртов.

---

ской Орде, кажется, не было, но он числится в списках 92 кочевых «узбекских» племен Дешт-и Кипчака, составленных среднеазиатскими хронистами в XVII–XVIII вв. (*Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. С. 26, 40).

<sup>32</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 9 (1511–1518). Parengė K. Pietkiewicz. Vilnius, 2003. P. 369.

<sup>33</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 12 (1522–1529) / Parengė D. Antanavičius, E. Baliulis. Vilnius, 2001. P. 169.

<sup>34</sup> Idem. P. 383.

В частности, дискуссия о старшинстве между уйшунами и найманами велась по поводу их положения по отношению не друг к другу, а к Ассанчуковичам~Санчуковичам – единственному роду Джучидов в Литве, самому знатному среди литовских татар. Предком их был некий Хасанчук, осевший в Литве в первой половине XV в. Только Ассанчуковичи носили титул «улан» (от *оглан* – «царевич»), в то время как предводители остальных татарских родов довольствовались званием князей (*resp.* беков)<sup>35</sup>.

Но вместе с тем мы наблюдаем отголоски иерархии племен в Золотой Орде, в том числе в наследовавшем ей Тахт эли (не случайно в начале спора Ибрагим ссылался на порядки в Крымском ханстве и Большой Орде). Известно, что фигурирующие в местническом скандале эли найманов и уйшунов считались племенами правого крыла Джучиева улуса (вместе с кунгратами и джалаирами)<sup>36</sup>. Однако об их взаимном ранжировании почти ничего не было известно. Следы этого явления обнаружили при неудачной попытке уйшуна Ибрагима занять неподобающе высокое место среди татарской знати Литвы.

Показательным признаком деградации государственности Золотой Орды и постепенного угасания государственного начала в Большой Орде было появление казачества. Во второй половине XV в. оно начинает фигурировать в источниках как заметный элемент социальной структуры и участник политических событий. Казаки того периода – это маргинальные группы степняков, которые, может быть, номинально и продолжали считаться ордынскими подданными, но вели себя все более независимо.

Сведения об их жизненном укладе свидетельствуют о кочевническом, т.е. татарском этнокультурном первоисточнике вольного казачества. В 1518 г. крымский бек Аппак сообщал великому князю Василию III об обращении к нему белгородских и азовских казаков. Они просили бека замолвить за них слово перед Василием Ивановичем, чтобы тот разрешил им «с своими женами *прикочевав* жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы им недруга короля воевати». Московский государь передал Аппаку свое согласие. Бек вызвал к себе в Крым мирзу азовских казаков Меретека и объявил ему, что «яз о вас у великого князя печалую, чтобы вам дал место *где летовати да где зимовати*» – и сообщил о возможности переселяться к Путивлю<sup>37</sup>. Следовательно,

<sup>35</sup> Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa; Poznań, 1984. S. 55, 75.

<sup>36</sup> Shajrat ul Atrak or Genealogical Tree of the Turks and Tatars / Transl. and abridged by C. Miles. L., 1838. P. 238.

<sup>37</sup> СИРИО. Т. 95. С. 613, 618. Здесь и далее в цитатах выделено мной.

азовские казаки на Нижнем Дону вели кочевой (не бродячий!) образ жизни и имели начальников в ранге мирз.

То есть в те времена казачьи общины представляли собой обычные для кочевой степи мигрирующие сообщества. Разве что наряду со скотоводством (см. данные о сезонных перекочевках) их основным занятием стала война, и принадлежали казаки, очевидно, к разным элям, проживая при этом смешанно, в общих поселениях. Название «азовские» говорит о том, что выходцы из ордынских улусов держались около турецкого Азака–Азова (с 1471 г. бывшая Тана находилась под властью османов). Некоторые из них обосновались в самом городе. Но не заметно, чтобы они как-то зависели от султанского наместника. В 1515 г. московский посол попробовал найти там для себя провожатых в Стамбул, на что получил ответ: «Которые казаки азовские были у нас, и те ныне казаки пошли добываться; а в Азове ныне нет никакова человека и проводит их ныне некому»<sup>38</sup>. – Оказалось, что все казачье население отправилось в набег за добычей. Думаю, что азовские казаки того времени – это в основной массе татары исчезнувшей Большой Орды, не пожелавшие подчиниться победителям-Гиреям.

К Азову стекались выходцы из Орды еще во время ее существования. Именно в разлагавшейся Орде формировался этот своеобразный социальный слой вольных степных удальцов, трудноуправляемых и малозависимых. Описания набегов на южное русское пограничье в конце XV в. не оставляют сомнений в этнической принадлежности казаков: «Приходили татарове, ординские казаки и азовские», «Приходиша татарове ордынские казаки и азовские»; «Приходиша татарове ординские, казаки, в головахъ приходиль Тимишомъ зовоуть, а с нимъ двѣсте и 20 казаковъ, въ Алексинъ» – и после боя с русскими «...иные ъдучи татарове в Ордоу ранены на поути изомроша» и т.п.<sup>39</sup> По-видимому, участники набегов действовали самостоятельно, без ведома властей Тахт эли и Азака. Однако побитые казаки возвращались в Орду, т.е. наверняка домой. Не случайно в текстах того времени выражения «казаки заволжские» и «татары заволжские» часто употребляются как синонимы; разбойничают на торговых путях (т.е. занимаются типично казачьим «ремеслом») азовские и ордынские татары<sup>40</sup>.

Но в полном смысле ордынцами их все же нельзя считать из-за их полунезависимого положения. Уже в то время они представляли собой внушительную силу, которую старались использовать в своих интересах окрестные правители. В 1496 г. хан Шейх-Ахмед писал великому князю Александру Казимировичу, что Менгли-Гирей, нахо-

<sup>38</sup> СМРИО. Т. 95. С. 142.

<sup>39</sup> ПСРЛ. Т. 6. С. 44; т. 12. С. 251; т. 24. С. 210; т. 26. С. 292.

<sup>40</sup> См., например: СИРИО. Т. 41. С. 321, 322, 324, 349.

дьясь во враждебных отношениях с Великим княжеством Литовским и Большой Ордой, «до азовьских казаковъ люди свои прысла», и казаки устроили в степи нападения на литовское и большеордынское посольства<sup>41</sup>.

Подобный набег 1469 г. во главе с сыном хана «Заволжской Орды» описан у Яна Длугоша: «...множество татар, собранных из *беглецов, грабителей и изгоев*, которых они на своем языке называют козаками... вторглись... на землю Польского королевства»<sup>42</sup>. Польский хронист ясно дает понять, что, во-первых, казаки – это, с его точки зрения, асоциальный сброд, люди вне устойчивой общественной иерархии, пусть даже ордынской; во-вторых, они участвуют в набеге как подданные Большой Орды, поскольку воюют под командованием царевича; в-третьих, само понятие «казак» было для Длугоша новым<sup>43</sup>, и он уверенно приписывает ему татарское происхождение (в чем совершенно прав).

Итак, ситуация 1460–1500-х гг., когда Золотая Орда окончательно развалилась, а вслед за ней неуклонно приближалась к коллапсу и Большая Орда, оказалась благоприятной для формирования в степях юга Восточной Европы вольных казачьих общин. В то время они состояли, вероятно, почти исключительно из татар, и прежде всего большеордынских («почти», т.к. нельзя исключить иноэтнические вкрапления – например, русских и черкесов). Как известно, впоследствии, в XVI в., в этот регион стали мигрировать выходцы из славянских стран. Поселяясь вместе с татарскими старожилами, они образовали общеизвестные объединения вольного казачества – будущие «войска» на Дону и в Запорожье.

<sup>41</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 119.

<sup>42</sup> Joannis Dlugosii annals seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus. 1462–1480. Cracoviae, 2005. S. 243–244 (frequens Tatarorum exercitus ex *fugitivis, predonibus et exulibus*, quos sua lingua Kozakos appellant... terras Regni Polonie... irrupit).

<sup>43</sup> Ян Длугош писал свою хронику в 1455–1480 гг.

## ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Административная структура Большой Орды была унаследована от управленческой системы единого Джучиева Улуса и во многом повторяла ее. Но исторические обстоятельства XV в. привели к упрощению, свертыванию некогда разветвленного государственного механизма. В свое время мы попытались проследить регресс государственности после распада Золотой Орды в восточных юртах – Узбекском ханстве Абу-л-Хайра и Ногайской Орде<sup>1</sup>. Сделанный тогда вывод о «постепенном угасании кипчакско-золотоордынской государственности» кажется возможным применить и к Большой Орде.

Так же, как и во владениях Абу-л-Хайра, внутренней жизнью Тахта эли ведала администрация ханской ставки, типичная для любой кочевой структуры; небольшая земледельческая периферия (у кочевых узбеков – побережье Сырдарьи, у большеордынских татар – Приднепровье и Пятигорье) была слишком мала и слаба, чтобы составить экономическую базу кочевой империи. К тому же эти районы стали местом частых конфликтов: – узбеков с Тимуридами, татар – с черкесами.

Главное же отличие двух ханств от Золотой Орды заключалось в отсутствии у их правителей эффективных средств принуждения по отношению к непокорным подданным. Недовольные их политикой беки могли безнаказанно увести свои улусы на другие земли или обособиться от хана, даже не трогаясь с места. Единственным способом для него привлечь к себе эли и их лидеров были частые и желательные победоносные войны с соседями. Такой военной активности не могли себе позволить – да и не нуждались в ней – золотоордынские падишахи, существовавшие в условиях государственной стабильности.

С почти полной утратой земледельческой подпитки экономики своего ханства, с утратой государственных властных рычагов, Кучук-Мухаммед и его преемники оказались во главе образования, которое едва

---

<sup>1</sup> *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 548–558.

ли можно считать полноценным государством. Тем не менее довольно сложная иерархия элей и их предводителей, надплеменное территориальное деление, пережитки золотоордынской городской цивилизации (ислам, старая урбанизированная культурная область на Нижней Волге) не позволяют также видеть в Большой Орде и такую относительно примитивную социальную структуру, как составное вождество. Вероятно, по аналогии с ханством кочевых узбеков ее можно определить как раннее зачаточное государство – как переходную стадию между составным вождеством и типичным ранним государством<sup>2</sup>.

Во главе этого государства стоял монарх, носивший титул хана. Матвей Меховский сообщает, что глава Большой Орды «называется Ир тли кси, что значит свободный человек. Называется он и Улухан (Vlucham), т.е. великий господин или великий император...»<sup>3</sup> Таким образом, он был «великим ханом» (*улу(г) хан*) и «свободным человеком»<sup>4</sup>.

На рубеже столетий в Орде появился заранее объявленный наследник престола – *калга*. Им стал младший брат хана Шейх-Ахмеда Хаджи-Ахмед (Хаджике, Коджак, Хозяк).

Следом за *калгой* в иерархии власти стоял *беклербек* (*улу(г) бек*). Как говорилось выше, эта должность в Большой Орде была монополизирована мангытами из семьи золотоордынского беклербека Эдиге. При Кучук-Мухаммеде в разное время ее занимали сыновья Эдиге Мансур, Науруз и Гази, при Ахмеде – Тимур б. Мансур, при преемниках Ахмеда – сын Тимура Таваккул, внуки Мансура Джанкувват и Хаджике б. Дин-Суфи. Хан, *калга* и беклербек составляли триаду верховных правителей юрта. Эта структура отражена в донесении посла И. Кубенского в Москву летом 1500 г.: «А на царстве... нынеча Ших-Ахмет, а *калга* Хозяк салтан, Ахматов же сын, а князь Тевекель Темирев сын»<sup>5</sup>.

Ранг беклербека московские современники передавали как «князь его (хана. – В. Т.) больший» и «царев рядец», а литовские – как «великий князь» и «*hetman jego* (хана. – В. Т.)»; дары из Вильны посылались к Тимуру как к «*hetmanowi carskiemu kniaziu*»<sup>6</sup>. В качестве главы кочевой нединастической аристократии и высшего военачальника, наместника западной части Орды и командующего правым крылом ее войска

<sup>2</sup> Используется типология ранних государств, разработанная Х. Классеном и П. Скальником.

<sup>3</sup> Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 64.

<sup>4</sup> У польского хрониста в виде «Ир тли кси», очевидно, зафиксировано искаженное тюркское словосочетание *эркли киши* (свободный, вольный человек). Сходное клишированное определение «вольный человек» или «вольный царь» московские и польско-литовские адресанты в XV–XVI вв. применяли по отношению к татарским государям.

<sup>5</sup> СИРИО. Т. 41. С. 323.

<sup>6</sup> ПСРЛ. Т. 24. С. 193; Т. 26. С. 256; *Kronika polska, litewska, zródzka...* S. 284.

беклербек номинально был равнозначен великим князьям Московскому и Литовскому. В действительности же последние являлись полноценными монархами и предпочитали ставить себя на одну ступень с ханами, а не с их главными беками. В 1500 г. Александр Ягеллон писал ногайским биям («князьям»): «Пережь сего прысылалъ к намъ *братъ нашъ* Шыг Ахмать а *братъ вашъ* велики княз Тювикел своих пословъ нашего здоровья видети»<sup>7</sup>, тем самым уравнивая себя с ханом, а своих ногайских адресатов с беклербеком Таваккулом.

А. В. Пачкалов, изучив монеты, чеканенные с именем хана Ахмеда, пришел к выводу, что эмиссия производилась в ставке Тимура б. Мансура «Тимур-бек-базаре», которая находилась или в его мангытском улусе в Поднепровье (что представляется более вероятным), или на Нижней Волге. Исследователь предположил, что вообще при всех ханах, начиная с Кучук-Мухаммеда, беклербеки взяли в свои руки монетное производство<sup>8</sup>. Если действительно дело обстоит так, то получается, что верховные беки пользовались одним из важнейших атрибутов суверенной монархической власти в мусульманском мире – *сикк* (право на чеканку монеты) и, следовательно, заполучили часть этой власти.

В XIV в. Золотой Орде некоторые из беклербеков усиливались настолько, что, как известно, даже распоряжались тронem. В Большой Орде XV в. они не имели такого гипертрофированного объема власти. Однако, в отличие от предыдущего столетия, беклербекский пост превратился в важнейший элемент государственного управления. Теперь его носитель не ограничивался делами войны и дипломатии, но участвовал и в управлении повседневной жизнью юрта. Очевидно, причина такого изменения заключается, во-первых, в постепенном отмирании чиновничьего аппарата и «перетекании» административных функций из захиревших канцелярий в кочевые походные ставки ханов и беков. Во-вторых, в связи с концентрацией населения и скота на пространстве между Волгой и Днепром, вся жизнь Большой Орды стала протекать на землях вторичного правого крыла<sup>9</sup>, которые традиционно находились в ведении золотоордынских беклербеков.

В литературе последних лет распространилось убеждение, что в «постордынских» юртах при правителе обязательно действовал со-

<sup>7</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 165.

<sup>8</sup> Пачкалов А. В. Мангытский бик Тимур в нумизматике Джучидов // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII чтения памяти В. Т. Пашуто. IV чтения памяти А. А. Зимина. Тез. докл. Ч. II. М., 2005. С. 239–241; *Он же*. О монетах «Бик Базара» и «Тимур Бик Базара» // Российская археология. М., 2007. № 2. С. 35, 36.

<sup>9</sup> Улус Джучи делился на правое (западное) и левое (восточное) крылья. Они представляли собой самостоятельные ханства, каждое из которых в свою очередь делилось на два крыла.



вет из четырех *карачи-беков* – предводителей ведущих кланов-элей. Опираясь на более поздние реалии Крыма, эту идею высказал Ю. Шамильоглу в отношении поздней Золотой Орды<sup>10</sup>. Задолго до него на институт «карачей» обратил внимание В. В. Вельяминов-Зернов. Но он, превосходно ориентируясь в источниках, лишь констатировал наличие карачи-беков в Казани, Сибири, Касимове и Ногайской Орде, настаивая на непрерывном функционировании там структуры из четырех князей-советников<sup>11</sup>.

Со времени написания великого труда Вельяминова-Зернова прошло полтора века, но за этот срок так и не было выявлено надежных свидетельств такого рода касательно поволжских и восточных юртов. В отношении же Большой Орды мы имеем прямое указание на наличие четырех карачи-беков. Это цитировавшееся выше послание хана Шейх-Ахмеда к живущим в Литве трем князьям Глинским, направленное летом 1502 г.: «Кият князья Мамаевы есте правыи дети<sup>12</sup>, там есте подле брата моего<sup>13</sup>, а тут есте подле мене, у моем царстве и справа и слева вланы князи, *чотыры корачи* болшы киятовъ князеи и братии ваше слугъ, а у мене нетути болшыхъ и лепших»<sup>14</sup>. Хан ясно пишет о четырех «корачах», которые «больше» киятов, хотя последние являются его «большими и лепшими» слугами<sup>15</sup>. Таким образом, этот эль утратил первенствующее положение, уступив свое место другому, о чем уже упоминалось.

Напомним, что Ю. Шамильоглу считал, что большинство населения Большой Орды составляли мангыты, кияты, салджиуты и кунграты. По Д. М. Исхакову, они были в ней «правлящими»<sup>16</sup>. Что касается двух последних из перечисленных элей, то упоминаний о них в отношении

<sup>10</sup> Шамильоглу Ю. «Карачи-беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации Монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 44–60.

<sup>11</sup> Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Т. 2. С. 411–437.

<sup>12</sup> Это убедительное свидетельство истинности происхождения Глинских от беклербека Мамаю опровергает сомнения тех историков, которые видят в их родословной искусственную генеалогическую легенду.

<sup>13</sup> Т.е. в Литве при великом князе Александре Казимировиче.

<sup>14</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 180. Мной немного изменена пунктуация данного фрагмента, т.к. мое понимание его, видимо, несколько отличается от версии публикатора. Удалены точка с запятой после слов «у моем царстве», точка после «и слева», запятые после «и справа» и «князи чотыры»; поставлена запятая после «вланы князи».

<sup>15</sup> Такая лесть в адрес киятов – соплеменников Глинских объясняется тем, что в цитируемом послании Шейх-Ахмед просит троих братьев выступить посредниками в его контактах с великим князем Александром.

<sup>16</sup> История татар с древнейших времен. С. 326.

Тахт эли мне в источниках не встречалось. Из местнического спора 1517–1525 гг., о котором мы рассказывали в главе об этническом составе Орды, можно догадываться, какие племена считались в ней «аристократическими». Тогда выяснилось, что привилегия «сидеть» сразу за династами-Джучидами принадлежала найманам и алчиным. За ними располагались уйшуны. Добавив сюда могущественных мангытов, мы получим четверку аристократических родов, из которых происходили «князи чотыры корачи» ханского письма.

Состав большеордынской правящей элиты чаще всего обозначается в источниках выражением «улары князи», т.е. огланы и беки. Огланы в то время – это представители дома Джучи, не принадлежащие к семье правящего хана (мужчины-члены этой семьи титуловались султанами). Триаду аристократических рангов запечатлело летописное известие о приходе татар на Угру в 1480 г.: «...царь Ахмать идетъ со всею Ордою и царевици, султаны и князми»<sup>17</sup>. Не на совещании хана с четырьмя «карачами», а на собрании огланов и беков решались важнейшие государственные вопросы. В дипломатической переписке имеются сведения о том, что то или иное решение хан принял после совета («рады») со своими знатными соотечественниками: «...мы вси вланы и кн(я)зи к собе собрали и межи собою радили», «...мы со князми, уланы порадивъ и к тому есмо делу прыступили», «...нашы уланы и кн(я)зи отцу нашему молвили...» и т.п.<sup>18</sup>

Из истории других юртов известно о существовании всесословного совещания-*курултая*, которое в русских текстах обозначалось как «вся земля Казанская», «вся земля Сибирская» и т.п. Ничего похожего в Большой Орде не заметно. Известно, что в период расцвета Золотой Орды курултай как действенный административный институт практически прекратил существование, уступив место самодержавной воле монарха и управленческому искусству чиновной бюрократии. В «постордынском» мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, происходила реанимация архаичных учреждений – таких, как курултай (преемник народных собраний) и совет из четырех карачи-беков (тоже ожившее наследие тюрко-монгольской старины).

Информация о чиновниках в Большой Орде мизерна. Ханом Шейх-Ахмедом был отправлен послом в Крым «Молзозода болшой молна базарской Ахматовых детей», который собственноручно писал грамоты от лица хана<sup>19</sup>. Этот «молна» (*маулана* – ученый богослов) был, очевидно, еще и начальником-смотрителем ордобазара. В списке литовских пожалований приближенным Шейх-Ахмеда предусмотрены вышлаты

<sup>17</sup> ПСРЛ. Т. 24. С. 199.

<sup>18</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 125, 138; Knyga Nr 6. P. 84, 88.

<sup>19</sup> СИРИО. Т. 41. С. 354.

«Объдуле, марьшалку ц(а)ря Шиг Ахматову»<sup>20</sup>. В «Описании татар заволжских, которые на поруку розданы», составленном в Великом княжестве Литовском в 1506 г., значатся маршалки, «царевы» *komorniki* и *kończki*<sup>21</sup>. Коморниками называли, в частности, придворных служителей. *Kończki* – скорее всего, тюркское *коллукчи–куллуки* – блюститель порядка, охранник.

Такой обязательный элемент ордынского чиновничьего аппарата, как *даруга* (наместник города или области – как правило, с оседлым населением), упомянут единственный раз. В 1470 г. хана Ахмеда во время переговоров с поляками настраивали против Ивана III «князь Темир, дорога Рязанской, и прочий»<sup>22</sup>. Видимо, этот чиновник отвечал за дела, связанные с Великим княжеством Рязанским – так же, как некогда при дворе Улуг-Мухаммеда состоял московский даруга<sup>23</sup>.

Ордобазар (базар) перемещался вместе с ханом по степи. Он мог быть поделен между соправителями, как это случилось в 1501 г., когда «Ши-Ахметь... с братом своим с Сеит Махмутом сослался и базар с ним поделил»<sup>24</sup>. Свержение хана противником нередко сопровождалось захватом ордобазара и перемещением его во владения победителя. Так произошло и в 1502 г. По словам Менгли-Гирея, он «базар и орду всю взял»<sup>25</sup>. Это событие крымский бек Девлет-Бахты в 1515 г. изобразил так: «...государь наш Ординской Базар взял»<sup>26</sup>. Укрывшийся в Литве Шейх-Ахмед был убежден, что его имущество и казна Большой Орды, захваченные крымцами, содержались в неприкосновенности в крепости Кырк-Ер, и он вынашивал планы отвоевать эти трофеи: «Базар мой в Перекопе (т.е. в Крыму. – В. Т.) в Киркели загнан в твердое место, абых его в целости достал, ино я не хочу того престати, абых свое отчизны базару не доставал под царем Перекопским»<sup>27</sup>.

При исследовании истории тюркских государств XV–XVI вв. А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже пришли к заключению, будто в политических образованиях, наследовавших Монгольской империи, –

<sup>20</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8. P. 430. Маршалок в Польско-Литовском государстве – придворный чин, исполнявший церемониймейстерские и судейские обязанности.

<sup>21</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6. P. 68; AGAD. F. Metrika Litewska. Sygn. 191d. L. 18.

<sup>22</sup> ПСРЛ. Т. 18. С. 224. Не думаю, чтобы звание рязанского даруги здесь приложимо к Тимуру. Слишком разные функции были у даруги и беклербек.

<sup>23</sup> См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 15.

<sup>24</sup> СИРИО. Т. 41. С. 358.

<sup>25</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8. P. 74.

<sup>26</sup> СИРИО. Т. 95. С. 174.

<sup>27</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 1017. В Кырк-Ере находился монетный двор и хранилась казна Гиреев: Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. М., 1940. Вып. 61. История. Т. 2. С. 5, 23.

от Крыма до Сибири и от Казани до Туркестана, имелись три объединительных элемента, которые «обеспечивали сплоченность населения степей»: монополия Чингисидов на ханскую власть, кочевые кланы и ислам<sup>28</sup>. Мы согласны с оценкой первых двух из этих пунктов, но не вполне разделяем подобную трактовку ислама. Мусульмане Золотой Орды (видимо, в особенности аристократия и кочевники) действительно были объединены как самим фактом принятия ислама, так и через особый институт *сеидов*, исследованный для той эпохи Д. М. Исхаковым. Далеко не случайно, что в ряде постзолотоордынских ханств сеиды – главы местного мусульманского духовенства – возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи<sup>29</sup>.

Однако если посмотреть на события в Золотой Орде во время и после ее распада, то о религиозном единстве говорить не приходится. Ислам никогда не играл заметной роли в политике, оставался на уровне официальных идеологем и не препятствовал междоусобным конфликтам. Связи же между сеидами в разных ханствах едва ли можно считать заметным цементирующим фактором в межгосударственных отношениях.

При этом заметная роль духовных лиц во внутренней жизни и внешней политике татарских юртов несомненна. Выше говорилось о маулане, возглавлявшем ордобазар. В источниках о Большой Орде фиксируются сеиды и хаджи как главы посольских миссий в соседние государства<sup>30</sup>. В числе «добрых людей»-ордынцев, оказавшихся в разное время в московском плену, как сказано в одном послании хана Шейх-Ахмеда, «и Сеит есть, и попы ордынъский»<sup>31</sup>.

Среди деятелей такого рода особенно выделялся сеид Хаджи-Ахмед. Он пользовался одинаковым почетом в Большой Орде и в Крыму, но постоянно жил, очевидно, в Тахт эли. После разгрома государства крымцами в 1502 г. Хаджи-Ахмед вместе с массой татар-беженцев оказался в литовских владениях. По словам Менгли-Гирея, «тот сеить наш озле мене и озле Шахмата у почетности был» – и следовала просьба отпустить его в Крымский юрт. Сын Менгли-Гирея характеризовал Хаджи-Ахмеда как «от дедов и отцов наших нашего пошлого богомольца». Гирей требовали отпустить сеида из Литвы не только из-за почтения к его авторитету и учености, но и по причине раздражавшего

<sup>28</sup> Беннигсен А., *Лемерсье-Келькеже Ш.* Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету. С. 79.

<sup>29</sup> Исхаков Д. М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Панорама-форум. Казань, 1995. № 3. С. 105–107; *Он же.* Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997; Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 205, 206.

<sup>30</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 138, 178, 179; Knyga Nr 6. P. 88.

<sup>31</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 181.

их покровительства, которое Хаджи-Ахмед оказывал ордынцам-эмигрантам, в том числе приближенным Шейх-Ахмеда<sup>32</sup>.

Зачаточное раннее государство Большая Орда не имело стройного административно-территориального деления, присущего своему великому предшественнику Улусу Джучи XIII–XIV вв. М. Г. Сафаргалиев попытался увидеть признаки такого деления в знаменитом «ярлыке» Ахмеда Ивану III, протограф которого датируется различными авторами в диапазоне 1472–1480 гг.<sup>33</sup> Этот документ содержит, в частности, следующую фразу: «От четырех конец земли, от двоянадесять поморий, от седмадесят орд, от Большая Орды»<sup>34</sup>. Эти 70 орд М. Г. Сафаргалиев принял за указание на 70 более мелких орд и улусов, на которые была раздроблена децентрализованная Большая Орда<sup>35</sup>. А. П. Григорьев возразил против столь буквального понимания данного фрагмента из цветистого (и неизвестно, сколь далеко отошедшего от тюркского оригинала) вступления к «ярлыку». Он посчитал это литературным приемом, когда количество орд оказалось искусственно подогнано под магическое число 7<sup>36</sup>. Думаю, что скепсис А. П. Григорьева оправдан. В известных мне документах нет ни единого намека на существование каких-либо структур, с которыми можно было связать 70 орд Ахмедова «ярлыка».

А вот типично кочевническая система двух крыльев, несомненно, присутствовала в этом ханстве. Более того, в условиях отмирания золотоордынской цивилизации, когда степной социум возвращался на предыдущую стадию развития, к своим «матричным» формам существования, двухкрыльное членение народа и, соответственно, кочевий было естественным для татар. Но в данном случае мы вновь испытываем недостаток информации об устройстве крыльевой системы, не имеем представления о географическом положении правого (традиционно западного) и левого (восточного) крыла. Можно лишь догадываться, что границей между ними изначально была Волга, но последующие миграции массы народа на ее правый берег изменили этот порядок.

Выше уже приводились слова Шейх-Ахмеда из его письма о киятах: «и справа и слева вланы князи», т.е. в Орде находились огланы и беки правого и левого крыла. Кроме того, известно, что делилось на два крыла большеордынское ополчение – и, следовательно, население. В 1484 г. хан Муртаза обещал королю Казимиру IV, что постарается не допустить убытка его владениям «от правое руки, або от левое, або ко-

<sup>32</sup> СИРИО. Т. 95. С. 511; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8. P. 73.

<sup>33</sup> Горский А. А. Москва и Орда. С. 175–177.

<sup>34</sup> Цит. по: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 147.

<sup>35</sup> Сафаргалиев М. К. Распад Золотой Орды. С. 517.

<sup>36</sup> Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата. С. 38.

торые подле мене стоять, от братьий мои[х], от детей моих...»<sup>37</sup>. «Правая рука» и «левая рука» (тюркские обозначения крыльев – *он кол* и *сол кол*), встречающиеся в разновременных ярлыках и других источниках, составляли непрменный атрибут независимого кочевого владения, каковым, несмотря на всю неразвитость своей государственности, являлась Большая Орда.

Кочевое население Орды объединялось в улусные общины. Мы не знаем наверняка, но можем догадываться, что в этих «низах» татарского общества шла своя жизнь, велась борьба за существование в условиях постоянных экономических неурядиц и вражеских нападений. Тахт эли вовсе не представлял собой монолитный социальный организм. Изредка средневековые тексты доносят отголоски разногласий между высшей элитой и массой рядового населения (впрочем, возглавляемого племенными беками и ведомого ими).

В 1492 г. московский посол донес из Крыма, что «Орда была... покочевала к Пятма Горам; ино улусы за Ордою не покочевали, а покочевали... к Волзе; ино... Орда за улусы ж пошла к Волзе... Они тово деля к Волзе пошли, чтобы им чем было прокормитца»<sup>38</sup>. Здесь проявились разногласия в определении маршрута перекочевков между правительственной инстанцией – Ордой и улусным простонародьем. Не желая оставаться в Пятигорье в опасном отрыве от подданных, ордобазар тоже двинулся вслед за ними к Волге. Через шесть лет сложилась похожая ситуация, когда улусы предпочли не приближаться к Кавказу, но на сей раз двинулись на Дон: «А слух... таков, что Ши-Ахмет сюды и не хотел, да улусы не захотели быти под Черкассы, и Ши-Ахмет с ними покочевал к Дону»<sup>39</sup>. В обоих случаях улусники сочли рискованным располагаться со своими стадами по соседству с агрессивными черкесами, и хан вынужден был следовать по маршруту, выбранному подданными.

По аналогии с другими кочевыми владениями мы можем предполагать, что в ханстве находились районы, укрепленные за определенными элями. Достоверно это известно лишь о мангытах. На территории Большой Орды располагался юрт мангытов. При хане Ахмеде, т.е. в 1460–1470-х гг., им управлял беклербек Тимур, там же находилась его постоянная ставка. На «князев Темирев улус» в 1485 г. напал Менгли-Гирей<sup>40</sup>. Мангыты кочевали на западе государства – в приднепровских степях<sup>41</sup>, составляя правое крыло государства – в полном соответствии с рангом беклербека. Тимур умер в середине 1480-х гг., и его долж-

<sup>37</sup> Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книга записей. СПб., 1910. Т. 1. Стб. 348–349.

<sup>38</sup> СИРИО. Т. 41. С. 167.

<sup>39</sup> Там же. С. 358.

<sup>40</sup> ПСРЛ. Т. 8. С. 216.

<sup>41</sup> СИРИО. Т. 41. С. 119.

ность и юрт были унаследованы младшими родственниками. Один из них, Хаджике (Азика), стал беклербеком при хане Шейх-Ахмеде; о событиях «в Орде во улусех в Мангытех в Азикине улусе» упоминал хан Менгли-Гирей в 1491 г.<sup>42</sup>

После уничтожения Большой Орды степное Нижнее Поднепровье служило кочевьем тем мангытам, которые предпочли перейти в крымское подданство, оставшись на старых местах. В составе ханского посольства 1516 г. в Москву был послан «от Мангытцкого юрта Шаг-Магмуд мурза»<sup>43</sup>. Еще в 1546 г. ногайские мирзы (родичи крымских мангытов) заявляли крымскому хану: «Буди тебе ведомо: Днепр деи наш коч, твои татаровы по Непру не кочевали»<sup>44</sup>. «Улус твои на Днепре», – говорил хан Мухаммед-Гирей I мангытскому мирзе Тенишу (племяннику Тимура)<sup>45</sup>.

При своем общем подданстве хану мангыты Большой Орды считались еще и народом своего бека. В 1564 г. русскому послу в Крыму Афанасию Нагому глава крымских мангытов Дивей заявил, что согласен для пользы московского царя воевать с поляками, но за это потребовал себе поминки такие же, что посылались «к деду моему к Темирю князю, как... *был дед мои на своем юрте в Нагаех*». Нагой отвечал, что «жалованье великое» в старину шло Тимуру, «потому что *был на своем юрте сам государь*, а ты ныне служишь... у крымского царя». Но Дивей все твердил: «Дед мои Темир князь был на своем юрте в Нагаех»<sup>46</sup>.

<sup>42</sup> Там же. С. 124.

<sup>43</sup> Там же. Т. 95. С. 339.

<sup>44</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 53.

<sup>45</sup> СИРИО. Т. 95. С. 253 (документ 1516 г.).

<sup>46</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 230, 230об. Под «Нагаями» здесь подразумевается Мангытский юрт в Большой Орде.

## ЭКОНОМИКА

В отличие от других неполитических сюжетов хозяйство Большой Орды получило освещение в историографии. И. В. Зайцев в своей книге об Астраханском ханстве посвятил ему специальный раздел<sup>1</sup>. Описание и анализ проблемы, приведенные исследователем, как и объем привлеченных им материалов, в принципе достаточны, чтобы просто отослать читателя к этой работе. Однако для цельности изложения мы все же дадим краткий очерк экономики Тахт эли, отметив при этом, что источниковая база и большинство выводов у нас с И. В. Зайцевым во многом сходны.

Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что «Большая Орда оказалась наследницей только кочевой части Золотой Орды», она представляла собой одно из «кочевых государств, в которых нашла свое развитие кочевая стихия хозяйства, составлявшая один из главных укладов Золотой Орды»<sup>2</sup>. Можно спорить насчет дефиниций и терминологии (экономика кочевников вовсе не была стихийной; кочевая экономика не «нашла свое развитие», а продолжила естественное существование в подобающей ей экологической среде и т.д.). Однако главная мысль известного археолога, специалиста по истории Улуса Джучи абсолютно справедлива. В Большой Орде кочевое скотоводство действительно было главным занятием большинства населения. В этом она имела сходство с Узбекским ханством и Ногайской Ордой.

Номадный уклад жизни большеордынских татар описал А. Контарини: они «кочуют в поисках свежей травы и воды и никогда не живут оседло. У них не бывает иной пищи, кроме молока и мяса»<sup>3</sup>. Как и в любом кочевом социуме, улусные общины перемещались по степи не хаотично и «стихийно», а в соответствии с налаженными маршрутами

---

<sup>1</sup> Зайцев И. В. Астраханское ханство. С. 203–210.

<sup>2</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 166, 167.

<sup>3</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 223.



между сезонными пастбищами. В нашем распоряжении есть некоторые данные о летовьях и зимовьях лишь на территории к западу от Волги. В 1500 г. Менгли-Гирей сообщал в Москву о ханах Большой Орды: «...недругом нашим Ахматовым детем летовати межы Доном и Днепром»<sup>4</sup>. Тремя годами ранее в наказе послу Ивана III запрещалось возвращаться из Крыма «ни с весны, ни в лете», т.к. была опасность встретить Орду «на сей стороне Дону»; надлежало дожидаться, когда она «пойдет... за Дон, да перелезши Дон учнет кочевати к Волзе»<sup>5</sup>. В январе 1481 г. ногаи и сибирцы разгромили улусы хана Ахмеда на территории «меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова»<sup>6</sup>.

Из этих сообщений можно заключить, что летние пастбища находились в районе Дона, зимние – в Волго-Донском междуречье и, таким образом, действовал широтный цикл кочевания. Однако для этой зоны Дешт-и Кипчака традиционно (еще с домонгольских времен) был характерен меридиональный цикл с летованием на севере и зимованием на юге. Это было связано с состоянием травостоя в разные сезоны, возможностью прокорма скота зимой и т.д. Возможно, волго-донской цикл кочевания также предусматривал передвижения народа и скота не строго с запада на восток и обратно, а на северо-запад, к московским и литовским границам (летом) и на юго-запад к волжским низовьям (зимой).

Состав стада был обычным для евразийских номадов. О нем известно из описания у И. Барбаро прихода подданных Кучук-Мухаммеда к Тане в 1438 г.: «Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота». Причем итальянец удостаивает татарских домашних животных лестными эпитетами – «прекрасные крупные быки», «высокие мохнатые двугорбые верблюды», «огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и такими хвостами, что некоторые весят до 12 фунтов каждый»<sup>7</sup>. Заметим при этом, что татарские кони не вызвали у Барбаро никаких особенных эмоций.

Как ни странно, земледелие в этом кочевом обществе отмечено многими источниками, несмотря на его второстепенную и вспомогательную роль в экономике. Самое подробное описание принадлежит тому же Иосафату Барбаро. Он пишет, что в дни февральского полнолуния «устраивается клич по всей орде» с призывом готовиться к севу во время мартовского новолуния, с объявлением точного срока и места работ. В назначенное время татары нагружают телеги семенами и с па-

<sup>4</sup> СИРИО. Т. 41. С. 301.

<sup>5</sup> Там же. С. 67.

<sup>6</sup> ПСРЛ. Т. 37. С. 95.

<sup>7</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 142–143, 149.

хотными животными, иногда целыми семьями, направляются в район будущей пашни, который располагается, как правило, в двух днях пути от кочевых стойбищ. Отсеявшись, возвращаются домой. За произрастанием урожая следит хан, который лично объезжает поля. Жатву производят те же люди, которые занимались севом. С ними в район полей отправляются желающие купить зерно. Барбаро указывает, что татары выращивают пшеницу (с урожаем сам-50) и просо (сам-100). «Иногда получают урожай столь обильный, что оставляют его в степи» (т.е. вообще не жнут?)<sup>8</sup>.

Автор не называет местности, в которых татары занимались земледелием. На этот счет имеются сведения в других источниках. Пашни Большой Орды находились на берегах левых днепровских притоков Орела (Орели) и Самары, а также на реке Куме – в степях, примыкавших к области Пятигорье<sup>9</sup>. Неурожаи или срыв пахоты из-за вражеских набегов ставили татар в очень тяжелое положение, вызывали социальную напряженность и конфликты по поводу путей миграций. И. В. Зайцев отмечает, что Орда обрела бы стабильную продовольственную базу, если бы вышла за пределы волго-донских степей – на Кубань и в крымские владения. В частности, в этом крылась причина частых конфликтов с Крымским ханством. Однако непримиримая позиция Гиреев к своим соперникам – ханам Тахт эли, опора крымцев на могучий османский тыл не позволили Большой Орде реализовать этот шанс<sup>10</sup>.

Хозяйственное значение земледелия возрастало по мере ухудшения положения со скотоводством, что обычно для кочевников. Из-за истощения и утраты стад (угона их врагами), прекращения доступа к освоенным пастбищамномадам приходилось сосредотачиваться на выращивании злаков как основном ресурсе пропитания. Если же в такой ситуации у улусов не было возможности осесть на землю, то им грозил голод. Поэтому как отчаянный крик о помощи выглядят просьбы хана Муртазы к литовским властям в конце XV в.: «...дайте мне где на окраине хлебокормлень». Набеги своих татар на пограничные поселения Великого княжества Литовского он объяснял отчаянным экономическим положением: «... голодные и худые коньные и пешые люди вашимъ людемъ украинъным шкод вделали, што которыи ездечы, жыта искали»<sup>11</sup>.

<sup>8</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 150.

<sup>9</sup> СИРИО. Т. 41. С. 113, 119, 149.

<sup>10</sup> Зайцев И. В. Разгром Большой Орды // Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. Тез. докл. VIII науч. конф. «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». М., 1999. С. 50; Он же. Астраханское ханство. С. 204, 205.

<sup>11</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 138, 179; Knyga Nr 6. P. 88.

Помимо скотоводства и земледелия, татары занимались изготовлением ремесленных изделий («В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла»<sup>12</sup>). Важным подспорьем в пропитании служила охота («Татары прекрасные охотники с соколами и у них много кречетов... ходят на оленей и другого крупного зверя»<sup>13</sup>).

Как любое кочевническое образование, Большая Орда нуждалась в товарообмене с оседлыми соседями. И, как большинство каганатов, ханств и орд, она выставляла на рынок продукцию скотоводческого хозяйства. Главным и самым ценным предметом торговли были татарские кони. Их многотысячные табуны гнали на продажу в Московскую Русь и Персию. Кроме коней, в Польшу и Трансильванию вывозили быков (оттуда они переправлялись в Италию и Германию), в Персию – верблюдов. Для ведения коммерческих операций за границей десятки купцов присоединялись к ханским посольствам<sup>14</sup>.

Значительную статью доходов составляла работорговля. Захваченных в набегах пленников продавали «за море» – туркам<sup>15</sup>, которым рабы были нужны в качестве гребцов для огромного гребного флота. Как отмечает Б. Н. Флоря, в условиях, когда восточноевропейские государства стремились ограничить ордынское вмешательство в свои дела, раздраженные татары стали нападать на соседей – прежде всего Московское государство и Великое княжество Литовское. В середине XV в. начались регулярные набеги большеордынцев с захватом полоня. «Именно в эти годы работорговля становилась одним из главных источников существования Орды»<sup>16</sup>.

До конца ханствования Ахмеда Московская Русь сохраняла даннические отношения с Ордой. Неясно, насколько заметным в экономике последней был приток средств в виде дани (выхода)<sup>17</sup>. Д. М. Исхаков полагает, что выход существенно пополнял ханскую казну<sup>18</sup>. Но если это и верно, то только до 1471 г., когда, судя по исследованиям А. А. Горского, Иван III прекратил выплаты<sup>19</sup>.

<sup>12</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 147.

<sup>13</sup> Там же. С. 148.

<sup>14</sup> Там же. С. 149; ПСРЛ. Т. 12. С. 156, 168.

<sup>15</sup> СИРИО. Т. 41. С. 225, 230.

<sup>16</sup> Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 191.

<sup>17</sup> В начале XV в. размер выхода с Великого княжения Владимирского составлял 5 тыс. рублей (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 49).

<sup>18</sup> Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 70.

<sup>19</sup> Горский А. А. Москва и Орда. С. 160–163.

Убеждение в полностью кочевой природе государственности и экономики Большой Орды порой приводит историков к полному отрицанию в ней городской жизни<sup>20</sup>. В качестве дополнительного аргумента приводят слова некоего татарина-собеседника И. Барбаро по поводу укреплений Таны: «Кто боится, тот и строит башни»<sup>21</sup>. В этой связи возникает вопрос о том, как соотносились с Большой Ордой Сарай и Хаджи-Тархан – бывшие золотоордынские мегаполисы на Нижней Волге? В XV в. они продолжали существовать и, очевидно, служили пунктами активной коммерции<sup>22</sup>. Во всяком случае вятчане, захватившие Сарай в 1471 г., «много тавара взяша и пленъ многъ поимаша»<sup>23</sup>, что говорит об оживленной торговле и многочисленном населении города.

В начале XVI в. анонимным автором был составлен перечень восточных стран под названием «Татарским землям имена». Во многом он повторял список стран, завоеванных во второй половине XIV в. Тамерланом, из русской «Повести о Темир-Аксаке». Но в некоторых деталях отразились и более поздние реалии. В частности, территория бывшего Джучиева улуса изображена в таком виде: «Орда Болшая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, Калмакы, Ногаи, Шибаны, Казань»<sup>24</sup>. Как видим, Большая Орда названа отдельно от упомянутых городов, которые, таким образом, не принадлежали ей – если следовать логике данного текста.

Двойственное впечатление по этому поводу оставляет летописное известие о разгроме Сарая в 1471 г. Спустившись по Волге на судах, вятчане «взяша Сарай... Слышавше же се татары Болшие Орды, понеже близъ ту кочевали за единъ день, и тако многое ихъ множество поидоша переимати ихъ (налетчиков. – В. Т.)...»<sup>25</sup>. Т.е. большеордынцы, с одной стороны, выступают здесь как внешняя сила по отношению к Сарая, хотя и живут поблизости; но с другой – они бросаются на выручку пострадавшему городу.

Государство без столицы трудно представить, и в историографии есть мнения о стольной функции Сарая, которые то ли исполнялись им до конца истории ханства<sup>26</sup>, то ли по мере ослабления Орды перетекли

<sup>20</sup> Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 517; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 166.

<sup>21</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 148.

<sup>22</sup> См. подробно: Зайцев И. В. Астраханское ханство. С. 210–226; Пачкалов А. В. Города Нижнего Поволжья в XV веке.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 12. С. 141.

<sup>24</sup> Казакова Н. А. «Татарским землям имена» // ТОДРЛ. Т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л., 1979. С. 253.

<sup>25</sup> ПСРЛ. Т. 12. С. 141; Т. 28. С. 128.

<sup>26</sup> Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I / Пер. Р. К. Адыгамова. Казань, 2005. С. 100.

к Хаджи-Тархану<sup>27</sup>. Однако известная нам история Большой Орды не позволяет однозначно видеть ни в одном из названных городов ее столицу или постоянную ханскую резиденцию (хотя для кочевого юрта это, наверное, одно и то же). Ханы предпочитали жить в своих кочевых ставках, и только там их застают источники. Полагаю, что Сарай и Хаджи-Тархан исходя из своего географического положения все-таки принадлежали Большой Орде, но не являлись ее стольными городами<sup>28</sup>. Ликвидация Большой Орды в 1502 г. произошла, когда крымцы захватили кочевую ставку и ордобазар хана Шейх-Ахмеда. Сарай же они не тронули, т.е. реальной значимости для государственного суверенитета он в то время уже не имел.

С начала 1480-х гг. экономическое положение Большой Орды неуклонно ухудшалось. Недород на полях, поражения от соседей, все более нарастающая агрессивность Крыма расшатывали кое-как сложившийся за предыдущие десятилетия баланс между скотоводческим и земледельческим укладами. Татары были вынуждены отправляться в грабительские набеги на окрестные владения или вообще оставлять родину и переселяться в другие государства. Экономический упадок Орды многократно описан в литературе, и мы не будем на нем останавливаться. Тем более что ниже нам придется вернуться к этой ситуации при рассмотрении последнего этапа истории Тахт эли.

---

<sup>27</sup> *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. С. 57, 58, 61; *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 22.

<sup>28</sup> Наверное, в таком же положении находился в Большой Орде город Тюмень в низовьях Терека. Но об этом городе, как и в целом о Тюменском юрте (улусе, «княжестве»), сохранилось очень мало информации.

## САИД-АХМЕД И ЕГО ОРДА

В середине XV в. на западе евразийских степей сформировалась раннегосударственное образование, которое на времена стало наиболее мощным среди «постордынских» юртов. Возглавлял его хан Саид-Ахмед. Близость его владений к московским и литовским землям отразилась на степени осведомленности о них дипломатов и хронистов; и в историографии его Орда удостоилась внимания. Саид-Ахмеда называют «фактическим хозяином “Поля” (Дешт-Кипчака)» в 1440–1450-х гг., отмечают, что его Орда в тот период была «наиболее крупным и сильным объединением среди наследников Золотой Орды, которое прежде всего осуществляло ордынскую политику по отношению к восточноевропейским соседям», «занимала главное место в отношениях восточноевропейских государств с кочевым миром»<sup>1</sup>.

Происхождение этого правителя не выяснено. Несомненно, он был потомком Тохтамышша. В османской хронике Саид-Мухаммеда Ризы сообщается об одновременном ханствовании «потомков Тохтамышевых Сейид-Ахмед-Кючука и Махмуд-хана»<sup>2</sup>. Разногласия начинаются по вопросу о том, кем он доводился Тохтамышу – сыном<sup>3</sup> или внуком<sup>4</sup>, а если внуком, то от кого из сыновей – Керим-Берди<sup>5</sup> или Джалал ад-Дина<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 146; *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 185, 191.

<sup>2</sup> *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. С. 381.

<sup>3</sup> *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 303; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 81.

<sup>4</sup> *Гайворонский О.* Повелители двух материков. С. 17.

<sup>5</sup> *Гаев А. Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002. С. 41; История татар с древнейших времен. С. 726; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 521.

<sup>6</sup> *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930. T. I. 1377–1499. S. 255.

Халим-Гирей в своем «Розовом кусте ханов» называет Саид-Ахмеда двоюродным дядей Хаджи-Гирея – первого крымского хана<sup>7</sup>, т.е. Тохтамышевым внуком. В послании к тевтонскому магистру литовского князя Свидригайло 1432 г. последний сообщает о своем союзнике, татарском царевиче по имени Sydachmatch Вехибowitz<sup>8</sup>. Следовательно, полагает Б. Н. Флоря, это отпрыск Betsub-ulan'a, упомянутого Яном Длугошем под 1418 г. в качестве одного из претендентов на ордынский трон, поддержанных великим князем Литовским Витовтом. Бетсуб же – это сын Тохтамыша<sup>9</sup>.

Исследование осложняется наличием одного или нескольких тезок интересующего нас деятеля. По некоторым сведениям можно судить, что за несколько десятилетий до появления ханства Саид-Ахмеда над какой-то частью разваливавшейся Золотой Орды воцарялся правитель с таким же именем. Анонимное сочинение «Шаджрат ал-атрак» XV в. в пронумерованном списке джучидских ханов помещает под номером 33 Саид-Ахмед-хана – между Джаббар-Берди (32) и Дервишем (34)<sup>10</sup>. Правления двух последних приходятся соответственно приблизительно на 1413–1416 и 1416–1419 гг.<sup>11</sup> Сборник генеалогий XV в. «Муизз ал-ансаб» называет Сайид-Ахмад-хана среди сыновей Тохтамыша<sup>12</sup>. Р. Ю. Рева и Н. М. Шарафеев обратили внимание на монеты, выпущенные в 1416/1417 г. в Хаджи-Тархане и Орду Муаззаме одним из ставленников Эдиге (не попавшим на страницы хроник), ханом Саид-Ахмедом – сыном Мамки б. Менгасира б. Абая б. Уз-Тимура б. Туга-Тимура б. Джучи<sup>13</sup>. Таким образом, если в первых полутора десятилетиях и существовал Саид-Ахмед б. Тохтамыш или другой хан с таким именем, то это едва ли было одно и то же лицо с литовской кратурой «Седехматом Бексубовичем», овладевшим западными степями в середине столетия.

О том, кто такой Бексуб, пока ничего определенного сказать нельзя. По М. Стрыйковскому, царевич Бетсбул (Бетсбулулан) был возве-

<sup>7</sup> Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, пер. переложения А. Ильми, сост. прил. и пояснения К. Усеинова. Симферополь, 2004. С. 12.

<sup>8</sup> Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 183.

<sup>9</sup> Там же. С. 194.

<sup>10</sup> Shajrat ul Atrak. P. 240.

<sup>11</sup> С. Лэн-Пуль датирует правление «Сеид-Ахмеда из дома Шибана» 822 г.х., т.е. 1419/1420 г. (*Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями*. М., 2004. С. 166).

<sup>12</sup> Муизз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии) / Пер. с перс., пред., прим., подгот. факсимиле к изд. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006. С. 45.

<sup>13</sup> Рева Р. Ю., Шарафеев Н. М. Неизвестный Сайид-Ахмад // 13-я Всероссийская нумизматическая конф. Тез. докл. и сообщ. М., 2005. С. 57–59.

ден на ханство Витовтом в 1412 или 1413 г.<sup>14</sup> Близкое по звучанию к Бетсуб~Бексуб имя эмитента Бек-Суфи предположительно читается на крымских монетах 1419–1421 гг.<sup>15</sup> В известных нам генеалогиях зафиксирован лишь Бек-Суфи, который доводился праправнуком Туга-Тимуру<sup>16</sup> и, стало быть, жил задолго до рассматриваемой эпохи.

Очевидно, Саид-Ахмед вырос и даже, может быть, родился в Литве. Жил вместе с другими татарскими царевичами при дворе Витовта, а после его смерти в 1430 г. принял сторону его кузена и неудачливого преемника Свидригайла Ольгердовича (великий князь в 1430–1432 гг.). Саид-Ахмед разделил со своим патроном изгнание и скитания по охваченным смутой обширным литовским владениям, и именно ему он обязан своим воцарением. В соответствии с заведенным Витовтом порядком Свидригайло решил посадить на ордынский трон зависимого хана<sup>17</sup>, тем более что хан Улуг-Мухаммед, ранее лояльный к нему, в 1433 г. переметнулся на сторону его соперников. В том же году Свидригайло предложил своему брату, королю Ягайле, перемирие и упомянул о помощи, которую ему готов оказать недавно посаженный им на отцовский трон Саид-Ахмед – сын татарского императора. О «возведенном нами на престол» Саид-Ахмеде литовский князь сообщил в 1434 г. и великому магистру Тевтонского ордена; в том же году в ставке Свидригайла в Вязьме принимали посла от того же неназванного татарского хана, «возведенного нами на престол»<sup>18</sup>.

Именно тогда, в 1434 г., отмечает Л. Коланковский, Москва узнала о Саид-Ахмеде как о государе, основавшем свое царство на западе, «над многочисленными степными ордами, между Днепром и Доном»<sup>19</sup>. Это лишь одно из встречающихся в литературе похода брошенных замечаний относительно пространственного расположения Орды Саид-Ах-

<sup>14</sup> Kronika polska, litewska, zródka... P. 156, 158, 175.

<sup>15</sup> Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. С. 36.

<sup>16</sup> Муизз ал-ансаб. С. 44; Таварих-и гузида-йи-нусрат-нама // История Казахстана в персидских источниках Алматы, 2006. Т. IV. С. 440.

<sup>17</sup> Как замечает С. В. Морозова, «во втором и третьем десятилетиях XV века влияние (великого Литовского. – В. Т.) князя... настолько усиливается, что поставление им своих кандидатов на ханский трон стало традицией» (Морозова С. В. Золотая Орда в московской политике Витовта // Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время. М., 1998. С. 94). Вполне возможно, что распространившаяся в Московском государстве XV–XVI вв. практика посажения покорных ханов в Казани и Астрахани появилась благодаря в том числе и литовскому примеру.

<sup>18</sup> Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. С. 302, 303; Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1835. С. 192; Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 183; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. S. 255, 256.

<sup>19</sup> Ibid. S. 256.



меда. Ее бурная история была насыщена конфликтами с соседями и в то же время фрагментарно отражена в источниках. Поэтому судить о географии Саид-Ахмедовых владений можно лишь приблизительно. Разные исследователи отводят им место не только между Днепром и Доном, подобно Л. Коланковскому<sup>20</sup>, но приписывают этому хану владычество над всем степным Причерноморьем<sup>21</sup>. Самую обширную территорию для этой Орды определил, пожалуй, Н. М. Карамзин: «... в степях между Бузулуком и Синим или Аральским морем, отчасти же между Черным и рекою Кубою»<sup>22</sup>. Некоторое время Саид-Ахмед управлял также Крымом (см. ниже).

Надо полагать, что в смутные времена распада Джучиева улуса кочевые владения не имели строго очерченных границ. Вероятно, ядром этой Орды был район, примерно очерчиваемый на востоке Доном, на западе Днепром, на юге Перекопским перешейком, на севере левыми притоками Дона и, может быть, Окой, за которой начинались московские земли.

Как соотносится Орда Саид-Ахмеда с Большой Ордой? Нужно учитывать, что обиходное значение последнего понятия – это местонахождение главного хана. Если в какой-то период таковым считался Саид-Ахмед, то и Орда его становилась «Большой»; если же находился более могущественный и влиятельный правитель, то данный эпитет применялся уже к его ставке и владениям. В данном случае имеет значение соотношение между ханствами, с одной стороны, Саид-Ахмеда и, с другой, Кучук-Мухаммеда и его потомков. Отдельные авторы считают первое из них собственно Большой Ордой<sup>23</sup>, но абсолютное большинство историков все же полагает, что Орда Саид-Ахмеда и Большая Орда Кучук-Мухаммеда существовали параллельно<sup>24</sup>.

Эта точка зрения соответствует картине, предстающей из русских летописей. При описаниях татарских набегов всегда четко различается, кто производил нападение – царевич и татары «Седи-Ахметевы Орды» или «царь Ахмут Большие Орды»<sup>25</sup>; при этом указывается, что Ахмед – «Кичи-Ахметев сын», т.е. сын Кучук-Мухаммеда, и таким об-

<sup>20</sup> Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. С. 120; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 83.

<sup>21</sup> История татар с древнейших времен. С. 726.

<sup>22</sup> Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 183.

<sup>23</sup> Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 49; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. С. 149.

<sup>24</sup> Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 54; Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 24; Сафаргалиев М. Г. Разгром Большой Орды. С. 83; Он же. Распад Золотой Орды. С. 597.

<sup>25</sup> ПСРЛ. Т. 12. С. 76; Т. 21. С. 472, 515; Т. 23. С. 155, 156.

разом преемственность в управлении Большой Ордой возводилась к персоне этого хана. При этом нельзя сказать, что после падения Саид-Ахмеда именование его владений перешло на Орду Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда, т.к. в 1442 г. на Русь напали «татарове Болшиа Орды»<sup>26</sup> – подданные Улуг-Мухаммеда или Кучук-Мухаммеда, а с Саид-Ахмедом Москва в то время поддерживала мирные отношения<sup>27</sup>.

Что касается литовских и польских источников, то в географических представлениях их авторов были актуальными только два юрта – «Заволжская Орда» (= Большая) и «Перекопская» (Крымское ханство). Поэтому, когда у М. Стрыйковского мы встречаем *Sachmata carza Zawolskiego, Sadachmata Zawolskiego*<sup>28</sup>, это означает не буквальное проживание Саид-Ахмеда за Волгой, а принадлежность его к одному из ханств на месте развалившейся Золотой Орды.

Саид-Ахмед, за спиной которого стояли литовские покровители, появился в степях в первой половине 1430-х гг. В Сарае в то время царствовал Улуг-Мухаммед. В свое время он тоже пользовался поддержкой Вильны, но впоследствии отношения между ними охладели. Повздоривший с Улуг-Мухаммедом высокопоставленный ордынский вельможа Хайдар (из эля кунгратов) перешел в лагерь Саид-Ахмеда и предложил тому захватить богатый Крымский вилайет. В 1443 г. Саид-Ахмед был провозглашен там ханом – уже в татарской среде, подкрепив этим инвеституру от Свидригайла.

Проживавший в Крыму царевич Хаджи-Гирей, опасаясь расправы со стороны новоявленного правителя, бежал в Польско-Литовское государство. Крымско-татарские беки из элей ширинов и барынов недолго терпели всевластие Саид-Ахмеда и его кунгратского советника. Они воззвали к королю Казимиру IV, который поддержал их оппозицию. Хаджи-Гирей вместе с послами беков-заговорщиков и королевским эмиссаром, маршалком Радзивиллом Остиковичем был отправлен в Крым. Там их уже ждали сообщники. Была организована интронизация Хаджи-Гирея. Местная знать во главе с предводителем ширинов Тегиной присягнула ему в верности, а Радзивилл от имени Казимира утвердил его восшествие на трон.

Саид-Ахмед не стал дожидаться, пока его враги соберут все силы, и предпочел оставить полуостров. К тому же как раз в то время умер вдохновитель его Крымской кампании Хайдар. Но смириться с потерей богатой провинции хан сразу не мог и через некоторое время предпринял попытку реванша. Только в 1449 г. Хаджи-Гирей – снова при поддержке ширинов и барынов и с благословения Казимира – окон-

<sup>26</sup> ПСРЛ. Т. 12. С. 42.

<sup>27</sup> Горский А. А. Москва и Орда. С. 145.

<sup>28</sup> *Kronika polska, litewska, zmódzka...* S. 234.

чательно утвердился у власти<sup>29</sup>. В хронике Саид-Мухаммеда Ризы это воцарение Хаджи-Гирея отнесено к временам «ханствования потомков Тохтамышевых Сейид-Ахмед-Кючука и Махмуд-хана»<sup>30</sup>. Похоже, в текст хроники или при его переводе вкралась ошибка: вместо Махмуда, который вышел на политическую арену гораздо позже 1449 г., здесь следует видеть его отца Кучук-Мухаммеда, а сочетание имен должно выглядеть так: «Сейид-Ахмеда и Кючук-Мухаммед-хана».

В 1438 г. Улуг-Мухаммед был свергнут пришедшим с востока Кучук-Мухаммедом. В то время Орда Саид-Ахмеда обрела значительную силу, и новый обладатель Сарая вынужден был считаться с ней и даже уступить кочевья по Северскому Донцу<sup>31</sup>. Относительное военно-политическое равновесие в Западном Дешт-и Кипчаке конца 1430–1440-х гг. иллюстрируется признанием русскими данниками обоих ханов как «царей»: в договоре начала 1440-х гг. с Дмитрием Шемякой великий князь Московский Василий Васильевич напоминал, как он «посылал кличѣев своих ко ц(а)ремь х Кичи-Махметю и к Сиди-Ахметю»<sup>32</sup>.

В позднейшей крымско-татарской исторической традиции, напротив, Кучук-Мухаммеду отказывали в легитимности – явно из-за долгой вражды Гиреев с его сыном Ахмедом и внуками. В 1506 г. на пиру у короля польского и великого князя Литовского Александра Ягеллона послы крымского хана вспоминали о традиционных связях между татарами и литовцами, приводя имена предшественников своего государя Менгли-Гирея: «Тактамышша, Чжелегдиня, Перберди, Кебек, Керемьберди, Кадерберди (все это искаженные имена сыновей Тохтамышша. – В. Т.), Магметъ Силехмат (т.е. Улуг-Мухаммед и Сеид-Ахмед. – В. Т.), Ажи Кгиреи, Мордовлат (Нурдевлет. – В. Т.), Менди Кгиреи»<sup>33</sup>.

На территории Орды Саид-Ахмеда известны городские поселения, но они почти не изучены. В области по левому берегу Днепра от золо-

<sup>29</sup> *Гайворонский О.* Повелители двух материков. С. 17–19; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. С. 123; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 180.

<sup>30</sup> *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. С. 381.

<sup>31</sup> *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 83.

<sup>32</sup> Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. С. 116.

<sup>33</sup> *Lietuvos Metrika.* Knuga Nr 8. P. 53. Из двух тезоименных ханов соответствующего периода – Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда здесь, скорее всего, ведется речь о первом. В грамотах крымского царевича Ахмед-Гирея польскому королю Сигизмунду I 1511 и 1514 гг. содержатся ссылки на времена «великого князя Витовта и... царя Тактамышша и... великого царя Магометя», упоминаются «першии отцы и деды наши Тохтамыш (так. – В. Т.) царь и велики Магмет царь» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 371, 538). «Великий Магометь~Магмет» – явный перевод имени-прозвища Улуг-Мухаммеда.

тоордынских времен осталось немало следов городской жизни – как археологических памятников, так и свидетельств о старых татарских городищах. Крупнейшим из них было Кучугурское в 30 км к югу от Запорожья. «Книга Большому Чертежу» (XVII в.) помещает на его месте «городок Мамаев Сарай». В. Л. Егоров предположил, что здесь, возможно, какое-то время находилась ставка Мамаю, тем более что в окрестностях имеются топонимы, связанные с его именем<sup>34</sup>. Б. А. Ахмедов прямо допустил, что Саид-Ахмед «владычествовал в Орде Мамаю»<sup>35</sup>.

Может быть, на некоторых городищах периодически размещалась ханская кочевая ставка и теплилась какая-то жизнь, достаточная для налаживания эмиссии денег. Монеты с именем Саид-Ахмеда содержат обозначения монетного двора «Орду», «Орду-Базар» и «Бек-Базар»<sup>36</sup>, которые сложно привязать к конкретному географическому пункту. В любом случае после хаоса 1360–1370-х гг. и затем смуты начала XV в. города Западного Дешта захирели и опустели, разделив судьбу большинства золотоордынских городов.

Хана традиционно окружали беки. Политический вес Саид-Ахмеда в Восточной Европе середины XV в. был бы невозможен без опоры на кочевую аристократию. О его знатном окружении упоминается в обращении русских церковных иерархов к углицкому князю Дмитрию Шемяке 1447 г. Того упрекали в том, что он перестал считать «царя Седи-Яхмата царем»: «А того некак позабыл еси, не на том ли юрту отец твой, князь Юрьи Дмитриевичь был у царя, в Орде, с великим князем вместе и на пошлине стояли?»<sup>37</sup> *Не теже ли пак царевичи и великие князи у сего царя Седи-Яхмата, котории тогды и у того царя были да тоже дело делали?»*<sup>38</sup> Т.е. султаны («царевичи») и беки из ставки свергнутого Улуг-Мухаммеда переместились к новому сюзеру. Более того, и владения Саид-Ахмеда церковники трактовали как юрт прежнего хана.

По непреложной норме ордынской государственной жизни, в ханстве должен был быть беклербек. Как отмечалось выше, в Большой Орде это был высочайший ранг, монополизированный потомками Эдиге из эля мангытов. У Саид-Ахмеда с самого начала его царствования тоже имелись главные беки. В 1434 г. Свидригайло в послании к тевтонскому магистру упомянул о «великом князе» хана Седахмета по

<sup>34</sup> Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 84–86.

<sup>35</sup> Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 54.

<sup>36</sup> Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. С. 41.

<sup>37</sup> Здесь говорится о споре вокруг ярлыка на великое княжение, который вели в Орде Улуг-Мухаммеда в 1432 г. Василий Васильевич московский и его дядя Юрий Дмитриевич звенигородский.

<sup>38</sup> АИ. Т. 1. С. 80.

имени Бато, который к тому же являлся «главным предводителем войск его»<sup>39</sup>. Великокняжеский титул (улуг бек) и командование войсками суть неперенные атрибуты именно должности беклербека. Позднее этот пост занял кунграт Хайдар, с которым Саид-Ахмед обосновался в Крыму. В 1451 г. царевич Мазовша б. Саид-Ахмед приступил к Москве, а с ним был, как передают летописи в разных вариантах, «князь ордынский» Едегер~Едегерь~Едигерь~Едергеи~Едигей~Дигер~Гедир~Гедигер<sup>40</sup>. Несомненно, он носил тюркское имя Ядгар. О племенной принадлежности его, как и первого беклербека Бато, ничего не известно. Во всяком случае они не принадлежали к могущественным и вездесущим мангытам (потомство Эдиге находилось на виду и было хорошо известно).

В военно-административной иерархии вслед за беклербеком как высшим чином «княжеского» сословия должны были стоять четыре карачи-бека. О том, что таковые имелись в Орде Саид-Ахмеда, свидетельствует получение осенью 1452 г. старостой Подолии денег от короля для «упоминков» и даров хану и четырем верховным князьям<sup>41</sup>.

Еще ниже в «княжеской» иерархии располагались наместники провинций-туменов (*тем*), они же начальники крупных корпусов ополчения – *тумен-беки*, или *темники*. Их существование при Саид-Ахмеде выясняется из письма молдавского господаря Стефана польскому королю Казимиру IV 1462 г., где рассказывается о плененных ханских сыновьях: «Седи-Ахметови сынове... соуть нинѣче по Божіи милости оу нашихъ роукахъ и с другими темники и оуланы...»<sup>42</sup>

Из подробностей повседневной административной практики в Орде Саид-Ахмеда известно лишь о существовании наместников-*даруз*, которые контролировали сбор податей (*ясак*) с подданных – оседлого населения на территории Южной Украины. В 1499 г. Менгли-Гирей просил Ивана III, чтобы тот убедил своего зятя, литовского государя Александра Казимировича, возобновить выплату податей крымцам литовскими подданными, некогда числившимися данниками Орды: «А которые люди из старины ясак давали и дараги у них были, те бы

<sup>39</sup> Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. С. 195.

<sup>40</sup> ПСРЛ. Т. 4. С. 147; Т. 5. С. 270; Т. 23. С. 155; Т. 27. С. 348; Т. 30. С. 134; Т. 37. С. 89; Т. 43. С. 182. В Ермолинской летописи: «а с нимъ князи великіе ординскіе, и Едегеръ со многими силами». Во всех других летописных сообщениях о набегах Мазовши назван только Едигер, поэтому полагаю, что именно к нему относится определение «князь великий ордынский», ошибочно данное в тексте во множественном числе.

<sup>41</sup> Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 184.

<sup>42</sup> Уляницкий В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. М., 1887. С. 102.

люди и ныне к нашей Орде по старине ясак давали, и дараги бы наши у них по старине были, как было при Седехмате при царе»<sup>43</sup>.

Прочитированное выше воззвание духовенства к Шемяке 1447 г. содержит важное указание на понимание статуса Саид-Ахмеда русскими: «А от царя Седи-Яхмата пришли к брату твоему старейшему великому князю (Василию II. – В. Т.) его послы, и он к тебе посылал просити что ся обе имеет дати с своей отчины в те в татарские проторы; и ты не дал ничего, а не зоучи царя Седи-Яхматат царем»<sup>44</sup>. В Москве принимали Саид-Ахмедовых послов с честью, как от законного верховного государя, и подвластные Москве князья должны были участвовать в расходах («проторах») на содержание прибывших татар. Шемяка от этого уклонился, отказавшись видеть в Саид-Ахмеде «царя». Очевидно, логика борьбы с Василием заставляла его искать опору в другом хане, а таковым в то время мог быть только Кучук-Мухаммед.

Уже говорилось, что в начале 1440-х гг. Москва признала «царский» ранг за обоими этими ханами. Однако впоследствии отношения с Саид-Ахмедом испортились. Если со стороны Кучук-Мухаммеда не отмечено никаких агрессивных действий по отношению к русским данникам, то «Седи-Ахматовы татарове» в следующем десятилетии неоднократно совершали на них набеги. Тем более что около 1449 г. Саид-Ахмеду удалось потеснить своего поволжского оппонента, заняв Подонье и приблизившись к границам Московского княжества<sup>45</sup>. Вслед за А. А. Горским мы не видим иного объяснения этой вспышке воинственности, кроме прекращения Москвой выплаты выхода в его Орду<sup>46</sup>. Очевидно, Василий II тоже сделал выбор в пользу Кучук-Мухаммеда, что неминуемо выразилось в походе войска Саид-Ахмеда во главе с его сыном Мазовшей на Москву в 1451 г.

Если его отношения с московскими подданными Орды сводились сначала к требованию дани и посольским миссиям и затем к набегам, то связи с западными соседями были гораздо более активными. Мы помним, что сначала Саид-Ахмед был верным сподвижником Свидригайла. В конце 1430-х гг. он склонился на сторону другого литовского князя – Сигизмунда Кейстутовича и стал отправлять свою конницу в походы на Поднепровье, Подолию, Волынь – области, контролируемые польскими войсками. В то время Краков пытался наладить с Саид-Ахмедом мирные отношения. Известно о мирных переговорах, которые вели в начале 1440-х гг. польский посол Т. Бучацкий с «татарским императором» и ордынский посол с королем Владиславом III. Вероятно,

<sup>43</sup> СИРИО. Т. 35. С. 290.

<sup>44</sup> АИ. Т. 1. С. 80.

<sup>45</sup> Сафаргалиев М. Г. Разгром Большой Орды. С. 84.

<sup>46</sup> Горский А. А. Москва и Орда. С. 146, 147.

тогда же было достигнуто соглашение о выплате в Орду Саид-Ахмеда выхода с некоторых территорий Великого княжества Литовского<sup>47</sup> – тот самый ясак, о котором напоминал в 1499 г. Александру Ягеллону Менгли-Гирей.

В целом Саид-Ахмед находился на стороне тех политических кругов Великого княжества Литовского, которые отстаивали самостоятельность своего государства в противовес унии с Польшей. В 1440-х гг. Саид-Ахмед поддерживал сына Сигизмунда Михаила (Михайлушку) и сблизился с киевским княжеским домом Олельковичей<sup>48</sup>, включившись в их борьбу против польского короля Владислава III и великого князя Литовского (с 1440 г.) Казимира<sup>49</sup>. Именно противостоянием с Саид-Ахмедом во многом объяснялась поддержка Казимиром Хаджи-Гирея при водворении того в Крыму в 1449 г. (см. выше).

На территории Литовского княжества имелось население, обязанное выплачивать Саид-Ахмеду какие-то подати. Выше говорилось, что Менгли-Гирей обозначал их как ясак. Но гораздо более заметна в славянских землях военная активность хана. В 1449 г. он помог Михаилу Сигизмундовичу занять Киев. После того как в 1447 г. Казимир стал еще и польским королем, поведение Саид-Ахмеда по отношению к литовским землям стало гораздо более агрессивным. В 1447 и 1449–1452 гг. ежегодно он обрушивался на подданных Казимира, который пытался противопоставить ордынцам преданного Хаджи-Гирея. При этом Саид-Ахмед продолжал поддерживать альянсы с литовскими противниками короля. Правда, их силы уменьшились после ликвидации Казимиром южнорусских княжений в начале 1450-х гг. Обеспокоенный король в августе 1449 г. пошел на заключение антитатарского договора с Василием II.

Конец ханства и ханствования Саид-Ахмеда описан у польских хронистов. В 1452 г. татарское войско опустошило русские земли Великого княжества Литовского вплоть до Львова, пленив множество народа. Приказ Казимира о срочном сборе войск был выполнен с опозданием. К тому же в литовской части государства существовала влиятельная оппозиция королю. Она вынашивала план лишить Казимира престола в Вильне и возвести на него новгородского воеводу Мартина Гаштольда. Гаштольд и другой магнат, Ян Монивидович, направили к Саид-Ахмеду маршалка Радзивилла Остиковича с дарами и с предложением напасть на Польшу. Пока Радзивилл находился в пути, Хаджи-Гирей

<sup>47</sup> *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 184.

<sup>48</sup> Потомки Александра (Олелько) Владимировича, внука великого князя литовского Ольгерда.

<sup>49</sup> *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. С. 123.

внезапно напал на ставку Саид-Ахмеда «в диких полях» и одержал полную победу.

Лишенный власти хан бросился к Киеву, к своим литовским союзникам, но те из страха быть обвиненными в заговоре против короля и для отвода подозрений арестовали беглеца (предлогом послужила драка между киевлянами и татарами) и отправили к Казимиру. Тот определил место жительства знатному гостю-пленнику в Ковенском замке, под охраной<sup>50</sup>.

И. Б. Греков датирует разгром Саид-Ахмеда крымцами зимой 1455/1456 г.; Л. Коланковски тоже относит разгром его Орды к 1455 г.<sup>51</sup> М. Г. Сафаргалиев и А. Ю. Якубовский восстанавливали события таким образом, что Саид-Ахмед после этого разгрома сумел сохранить некоторую власть и какое-то число подданных. Некоторое время он скитался в степях, в 1455 г. сразился с киевским князем Семеном Олельковичем, был разбит и пленен, бежал из плена, в 1459 г. привел войско на Оку, в 1460 г. под Рязань, в 1465 г. попытался напасть на Москву и только после этого под ударами русских и крымцев сошел с исторической арены<sup>52</sup>.

Я не смог найти в источниках подтверждения разгрома и плена хана после 1452 г. Историки приписывают ему набеги на московские и литовские владения в 1455, 1459, 1460 гг. и др., может быть, исходя из упоминаний в летописях о «татаровых Седи-Ахматовых». Однако В. В. Вельяминов-Зернов справедливо заметил, что татары, подвластные Саид-Ахмеду, и после его ухода в Литву «звались нашими летописцами, по старой памяти, татарами Сеид-Ахмедовыми»<sup>53</sup>. Можно догадываться, что значительная часть этих татар, оставшись без предводителя и не пожелав подчиниться ханам-победителям, предпочла вольную жизнь, пополнив общины формирующегося донского и запорожского казачества.

Хан жил в Ковно вместе со своими сыновьями и некоторыми вельможами. По некоторым косвенным данным, в кормление ему был пожалован Мордасовский двор в окрестностях города<sup>54</sup>. Сыновья его

<sup>50</sup> Joannis Dlugosii annals... S. 139, 140; Kronika polska, litewska, żmódzka... S. 234, 235.

<sup>51</sup> Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. С. 124; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. S. 283, 284.

<sup>52</sup> Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. С. 307; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 509.

<sup>53</sup> Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1. С. 120.

<sup>54</sup> Думин С. В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 108.



(по одним сведениям, их было девять, по другим – двенадцать) честно служили королю, как передает Длугош<sup>55</sup>. Некоторые из них оказались в плену у молдавского правителя<sup>56</sup>. Охраняли Саид-Ахмеда надежно, и через несколько десятилетий правитель Крыма Менгли-Гирей просил точно так же содержать свергнутого им Шейх-Ахмеда, который оказался в Литве<sup>57</sup>. В ковенском заточении Саид-Ахмед и умер.

---

<sup>55</sup> Joannis Dlugosii annals... S. 156; *Narbutt T. Dzieje narodu Litewskiego*. Wilno, 1840. P. 123.

<sup>56</sup> Уляницкий В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. С. 102.

<sup>57</sup> *Lietuvos Metrika*. Knyga Nr 5. P. 231, 234.

## КУЧУК-МУХАММЕД НА ПРЕСТОЛЕ ТАХТ ЭЛИ

Путь к власти Кучук-Мухаммед, сын хана Тимура б. Тимур-Кутлуга (1410–1412), начал в восточных степях. По Кырыми, после гибели золотоордынского беклербека Эдиге (1421) его сын Мансур скрылся в «Русском юрте». Затем вернулся на Волгу, где стал беклербеком при хане Гияс ад-Дине б. Шадибеке. Через два года тот умер, и Мансур возвел на трон Кучук-Мухаммеда. Однако вскоре охладел к своему малолетнему протеже и решил поддержать восточного хана Барака б. Куйручака б. Уруса<sup>1</sup>.

Скорее всего, Мансур при Бараке также стал беклербеком, так как они вместе ходили воевать с очередным претендентом на престол правого крыла Улуг-Мухаммедом. Из письма последнего турецкому султану от 14 марта 1428 г. известно, что в 1426 г. их войско из восточных степей было разбито, «и мы обратили в бегство Барака и Мансура»<sup>2</sup>. Вскоре после этого разгрома между соратниками произошел разрыв. Кадыр Али-бек пишет об убийстве Мансура Бараком<sup>3</sup> (видимо, в 1426 или 1427 г.). Находившиеся при Бараке сыновья Эдиге Гази и Науруз тут же бежали на запад к Кучук-Мухаммеду. Вскоре (около 1428 г.<sup>4</sup>) они вернулись с его войском, разгромили и убили Барака, в чем получили помощь бывших подданных Мансура<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдат ат-таварих. Истанбул, 1343 / 1924–1925. С. 84, 85.

<sup>2</sup> Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С. 54, 282; *Kırat A. N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler*. S. 8, 9, 14.

<sup>3</sup> Сборник летописей. Казань, 1854. С. 156.

<sup>4</sup> Датировка Т. И. Султанова (*Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 209).

<sup>5</sup> Ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми. Указ. соч. С. 89, 90; Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С. 75; *Lang-*

Сразу после этих событий Гази стал беклербеком Кучук-Мухаммеда, а Науруз – беклербеком одновременно царствовавшего Улуг-Мухаммеда<sup>6</sup>. Деятельность последнего тандема продолжалась около десяти лет, пока не начались разногласия – настолько глубокие, что Науруз решил перейти в стан Кучук-Мухаммеда (Гази к тому времени уже не было в живых). Тот сразу же сделал мангытского вельможу своим беклербеком, в каковой должности и застал его в 1438 г. Иосафат Барбаро. Вместе они напали на ставку Улуг-Мухаммеда и свергли его<sup>7</sup>.

Дженнаби излагает несколько похожую схему событий, правда, путая имена и приписывая своим героям чужие поступки. После гибели хана Кадыр-Берди б. Тохтамыша в бою с Эдиге сановники государства возвели на трон другого сына Тохтамыша – Кучук-Мухаммеда, который и расправился с Эдиге<sup>8</sup>.

Очевидно, Кучук-Мухаммед был тесно связан с многолюдным и могущественным семейством мангытов-Едигеевичей. Известно, что сын Эдиге Нур-ад-Дин выдал дочь за будущего хана Тимура – отца Кучук-Мухаммеда<sup>9</sup>. Не она ли стала матерью последнего? И. Л. Измайлов даже предположил, что он воспитывался в семье Эдиге<sup>10</sup>.

Марджани связывает начало правления Кучук-Мухаммеда с другим персонажем: «Как известно, Кечекмухаммад сел на престол при поддержке хана Белой орды Ядгара»<sup>11</sup>. Хан Ядгар действительно управлял частью Восточного Дешта. Но его номинальное царствование под патронажем мангытского беклербека Мусы пришлось приблизительно на 1457–1469 гг.<sup>12</sup>, т.е. на самый конец жизни Кучук-Мухаммеда. Может быть, Ядгар способствовал возвышению царевича еще до своей интронизации? Во всяком случае деятельность и того и другого протекала в пределах Мангытского юрта или в непосредственной близости от него.

Восточные хронисты отмечают молодость Кучук-Мухаммеда во время его воцарения. Когда он подошел к Дону в 1438 г., венецианский консул Таны направил к татарскому принцу И. Барбаро с дарами и изъ-

*les L. Notice chronologique des khans de Crimée // Forster G. Voyage du Bengale á Pétersbourg. T. 3. P., 1802. P. 395.*

<sup>6</sup> *Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. P. 195.*

<sup>7</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 140–142, 150, 151.

<sup>8</sup> *Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 538.*

<sup>9</sup> *Муин ад-Дин Натанзи. Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar) / Publiés par J. Aubin). Тегран, 1336/1957. С. 99.*

<sup>10</sup> История татар с древнейших времен. С. 726.

<sup>11</sup> *Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. С. 100.*

<sup>12</sup> *Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 101–103.*

явлением покорности. Посланец предстал перед Кучук Мухаммедом, восседавшим, опираясь на плечо своего беклербека. Барбаро записал: «Царевичу было года 22, Новрузу – лет 25»<sup>13</sup>.

Получается, что борьбу за власть Кучук-Мухаммед начал, едва выйдя из отроческого возраста. Полагаю, что толчком к активным действиям был переход на его сторону Науруза – беклербека Улуг-Мухаммеда. В соответствии со своим статусом Науруз командовал ордынской армией, значительную часть которой увлек за собой. Барбаро определенно пишет, что он ушел к «царевичу Кезимахмету» «с тем войском, которое захотело за ним следовать»<sup>14</sup>.

Причины разрыва беклербека с Улуг-Мухаммедом не названы в источниках. Зато есть летописное указание о недовольстве этим ханом могущественного вельможи – ширинского бека Тегиня. Выше упоминалась тяжба о великокняжеском ярлыке в 1432 г. между Василием Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем в ставке Улуг-Мухаммеда. Уверенный в своем всеохватном влиянии, Тегиня твердо обещал Юрию разрешение спора в его пользу, но хан принял сторону московского князя. Оскорбленный «Ширинъ-Тегиня ста о томъ же противу царя и хотѣ отступити отъ него, понеже бо въ то время пришелъ бяше на Махметя Кичи-Ахметъ царь»<sup>15</sup>.

Однако этот конфликт не объясняет разрыв Науруза с ханом, хотя и демонстрирует наличие глубоких противоречий в Орде. М. Г. Сафаргалиев увидел причину разрыва в перекрытии доступа ордынцам к зимним пастбищам Крыма после появления там Саид-Ахмеда и Хаджи-Гирея<sup>16</sup>.

14-летний «царь», надо полагать, двинулся на Сарай по наущению перебежчиков во главе с Наурузом. До того он обретался где-то на востоке или в Хаджи-Тархане – юрте своего деда Тимур-Кутлуга. Первые столкновения не принесли победы ни одной из сторон. В конце концов «Большой» и «Малый» Мухаммеда пришли к соглашению о разделе подвластных территорий. Первый оставлял за собой Поволжье, второму доставался Крым<sup>17</sup>. Очевидно, можно видеть здесь – и так увидел эту ситуацию О. Гайворонский – разграничение ханства по крыльям: один получил правое западное крыло от Дона до Дуная, второй – левое восточное от Дона до Каспия<sup>18</sup>.

<sup>13</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 142.

<sup>14</sup> Там же. С. 141.

<sup>15</sup> ПСРЛ. Т. 12. С. 16.

<sup>16</sup> Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 493.

<sup>17</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. С. 180.

<sup>18</sup> Гайворонский О. Повелители двух материков. С. 17, 33.

Окончательно противостояние разрешилось в 1438 г. Может быть, смена власти произошла бескровно. У Улуг-Мухаммеда не выдержали нервы от нарастающей опасности со стороны младшего родича, который все усиливался. Барбаро об исходе борьбы за трон написал: «Улумахамет... после того, как в пределы его владений пришел Кезимахумет, – видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми»<sup>19</sup>. Дальнейшая история скитаний Улуг-Мухаммеда подробно описана в историографии, и мы не будем на ней останавливаться. Укажем лишь, что в конце концов ему удалось закрепиться в Казани, и Среднее Поволжье, таким образом, уже не входило в состав Большой Орды.

О ее внутренней жизни при Кучук-Мухаммеде нет никаких сведений, за исключением летописного сообщения под 1440 г.: «Тоя же осени царь Махметъ Болшіа Орды убилъ болшаго своего князя Ордыньскаго Мансупа и много татар тогда избіено бысть в Орде»<sup>20</sup>. Речь ведется явно о каком-то мятеже, возглавлявшемся беклербеком. Мансуп – это, конечно, Мансур б. Эдиге. Но поскольку он был убит ханом Бараком за тринадцать-четырнадцать лет до этого, то можно полагать, что до летописца дошли вести о казни брата Мансура, «большого князя» Науруза, вступившего в конфликт с Кучук-Мухаммедом. Мы помним, как еще недавно этот бек с многочисленной вооруженной силой явился к молодому династу и сопровождал его в борьбе за власть. Возможно, со временем всевластие Науруза стало тяготить хана, и он решил избавиться от мангытского вельможи, а заодно и от «множества татар» – его сторонников.

В 1430–1440-х гг. в Дешт-и Кипчаке наступила некоторая стабильность. На востоке бывшего Улуса Джучи, за Яиком, ханствовал могущественный Абу-л-Хайр, лояльность которому в целом соблюдали мангыты. Нижнее Поволжье и степное Предкавказье находились под властью Кучук-Мухаммеда. За Доном кочевала Орда Саид-Ахмеда. Крупных конфликтов между ними незаметно, если не считать притязаний обоих ханов на Крым и степи по Северскому Донцу. Как отмечает Б. Н. Флоря, в тот период «процесс распада Золотой Орды заметно замедлился»<sup>21</sup>. Наверное, долгое молчание о Кучук-Мухаммеде в русских летописях после 1440 г. объясняется этой относительно спокойной обстановкой, а не ослаблением Большой Орды из-за распрей<sup>22</sup> или

<sup>19</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 150.

<sup>20</sup> ПСРЛ. Т. 12. С. 30.

<sup>21</sup> Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 183.

<sup>22</sup> Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 84.

удаленностью ханских кочевий от Руси<sup>23</sup>. В 1434 г. Василий I в договоре с Дмитрием Шемякой напоминал, как «если посылал киличъев своих ко ц(а)ремъ х Кичим-Агнетю и к Сиди-Ахметю»<sup>24</sup>. Т.е. москвитяне признавали зыбкое равновесие сил в степях и законность двух соседних ханов<sup>25</sup>. Впрочем, это не означает, что выход выплачивался в обе Орды. Похоже, что когда Кучук-Мухаммед утвердился у власти на «царевом месте» в Сарае, дань пошла к его двору. Тем более что он обладал полномочиями выдавать ярлыки (чего, кажется, неизвестно о Саид-Ахмеде). Этим также объясняется долгое молчание летописцев о Большой Орде – ее мирным бесконфликтным сосуществованием с Московской Русью. Подмеченное А. А. Горским временное совпадение между провозглашением Ивана Васильевича великим князем и соправителем Василия II в 1448 г. и серией набегов «Седи-Ахматовых татаровей», начавшихся с 1449 г., могло означать окончательный выбор Москвой Кучук-Мухаммеда как верховного сюзерена и, соответственно, непризнание таковым Саид-Ахмеда<sup>26</sup>.

Кучук-Мухаммед умер в 1459 г., оставив сыновьям, Махмуду и Ахмеду, свое ханство если не процветающим, то довольно устойчивым и способным соперничать с соседними юртами за первенство во владениях бывшей Золотой Орды.

---

<sup>23</sup> Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 184.

<sup>24</sup> Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. С. 116.

<sup>25</sup> Как указывает А. А. Горский, Кучук-Мухаммеда все же признавали «несколько “главнее” Сеид-Ахмеда», поскольку в договоре его имя поставлено первым (*Горский А. А. Москва и Орда. С. 146*).

<sup>26</sup> Там же. С. 147, 153, 154.

## АХМЕД И ЕГО СОПРАВИТЕЛИ

В сочинении Махмуда б. Вали рассказывается, что после смерти Кучук-Мухаммеда остались его сыновья: унаследовавший трон одиннадцатилетний Махмуд, восьмилетний Ахмед и пятилетний Мангышлак. На них двинулся с войсками хан Абу-л-Хайр, братья испугались и укрылись в некоей крепости. Там они смиренно жили до тех пор, пока Абу-л-Хайра не постигла неудача в войне с калмаками. Махмуд выбрался из своего укрытия и «натянул поводья выступления в сторону наследственных владений». Затем Абу-л-Хайр умер, и Махмуд стал полновластным ханом<sup>1</sup>.

Это повествование в общем соответствует хронологии событий, известных из других источников. Поражение узбекской рати от ойратов («калмаков») произошло в 1457 г.<sup>2</sup>, смерть Абу-л-Хайра наступила в 1468/1469 г. Возможно, здесь отразились некоторые подробности истории Большой Орды рубежа 1450–60-х гг. и ее отношений с Узбекским ханством (тем более что о них ничего не известно для более раннего периода).

От ханов Махмуда и Ахмеда сохранились недатированные монеты. От имени Махмуда они чеканились в Орду-Базаре, Бек-Базаре, Хаджи-Тархане, а также предположительно в Крым ал-Мансуре, Укеке и Булгаре; от имени Ахмеда – в Хаджи-Тархане и Тимур Бек-Базаре.

В русских источниках Махмуд известен по единственному поводу. В 1460 г. он попытался приступить к Рязани, но натолкнулся на сопротивление и отступил, понеся большие потери. Некоторые летописи передают имя хана как Ахмут (т.е. можно принять и за Ахмада~Ахмеда),

---

<sup>1</sup> Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов. С. 84, 85. При изложении событий XV в. хронист допускает немало несообразностей и анахронизмов (См.: *Трепавлов В. В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008. М., 2009. С. 370–395).

<sup>2</sup> Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 65–67.

но в Типографской летописи он – «царь Махмутъ»<sup>3</sup>. В свите Махмуда во время этого похода поименованы беклербек Тимур, его брат Дин-Суфи (Тенсуфуй) и некий Казатулан-мирза, активно участвовавший в выработке военной политики<sup>4</sup>. Позже Тимур станет ближайшим соратником хана Ахмеда, а Дин-Суфи впоследствии унаследует его высокий ранг.

Отношения между Ахмедом и Махмудом историки характеризуют как борьбу за власть<sup>5</sup>. Фатальным рубежом, после которого Махмуд уже не смог отстаивать свое первенство, было, очевидно, его поражение от Хаджи-Гирея. В 1465 г. ордынский хан вознамерился напасть на русские земли и двинулся к Дону. Там на него неожиданно обрушились крымцы и «би его и Орду взя». Планы похода пришлось оставить, силы Большой Орды обратились на отражение нападения: «начаша воеватися промежь себе»<sup>6</sup>. Хаджи-Гирея удалось отогнать, но после этого Махмуд прекратил активную политическую жизнь.

Его цитировавшееся выше письмо султану 1466 г. и упоминание Афанасием Никитиным летом 1468 г. некоего «царя», сидевшего в Астрахани, позволило И. В. Зайцеву заключить, что Махмуд обосновался в этом городе<sup>7</sup>. Вообще-то от ордынского правителя трудно было бы ожидать постоянного пребывания в городском поселении. Привычный и престижный образ жизни требовал перемещения к кочевой ставкой по степи. И именно на степную ставку указывает место написания послания Махмуда султану – берега Большого и Малого Узней, о чем говорилось в разделе о территории Большой Орды. Такая же ставка имелась у Ахмеда. В нее он вернулся после неудачного похода на Русь в 1472 г.: «...пришедъ до катунъ (т.е. жен, гарема. – В. Т.) и къ зимовищу пошель»<sup>8</sup>.

Даже отстраненный от реального управления государством, Махмуд, похоже, пользовался авторитетом, подобающим его статусу. В наказе московском послу в Крым в марте 1475 г. было велено сказать хану Менгли-Гирею о том, что издавна московские государи отправляли послов к ордынским царям, потому «осподарь мой князь велики и нынеча... своих послов шлет к Ахмату царю и к брату его к Махмуту, и они своих послов к моему государю посылают»<sup>9</sup>. Показательно употребление титулатуры: трепетно относившиеся к нюансам чинов и

<sup>3</sup> ПСРЛ. Т. 24. С. 184.

<sup>4</sup> ПСРЛ. Т. 5. С. 272; Т. 20. С. 271; Т. 23. С. 156.

<sup>5</sup> Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата. С. 544; Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. С. 84.

<sup>6</sup> ПСРЛ. Т. 24. С. 186.

<sup>7</sup> Зайцев И. В. Астраханское ханство. С. 41.

<sup>8</sup> ПСРЛ. Т. 12. С. 149.

<sup>9</sup> СИРИО. Т. 41. С. 10.



званий русские не называют Махмуда царем, несмотря на его родство с ханом и посольские связи с Москвой.

В том же или следующем году Махмуд скончался, т.к. А. Контарини в 1476 г. описывает Хаджи-Тархан под управлением уже его сына и преемника Касима, обладавшего ханским рангом: «Главный хан (Ахмед. – В. Т.) находится в состоянии войны с Касим-ханом, своим племянником (а этот Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, так как таковым был его отец, раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война)»<sup>10</sup>. Перед нами очевидный случай соправительства – явления, довольно распространенного в кочевой истории. Статус младшего соправителя был унаследован сыном от отца, при сохранении подчиненности старшему соправителю, Ахмеду, несмотря на недовольство астраханского хана.

Впрочем, Касиму пришлось в конце концов признать верховенство дяди. В 1480 г. он находился в составе ордынской армии, подошедшей к Угре: «... а съ царемъ вся Орда и *братаничь его царь Касым*, да б сынов царевых, и безчисленно множество татар с ними»<sup>11</sup>. Касим в источниках определенно связывается с городом Хаджи-Тарханом. Может быть, он выбрал его для постоянного проживания сам или обрелся там, подчиняясь приказу своего дяди Ахмеда.

Махмуд б. Вали рассказывает, что после смерти Абу-л-Хайра Махмуд «взошел на трон счастья» и отправил Ахмеда в Хорезм, дабы отнять тамошние крепости у узбекских наместников, что тот и сделал. Впоследствии престарелый Махмуд в преддверии кончины, разделил царство между братьями. Ахмеду достался якобы Хорезм и «некоторые из областей Дешт-и Кипчака», неидентифицируемому Мангышлаку – Орду-Базар, Хаджи-Тархан и Поволжье<sup>12</sup>. Отыскать следы истинных событий в этом повествовании непросто. Кроме как у данного хрониста, нет никаких сведений о правлении Ахмеда в Хорезме. Равно как и отношения его с Махмудом выглядят в приведенных выше источниках совершенно иначе.

В анонимной «Таварих-и гузида Нусрат-наме» сообщается, будто Абу-л-Хайр дважды отнимал престол у потомков Тимур-Кутлуга Махмуда и Ахмеда и подчинил себе страны буляр и болгар (т.е. Среднее Поволжье)<sup>13</sup>. Утемиш-хаджи утверждает, что Абу-л-Хайр занимал Тахт вилайет трижды, после чего на его имя в Орду-Базаре читалась

<sup>10</sup> Барбаро и Контарини о России. С. 221.

<sup>11</sup> ПСРЛ. Т. 27. С. 282.

<sup>12</sup> Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов. С. 85.

<sup>13</sup> Мустакимов И. А. Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 219.

хутба<sup>14</sup>. Возможно, в этих известиях отразились какие-то военные стычки, подробности которых неизвестны. Но можно с уверенностью утверждать, что Ахмед принял участие в борьбе за «узбекское наследство» после смерти Абу-л-Хайра в 1468/1469 г. Для свержения его сына Шейх-Хайдара объединились лидеры с разных концов Дешт-и Кипчака: Ибак (Ибрагим) б. Махмудек из Тюменского юрта; давний антагонист Абу-л-Хайра, один из основателей Казахского ханства Джанибек б. Барак; царевич-Джучид Буреке; мангытские беки Аббас и Муса со своим неразлучным братом Ямгурчи<sup>15</sup>. Шейх-Хайдар смог привлечь на помощь лишь хана Большой Орды Ахмеда, но это его не выручило, и вскоре он был убит Ибаком<sup>16</sup>.

О коалиции Шейх-Хайдара с Ахмедом пишет Шади<sup>17</sup>. М. Г. Сафаргалиев, напротив, причислил Ахмеда к участникам антишейххайдоровского союза и даже счел его инициатором этого союза<sup>18</sup>. Такой вывод можно было бы сделать из информации «Таварих-и гузида Нусрат-наме» о том, что после того, как Шейх-Хайдар «ослабил внимание, Ахмед-хан привел рать, а Ибак-хан убил Шейх-Хайдар-хана»<sup>19</sup>. Но отсюда неясно, пришла ли армия Ахмеда на помощь Шейх-Хайдару или против него. Ни в одном источнике Ахмед не назван в числе участников борьбы с преемником Абу-л-Хайра. Другое дело, что позднее Ахмед решил уничтожить Мухаммеда Шейбани (внука Абу-л-Хайра) и вместе с сибирскими и мангытскими войсками осаждал Хаджи-Тархан. Это могло быть вызвано сменой политической ориентации хана, который не желал, чтобы в восточных степях вновь появился сильный государь, и рассчитывал на сосуществование мелких кочевых владельцев (Ибак, Джанибек, Аббас). Не исключено также, что, явившись в Заволжье на подмогу Шейх-Хайдару, ордынский правитель ознакомился с реальной обстановкой и решил обратить оружие против пригласившего его династа.

Убив Шейх-Хайдара, Ибак и Аббас бросились в погоню за его племянниками, которые решили укрыться в Хаджи-Тархане, где сидел хан Касим б. Махмуд. К погоне присоединился и Ахмед. При Касиме находился мангытский бек Тимур. Можно предположить, что в конфликте между двумя сыновьями Кучук-Мухаммеда, Ахмедом и Махмудом, Тимур принял сторону последнего и последовал за ним в Хаджи-Тархан. Внук Тимура Дивей в 1564 г. вспоминал, что «Темир князь был на

<sup>14</sup> *Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri*. S. 35.

<sup>15</sup> Материалы по истории казахских ханств. С. 56, 57, 99; Шейбаниада. С. 61.

<sup>16</sup> Таварих-и гузида-Нусрат-наме / Иссл., крит. текст., аннот. огл. А. М. Икрамова. Ташкент, 1967. С. 27, 268.

<sup>17</sup> Материалы по истории казахских ханств. С. 57.

<sup>18</sup> *Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды*. С. 515.

<sup>19</sup> Таварих-и гузида-Нусрат-наме. С. 267.

своем юрте в Нагаех. А как... над дедом моим ссталась незгода, и он... поехал служить к астороханскому царю»<sup>20</sup>. Там Тимур занял уже обычную для Едигеевича должность беклербека (эмира эмиров, по Бинаи) и являлся «одним из наиболее великих и уважаемых» (по Махмуду б. Вали).

Вот к этому-то сановнику и направились Шейбани с братом и их наставник-аталык Карачин-бахадур, опекавший царевичей по приказу покойного Абу-л-Хайра. Объединенные рати союзников осадили Хаджи-Тархан. Тимур, которому хан Касим поручил обоих хан-заде (царевичей), посоветовал им убраться из города подобру-поздорову, пока не поздно. По выходе из города Шейбани пришлось пробиваться сквозь 100-тысячную (или 150-тысячную) армию Ахмеда<sup>21</sup>.

Через некоторое время Тимур решил сменить юрт и, покинув Астрахань, обосновался при Ахмеде. В октябре 1478 г. крымский бек ширинского зля Аминек сообщил османскому султану, что Ахмед намерен возвеличить Тимура и в этом случае тот сделается опасным для Крыма, так как к нему, Тимуру, присоединятся крымские подданные<sup>22</sup>. Хотя из этой информации можно было бы заключить, что Тимур объявился при Ахмедовом дворе только в 1477 или 1478 г., есть сведения о его высоком статусе там задолго до письма Аминека. В 1470 г. польско-литовский король Казимир IV направил в Орду посольство с планом удара по Руси с двух сторон. Королевский посол «многие дары принес к нему (хану Ахмеду. – В. Т.), тако же и ко князем его, к Темирю и к прочим, от короля»<sup>23</sup> – как видим, Тимур назван первым среди князей и единственным из них по имени. Видимо, он стал беклербеком еще при Махмуде и сохранил свой пост при его брате.

Укрепившаяся Большая Орда начала активные контакты с ближними и дальними монархами<sup>24</sup>. После долгого перерыва ханские посланцы

<sup>20</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 230об.

<sup>21</sup> Материалы по истории казахских ханств. С. 100, 362; Таварих-и гузида-Нусрат-наме. С. 267, 268; Шейбаниада. С. 61, 62. При анализе описываемых событий возникают сложности с хронологией. Шейх-Хайдар погиб вскоре после смерти своего отца, наступившей в 1468/1469 г., т.е., допустим, в 1470 г. Шейбани бежал в Хаджи-Тархан вскоре после смерти Шейх-Хайдара – допустим, в 1471 г. Но мы убедились, что в 1475 г. на астраханском троне находился Махмуд, а его сын Касим стал ханом не ранее 1476 г. Пока мне видится два объяснения. Или Шейбани жил в Хаджи-Тархане несколько лет, пока объединенные рати врагов не решились выбить его оттуда. Или Касим стал ханом еще при живом отце, превратившись в его младшего соправителя.

<sup>22</sup> *Le khanate de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı*. P. 70, 71, 73.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 28. С. 121, 291.

<sup>24</sup> Эпизодические связи с тимуридскими владениями иллюстрируются жеманью Ахмеда на Бадке-бегим, сестре правителя Хорасана Султан-Хусейна

появились в Стамбуле. Известны два послания султану Мухаммеду II (Мехмеду Фатиху), направленные Махмудом (от 10 апреля 1466 г.) и Ахмедом (май–июнь 1477 г.). Приблизительно в 1475–1477 гг. Мехмед Фатих в своем письме оповестил Ахмеда о завоевании Кафы и походе турок на Молдавию. По форме это был типичный *сююнч* (радостная весть о победах), но в подтексте скрывалось предупреждение Большой Орде не враждовать с Менгли-Гиреем – османским ставленником в Крыму<sup>25</sup>.

Послание Махмуда ограничивается изъявлениями в дружелюбии и предложением поддерживать обмен посольствами и поощрять торговый обмен. Никаких политических заявлений в этом документе нет, что неудивительно: письмо написано в глухих заволжских степях («на берегу Азуглы Узен»), куда Махмуд удалился, проиграв Ахмеду борьбу за власть. Хотя И. В. Зайцев предположил, что здесь просматривается попытка наладить союз против какой-то третьей силы – может быть, Крыма<sup>26</sup> или, добавим, победителя-брата.

Послание Ахмеда более интересно для анализа. Больше всего исследователей интересуют его противоречивые стиль, тон и нюансы терминологии<sup>27</sup>. Отмечается, что, с одной стороны, хан достаточно подобострастно обращается к падишаху, обещает выступить с войсками по его приказу куда угодно, называет его господином султанов, властелином и великим государем; вообще документ составлен в канонах обращения к более могущественному государю. Но, с другой стороны, глава Большой Орды обращается к султану как к «брату моему», т.е. равновеликому правителю, и подчеркивает, что он, Ахмед, является потомком Чингис-хана, тем самым претендуя на все золотоордынские владения. Неудивительно, что Порта холодно отнеслась к подобным амбициям далекого татарского царька, и отношения, очевидно, заглохли: более не известны свидетельства дипломатических отношений между ними.

---

Байкары (Бабур-наме. Записки Бабур / Пер. М. Салье. Ташкент, 1993. С. 172).

<sup>25</sup> Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов. С. 244.

<sup>26</sup> Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. С. 86.

<sup>27</sup> Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 84; Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 49; Миргалеев И. М., Камалов И. Х. К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008. Вып. 1. С. 92, 93; Рахимова А. Письмо золотоордынского хана Ахмеда турецкому султану Фатих Мехмеду // Гасырлар авызы = Эхо веков. Казань, 1997. № 3/4. [http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997\\_3\\_4/02/02\\_1/](http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997_3_4/02/02_1/); Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов. С. 244, 245.

Соперничество между Большой Ордой и новообразованным Крымским ханством началось, едва первый династ-Гирей утвердился у власти. Смысл этой борьбы заключался не только в установлении гегемонии на территории бывшей Золотой Орды – хотя бы ее правого крыла (левое располагалось далеко и было недоступно для большеордынцев и Гиреев: там набирали силу «бесчисленные ногаи»). Благодатная Таврида с ее полями, пастбищами, богатыми городами и торговыми портами привлекала большеордынцев, прозябавших по воле судьбы в скудных степях Западного Дешта<sup>28</sup>.

Как уже говорилось, летом 1465 г. Хаджи-Гирей разгромил на Дону Махмуда, изготовившегося к походу на Русь. К. В. Базилевич увидел здесь альянс крымцев с Иваном III, а Л. Коллинз – показатель временного завоевания ими Большой Орды<sup>29</sup>. Прямого подтверждения в источниках этим версиям я не нашел. Единственное, в чем можно быть точно уверенным, – это то, что поражение роковым образом ослабило Махмуда и привело к отходу от реальной власти в Орде.

Перехвативший власть Ахмед действовал в отношении Крыма достаточно осторожно, дожидаясь стечения обстоятельств, когда внутри ханства оформятся силы, на которые Большая Орда могла бы опереться. Такой случай представился летом 1466 г., когда сыновья скончавшегося Хаджи-Гирея вступили в борьбу за престол. Царевич Нурдевет попросил у Ахмеда ярлык на Крымский юрт. Очевидно, он пытался придать своему правлению легитимность посредством этой чисто золотоордынской процедуры (на помощь литовцев – традиционных патронов Крыма он в то время не мог рассчитывать). Лестная просьба, означавшая признание большеордынского хана верховным государем, была тут же с радостью удовлетворена Ахмедом. Ярлык превращал Крым в его подвассальное владение. Однако местная знать вовсе не желала подчиняться правителю Тахт эли. В результате долгих интриг и после вспышки вооруженной борьбы в Крыму Нурдевет лишился трона. Ахмедов ярлык скорее помешал, чем помог ему в схватке за трон. Ханом был провозглашен Менгли-Гирей.

Еще одну попытку включить Крым в сферу своего господства Ахмед предпринял через десять лет. В то время среди тамошних беков назрели столь глубокие противоречия, что некоторые из них решили прибегнуть к помощи Большой Орды. Лидеры ширинского эля Аминек и Хаджике оказались в протовоборствующих лагерях. Хаджике и

<sup>28</sup> Об экономической подоплеке борьбы между Крымским ханством и Большой Ордой см.: *Зайцев И. В.* Разгром Большой Орды. С. 50.

<sup>29</sup> *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 59; *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502. P. 376, 377.

глава эля барынов Абдулла привели из Орды некоего султана (царевича) Джанибека, но были отбиты войсками, собранными Аминекком. Дождавшись, когда летом 1476 г. крымское войско во главе с Аминекком по приказу османского падишаха отправится в поход на Молдавию, Джанибек во главе большой рати, данной ему Ахмедом, ворвался на полуостров и занялся грабежами. Спешно вернувшийся Аминек, столкнувшись с большим перевесом сил у противника, укрылся в крепости. Вместо свергнутого Нурдевлета (он в тогдашней сумятице смог на короткое время занять престол) ханом стал Джанибек. Фактически произошло кратковременное объединение двух ханств. В 1486 г. Муртаза б. Ахмед писал о тех временах Нурдевлету, обретавшемуся в Касимове: Ахмед «с вашим юртом наш юрт как бы один учинил»<sup>30</sup>.

О правлении большеордынского ставленника ничего не известно, но положение его было очень шатким. Джанибек выяснял у Ивана III возможность поселиться в московских владениях на случай, если придется оставить Крым. Уже весной 1478 г. Нурдевлет, вернувшийся к власти, отправил послов в Польско-Литовское государство<sup>31</sup>.

О происхождении Джанибека есть разные мнения. Его считают племянником Ахмеда или конкретно – сыном Махмуда<sup>32</sup>. И. Вашари полагает, что это сын Ахмеда<sup>33</sup>, что согласуется с сообщениями русских летописей об отправлении Ахмедом на Крым в 6984 (1475/1476) г. своего сына (не названного по имени) с татарским войском и завоевании им полуострова<sup>34</sup>.

Память о ханствовании в Крыму Джанибека, а фактически Ахмеда, отразил крымский актовый материал. В шарт-наме, заключенном в 1478/1479 г. между ханом Менгли-Гиреем и жителями города Кырк-Ер, содержится требование к ним не впускать в город людей, объявляющих себя потомками Хаджи-Гирея (помимо законного хана) или Саид-Ахмеда<sup>35</sup>.

<sup>30</sup> СИРИО. Т. 41. С. 69.

<sup>31</sup> Подробное описание этих событий со ссылками на источники: *Гайворонский О.* Повелители двух материков. С. 55–57; *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата. С. 71–75; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. С. 47, 48.

<sup>32</sup> *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 88; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. С. 47.

<sup>33</sup> *Vasary I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qïrq-yer from 1478/79 // *Central Asiatic Journal.* 1982. Vol. 26. № 3–4. P. 297.

<sup>34</sup> ПСРЛ. Т. 8. С. 183; Т. 12. С. 168; Т. 24. С. 195.

<sup>35</sup> *Vasary I.* Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qïrq-yer from 1478/79. P. 295. И. Вашари считает, что под Саид-Ахмедом здесь подразумевается именно большеордынский Ахмед, который в 1476 г. посадил в Крым своего ставленника Джанибека (*Idem.* P. 297–299). Можно было бы видеть здесь память о том Саид-Ахмеде, который некоторое время владел Крымом в 1440-х гг. В средневековых текстах Ахмед б. Кучук-Мухаммед прямо не именуется Саид-

Отношения Большой Орды с Польско-Литовским государством – покровителем ненавистных Гиреев – складывались поначалу враждебные. К 1469 г. относится известие Длугоша о большом набеге на Великое княжество Литовское<sup>36</sup>. Полчища татар во главе с сыном заволжского царя Маниака (у Стрыйковского – с самим Маниаком) перешли Днепр и, разделившись на три части, обрушились на Волынь, Житомирщину, Львовщину. Всюду они произвели большие опустошения, забрали в полон тысячи людей. Предупрежденный Менгли-Гиреем о надвигающемся нашествии Казимир приказал наместникам организовать оборону, но отразить врага они не сумели или не успели. Те татарские отряды, что направились было в Молдавию, были разбиты там местным воеводой Стефаном. В плен попал сын Маниака. Хан прислал к воеводе послов с просьбой освободить царевича. Стефан не внял прощению и приказал четвертовать знатного пленника на глазах послов, а затем прикончить и их самих. Оставили в живых одного татарина, которого отправили назад с наказом рассказать Маниаку о казни<sup>37</sup>.

Имя Маниака не поддается идентификации. По логике событий, разобранных выше, этим заволжским царем должен был быть Ахмед. Комментаторы польского издания хроники Яна Длугоша полагают, что Маниак, – это Махмуд б. Кучук-Мухаммед, произвольно предлагая вариант его имени Мамак. Однако к 1469 г. Махмуд исчез из большой политики, и во главе Орды стоял его брат Ахмед, который уже в 1465 г. выдал Нурдевету ярлык на Крым. Если Маниак (в «Хронике литовской и жмойтской» – Монак) – это не какой-нибудь переименованный тюркский эпитет Ахмеда, то остается подбирать деятелей той эпохи с похожими именами. Один из них – бек крымских ширинов Аминек, участие которого в описываемых событиях невероятно. Другой – таинственный хан Мангышлак, младший брат Ахмеда и Махмуда, о котором очень кратко и путано написано у Махмуда б. Вали, а в остальных

---

Ахмедом. Но в компендиуме Шихабуддина Марджани (XIX в.) он упомянут как «ас-Сайид Ахмад ад-Дашти – правитель Сарая» (Очерки Марджани о восточных народах / Вступ. ст., комм., пер. с араб., старотатар. яз., примеч. А. Н. Юзева. Казань, 2003. С. 125); а в письме Муртазы б. Ахмеда Нурдевету 1486 г. о смерти Ахмеда сказано так: «...на Божей покой пошоль святой Ахмать царь» (СИРИО. Т. 41. С. 69). Очевидно, словом «святой» русский переводчик передал арабское *сайид*.

<sup>36</sup> В других хрониках это событие датировано 1461 и 1480 гг. (ПСРЛ. Т. 32. С. 90, 214). Но Длугош уточняет: нападение татар произошло во время поездки короля Казимира IV с королевой Эльжбетой в Литву в ноябре 1469 г.

<sup>37</sup> Joannis Dlugosii annals... S. 254–256; Kronika polska, litewska, zmódzka... S. 271.

немногих источниках он зафиксирован только как звено в генеалогических перечнях<sup>38</sup>.

Но уже через два года между двумя государствами наметилось коалиционное партнерство. Противостояние с Московским государством толкало Ахмеда и короля Казимира к военному союзу. В 1470 г. из Кракова в Орду приехал посол Кирей Кривой с предложением совместного удара по Руси. Эту идею с энтузиазмом подхватили высшие беки во главе с Тимуром. Однако Ахмед долго колебался: целый год Кирей провел у него в ставке, и хан не отпускал его домой, «ради зацѣпокъ своихъ», т.е. из-за каких-то препятствий<sup>39</sup>. Этими «зацепками» могли быть внутренние конфликты<sup>40</sup>, но не исключено и нежелание хана нападать на «выполняющего свои обязанности вассала» – Ивана III<sup>41</sup>.

Тем не менее в конце концов переговоры продолжились. Активность поляков и татар стимулировалась наступлением московского государя на Великий Новгород, который имел давние и тесные связи с польско-литовскими властями, а также своеобразными отношениями Казимира IV с Крымом. В 1472 г. Менгли-Гирей выдал ему ярлык на русские земли Великого княжества Литовского и на Новгород. Может быть, Казимир добивался того же и от Ахмеда<sup>42</sup>. Это предположение А. А. Горского подтверждается письмом Менгли-Гирея панам рады Великого княжества Литовского 1506 г. Хан упрекал адресатов в забвении прежних тесных связей, которые теперь перечеркиваются, дескать, контактами Польско-Литовского государства с враждебной Большой Ордой. Он напоминал, что в свое время Тохтамыш дал Витовту Киев, Смоленск и другие города. Впоследствии ярлыки на эти города подтверждали крымские ханы Хаджи-Гирей и Нурдевлет. Посольство Казимира привезло Менгли-Гирею старый ярлык Хаджи-Гирея на Киев и Смоленск и получило от него подтверждение этих пожалований; кроме того, по просьбе короля хан вписал туда рязанские города и Одоев. Менгли-Гирей призывает вспомнить эти связи и проговаривается: «Наши ярлыки в скарбе в(а)шом есть, посмотрите, от Темир Кутлу ц(а)ря, и от Ахмата ц(а)ря, о таковых писаных городех и о приязни и о братстве ярлыки взятые»<sup>43</sup>. Таким образом, Казимир действительно сумел вытребовать в Большой Орде ярлык на русские города, хотя, впрочем, Великий Новгород среди них ни в каком виде не фигурировал.

<sup>38</sup> *Трепавлов В. В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке.

<sup>39</sup> *Иосафовская летопись* / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957. С. 62; ПСРЛ. Т. 12. С. 124.

<sup>40</sup> *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 32.

<sup>41</sup> *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 158.

<sup>42</sup> Там же.

<sup>43</sup> *Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 59.*



Кирей Кривой вернулся к своему сюзерену в сопровождении татарского посольства. Средства на содержание этих татар, прибывших в августе 1471 г., были внесены в соответствующий перечень расходов краковского двора<sup>44</sup>.

От продолжения целенаправленного сколачивания антимосковской коалиции короля отвлек конфликт с Венгрией, и следующий цикл переговоров с Большой Ордой прошел в 1479–1480 гг. Очевидно, в то время в результате обмена посольствами был заключен официальный договор о совместных действиях. Этим союзом крымцы с горечью попрекали поляков через много лет: «...и тежь некако хотели были тыи присяги свои рушити и тогыды присяги рушившы зь завольским царемь и зь Ахьметь царемь... в братьства и прыязни зашли»<sup>45</sup>.

Среди редких контактов Большой Орды с Западной Европой особое место занимает попытка налаживания связей с Венецией. Торговая республика терпела убытки и теряла территории из-за османской экспансии. Венецианский сенат на основании данных, полученных от коммерсантов, решил, что хан Ахмед может быть достойным противовесом, который способен начать войну с турками и тем самым отвлечь их силы от Средиземноморья. В апреле 1471 г. на восток, в неведомую Татарию, отправился секретарь сената Джан Баттиста Тревизан. Его задачей было расхвалить перед ханом могущество Орды, объяснить воинственный замысел венецианцев и вручить подношение – 16 локтей сукна. Путь Тревизана лежал через Москву, где из-за интриг обосновавшихся там соотечественников он задержался (просидев в заточении) почти на три года. Наконец Иван III приказал освободить его, и вместе с московским послом и ордынским послом, возвращавшимся на родину, венецианец отправился в Дешт-и Кипчак.

Какие-либо подробности его пребывания в Орде источники не отразили. Известно лишь, что Тревизан прибыл обратно в Венецию в апреле 1476 г. в сопровождении послов от хана Ахмеда и беклербека Тимура. Встреченные с величайшим почетом послы передали согласие ордынских властей двинуть 200-тысячную конницу на турок при условии выплаты хану значительной суммы в дукатах и оделения богатыми подарками. Через несколько месяцев они вместе с Тревизаном пустились в обратный путь. Их возвращение предвещал гонец, посланный итальянцами к Ахмеду с известием о благоприятном исходе переговоров. Однако польский король Казимир, обеспокоенный наметившимся альянсом Венеции и Большой Орды как угрозой польско-литовским рубежам, направил сенату посланца с соответствующими возражени-

<sup>44</sup> *Grodecki R. Rachunki wielkorządowe krakówskie z r. 1471. Kraków, 1951. S. 412–415.*

<sup>45</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 1187, 1196.

ями. Сенаторы, посоветовавшись, решили не ввязываться в экзотическую коалицию с татарами. Тревизан с полдороги был отозван назад<sup>46</sup>.

Отношения Большой Орды с Московским государством поначалу складывались традиционно, исходя из двухвековой даннической зависимости русских земель от Улуса Джучи. В XV в. постепенно отошли в прошлое визиты великих князей в Орду, и с 1440-х гг. контакты между двумя государствами поддерживались через послов. Московские правители объясняли регулярные взаимные визиты посольств не фактом выплаты выхода или получения ярлыков (что было бесспорным для соседей), а установлением таких порядков «от отцов и от дед и от прадед» или географической близостью владений<sup>47</sup>.

Летописи зафиксировали довольно активный обмен посольствами в 1470-х гг. Наиболее показателен приезд в Москву посланца Ахмеда Бочуки в июле 1476 г. с требованием к Ивану III явиться «къ царю въ Орду»<sup>48</sup>. Не случайно сообщение об этом посольстве помещено сразу за упоминанием войны Ахмеда с Менгли-Гиреем. Думается, правы те историки, которые увидели связь между этими событиями, а именно: стремление Ахмеда восстановить прежнюю, золотоордынскую государственность – собрать под своей властью отпавшие юрты и заставить русских данников приезжать в Орду с изъявлением покорности и за ярлыками<sup>49</sup>.

Если это так, то Ахмед просчитался. Московское государство набирало силу и все более тяготилось обязанностью собирать для хана выход. При Иване III выплата дани была прекращена. Долгое время считалось, что Иван Васильевич воспользовался занятостью Большой Орды крымскими делами и перестал отправлять дань в 1476 или 1477 г.<sup>50</sup> Однако последние исследования показывают, что к освобождению от исполнения даннических обязанностей Москва шла постепенно. В 1440–1460-х гг. выход отправлялся в Орду с большими перебивами, а окончательно перестал выплачиваться в 1471 г.<sup>51</sup> Этим и объ-

<sup>46</sup> *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 96, 97, 495; *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 87–89; ПСРЛ. Т. 12. С. 142, 152, 154–156; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 187.

<sup>47</sup> См.: СИРИО. Т. 41. С. 4, 10.

<sup>48</sup> ПСРЛ. Т. 8. С. 183; Т. 12. С. 108.

<sup>49</sup> *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 162; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 34.

<sup>50</sup> *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 108; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. С. 48.

<sup>51</sup> *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 153–162.

ясняются сравнительно частые наезды Ахмедовых послов к Ивану III: «царь» требовал положенной и завещанной предками дани.

Кульминацией нараставшего конфликта стало Стояние на Угре 1480 г. – самый знаменитый и досконально изученный эпизод русско-ордынских отношений XV в. Как известно, осень и начало зимы 1480 г. Ахмед провел в бесплодном и бессильном стоянии на берегу Угры, притока Оки, напротив московской армии Ивана III, не решаясь напасть на русских и тщетно поджидая союзное польское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом во свояси на юг и распущена по улусам. Мы не станем повторять общеизвестных подробностей. Укажем лишь, что трактовка исхода «Угорщины» среди татар и поляков существенно отличалась от московской версии.

Сын Ахмеда, хан Шейх-Ахмед, в послании Александру Казимировичу 1497 г. называл причиной отступления ордынских войск настойчивость ханского окружения, которое отговаривало своего повелителя от боевых действий из-за неприбытия поляков: «На Ивана гневающысе, царь, отецъ нашъ, всел на конь, и вашъ отец, король, на тот рокъ не пошоль. Ино наши уланы и кн(я)зи отцу нашему молвили: Иван и твои холопъ, и королевы есть, ино корол на тот рокъ с тобою не пошол, и ты вернися... И взяли отца моего за повод и вернули. А потом на отца нашего Божья ся воля стала»<sup>52</sup>.

Мацей Стрыйковский в своей хронике объясняет провал кампании алчностью и интригами беклербека. Заволжский царь стал-де на реке Угре, ожидая вестей от короля Казимира, а тем временем московский князь прислал богатые дары и поминки «гетману царскому князю Тимуру». Тот стал убеждать царя отступить. Хан послушался, и «тогда Тымир гетман его, за подарки князя великого, зарезал» Ахмеда<sup>53</sup>. Приписывание Тимуру этого убийства, да еще намеренно для выгоды русских, видимо, имело довольно широкое и долгое хождение в тюркской среде. В 1549 г. правитель Ногайской Орды бий Юсуф также уверял Ивана IV, что «Ахмата царя брат наш (на самом деле дядя. – В. Т.), Темир князь убил братства для з белым князем»<sup>54</sup>.

Во всех других источниках гибель Ахмеда описана совсем иначе. В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило ставку Ахмеда, а самого хана убил ногайский мирза Ямгурчи б. Ваккас<sup>55</sup>. В некоторых летописях указывается, что Ахмеда убил тюменский хан Ибак,

<sup>52</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 125.

<sup>53</sup> Kronika polska, litewska, zmódzka... S. 284.

<sup>54</sup> Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Подгот. текста Н. М. Рогожина. Махачкала, 1995. С. 308.

<sup>55</sup> Иоасафовская летопись. С. 122; ПСРЛ. Т. 6. С. 232; Т. 12. С. 20, 23; Т. 18. С. 268; Т. 19. С. 39; Т. 25. С. 328; Т. 39. С. 268.

возглавивший этот поход<sup>56</sup>. По мнению А. А. Горского, это разночтение может объясняться стремлением каждого из партнеров по коалиции в переписке с Москвой приписать убийство хана себе<sup>57</sup>. Из отдельных летописных текстов можно почерпнуть любопытные детали: численность сибирско-ногайской армии (16 тыс.), указание на убийство Ахмеда рано поутру, пленение Ибаком дочери Ахмеда<sup>58</sup>.

Я. С. Лурье подверг сомнению летописную дату нападения 6 января 1481 г. на основании того, что версия рассказа о Стоянии на Угре, изложенная в летописях, насыщена фантастическими подробностями явно устного происхождения<sup>59</sup>. Однако такой независимый от русских хронистов источник, как Литовская метрика, сохранил письмо крымского хана Менгли-Гирея Казимиру IV, где те же события датированы тоже январем 1481 г., хотя и другим днем: «Генвара месеца у двадцат первы пришед цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи пришед, Ахматову орду подоптали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и улусы побрали, побравши, прочь пошли»<sup>60</sup>.

<sup>56</sup> ПСРЛ. Т. 26. С. 274; Т. 28. С. 315; Т. 33. С. 124.

<sup>57</sup> Горский А. А. Москва и Орда. С. 177, 178.

<sup>58</sup> Летописец, содержащий в себе российскую историю... С. 188; ПСРЛ. Т. 26. С. 274; Т. 33. С. 124.

<sup>59</sup> Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 186.

<sup>60</sup> Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Kraków; Warszawa, 1881. S. 209. Анализ этого сообщения с идентификацией упомянутых в нем лиц: Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 114, 115; Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. С. 97, 98.

## БОЛЬШАЯ ОРДА В КОНЦЕ XV ВЕКА

После гибели Ахмеда, полного и унижительного разгрома его ставки ногаями Большая Орда уже не имела сил для ощутимого участия в политической жизни (хотя в историографии есть мнение, что она «оставалась важнейшим компонентом международной политики в Восточной Европе, определяя отношения между собой остальных восточноевропейских государств»<sup>1</sup>). Оценка ситуации польским историком Ф. Конечны представляется более реалистичной: «Кипчакская гражданская война перешла как бы в положение хронической; ордынская fortuna раз за разом менялась»<sup>2</sup>. Последнее двадцатилетие истории Тахт эли было отмечено его неуклонным ослаблением, неудачными попытками лавирования между сильными соседями, уменьшением населения, экономическим упадком, внутренними распрями.

Освободившийся престол перешел к сыновьям Ахмеда. В «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека приводятся десять имен этих царевичей: от ханши Бикай-бегим: Муртаза, Идику, Хусейн, Девлет; от другой ханши: Шейх-Ахмед, Куджак, Джанай; от ханши Уйшун-бегим: Саид-Махмуд, Саид-Ахмед, Бахадур; Муртаза, Хусейн, Шейх-Ахмед, Саид-Махмуд и Саид-Ахмед названы ханами. В «Муиззе» сходный набор имен, но Саид-Махмуд назван Саид-Мухаммедом, Джанай – Джанибеком, Идику – очевидно, Уки, Куджак – очевидно, Ходжа-Мухаммедом<sup>3</sup>.

Татары Большой Орды, оставшись без правителя, кочевали по степи под пристальным вниманием враждебных соседей. Менгли-Гирей в послании к Казимиру 1482 г. сообщал о присутствии «неприятелей наших сильных» «на той стороне», но при этом с удовлетворением от-

---

<sup>1</sup> Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. С. 58.

<sup>2</sup> Konieczny F. Sprawy z Mengli-Girejem (1473–1504) // Ateneum Wilenskie. Rok IV. Zeczyt 12. Wilno, 1927. S. 153.

<sup>3</sup> Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1. С. 241; Муизз ал-ансаб. С. 436.

мечал, что «голодны и худы сии люди». По его сведениям, эти «столечные улусы» намереваются переместиться к днепровским притокам Орелу и Самаре, и королю надо бы на всякий случай приказать выжечь в той местности степь, чтобы не пускать ордынцев к своим границам<sup>4</sup>. В то время Орда оставалась безначальной. Уцелевшая правящая элита пребывала в растерянности и пыталась найти поддержку в окрестных государствах. Ни весной 1481 г., ни через год в Москве не знали, кто возглавляет Тахт эли, и отправлявшимся в Бахчисарай послам было велено выведывать, «кто будет на том юрте на Ахматове месте царь», «которой царь будет на Ахматове месте»<sup>5</sup>.

Беклербеку Тимур у удалось уйти невредимым от сибирско-ногайского набега. Прихватив с собой детей Ахмеда, он направился к хану Менгли-Гирею в Крым. Его не остановила принадлежность того к враждебному лагерю (крымцы приняли сторону Москвы против Орды и Польско-Литовского государства). Уже в том же 1481 г. Менгли-Гирей извещал Казимира IV, что «князь Тимир з Ахмата царевыми детми и з слугами к нам прибегли... Я пак Ахматовым детям, которые к нам пришли, и Темиру коней и портищ (одежды. – В. Т.) много дали есмо; а еще много есмо им одолжили ся»<sup>6</sup>. Таким образом, ордынские беженцы нашли на Таврическом полуострове приют и достаток. Крымский хан решил принять еще недавно могущественного беклербека и окружил его почетом. Из Крыма Тимур писал в Польшу: «А мене самого как царя видь, река так: он есть гость (т.е. приехал в Крым. – В. Т.), а им служил, а з прирожения царов слуга есть... великий человек есть»<sup>7</sup>.

Но «Ахматовых детей» – царевичей Муртазу и Саид-Махмуда – вовсе не прельщала участь почетных приживалок в Бахчисарае. Через некоторое время (вероятно, через два-три года) Саид-Махмуд вместе с Тимуром вернулся в Большую Орду. Там Тимур занял свой прежний высокий пост. Муртазу успел захватить в заложники Менгли-Гирей, разгадавший реэмигрантские замыслы «гостей». В отместку беглецам отряд хана направился на север и последний «останок Орды розгонял». Собрав по степи большеордынское ополчение, новый хан Саид-Махмуд с главным беком решили идти выручать Муртазу. Первой задачей было узнать, стоят ли в Крыму турецкие войска. Когда выяснилось, что нет, кавалерия Большой Орды двинулась на Менгли-Гирей. Муртаза был освобожден, а сам хан тайком бежал от своей армии и

<sup>4</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4. P. 90.

<sup>5</sup> СИРИО. Т. 41. С. 26–28, 31.

<sup>6</sup> *Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). S. 209.*

<sup>7</sup> Сборник Муханова. С. 36.

срочно вызвал на подмогу османов. Не дожидаясь подхода воинов султана, ордынцы спешно удалились восвояси<sup>8</sup>.

Оказавшись в Дешт-и Кипчаке, ордынцы наконец занялись восстановлением своей государственности. На ханский трон были возведены сразу двое – Муртаза и Саид-Махмуд<sup>9</sup>. В текстах московского происхождения они впервые упомянуты в грамоте Ивана III, направленной послу в Бахчисарае В. Ноздреватову в июне 1484 г.<sup>10</sup> В августе того же года Муртаза оповестил короля Казимира: «Первеи Охмать царь, одинь царь былъ, а нине два цари есмо з братомъ моимъ Седихматомъ...» В другом письме он подчеркивал свой легитимный монархический ранг: «...ты, как еси ц(а)ра Ахмата видель, мене по тому же видь...»<sup>11</sup> Но и в этих, и в других его посланиях 1484 г. просматриваются конфликтные отношения в Орде. Муртаза неоднократно заявляет, будто не имеет представления, где находятся сейчас его брат и соправитель, а также главный бек Тимур<sup>12</sup>.

В конце концов Муртаза полностью рассорился с братьями. Его место на троне занял Шейх-Ахмед; ханом-соправителем оставался Саид-Махмуд. Муртаза вынужден был демонстративно отделиться от родичей («от нихъ отъехал... в поле») и проситься на жительство в Великое княжество Литовское<sup>13</sup>. Король не возражал, но до эмиграции дело не дошло.

Тимур скончался между 1484 г. и мартом 1486 г.<sup>14</sup> Мангытский юрт в Большой Орде и должность беклербека при Саид-Махмуде перешли к его племяннику Джанкуввату<sup>15</sup>. Брат Джанкуввата Хаджике (Хаджи-Ахмед) занимал тот же пост при Шейх-Ахмеду. С 1490 г. о Джанкуввате в Орде уже не слышно, и на первое место среди беков выдвигается Хаджике<sup>16</sup>.

После смерти опытного политика Тимура, сдерживавшего амбиции царевичей, в ханском семействе разгорелись ссоры, и ханы стали меняться с удивительной быстротой. Порой сложно разобраться в соправительственных комбинациях, ведь до конца истории Большой Орды единого государя в ней уже не было. В августе 1490 г. на переговорах в Москве ногайский посол назвал главных врагов своей Орды: «Ахьма-

<sup>8</sup> ПСРЛ. Т. 8. С. 216; Т. 12. С. 217; Т. 28. С. 318; СИРИО. Т. 41. С. 53.

<sup>9</sup> В разных источниках это имя передается как Седихмат, Седехмат, Сеить Мягаметь, Махмут.

<sup>10</sup> СИРИО. Т. 41. С. 43.

<sup>11</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4. P. 98, 99.

<sup>12</sup> Idem. P. 98, 100.

<sup>13</sup> Idem. P. 144.

<sup>14</sup> Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 124.

<sup>15</sup> СИРИО. Т. 41. С. 74.

<sup>16</sup> В начале 1490-х гг. Джанкувват жил не в Большой Орде, а в Крыму. Его сыновья женились на дочерях Менгли-Гирея, а сам бек «царева Менли Гиреева царева добра смотрил» (СИРИО. Т. 41. С. 50, 173, 307, 352).

товы дети царева, Муртоза и Седехмет и их братья»<sup>17</sup>. Т.е. в то время Муртаза опять занял трон.

Саид-Махмуд, видимо, предпочитал не ввязываться в свары между старшими братьями и устраивал всех как младший соправитель. Но, очевидно, наступил момент, когда нужно было делать однозначный выбор между ними. Саид-Махмуд принял сторону Шейх-Ахмеда, чем настроил против себя Муртазу. В мае 1491 г. московский посол В. Ромодановский прислал донесение из Бахчисарая с изложением разъяснений Муртазы насчет ордынско-крымской вражды, данных им османскому султану: «...тогда был на царстве брат мой Сиде-Ахмат, тот с ним (Менгли-Гиреем. – В. Т.) был не в миру... да того нынеча не стало на царстве, и яз с ним с своим братом (Менгли-Гиреем. – В. Т.) в братстве да в миру...»<sup>18</sup>

Но в действительности «на царстве» Саид-Махмуд остался, только соправительствовал он уже с другим своим братом. В том же мае 1491 г. Ивану III узнал, что «идуть ординские цари Сеить-Ахметъ и Шигъ-Ахметъ съ силою на царя Мин-Гиреа Кримскаго»<sup>19</sup>. Скорее можно полагать, что Муртаза был отстранен от власти. В октябре того же года Ромодановский доносил, что тот приезжал в турецкий Азак, а потом оттуда «пришел в Орду и с коня ссел, а еще... не на царстве... А в Орде... на царстве Шиг-Ахмет царь да Сеит Махмут царь»<sup>20</sup>. Выражения «всести на конь» и «ссести с коня» означали соответственно начало и окончание какого-нибудь дальнего пути – обычно военного похода, но в данном случае речь скорее шла о разъездах смещенного хана по степным улусам и окрестным владениям. Бежавший из ордынского плена татарин рассказал, что Муртаза отправился к Хаджи-Тархану со зловещим умыслом: «хочет привести ногаев на Орду»<sup>21</sup>. Фраза «еще не на царстве», кажется, свидетельствует о намерении его вернуться к власти. Но ровно через год в Москву поступила информация о том, что в Тахт эли по-прежнему «Шиг-Ахмет да Сеит Магмут цари»<sup>22</sup>.

Привлечь ногаев на свою сторону Муртазе не удалось. Шейх-Ахмед сумел наладить альянс с ними более успешно. Он женился на дочери ногайского бия Мусы. Ордынская знать увидела в этом потенциальную опасность установления зависимости Тахт эли от многочисленных и воинственных ногаев. Новоявленный зять Мусы был смещен с престола, а на его место снова посажен Муртаза. Младшим соправи-

<sup>17</sup> Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 29.

<sup>18</sup> СИРИО. Т. 41. С. 112.

<sup>19</sup> ПСРЛ. Т. 8. С. 223; Т. 12. С. 228.

<sup>20</sup> СИРИО. Т. 41. С. 118–119.

<sup>21</sup> Там же. С. 113.

<sup>22</sup> Там же. С. 168.



телем остался Саид-Махмуд<sup>23</sup>. Детали этой интриги не совсем ясны. Через некоторое время Муртазу отрешили от власти и вернули на трон Шейх-Ахмеда. Муртаза предпочел уехать подальше от скандальных братьев – на Терек. За ним последовал Хаджике<sup>24</sup>. Оба они безуспешно попытались добиться от Ивана III дозволения поселиться на Руси<sup>25</sup>. Причем Муртаза, оставшись без власти, продолжал обладать монаршим рангом. В 1495 г. он в обращении к Александру Ягеллону титуловал себя царем<sup>26</sup>.

Место Хаджике в Большой Орде занял Таваккул б. Тимур. В Скарбовой книге Великого княжества Литовского под 1502 г. он значится как «великий князь Тювикель»<sup>27</sup>. В разлагающемся государстве он старался объединить враждующих царевичей и их подданных, чтобы противостоять могучим противникам, прежде всего крымцам (Менгли-Гирея Таваккул считал врагом, хоть и женился когда-то на его сестре). Великий князь Александр Казимирович неоднократно призывал его склонять хана к дружелюбному отношению к западным соседям и отговаривать от набегов на литовские земли, видя в Таваккуле главное лицо «подле цара»<sup>28</sup>. В марте 1500 г. беклербек направил посла в Литву, предлагая Александру установить те же дружественные отношения, что были между их отцами Казимиром и Тимуром в 1470-х гг.<sup>29</sup> Из грамоты Александра Казимировича в Ногайскую Орду известно, что виленский государь благосклонно отнесся к этой идее и объявил хана Шейх-Ахмеда и его главного бека своими «приятелями»<sup>30</sup>.

<sup>23</sup> СИРИО. Т. 41. С. 180, 211, 212. А. П. Григорьев резонно полагает, что инициатором переворота являлся Хаджике, усмотревший в брачном союзе с ногаями угрозу для своего исключительного положения в Большой Орде (*Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковед. наук. Вып. 27. Востоковедение. Вып. 11. Филологические исследования. Л., 1985. С. 178).

<sup>24</sup> *Малиновский А. Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 220; СИРИО. Т. 41. С. 211, 212, 358. В 1501 г. посол И. Г. Мамонов доносил из Крыма, что «Муртоза ныне в Тюмени, а с Муртозою Азика князь; а Тюмень и Черкасы недрузи» (СИРИО. Т. 41. С. 358). Тюмень – здесь город и улус на нижнем Тереке.

<sup>25</sup> СИРИО. Т. 41. С. 385.

<sup>26</sup> *Lietuvos Metrika.* Кнуга Nr 5. Р. 97; Кнуга Nr 6. Р. 76.

<sup>27</sup> *Довнар-Запольский М. В.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. Симферополь, 1898. С. 19, 20.

<sup>28</sup> *Lietuvos Metrika.* Кнуга Nr 5. Р. 144; Кнуга Nr 6. Р. 77.

<sup>29</sup> *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). S. 243.

<sup>30</sup> *Idem.* S. 255.

На самом рубеже столетий Большая Орда стала погружаться в хаос. Развал ее и без того примитивной государственности наглядно проявился в увеличении количества одновременно царствующих династий. Причем незаметно, чтобы между ними велись какие-то споры о территориях. Каждый хан управлял доставшимся ему контингентом улусников и уже не претендовал на абсолютное верховенство (что не исключало жестоких конфликтов).

В 1497 г. в послании в Литву Шейх-Ахмед писал о кочевании вместе «зъ старшымъ братомъ нашимъ, Сид Ихматомъ царемъ»<sup>31</sup>. В 1498 г. Менгли-Гирей сообщал Ивану III о другой паре правителей: Шейх-Ахмед сблизился с Муртозой, и ныне послы Александра Казимировича ездят «Орду к Шиг-Ахметю да к Муртозе», прежний же тандем распался: ныне Шейх-Ахмед откочевал к Кавказу, а Саид-Махмуд к Волге<sup>32</sup>. От 1500 г. имеются данные о смещении Саид-Махмуда Шейх-Ахмедом: об этом сожалел Александр Казимирович, давая аудиенцию послам Саид-Махмуда<sup>33</sup>. Но в дальнейшем этот хан снова называется в числе соправителей.

Из источников о событиях 1501 г. предстает любопытная картина. В изголодавшейся, разваливающейся Большой Орде находятся одновременно четыре хана. Шейх-Ахмед объяснял причины отмены своего решения переселиться в Литву тем, что «старший мой братъ Абул Кгирим, а старшин брат Муртаза царь, а младший братъ Сеив Магмет цар, за узыдьяны повод инялися и просили мене на то, что быхъ не ехал»; «Брат нашъ старшый Марьтуза цар, а братъ нашъ старшый Аьди Кырым царь, а братъ нашъ меншый Сеит Магметъ цар, вси тыи мене за повод иняли, рекучы: не ходи тамъ»<sup>34</sup>.

Из всех этих лиц непосредственно к кочевьям Шейх-Ахмеда в 1501 г. присоединился Саид-Махмуд. Вероятно, на правах старшего Шейх-Ахмед владел ордубазаром, часть которого он выделил брату. Но при этом забрал у него «дву человек лучших базарских» – то ли опытных чиновников, то ли богатых купцов. Саид-Махмуд стал требовать их назад, но Шейх-Ахмед убил гонца от брата. Тот «разбранился», и братья разошлись в разные стороны – старший к Дону, младший к Хаджи-Тархану<sup>35</sup>.

Исследованиями И. В. Зайцева доказано, что в конце XV в. Астраханского ханства еще не существовало (как это было принято считать в историографии: с 1466 г.). Город и область вокруг него составляли часть Большой Орды. В запутанных династических комбинациях Тахт эли конца XV в. иногда возникает правитель Хаджи-Тархана. В 1490-х гг.

<sup>31</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 125; Knyga Nr 6. P. 84.

<sup>32</sup> СИРИО. Т. 41. С. 242, 277–279.

<sup>33</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 144.

<sup>34</sup> Idem. P. 170, 172.

<sup>35</sup> СИРИО. Т. 41. С. 356, 361, 367.

им был Абд ал-Керим б. Махмуд б. Кучук-Мухаммед. Он сменил в этом уделе своего брата Касима. Так постепенно в недрах Большой Орды стала формироваться династия будущего ханства на Нижней Волге. Потомство хана Махмуда, видимо, уже пользовалось традиционным правом на проживание здесь и вытесняло в глазах окружающих как сюзерены именно Хаджи-Тархана. В 1498 г. одна знатная татарка предъявляла имущественные претензии: «...что у меня было, и яз астраханским царем отдала»<sup>36</sup>, представляя Касима и Абд ал-Керима как особых династов. На самом же деле до разгрома Большой Орды «нигде в источниках Абд ал-Керим не противопоставляется своим двоюродным братьям (детям Ахмеда. – В. Т.) как независимый правитель, а скорее выступает в качестве одного из потомков Кучук-Мухаммеда»<sup>37</sup> и временами как соправитель одного из ханов, кочующих к западу от Волги.

Главной внешнеполитической проблемой для Большой Орды на последнем этапе ее истории были отношения с Крымским ханством. Выше мы рассказывали о приездах и отъездах «Ахматовичей» к Менгли-Гирею в первой половине 1480-х гг., их интригах и конфликтах с крымцами. Самостоятельную политику по отношению к Бахчисараю вел беклербек Тимур, дочь которого стала женой Менгли-Гирея. Последний высоко ценил мангытского вельможу и, судя по всему, видел в нем и его соплеменниках противовес могущественным ширинам и барынам, окружившим престол Гиреев<sup>38</sup>.

В середине десятилетия накал в ордынско-крымских отношениях несколько снизился, но вскоре вражда разгорелась с новой силой. В сентябре 1490 г. ордынское посольство от лица ханов Шейх-Ахмеда и Саид-Махмуда, а также «мангыта Азики князя в головах, от всех карачеев и от добрых люден» заключило мир с Менгли-Гиреем. Когда крымский хан, поверив в искренность намерений ордынцев, распустил татар-ополченцев «на пашни и на жито», ордынско-мангытская армия вторглась на полуостров и разграбила улусы барынского зяя, одного из наиболее знатных там. После этого нападавшие отошли во свояси, зазимовав в устье Днепра<sup>39</sup>.

При ответном набеге зимой 1490/91 г. крымцы сумели угнать у противника огромное количество лошадей, «у недруга ноги подрезав»<sup>40</sup>. Боеспособность Орды резко снизилась. Крымский хан хотел закрепить успех новым походом, для чего попросил у турецкого султана янычар. Несмотря на попытки хитроумной дипломатии Муртазы<sup>41</sup>, султан при-

<sup>36</sup> Там же. С. 271.

<sup>37</sup> *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. С. 52.

<sup>38</sup> *Григорьев А. П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II. С. 137.

<sup>39</sup> СИРИО. Т. 41. С. 108, 160.

<sup>40</sup> Там же. С. 105.

<sup>41</sup> Там же. С. 111, 112.

слал воинский отряд. Кроме того, с севера ордынцам постоянно угрожала нарастающая сила Москвы. Соблюдая партнерские отношения с Менгли-Гиреем, Иван III отверг предложение Хаджике о «братстве» с соправителями Большой Орды – на основании их вражды с Крымом<sup>42</sup>. В 1491 г. после переговоров с турецким наместником в Азове Большая Орда прекратила военные действия.

Некоторые историки расценивают затяжной конфликт 1486–1491 гг. как ордынско-крымскую войну<sup>43</sup>. Причины ее видят в стремлении наследников Ахмеда получить доступ к таврическим пастбищам или в успешной деятельности московских дипломатов, сумевших стравить между собой два татарских юрта. Кроме того, следует иметь в виду, что державные амбиции Гиреев вызывали раздражение у правителей «Престольной державы», которые желали бы видеть на месте Менгли-Гирея менее активного и агрессивного государя. Для этой цели был присмотрен его брат Нурдевет, нашедший приют в Московском государстве<sup>44</sup>. Впрочем, после нескольких неудачных попыток нападения на Крым и убедившись в готовности османов помогать своим вассалам, ханы Большой Орды умерили военный пыл.

Открытые столкновения уступили место закулисной политике. «Ахматовы дети царевы» не присылали в Бахчисарай официальные посольства, но действовали через вездесущих купцов, которым поручали передавать Менгли-Гирею свои намерения вступить с ним в союз – при условии его разрыва с Москвой; хан расценивал эти заверения как сплошную ложь<sup>45</sup>. И был прав: одновременно (в 1495 г.) Шейх-Ахмед в переписке с королем Казимиром раскрывал свое истинное отношение к южному соседу: «Ино вамъ бы звездомо было: лише Менъдли Кгерей цара иногo неприятеля не маем»<sup>46</sup>. Примирение между двумя «постордынскими» государствами было уже невозможным. Да Менгли-Гирей и не стремился к этому. В последние годы XV в. был достаточно очевидным надвигающийся крах Большой Орды. Крымские отряды стали выходить в степь, как правило, уже не для сражений с ханскими войсками, а для грабежа незащищенных улусов и угона пленных.

После окончательного утверждения у власти в Крыму Менгли-Гирея (1478) ордынцам стало ясно, что за его спиной теперь находится могущественный покровитель – Высокая Порта. Конфликт с ханом был теперь чреват ссорой с самым могущественным мусульманским

<sup>42</sup> Там же. С. 161.

<sup>43</sup> *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 193; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. S. 371; *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. S. 140.

<sup>44</sup> СИРИО. Т. 41. С. 68.

<sup>45</sup> Там же. С. 218.

<sup>46</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 97; Knyga Nr 6. P. 75.

монархом. Нерегулярная переписка со Стамбулом Махмуда и Ахмеда по поводу налаживания контактов и заверений в дружбе сменилась различными просьбами и объяснениями в связи с ордынско-крымскими отношениями. В 1480–1490-х гг. к османскому падишаху и к его наместнику в Кафе прибывали посольства из Тахт эли с изложением причин вражды с Гиреями и просьбами разрешить разоренной Орде перебраться на правый берег Днепра – подальше от враждебных черкесов и ногаев. Султаны призывали татар к примирению, но от допуска ордынцев в западные степи воздерживались, не желая раздражать Бахчисарай<sup>47</sup>. Для османов крымцы представлялись гораздо более ценным партнером и вассалом, чем Большая Орда, чей век явно подходил к концу. В 1500 г. Шейх-Ахмед, раздавленный политическими провалами и экономической катастрофой, планировал поселиться в турецком Азаке<sup>48</sup>, но по неизвестным причинам это ему не удалось.

Связи Тахт эли с кавказскими владениями слабо отражены в источниках. Есть упоминания о тяжелых конфликтах с черкесами, из-за чего ордынцы были вынуждены в конце концов покинуть издавна (со времен Золотой Орды?) освоенные пахотные угодья в Пятигорье и тщетно подыскивать новые места для земледелия на границах с литовскими, молдавскими и османскими владениями. К тому же в терской Тюмени обосновался обиженный на всю родню Муртаза вместе с Хаджике, «а Тюмень и Черкасы Орде недрузи»<sup>49</sup>. Мирные отношения завязались с Шемахой. В 1498 г. хан Саид-Махмуд женился на дочери тамошнего правителя, ширваншаха Фарруха Ясара. Причем брачный уговор между родителями невесты и старшим братом жениха, Шейх-Ахмедом, который встал во главе семьи после гибели Ахмеда, состоялся еще в 1484 г.<sup>50</sup> «Шамахейская сторона» представлялась хану Шейх-Ахмеду одним из желательных пунктов переселения по время голода и усобиц в Орде в последние годы XV в.<sup>51</sup>

Интересно, что отношения Большой Орды с христианским Польско-Литовским государством (а во время его разделения особенно с Великим княжеством Литовским) складывались гораздо теснее и теплее, чем с любым из мусульманских владений. Литовско-московские пограничные споры и стычки продолжались, и Казимир IV продолжал рассматривать татар Тахт эли как союзников в борьбе против Ивана III. В 1482 г. Иван Васильевич известил Менгли-Гирея, что король «нынеча со мною люб-

<sup>47</sup> СИРИО. Т. 41. С. 108, 111, 112, 118, 321, 323, 354, 357, 418; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6. P. 80.

<sup>48</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 157.

<sup>49</sup> СИРИО. Т. 41. С. 358.

<sup>50</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4. P. 100; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 138; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6. P. 88.

<sup>51</sup> СИРИО. Т. 41. С. 279.

ви и dokonчания не хочет, а в Орду послал, да подымает на меня моих недругов» – сыновей Ахмеда<sup>52</sup>. Через два года ханы-соправители Муртаза и Саид-Махмуд приняли очередное посольство из Кракова во главе со Стретом. В своем послании королю Муртаза заверил, что никакого вреда его владениям не причинит<sup>53</sup>. Когда Муртаза рассорился с братьями, Казимир приглашал его на жительство в свою землю, «а мы быхмо тебе, брату нашому, хлеба нашего и соли не боронили»<sup>54</sup>.

Из Москвы и Бахчисарая настороженно следили за этой дипломатией, справедливо чувствуя опасность для себя. Иван III и Менгли-Гирей договаривались ловить в степи польско-литовских и ордынских послов<sup>55</sup>, чтобы помешать действию враждебной коалиции. Менгли-Гирей использовал для этого малоуправляемых, но охочих до легкой добычи азовских казаков<sup>56</sup>. Хан раздраженно пенял Александру Ягеллону, сменившему Казимира, на его обмен посольствами с врагами Крыма, на что получал ответы с экскурсами в историю, напоминаниями о традиционности литовско-ордынских отношений, о близости татарских кочевий к Литве и проч.

На самом деле эти отношения вовсе не были безоблачными. Один из ордынских послов несколько лет удерживался в Литве, за другим не признали надлежащего дипломатического статуса<sup>57</sup>. Все-таки Александр Казимирович вел себя по отношению к большеордынцам более отстраненно и осторожно, чем его покойный отец. Да и обстановка в Орде все менее способствовала тесной коалиции с ней. Непрерывно ссорящиеся между собой и часто меняющиеся соправители угасающего государства являлись в глазах литовских политиков все менее ценными союзниками. Однако татарская конница все еще была способна отвлечь на себя значительную часть московской рати и тем самым помочь Вильне в противостоянии с московским великим князем.

Осенью 1500 г. в ставке Шейх-Ахмеда объявился посол Александра Михаил Халецкий. От лица своего государя он убеждал хана начать военные действия против москвитян. В этой войне, говорил посол, у Орды будут могучие союзники: польский король Ян Ольбрахт и венгерский и чешский король Владислав; Шейх-Ахмеду же предлагалось привлечь к походам на Русь ногаев. Уговоры подкреплялись богатейшими дарами и огромными упоминками – *ордициной*<sup>58</sup>. «Густынская

<sup>52</sup> СИРИО. Т. 41. С. 29.

<sup>53</sup> Там же. С. 43; Литовская метрика. Стб. 348, 349.

<sup>54</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4. P. 144.

<sup>55</sup> СИРИО. Т. 41. С. 202, 210.

<sup>56</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 118, 119; Knyga Nr 6. P. 80.

<sup>57</sup> Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. С. 99.

<sup>58</sup> АЗР. С. 213; ПСРЛ. Т. 32. С. 101; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 154, 155; Lietuvos

летопись» добавляет, что татарские послы приехали на сейм, где Ян Ольбрахт в награду за военный союз обещал выплачивать Орде дань «коеждо лето тридесят тысячей на кожухи и сукню (так. – В. Т.)»<sup>59</sup>.

Хан, вопреки мнению своих соправителей, согласился на военные действия и в 1500–1501 гг. дважды нападал на московские «украины». Помимо всего обещанного на переговорах, он наивно рассчитывал, что союзники отдадут ему в управление Киев. В сопровождении Халецкого татарская конница двинулась на Северскую землю, недавно отвоеванную Иваном III у литовцев. Рьльск и Новгород Северский были взяты, но не разорены: хан считал их достоянием Александра Казимировича. С вестью об успешной кампании и с приглашением присоединиться для совместных боев Шейх-Ахмед отправил Халецкого в Вильну. Сорок дней войско Орды стояло под Каневом, дожидаясь литовской рати, затем отошло к Чернигову. Ожидание затягивалось. Раздраженный хан приказал грабить Черниговщину. Через много лет бояре на переговорах с польско-литовской делегацией в Москве напоминали, как по наущению Александра и в сопровождении Халецкого «царь... пришел во государей наших отчину, в Чернигов, да тут много христианской крови пролилося»<sup>60</sup>.

У Александра Казимировича не было возможности, да, может быть, и желания принять участие в походе. Как раз в то время, после смерти Яна Ольбрахта, он был избран польским королем и вместо Чернигова отбыл в Краков на свою коронацию, «оставив свои дела с царем Заволжским». Направленный к нему «просити Киева» посол Шейх-Ахмеда вернулся ни с чем. В посланиях краковскому кардиналу Александр с некоторой язвительностью пишет о «татарине заволжском», который «называет себя господином Киева, Чернигова и других городов в княжестве Литовском»<sup>61</sup>. Фактически в это время Александр Ягеллон пошел на разрыв со своими татарскими союзниками и тем самым оставил их наедине с могущественным и беспощадным Менгли-Гиреем<sup>62</sup>.

Шейх-Ахмед и беклербек Таваккул в конце 1501 или в начале 1502 г. пришли к мысли, что союз с Литвой не дает им никакой выгоды. Московский посол с удовлетворением доносил из Крыма летом 1502 г.,

Metrika. Knyga Nr 5. P. 147, 148, 159.

<sup>59</sup> ПСРЛ. Т. 40. С. 142.

<sup>60</sup> СИРИО. Т. 32. С. 520; Хроника Быховца. С. 115; Kronika polska, litewska, zmódzka... S. 313; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 170, 172, 178.

<sup>61</sup> Цит. по: *Golebiowski Ł. Dzieje polski za panowania Jagellonów. Warszawa, 1848. S. 509.*

<sup>62</sup> Польский историк А. Нарушевич по этому поводу заметил: «Способствуя уничтожению Волжской Орды, мы готовили себе опасных неприятелей в россиянах, дотоле слабых под ее игом» (цит. по: *Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. С. 199.*)

что «с литовским... Ши-Ахмат царь в розни»<sup>63</sup>. Правители Орды вознамерились склонить к антикрымскому союзу Москву, при этом обещая «от литовского отстати»<sup>64</sup>. Иван III не пожелал ради этого сомнительного приобретения рвать устоявшиеся связи с Менгли-Гиреем и сообщил тому об ордынском посольстве.

В отличие от польско-литовских монархов, московские государи не имели планов по созданию коалиций с Большой Ордой. Наоборот, перемещаясь вдоль южного пограничья она представляла собой постоянную угрозу московским владениям. Поэтому усилия русской дипломатии были направлены на создание антиордынских альянсов с привлечением Крыма, Казани, ногаев и использованием все увеличивающихся военных сил служилых татар на Руси. Несколько раз войска Ивана III под командованием русских воевод и служилого касимовского царя Нурдевлета выходили в степь, чтобы погромить ордынские улусы и отогнать их от границ.

Посольские связи между двумя соседними государствами были довольно редкими. В 1480-х гг. в умах ордынских политиков зрела идея залучить к себе Нурдевлета, чтобы сделать его знаменем борьбы против его ненавистного брата Менгли-Гирея. Для обсуждения условий переезда бывшего крымского хана в Тахт эли в августе 1487 г. в Москву прибыло посольство от Муртазы и Саид-Махмуда<sup>65</sup>. Но из этого ничего не получилось: ни Иван III, ни Нурдевет не пожелали ввязываться в малоперспективные авантюры «Ахматовичей».

В конце 1501 г. Шейх-Ахмед и Таваккул прислали своих представителей в Кремль для переговоров «о дружбе и любви», а конкретно – для объявления о своей переориентации с Вильны на Москву ради совместной борьбы с Крымом. Как говорилось выше, и на сей раз большеордынцев постигла неудача. Впрочем, в Орду быш отправлен великокняжеский посол Д. Лихорев с задачей объявить хану «о любви же»<sup>66</sup>. Он вернулся на родину уже после падения Орды.

Над отношениями Московского государства с Большой Ордой всегда висела тень прежних даннических обязанностей Руси эпохи «ига». При общении с Иваном III татары не решались даже упоминать об этом. В начальном протоколе ханских грамот теперь употреблялось выражение «(такого-то хана) слово Ивану», т.е. просто с обозначением разного ранга правителей – хана («царя») и великого князя, без прежнего повелительного оборота *сёзюм* – «слово мое»<sup>67</sup>. Но в переписке с Вильной и

<sup>63</sup> СИРИО. Т. 41. С. 418.

<sup>64</sup> Там же. С. 384.

<sup>65</sup> Там же. С. 63, 68, 69.

<sup>66</sup> ПСРЛ. Т. 8. С. 241; Т. 12. С. 255.

<sup>67</sup> Горский А. А. Москва и Орда. С. 179, 180.



Краковом ордынцы давали волю ностальгии, сопровождая упоминания Ивана Васильевича непременно добавлением «холоп наш»<sup>68</sup>. Польско-литовская сторона охотно поддерживала эти настроения, укрепляя в своих татарских собеседниках антимосковский настрой.

Единственный раз Иван III решил заплатить некое подобие дани, причем, насколько можно судить по источникам, без каких-либо особых настояний с татарской стороны. В 1502 г. Шейх-Ахмед написал Александру Казимировичу, вне себя от радости: московский князь «прислалъ к намъ тые датки, чога жь отцу нашему и братьи нашои не давал». Ему вторил Таваккул: «...чога предкомъ царевымъ и нашимъ не давал, то нам тое дороги прислалъ»<sup>69</sup>. Во-первых, обращает на себя внимание подчеркивание беспрецедентности выплат. Похоже, ордынцы уже успели забыть, сколько должны были платить русские в Орду, да и сам факт платежа воспринимался ими как возрождение порядков очень далекой старины – еще до «отца нашего» и «предков царевых». Во-вторых, для выплат употреблено понятие *датки*, которое, кажется, не употреблялось в практике русско-ордынских даннических отношений. Его использование, вместо ожидаемых *дани*, *выхода*, *ясака*, также свидетельствует об уникальности ситуации.

По сути «датки» есть синоним дани и являлись формой выхода<sup>70</sup>. Но все-таки это был единичный эпизод, вызванный тактическими соображениями в условиях напряженной борьбы с литовцами. А. А. Горский, отмечая формальное признание Иваном III своей зависимости от Орды, указывает на его дипломатическую игру: одновременно московские посланцы в Бахчисарае поднимали на ордынцев Менгли-Гирея<sup>71</sup>. После разгрома и исчезновения Большой Орды проблема «датков» естественным образом утратила актуальность.

---

<sup>68</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 172, 173, 175, 179, 181. Своим холопом Шейх-Ахмед объявлял и последнего великого князя Тверского Михаила Борисовича, который в сентябре 1485 г. бежал в Литву из своей столицы, осажденной Иваном III. Утратив представление о реальном положении дел на Руси, хан намеревался Михаила «на его отъчину опять кн(я)зем вчынити» – видимо, посредством ярлыка (Idem. P. 174).

<sup>69</sup> Idem. P. 181.

<sup>70</sup> Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. С. 226, 233.

<sup>71</sup> Горский А. А. Москва и Орда. С. 182.

## ГИБЕЛЬ «ПРЕСТОЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ»

В XVI в. Большая Орда вступила на последнем издыхании. В ходе смут и войн истощились ее табуны, уменьшились стада, расстроилась аграрная система. В кочевьях начался голод. Обо всем этом было известно в Бахчисарае: агентура Менгли-Гирея обосновалась в ставке беклербека Таваккула<sup>1</sup>. Остатки домена Джучиева улуса на глазах превращались в легкую добычу для крымцев.

Ханский ордобазар хаотично перемещался по степи. Теперь его маршруты ограничивались полосой степей между Волгой и Днепром, за Волгой же «заволжские цари» уже не показывались. Источники застают ханов-соправителей то под Астраханью, то в Северо-Восточном Прикаспии, то на донских берегах и притоках (Медведица), то на днепровских (Десна, Орель, Самара, Сула)... В 1500–1501 гг. главным устремлением Шейх-Ахмеда (не разделявшим его братьями) было перебраться на правый берег Днепра, пускай даже в литовские или османские владения, лишь бы иметь гарантии пропитания и безопасности.

Наглядным показателем надвигающегося краха стало массовое переселение кочевников в соседние страны. Разоренные татары оставляли своих неудачливых ханов и устремлялись под защиту более надежных покровителей. Даже царевичи-Джучиды подыскивали себе пристанище за границей. В то время в Московском государстве уже проживало немало высокородных татар. Вот и из Большой Орды туда переехали племянники Ахмеда Шейх-Аулиар б. Бахтияр и Юсуф б. Якуб<sup>2</sup>.

Однако наиболее популярным направлением миграции был Крым. Источники начала XVI в. отмечают: «Да пришел... из Орды к Менли-Гирею ко царю служить Ебага улан с братом... а с ними... пришло душ с три тысячи, а голодны и наги добре»; «к Менли-Гирею царю... пришли из Орды пеши человек с пятьдесят, иные и с женами пришли»<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> СИРИО. Т. 41. С. 354.

<sup>2</sup> Иоасафовская летопись. С. 144.

<sup>3</sup> СИРИО. Т. 41. С. 322–323, 381.

и т.п. Не выдержав голодного прозябания и холодов жестокой зимы 1500/1501 г., вконец разочаровавшись в способности мужа исправить ситуацию, старшая жена Шейх-Ахмеда с большой частью подданных («войска», как пишут хронисты) тоже эмигрировала в Крымский юрт<sup>4</sup>.

В мае 1502 г. Менгли-Гирей во главе крымской конницы сам выступил в поход на Большую Орду. Навстречу армии то и дело попадались «люди многие... идут к нему (Менгли-Гирею. – В. Т.) в Перекоп», «улус из Болшие Орды, а идет тот улус в Перекоп»<sup>5</sup>. Наступающим было известно, что Шейх-Ахмед рассорился со своим беклербеком Таваккулом, и под его началом осталось около 20 тыс. татар. Приблизительно 15 июня 1502 г. при впадении реки Сулы в Днепр<sup>6</sup> состоялось последнее сражение в истории Тахт эли, полностью проигранное Шейх-Ахмедом. Он бежал, его казна и ордобазар достались победителю. В подданство к Менгли-Гирею теперь перешли и улусы большеордынских татар, которые он планировал переселить южнее, ближе к собственно Крыму<sup>7</sup>.

Окрестные правители были тут же оповещены об этом. Гонцы из Бахчисарая доставили в Москву и Краков (и наверняка в другие столицы) сююнч, составленный в сходных выражениях: «Слава Богу, Ших-Ахметя, недруга нашего, розогонив, орду его и все его улусы Бог в наши руки дал»; «Божьею милостью отца своего болшую Орду взял... да и люди»; «Хвала Богу, на непрятеля своего на Шы Ахмата цара прышод со многим войском, Шы Ахмата цара прогнал, цара отца столец взял, и вси люди Богъ намъ дал»<sup>8</sup>.

Захват ставки ордынского хана традиционно расценивался его соперниками-победителями как обретение священного трона Саин-хана (Бату). Главной заслугой мангытского бека Ваккаса (вторая четверть XV в.) восточные хронисты считали то, что для своего патрона, хана Абу-л-Хайра, он «дважды завоевал трон Саин-хана», после чего с именем Абу-л-Хайра начала читаться хутба, чеканиться монета, и его персоной «украсился трон Саин-хана»<sup>9</sup>. Точно таким же образом в XV – начале XVI в. Джучиды трактовали свои успехи в борьбе с Большой Ордой: «Ино мне счястье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Са-

<sup>4</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 182; Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 65; Kronika polska, litewska, żmódzka... S. 276.

<sup>5</sup> СИРИО. Т. 41. С. 419.

<sup>6</sup> Определение места и расчет времени битвы см.: Гайворонский О. Повелители двух материков. С. 79, 111, 112.

<sup>7</sup> В грамоте от 15 июля 1502 г. Иван III ссылался на слова ханского посла о намерениях Менгли-Гирея: «... как отведши орду к Перекопи, так хочешь... рать свою на Литовскую земою послати» (СИРИО. Т. 41. С. 423).

<sup>8</sup> Там же. С. 420; АИ. Т. 1. С. 344; Уляницкий В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. С. 193.

<sup>9</sup> Материалы по истории казахских ханств. С. 67, 155.

инской есми стул взял» (тюменский хан Ибрагим – Ивану III, 1494 г., по поводу разгрома хана Ахмеда тринадцатилетней давности); «Отца (предка. – В. Т.) нашего Саина царя золотой стolec в руках в нас» (царевич Ахмед-Гирей б. Менгли-Гирей – польскому королю Сигизмунду I, 1514 г.)<sup>10</sup>. Сам Менгли-Гирей в послании киевскому воеводе сообщал о разгроме Большой Орды как об успешной кампании, в которой он «Шы Ахмата цара прогнал, цара отца стolec взял»<sup>11</sup>.

Оставшийся без ставки Шейх-Ахмед укрылся в глухой степи. Его сопровождали около 4 тыс. татар, «а улусов с ним... есть же, да немного»<sup>12</sup>. Помощи и пристанища он мог теперь искать у близких родственников, с которыми в разное время рассорился и разорвал отношения. Хан направился к Хаджи-Тархану, где царствовал Абд ал-Керим б. Махмуд. Прием ему там устроили достойный и послали известить о его приезде брата, Саид-Махмуда, который обретался в Ногайской Орде, а также влиятельных ногайских мирз.

Обращение к ногаям было естественным. Правое крыло их Орды ныне занимало территорию за Волгой, которой когда-то владела Большая (изначально «Заволжская») Орда. Формально Ногайская Орда, или Мангытский юрт, не являлась государственным образованием. Ее предводители управляли множеством своих кочевых подданных в ранге беклербеков (биев, улу биев), назначенных ханом. Т.е. для легитимного существования ногайского объединения племен следовало иметь во главе его какого-нибудь династа-Джучида. Ясно, что реального вмешательства такого монарха в свою политику бии не допускали.

Из письма Александра Ягеллона ливонскому магистру 1503 г. выясняется, что именно такая участь ожидала теперь Шейх-Ахмеда. Тот, по словам короля, «втекъ до братии свое к Хазтарокани и с ними, с полем, злучывъшысе, втекли ся ку княжатамъ наганским, и тыи княжата со всею орьдою Нагаискою взяли к собе паномъ (т.е. государем. – В. Т.)»<sup>13</sup>. Но свергнутый хан вовсе не собирался прозябать в Заволжье в положении бессловесной царственной марионетки, освящавшей всевластие ногайского бия. Его мысли были обращены на реванш – восстановление Тахт эли и возмездие крымцам. Однако и у ногайских вождей, и у астраханцев имелись собственные политические планы, в которых не значилось восстановление Большой Орды. Из степи поступали противоречивые сведения. То выяснялось, что «Ши-Ахмат содиначился с своею бра-

<sup>10</sup> Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 46; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 539.

<sup>11</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 181. Под «царем отцом» (т.е. ханом-предком), скорее всего, тоже подразумевался Бату.

<sup>12</sup> СИРИО. Т. 41. С. 433.

<sup>13</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 192.

тєю и с дядею с своим со царем с Аблекеримом, да и с Наган; а хочет идти на Менли-Гирея». То через короткое время доносилось известие о том, что, наоборот, Шейх-Ахмед «с свою братьею еще не содиначился». Абд ал-Керим приглашал кузена на переговоры, но тот отказывался, сказавшись больным. Вместе с вернувшимся к нему беклербеком Таваккулом Шейх-Ахмед перебрался на правый берег Волги, «а улусы его... стоят у Волги в крепости, а заблюся... Нагай». Тут же сообщалось, что он направил посла в Стамбул<sup>14</sup>.

Антикрымской коалиции на востоке явно не получалось. Никто не хотел начинать войну за возвращение Шейх-Ахмеду престола. К тому же обстановка в Ногайской Орде не благоприятствовала такой кампании. Среди высших мангытских мирз разгорались разногласия, начиналась борьба за власть. Престарелый глава Орды бий Ямгурчи с трудом сдерживал амбиции многочисленных родичей, разделившихся на враждующие группировки. Кроме того, с востока Орде угрожал казахский хан Касим. Несколько мирз, рассорившись с Ямгурчи и опасаясь казахов, переправились на западную сторону Волги и с немногими улусниками обосновались в районе р. Медведицы вместе с Шейх-Ахмедом. Сам хан жил при ставке высокородного мирзы Алчагира. Как отмечали составители посольского наказа в Москве в июне 1504 г., «а на Менли-Гирея ему не идти: не с кем ему идти»<sup>15</sup>. Не удалось наладить союз и с астраханской ветвью династии. Не договорившись о совместных действиях, Шейх-Ахмед безуспешно попытался захватить Хаджи-Тархан при помощи ногайской конницы<sup>16</sup>. После этого его двоюродный брат Абд ал-Керим и слышать не хотел о каких-то совместных действиях.

В этих условиях Шейх-Ахмед решил воззвать о поддержке к османскому падишаху и московскому великому князю. С чем хан обращался к султану, точно неизвестно, а Ивана III он просил «достать» ему Астрахань. Московский государь воевать за нижеволжский юрт не хотел, но приглашал хана поселиться на Руси<sup>17</sup>. Не добившись успеха в переговорах с Москвой и разочаровавшись в своих ногайских соратниках, Шейх-Ахмед снялся с места и двинулся к западной оконечности Дешт-Кипчака – к османским владениям в Подунавье, рассчитывая найти приют там. В конце концов он оказался в Польско-Литовском государстве на положении почетного пленника.

Этот этап скитаний хана, его переговоры с соседними правителями, обстоятельства прибытия в Литву и проживания там подробно изложены в статье И. В. Зайцева<sup>18</sup>. Поэтому мы ограничимся лишь самыми общими сведениями, обратив внимание на проблему возвращения

<sup>14</sup> СИРИО. Т. 41. С. 451, 452.

<sup>15</sup> Там же. С. 432.

<sup>16</sup> Там же. С. 486.

<sup>17</sup> Там же. С. 432, 464; Т. 35. С. 435.

<sup>18</sup> Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. С. 99–120.

Шейх-Ахмеда в Дешт-и Кипчак. На протяжении многих лет этот вопрос поднимался в переговорах и дипломатической переписке польско-литовских властей с крымцами и ногаями.

Пребывание Шейх-Ахмеда в Польско-Литовском государстве превратилось в постоянную головную боль для Менгли-Гирея. «Наш старый притеснитель и кровный враг, хан престольного владения Шейх-Ахмед-хан удерживается королем [Польши], – писал он султану Сулейману Кануни. – Если они [поляки] увидят с нашей стороны проявления враждебности, они его освободят, и порядок в стране будет нарушен»<sup>19</sup>. В 1506 г. крымскому послу дали убедиться, что Шейх-Ахмед, его брат Хаджике, племянник Халилек, их беки и слуги размещены «по особным городом»<sup>20</sup>. На протяжении двенадцати лет Менгли-Гирей направлял в Вильну и Краков просьбы не выпускать пленников на волю или выдать их ему, а еще лучше – предать смерти<sup>21</sup>.

Сменивший его на бахчисарайском троне в 1515 г. Мухаммед-Гирей I в первый же договор с королем Сигизмундом I включил условия насчет ненавидимой им персоны. Причем эти положения в договоре излагались в числе первых, еще до определения размеров выплат в пользу Крыма. Мухаммед-Гирей требовал, чтобы «Вы, брат наш», Шейх-Ахмед-хана, «пленив, до смерти удерживали, из государства своего не выпускали»<sup>22</sup>. Т.е. вопрос об участии поверженного врага<sup>23</sup> значил для него даже больше, чем урегулирование финансовых проблем.

В противоположном направлении действовала ногайская дипломатия. С 1510 г. в Ногайской Орде разгорелась междоусобная смута. Появилось сразу несколько биев, каждый из которых желал иметь при себе покорного хана, который узаконивал бы правление своего покровителя над доставшейся тому группой ногайских улусов. В этой обстановке сыновья Ахмеда предприняли попытку возродить Большую Орду. Летом или осенью 1514 г. они съехались в кавказскую Тюмень. Сначала по старшинству трон предложили старшему «Ахматовичу» Муртазе, но тот отказался, сославшись на то, «что он стар, держати ему царство не мочно». После этого Муртаза и местная знать («тюменские салтаны») провозгласили ханом Хаджике, вернувшегося из Литвы, а

<sup>19</sup> Цит. по: *Лемерсье-Келькеже III*. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. С. 55.

<sup>20</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8. P. 50.

<sup>21</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 250; СИРИО. Т. 95. С. 199; Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5. P. 231, 234; Knyga Nr 8. P. 73, 85, 87, 124;

<sup>22</sup> AGAD. F. Archiwum Koronne Warszawskie. D. Turecki, Kozacki, Tatarski. Carton 65. Teczka 2, L. 7; № 577.

<sup>23</sup> «Нашим врагом» Шейх-Ахмед назван как в польском, так и в татарском вариантах договора: *z naszym nieprzyjacielem, бизим душманым*.

ногайского мирзу Шейх-Мухаммеда – беклербеком<sup>24</sup>. Однако ничего из реставрации «Престольной державы» не получилось.

Среди ногаев нарастали распри, а в 1519 г. разразилось казахское нашествие, и их Орда на несколько лет фактически перестала существовать. В этой обстановке постепенно исчезли со страниц источников основные участники изложенных событий. Вот тогда-то мангытская знать снова вспомнила о Шейх-Ахмеде, тихо доживавшем свой век в Ковенском замке.

С самого начала литовского пленения Шейх-Ахмеда из-за Волги поступали просьбы отправить его в Дешт. Причина называлась веская: ногаи хотели провозгласить его ханом. Особенно настойчивыми такие обращения стали начиная с 1523 г. Отношения Ногайской Орды с соседними государствами в то время были предельно враждебными. Весной 1523 г. ногаи убили хана Мухаммед-Гирея I и разорили Крым; на востоке они разгромили Казахское ханство. Обстановку той поры охарактеризовал русский посол Д. Губин: «Со все... стороны недрузи нагаем»<sup>25</sup>. Для противостояния врагам требовалось сплотить кочевников под номинальной властью законного монарха, который стоял бы выше всех мангытских аристократов, претендовавших на первенство в Орде. Тогдашний глава Орды, бий Агиш, писал королю Сигизмунду: «...многие лета безъ государя не вмием жити, ино коли ласка твоя государьская будеть, брата своего, царя нашего ласку свою... вчинити, царя до нас отпустить»<sup>26</sup>. Собственно, именно Агишу и требовалось присутствие хана, который смог бы назначить его беклербеком и тем обезопасить от соперничества родичей.

На свободу был отпущен брат Шейх-Ахмеда, Хаджике<sup>27</sup>, но ногаи этим не удовлетворились и требовали свободы для главного узника. К кампании за его вызволение присоединился сын последнего, Шейх-Хайдар, обретавшийся в Ногайской Орде. В 1523 г. он вместе с ногайской конницей разгромил под Хаджи-Тарханом войско Мухаммед-Гирея и ворвался в Крым. В русских документах он титулуется царем, в польско-литовских – царем волжским и ногайским. Видимо, он занимал место номинального ногайского хана. Однако полностью легитимным монархом при еще живом отце он не мог считаться. Шейх-Хайдар и его брат Сов обращались в Краков неоднократно («частокрот») с письмами и через послов с изложением своих намерений: «...они хотят его (Шейх-Ахмеда. – В. Т.) на царство взяти какъ то государя своего прырожоного»<sup>28</sup>. Пробовали

<sup>24</sup> СИРИО. Т. 95. С. 144, 145; подробно см.: Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 149–152.

<sup>25</sup> Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 153.

<sup>26</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 188.

<sup>27</sup> Там же. Л. 913 (914); Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8. P. 112.

<sup>28</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 1183.

зывать и к милосердию короля: «Ино теперь отьца нашего в шестидесять летех такъ старого вжо леть двадцать або тридцать держыте»<sup>29</sup>.

Судя по всему, Шейх-Ахмед считался единственным «полноценным» ханом из потомков Ахмеда, несмотря на наличие нескольких его родственников, обладавших этим титулом. Ведь разгром его ставки Менгли-Гиреем пока не осознавался бывшими ордынцами как крах государства. Им казалось, что если обеспечить возвращение и повторное воцарение хана, то жизнь Тахт эли понемногу начнет налаживаться.

О позиции этих соправителей кое-что известно. Как говорилось выше, в 1502 г. они тепло встретили его у Хаджи-Тархана и разместили в ногайских кочевьях. Однако затем отношения расстроились, и Шейх-Ахмед уехал от неуживчивых родственников. Вскоре после поселения хана в Литве его мать Девлет-султан писала королю Александру: «А теж Абьдыл Керим царь, а Муртоза царь, а Сеид Махъмудь цар, а Багатур царь, тые чотыри мовят, брата мы своего (т.е. Шейх-Ахмеда. – В. Т.) отыщемь... поехал он до короля, брата своего, до насъ в почесности его отпустит... то жадають»<sup>30</sup>. Как видим, в разное время и при не всегда известных нам обстоятельствах, почти все потомство Ахмеда в первом поколении обзавелось монархическим рангом, о чем уже упоминалось выше.

После долгих обсуждений весной 1527 г. король Сигизмунд решил отпустить хана на восток. Условием освобождения было установление мирных отношений между Польско-Литовским государством и Ногайской Ордой<sup>31</sup>. Тогдашнему крымскому хану Саадет-Гирею было послано из Кракова объяснение, что освобождение Шейх-Ахмеда «яко брата» состоялось «для частокротъное прозбы сына Шыгахмата царя – царя Шыгаидаря и теж для многих прозбъ князеи нагаиских, которые хотели его себе государем мети»<sup>32</sup>. При этом жену и дочь хана королевские власти оставили в Литве.

Добравшись до Волги, Шейх-Ахмед был торжественно встречен татарской и ногайской знатью во главе с астраханским ханом Касимом<sup>33</sup>. В тюркской исторической традиции это событие представлено так: «Шайх-Ахмад-хан несколько лет был там (в «вилайте Корал». – В. Т.) в плену,

<sup>29</sup> Там же. Л. 1186.

<sup>30</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6. P. 94.

<sup>31</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 915 (916) – 919.

<sup>32</sup> Там же. Л. 1206. Да и содержание под стражей хана и его свиты существенно обременяло королевскую казну («Шиг Ахмата, царя Завольского, в панстве нашомъ ховаем... на штожъ намъ накладь немалыи съ скарбу нашего выходить» – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 11 (1518–1523) / Parengė A. Dubonis. Vilnius, 1997. P. 148).

<sup>33</sup> Внук Ахмеда, сын Саид-Махмуда или Саид-Ахмеда.



затем опять благополучно выбрался [оттуда] и пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан»<sup>34</sup>.

Со свитой в триста человек он проследовал дальше на восток, на левобережье, где состоялась церемония интронизации. Как писал он королю, «...как до свое есьми стороны доехал до братьи и до слугъ, до нагайскихъ мурзь и до князеи, и тежь до брата своего Касыма царя, и они мя вси вдячъне прыняли и столец мой царский мне в руки подали и твердою рукою есьмо прысягу межи собою вчынили и содиночълися...»<sup>35</sup> Показательно, что Касим остался в Хаджи-Тархане при своем ханском звании, но явно переместился на позицию младшего соправителя. В королевском письме Касиму, по дипломатическому протоколу пересказывается содержание послания от него: ты-де «в ерлыке своемъ писал, што отецъ и братъ вашъ старьшыи Шыгахмать... до царьства своего прыехал и у вас царемъ зостал и што есте у своих руках мели, то есте ему подали и царства поступили яко брату своему»<sup>36</sup>.

Так Шейх-Ахмед вновь оказался на престоле. Если задаться вопросом: «На престоле какого ханства?», то определенного ответа не получится. Астраханским ханом оставался Касим, Ногайской Орде хана не полагалось, Большая Орда уже не имела ни территории, ни населения. Видимо, это был просто *хан* – по праву принадлежности к династии Джучидов. Поэтому при определении его государственной «принадлежности» возникает неопределенность. Саадет-Гирей обвинял Сигизмунда I в намерении выпустить «Шыхахмата *царя заволского*... ижь бы был *царем нагайскимъ*»<sup>37</sup>. Сам король обращался теперь к Шейх-Ахмеду так, как до того адресовался к крымским ханам: «*Великое Орды великому цару Шыгахмату, брату нашему*»<sup>38</sup>.

Очевидно, на самом деле Шейх-Ахмеду было предназначено состоять при бие Агише. Но судьба отпустила ему слишком короткий срок для вторичного ханствования. О его политических решениях ничего не известно. Разве что однажды он упомянул о каких-то проблемах, связанных с Тюменским юртом на Тереке: «...в Тименской орде иньшыи князи стали, ино с ними некоторые дела маемъ»<sup>39</sup>. В схватке с крымцами погиб его покровитель Агиш-бий. А вскоре, в 1527 или 1528 г., закончил свой земной путь и сам Шейх-Ахмед.

\* \* \*

<sup>34</sup> *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. С. 96.

<sup>35</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 1010.

<sup>36</sup> Там же. Л. 1016.

<sup>37</sup> Там же. Л. 1200.

<sup>38</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 1018.

<sup>39</sup> Там же. Л. 1010.

В Дешт-и Кипчаке еще долго жила память о Большой Орде, подогреваемая как воспоминаниями о славных истоках ее истории, так и эпизодическими попытками потомков хана Ахмеда возродить «Престольную державу».

В начале XVI в. Гирей, хотя и ввели в свой титул формулу «Великой Орды великий хан», но впоследствии, наряду с «Великой Ордой», стали упоминать в титуле и Крым. Следовательно, здесь имела место не только претензия на управление всем Улусом Джучи («Великой Ордой»), но и напоминание о завоевании собственно Большой (resp. Великой) Орды. Эту формулу титула Л. Коллинз приводит в качестве доказательства того, что Большая Орда номинально сохранялась как особый юрт в составе Крымского ханства<sup>40</sup>. Я склонен согласиться с такой интерпретацией.

При этом замечу, что Большая~Великая Орда формально продолжала считаться в иерархическом отношении, очевидно, более значимой по сравнению с Крымом, который представлял собой всего лишь одну из бывших золотоордынских провинций. Когда в 1525 г. мятежный царевич Ислам-Гирей попытался свергнуть крымского хана Саадет-Гирея, свое мимолетное (как оказалось) воцарение он преподнес в грамоте польскому королю так: «...Вланы и князи и 4 карачей и вся орда мене... полюбивши, на царстве посадили. Ино тепере со всею ордою и с *столицом заволзским*, ордобазаром прикочевал есми к Днепру»<sup>41</sup>. Заволжский (т.е. большеордынский – в обычной польско-литовской интерпретации) престол, таким образом, предстает здесь как обозначение крымской монархии, но в ее наиболее почетной ипостаси; при этом и «орда», и четыре карачи-бека, и «князи» (т.е. прочие беки-участники коронации) принадлежали в действительности только к Крымскому юрту, а не к «виртуальной» Большой Орде.

О восприятии двух юртов, Крыма и Большой Орды, как формально отдельных уже после 1502 г. свидетельствует также присяга крымского посла, данная Александру Ягеллону в 1506 г. от лица Менгли-Гирея «со всеми солтаны, братьею и с(ы)ны своими, и со всеми вланы и кн(я)зи, и со всеми мурзы, и со всеми людьми *обеюх* (так в тексте. – В. Т.) *ордъ, Заволское и Перекопское, которые подьданы ему*»<sup>42</sup>. Впрочем, когда в конце 1520-х гг. неожиданно возникла опасность возрождения Большой Орды из-за возвращения в Дешт-и Кипчак из Литвы Шейх-Ахмеда, хан Саадет-Гирей недвусмысленно информировал Краков о действительном положении дел – о том, что это государство уже давно не существует: «...сколко годов бывшы *тое панство Заволское згину-*

<sup>40</sup> Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502. P. 370.

<sup>41</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 959.

<sup>42</sup> Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8. P. 53.

ло, и останок Бог ласку свою вчинил и все панство предку моему подал», «*Вся земля Великое Орды есть скажена... Бог ласку свою вчинил и тот весь люд в руки нам подал отце моему Мен Кирея царю*»<sup>43</sup>.

Большая~Заволжская Орда~Тахт эли~Престольная держава действительно «сгинула» в истории. Она не сумела ни выстоять перед экономическим разорением, ни отразить удары врагов. Ее территория была поделена между более удачливыми соперниками и соседями. Степи, примыкающие к Черному и Азовскому морям, отошли к Крымскому ханству; в Нижнем Поволжье образовалось самостоятельное Астраханское ханство; заволжские кочевья забрала себе Ногайская Орда; на бывшие пашенные угодья татар в Пятигорье распространился сюзеренитет кабардинских князей; на Северо-Восточном Кавказе удержался незначительный осколок Орды в виде Тюменского улуса; в укромных местностях по берегам Дона и Днепра обосновались общины вольных казаков. А с середины XVI в. начинается свое медленное расширение на юг Московское государство. В ходе этого продвижения все названные преемники ханского домена Улуса Джучи постепенно, один за другим, вошли в состав России.

<sup>43</sup> РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 1188, 1197.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук  
ВДИ – Вестник древней истории  
ВИ – Вопросы истории  
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения  
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества  
ЗРАН – Записки Российской Академии наук  
ИККНАЯО – Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов 29-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Вып. I. М., 1986.  
ИОАИЭКУ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете  
МКИН – Международный конгресс исторических наук  
МКЭАН – Международный конгресс этнографических и антропологических наук  
НАА – Народы Азии и Африки  
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории  
ПАМ – Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1994  
ПВ – Проблемы востоковедения  
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ  
ПППИКНВ – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичные научные сессии Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР  
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей  
РГАДА – Российский государственный архив древних актов  
СНВ – Страны и народы Востока  
СЭ – Советская этнография  
ТВОРАО – Труды Восточного отделения Русского археологического общества  
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы  
ТС – Тюркологический сборник  
АА – Acta Asiatica

- AGAD – Archiwum główne akt dawnych w Warszawie  
AOH – Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae  
CAJ – Central Asiatic Journal  
HJAS – Harvard Journal of Asiatic Studies  
RO – Rocznik orientalistyczny  
SH – Studia Historica  
SI – Studia Islamica  
SM – Studia Mongolica  
TP – T'oung Pao

## БИБЛИОГРАФИЯ

*Абрамян Э. Г.* Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры // *Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума.* Ереван, 1978.

*Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

*Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад, 1973.

*Агаджанов С. Г.* Огузская проблема и задачи ее изучения // *ТС.* 1973. М., 1975.

*Азовцева С. Г.* Традиция как одна из категорий познания общественных явлений. Автореф. канд. дис. М., 1978.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1.

Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. 1340–1506.

*Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*. СПб., 2006.

*Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

*Аленина Р. А.* Социальная природа традиций и их роль в жизни и развитии общества. Автореф. канд. дис. М., 1977.

*Али-заде А. А.* Социально-экономический строй и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.

*Амелькин А. О., Селезнев Ю. В.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2005.

*Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Живая старина.* 1896. Вып. 3–4.

Армянская география VII века по Р.Х.: (Приписываемая Моисею Хоренскому) / Пер., примеч., изд. текста К. П. Патканова. СПб., 1877.

Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962.

*Арсланова Ф. Х., Клягиторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья // *ТС.* 1972. М., 1973.

*Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

- Ахинжанов С. М.* Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия // Вестник АН КазССР. 1970. № 1.
- Ахинжанов С. М.* Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Ахинжанов С. М.* Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
- Ахинжанов С. М.* Кимаки – уран-каи // ИККНАЯО. М., 1986.
- Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. М., 1969.
- Бабур-наме.* Записки Бабур / Пер. М. Салье. Ташкент, 1993.
- Базарова Б. З.* Буддизм и монгольские летописи XVII–XIX веков (к критике идеи преемственности происхождения монгольских ханов) // Источниковедение и историография истории буддизма. Страны Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Базарова Г. Э.* К вопросу об авторстве «Тайной истории монголов» в исследованиях зарубежных монголоведов // Исследования по истории и филологии Монголии. Улан-Удэ, 1977.
- Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001.
- Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
- Банзаров Д.* О происхождении слова Чингис // Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.
- Банзаров Д.* Черная вера, или Шаманство у монголов // *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955.
- Барбаро и Контарини о России.* К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер., комм. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.
- Бартольд В. В. Н. А. Аристов.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897 // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В. Б. Я. Владимирцов.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922 // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* Кипчаки // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* Киргизы: Исторический очерк // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 2. Кн. 1.
- Бартольд В. В.* Обзор истории тюркских народов // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.

- Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 2. Кн. 1.
- Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 2. Кн. 1.
- Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 1.
- Бартольд В. В.* Тюрки // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* Церемониал при дворе узбекских ханов // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1964. Т. 2. Кн. 2.
- Бартольд В. В.* Чагатай // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1964. Т. 2. Кн. 2.
- Бартольд В. В.* Чингиз-хан // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* Leon Cahun, Introduction a l'histoire de l'Asie // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 68–87.
- Березин И. Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам) // ЖМНП. 1850. № 10.
- Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // ТВОРАО. 1864. Ч. 8.
- Бернштам А. Н.* Историческая правда в легенде об Огуз-кагане // СЭ. 1935. № 6.
- Бернштам А. Н.* Уйгурские юридические документы // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Т. 3.
- Бернштам А. И.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946.
- Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бертагаев Т. А.* О происхождении титула «хаган», «хан» // SM. 1973. Т. 1 (9).
- Библиотека восточных историков, изд. И. Н. Березиным. Казань, 1854. Т. 2. Ч. 1.
- Бира Ш.* Кушаны в монгольской традиции // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2.
- Бира Ш.* Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов. – *Бира Ш.* БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичгийн асу-удалд. Улаанбаатар, 1977.
- Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М., 1978.



*Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1–2.

*Босворт К. Э.* Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.

Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Улаанбаатар, 1966. Б. 1.

Бүгд Найрамдах Монгол Ард Алсын түүх. Улаанбаатар, 1984.

*Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1.

*Бунятов З. М.* Государство хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231). М., 1986.

*Васильев В. П.* Вопросы и сомнения // ЗВОРАО. 1889. Т. 4. Вып. 1–2.

*Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах // ТВОРАО. 1857. Вып. 4.

*Васильев В. П.* К хронологии Чингисхана и его преемников // ЗВОРАО. 1889. Т. 4. Вып. 1–2.

*Васильев В. П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. СПб., 1897.

*Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.

*Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863–1864. Т. 1–2.

*Вернадский Г. В.* История России. Монголы и Русь. Тверь; М, 1997.

*Веселовский Н. И.* Золотая Орда // Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Полутом 24.

*Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // ЗРАН. Сер. 8. 1922. Т. 13. № 6.

Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. СПб., 1860.

*Викторова Л. Л.* Кочевой уклад в Киданьской империи // Материалы по этнографии. Л., 1961. Вып. 1.

*Викторова Л. Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

*Викторова Л. Л.* Основные этапы формирования монгольских этнических общностей // ПАМ. Элиста, 1974. Вып. 1.

*Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

*Викторова Л. Л.* Ранний этап этногенеза монголов. Автореф. канд. дис. Л., 1961.

*Викторова Л. Л.* Роль киданей в этнокультурной и политической истории монголов X–XII вв. // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981.

*Викторова Л. Л.* Роль монголоязычных племен в этнокультурной и политической истории Центральной Азии в X–XII вв. // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. Улан-Батор, 1985. Т. 1.

*Викторова Л. Л.* Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // ПИДО. М., 1968.

*Викторова Л. Л.* Ценный источник по истории монголов // 5-й Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. М., 1987. Ч. 1.

*Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

*Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922.

*Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.

Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10.

Всемирная история: В 10 т. М., 1957. Т. 3.

*Гаадамба Ш.* Нууц товчооны нууцсаас. Улаанбаатар, 1976.

*Гаев А. Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нижний Новгород, 2002. Нумизматический сборник. Т. 3.

*Гайворонский О.* Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2007. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды.

География Пахимера история Михаила и Андроника Палеологов. СПб., 1862. Т. 1.

*Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988.

*Гинс Г. К.* Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин, 1932.

*Гомонов А. К.* Традиции в системе общественных отношений. Автореф. канд. дис. М., 1970.

*Гонгор Д.* К вопросу о формировании халхаской народности. Улан-Батор, 1973. Т. 1.

*Гонгор Д.* Халх товчоон. Б. 1–2. Улаанбаатар, 1970, 1978.

*Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии // *Гордлевский В. А.* Сочинения. М., 1960. Т. 1.

*Горохова Г. С.* Монгольское средневековье в трудах ученых МНР // Общественные науки в МНР. М., 1977.

- Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // ТС. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966.
- Грач А. Д., Потапов Л. П.* Период ранних феодальных отношений. Тува в составе Тюркского каганата // История Тувы. М., 1964. Т. 1.
- Гребнев Л. В.* Население Тувы в начале XIII века // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1960. Вып. 8.
- Греков Б. Д., Калинин И. Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; М., 1998.
- Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.
- Греков И. Б., Шамагонов Ф. Ф.* Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М., 1986.
- Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1987. Вып. 10. С. 28–89.
- Григорьев А. П.* Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 4. (№ 26).
- Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. VII.
- Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
- Григорьев А. П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486 г.) // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковед. наук. Вып. 29. Востоковедение. Вып. 13. Филологические исследования. Л., 1987.
- Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004.
- Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ. Л., 1985. Сер. востоковед. наук. Вып. 27. Востоковедение. Вып. 11. Филологические исследования. С. 160–182.
- Григорьев В. В.* О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. Сборник исследований по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876.
- Громыко М. М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5.
- Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.

Гуляев В. И. Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. М., 1976.

Гумилев Л. И. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по этнографии. Л., 1961. Вып. 1.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970.

Гумилев Л. Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) // СЭ. 1959. № 3.

Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // ИОАИЭКУ. 1904. Т. 20. Вып. 4–5.

Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах // НАА. 1968. № 1.

Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.

Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской династии // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Деотик Д. В. Восточная Азия // Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы, исторических контактов). М., 1978.

Джами ат-таварих // Отдел рукописей Научной библиотеки Казанского гос. университета. Ед. хр. 40.

Довнар-Запольский М. В. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. Симферополь, 1898.

Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Сб. документов / Сост. И. М. Мутакимов. Казань, 2008.

Доржсурэн Ц. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Думан Л. И. Общественный строй сяньби и тоба III–IV вв. н. э. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.

Думин С. В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер., комм. и прил. В. С. Таскина. М., 1979.

Евстратов И. В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья //

Эпоха бронзы и ранний железный век древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2.

*Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды // ВИ. 1972. № 2.

*Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

*Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

*Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // ВИ. 1974. № 8.

*Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей: Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.

*Есенгелдиев С.* Структура традиций и формы их существования. Автореф. канд. дис. Фрунзе, 1969.

*Жацарано Ц. Ж.* Монгольские летописи XVII века. М.; Л., 1936.

*Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

*Жуковская Н. Л., Стратанович Г. Г.* Калмыки // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.

*Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2006.

*Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). М., 2004.

*Зайцев И. В.* Разгром Большой Орды // Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. Тез. докл. VIII науч. конф. «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». М., 1999.

*Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

*Заседателев Н.* Древний обычай коронавания у тюркских народов // ИОАИЭКУ. 1895. Т. 12. Вып. 4.

*Захарова Т. В.* К проблеме классификации традиций. Л., 1978.

*Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 1.

*Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.

*Златкин И. Я.* Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971.

*Златкин И. Я.* Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // ПАМ. Элиста, 1974. Вып. 1.

*Златкин И. Я.* Опыт периодизации истории феодализма в Монголии // 25-й Международный конгресс монголоведов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

*Златкин И. Я.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

*Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008–2009. Вып. 1–2.

*Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1967.

*Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

*Иакинф (Бичурин И. Я.)* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

*Иванов В. В.* Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // НАА. 1969. № 5.

*Иванов В. В.* Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (рец. на книгу: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964) // СА. 1968. № 4.

*Иванов В. В.* К. Леви-Строс и структурная антропология // *Леви Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985.

*Иванов В. В.* Левый и правый // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. Т. 2.

*Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958.

*Ивлиев А. Л.* О возникновении государства у киданей (к постановке вопроса) // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981.

Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957.

Ипатьевская летопись. М., 1962.

*Исиев Д. А.* К характеристике административной системы Ганьчжоуского Уйгурского каганата (IX–XI вв.) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 1.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996.

История Венгрии: В 3 т. М., 1971. Т. 1.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1977–1979. Т. 1–2.

История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1984. Т. 1.

История монголов инока Магакии, XIII века / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871.

- История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. 1.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1983.
- История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
- История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
- История татар с древнейших времен: В 7 т. Казань, 2009. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.
- Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.
- Исхаков Д. М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Панорама-форум. Казань, 1995. № 3.
- Исхаков Д. М.* Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.
- Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (XIII – середина XVI вв.). Казань, 2007.
- Ишжамц Н.* Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI – середина XIII в.). Автореф. докт. дис. М., 1972.
- Кадырбаев А. Ш.* О культурной адаптации тюркских этнических групп в империи Юань // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1980. Ч. 2.
- Кадырбаев А. Ш.* Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы – с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.) // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1982. Ч. 2.
- Кадырбаев А. Ш.* Китайские источники эпохи Юань о карлуках // ПППИКНВ (13-я сессия). М., 1977.
- Кадырбаев А. Ш.* Тюрки-канглы в империи Чингисхана (по китайским источникам) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 2.
- Кадырбаев А. Ш.* Уйгуры в империи Чингисхана и его преемников XIII–XIV вв. // ПППИКНВ (16-я сессия). М., 1982. Ч. 1.
- Кадырбаев А. Ш.* «Юань ши» как источник по истории кераитов и найманов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1976–1977. М., 1984.
- Казакова Н. А.* «Татарским землям имена» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сб. документов и материалов / Под ред. М. О. Джангалина, Ф. И. Киреева, В. Ф. Шахматова. Алма-Ата, 1961.

*Карагодин А. И.* Дуальная организация у приволжских калмыков // СЭ. 1984. № 5.

*Караев О.* История Караханидского каганата (X – начало XIII в.). Фрунзе, 1983.

*Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5.

*Киракос Гандзакец.* История Армении / Пер., предисл., комм. Л. А. Хиларян. М., 1976.

*Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

*Клюкин И. А.* Новые данные о племени тардушей и толисов (исторические справки из орхонских камнеписных текстов и китайского текста «Тан шу») // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932. № 1–2.

*Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // ТС. 1972. М., 1973.

*Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

*Кляшторный С. Г.* Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. № 412. Сер. востоковед. наук. Л., 1984. Вып. 25.

*Кляшторный С. Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // ПППИКНВ (13-я сессия). М., 1977.

*Кляшторный С. Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.) // Рабство в странах Востока в Средние века. М., 1986.

*Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг» // Советская тюркология. 1970. № 4.

*Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // СНВ. М., 1971. Вып. 10.

*Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийский степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

*Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева. М., 1955.

Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.

*Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1.

*Козьмин Н. И.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М; Иркутск, 1934.



- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
- Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Кононов А. Н.* Опыт анализа термина *түрк* // СЭ. 1949. № 1.
- Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского, М.; Л., 1958.
- Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1975. М., 1978.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст, перевод, комм. М., 1989.
- Кортаев А. В., Оболонков А. А.* Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // СЭ. 1989. № 2.
- Котвич В. Л.* Из поучений Чингисхана // Восток. 1923. № 3.
- Котошихин Г. О.* России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
- Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1835.
- «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина / Пер., введ. и комм. Ли Кюнъи и Н. Ц. Мункуева // ПВ. 1960. № 5.
- Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003.
- Кроль Ю. Л.* Ханьская концепция «слабого руководства» варварами (цзи ми) // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1987. Ч. 1.
- Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Куликовская битва. М., 1980.
- Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Кумеков Б. Е.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. Алма-Ата, 1987.
- Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Кумеков Б. Е.* Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // ИККНАЯО. М., 1986. Вып. 1.
- Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане // Таттаро-монголы в Азии и Европе М., 1970.
- Кучкин В.* Зачем митрополит Алексей в 1357 году ездил в Орду // А се его сребро. Киев, 2002.
- Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996.
- Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

*Кызласов Л. Р.* Тува в составе государства древних кыргызов (IX–XII вв.) // История Тувы. М., 1964. Т. 1.

*Кызласов Л. Р.* Тува в составе Уйгурского каганата (VIII–IX вв.) // История Тувы. М., 1964. Т. 1.

*Кырыми ал-Хаджж Абд ал-Гаффар.* Умдат ат-таварих. Истанбул, 1343 / 1924–1925.

*Кычанов Е. И.* К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.

*Кычанов Е. И.* Монголы в VI – первой половине XII века // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1978.

*Кычанов Е. И.* О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.

*Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968.

*Кычанов Е. И.* Сведения «Юань ши» о переселениях кыргызов в XIII веке // Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Фрунзе, 1963. Т. 5. Вып. 1.

*Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

*Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. 1967. № 4.

*Лашук Л. П.* О характере классообразования в обществах ранних кочевников // ВИ. 1967. № 7.

*Лашук Л. П.* Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ. 1968. № 1.

*Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.

*Легран Ж.* Определение политического содержания «Монголын нууц товчоо» и установление даты его сочинения // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. Улан-Батор, 1985. Б. 1.

*Лемерсье-Келькеже Ш.* Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 47–56.

Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 до 7106 года. М., 1819.

Литовская метрика. СПб., 1910. Отдел 1. Ч. 1. Книга записей. Т. 1. (Русская историческая библиотека. Т. 27).

*Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер., комм. и прил. Н. П. Шастиной. М., 1973.

*Лувсандэндэв А.* Из письменных традиций кочевников Центральной Азии // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.

*Лувсандэндэв А.* Формирование монгольского национального литературного языка // 3-й Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1977.

*Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

*Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. М., 2004.

*Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983.

*Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981.

*Майский И. М.* Чингисхан // ВИ. 1962. № 5.

*Малинин В. А.* К диалектике традиций в общественном сознании // Диалектика материальной и духовной жизни общества в период строительства коммунизма. М., 1966.

*Малиновский А. Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5.

*Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.

*Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

*Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959.

*Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.

*Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

*Малявкин А. Г.* Уйгурские государства IX–XII вв. Новосибирск, 1983.

*Малявкин А. Г.* Уйгурское Турфанское княжество в XIII веке // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.

*Маннай-оол М. Х.* К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма у народов Саяно-Алтайского нагорья // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984.

*Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар) / Пер. Р. К. Адыгамова. Казань, 2005. Ч. 1.

*Маркарян Э. С.* Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

*Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурных традиций // СЭ. 1981. № 2.

*Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

*Марков Г. Е.* Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. 1970. № 6.

*Марков Г. Е.* Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии // 9-й МКЭАН. Доклады советской делегации. М., 1973.

*Мартынов А. С.* К характеристике внешнеполитической доктрины Китая в X–XII вв. (территориальный аспект) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 1.

*Маслюженко Д. Н.* Этнополитическая история лесостепного При-тобольшья в средние века. Курган, 2008.

*Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и комм. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Пер., введ., коммент. В. С. Таскина. М., 1984.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / Пер., предисл., и коммент. В. С. Таскина. М., 1989. Вып. 1.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер., предисл. и примеч. В. С. Таскина. М., 1968, 1973. Вып. 1–2.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1.

*Махмуд Кошгарий.* Туркий сўзлар девони. Тошкент, 1963. Т. 3.

*Медведь Л. М.* Опыт и традиция в системе политической культуры // Методологические вопросы социального познания. Калинин., 1986.

*Мелиоранский П. М.* О Кудатку Билике Чингиз-хана // ЗВОРАО. 1901. Т. 13.

*Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-тегина // ЗВОРАО. 1899. Т. 12. Вып. 2–3.

*Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

*Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. № 5.

*Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

*Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань 2003.

*Миргалеев И. М., Камалов И. Х.* К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008. Вып. 1.

*Мори М.* Политическая структура древнего государства кочевников Монголии // 13-й Международный конгресс исторических наук. Доклады. М., 1970. № 40.

*Морозова С. В.* Золотая Орда в московской политике Витовта // Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время. М., 1998.

*Муизз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии) / Пер. с перс., пред., прим., подгот. факсимиле к изд. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006. (История Казахстана в персидских источниках. Т. III).*

*Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

*Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая / Пер. и иссл. М., 1965.

*Мункуев Н. Ц.* Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников. Автореф. докт. дис. М., 1970.

*Мункуев Н. Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII–XIV веках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

*Мункуев Н. Ц. П. И. Кафаров и некоторые проблемы изучения «Тайной истории монголов» // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 2.*

*Мункуев Н. Ц.* Традиционные китайские административные институты у монголов в первой половине XIII в. (по запискам китайских путешественников XIII в.) // Роль традиций в истории Китая. М., 1968.

*Мустакимов И. А.* Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009.

*Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.

*Мэн-гу-ю-му-цзи.* Записки о монгольских кочевьях / Пер. П. С. Попова. СПб., 1895.

*Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»)* / Пер., введ. и комм. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.

*Наджит Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. М., 1979. Кн. 1.

*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

*Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Мангбурны / Пер., предисл., комм. и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973.

*Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

*Натанзи Муин ад-Дин*. Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar) / Publiés par J. Aubin). Тегран, 1336/1957.

*Нацагдорж Ш.* Основные черты феодализма у кочевых народов (на примере развития монгольского общества) // 14-й Международный конгресс исторических наук. Доклады монгольских делегатов. Улан-Батор, 1975.

*Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1.

*Неклюдов С. О.* Мифология тюркских и монгольских народов (проблемы взаимосвязей) // ТС. 1977. М., 1981.

*Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. М., 1853.

*Овчинникова Б. Б., Трепавлов В. В.* К вопросу о древнетюркском наследии в Монгольской империи // Тезисы докладов конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. М., 1982. Т. 2.

*Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара, 2001.

Очерки Марджани о восточных народах / Вступ. ст., комм., пер. с араб., старотатар. яз., примеч. А. Н. Юзеева. Казань, 2003.

*Палладий (Кафаров П. И.)*. Старинное китайское сказание о Чингис-хане // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1.

Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

*Пачкалов А. В.* Города Нижнего Поволжья в XV веке // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008. Вып. 1.

*Пачкалов А. В.* Мангытский бик Тимур в нумизматике Джучидов // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII чтения памяти В. Т. Пашуто. IV чтения памяти А. А. Зимина. Тез. докл. М., 2005. Ч. II.

*Пачкалов А. В.* О монетах «Бик Базара» и «Тимур Бик Базара» // Российская археология. 2007. № 2.

*Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

*Перишц А. И.* Пережитки дуальной организации в родоплеменной структуре арабов // СЭ. 1958. № 3.

*Перишц А. И.* Традиции и культурно-исторический процесс // НАА. 1981. № 4.

Песни XIII–XVI веков. <http://www.sippala.com/fra/music/histsong/istsong2.htm>

*Петров К. И.* Киргизско-кипчакские отношения (к вопросу об этногенезе и переселении киргизов) // Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Фрунзе, 1961. Т. 3. Вып. 2.

*Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.

*Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960.

*Пигулевская И. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

*Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.

*Плахов В. Д.* Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982.

*Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

*Плетнева С. А.* Кочевые народы VII–XIII вв. // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1966.

*Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. Т. 1.

*Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986.

*Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы, читанные в 1895/96 acad. году. СПб., 1906.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848; Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851; Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853; Т. 8. Продолжение летописи по Вокресенскому списку. СПб., 1859; Т. 9–12. Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965; Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007; Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М., 2000; Т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910; Т. 21. 2-я половина. Книга степенная царского родословия. Ч. 2. СПб., 1913; Т. 22. Русский хронограф. Ч. 2. Хронограф западно-русской редакции. Пг., 1914; Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910; Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921; Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949; Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959; Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962; Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963; Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965; Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975; Т. 33. Холмогорская летопись.

Двинской летописец. Л., 1977; Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982; Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994; Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003; Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.

*Поноженко Е. А.* Политический строй ногайцев в XV – середине XVII в. // Известия АН СССР. Сер. общественных наук. 1987. № 6.

*Попов П. С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан // ЗВОРАО. 1906. Т. 17. Вып. 2–3.

*Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л., 1941.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 / Подгот. текста Н. М. Рогожин. Махачкала, 1995.

*Потапов Л. П.* Героический эпос алтайцев // СЭ. 1949. № 1.

*Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6.

*Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.

*Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографические очерки. Л., 1969.

*Почекаев Р. Ю.* Сведения о Золотой Орде в «Книге о Великом хане» // ТС. 2006. М., 2007.

*Пуллиблэнк Э. Дж.* Язык сюнну // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1.

Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.

*Пэрлээ Х.* Собственно монгольские племена в период Киданьской империи (907–1125) // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 5.

*Пэрлээ Х.* Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. Улаанбаатар, 1959.

*Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах // Записки Академии наук. 1893. Т. 72. № 2.

*Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. 3. Ч. 1.

*Радлов В. В.* Титулы и имена уйгурских ханов // ЗВОРАО. 1891. Т. 5. Вып. 2–4.

*Радлов В. В. Мелиоранский П. М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897.

*Ракушин А. И.* Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганых могильников Поволжья XIII–XIV вв.) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.

*Рахимова А.* Письмо золотоордынского хана Ахмеда турецкому султану Фатих Мехмеду // Гасырлар авызы = Эхо веков. Казань, 1997. № 3/4. [http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997\\_3\\_4/02/02\\_1/](http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997_3_4/02/02_1/).



- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. Л. А. Хетагурова. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. Т. 2.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. / Пер. А. К. Арендса. М.; Л., 1946. Т. 3
- Рева Р. Ю., Шарафеев Н. М.* Неизвестный Сайид-Ахмад // 13-я Всероссийская нумизматическая конф. Тез. докл. и сообщ. М., 2005.
- Рерих Ю. Н.* Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М., 1958.
- Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сборник имп. Санкт-Петербургского археологического института 1613–1913. СПб., 1913.
- Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906.
- Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009; 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.
- Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.
- Савельев П. С.* Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // ТВО-РАО. 1858. Ч. 3.
- Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов Д. Г.* Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // ТС. 1972. М., 1973.
- Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Сафаргалиев М. Г.* Разгром Большой Орды // Записки НИИ при Совете министров Мордовской АССР. Вып. 11. История. Саранск, 1949.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.
- Сборник летописей. Казань, 1854 (Библиотека восточных историков, изд. И. Н. Березиным. Т. 2. Ч. 1).
- Сборник Муханова. М., 1856.
- Сборник Русского имп. исторического общества. СПб., 1882. Т. 35 (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1).

Сборник Русского имп. исторического общества. СПб., 1884. Т. 41 (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I).

Сборник Русского имп. исторического общества. СПб., 1895. Т. 95 (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II).

*Селезнев Ю. В.* «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). Воронеж, 2006.

*Семенов А. А.* Очерк культурной жизни уйгуров в монгольских государствах // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.

Си ю цзи, или Описание путешествия на запад / Пер. П. Кафарова // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4.

*Скрынникова Т. Д.* К вопросу о формировании монгольской государственности // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.

*Скрынникова Т. Д.* Место «küçü» и «suu jali» в системе традиционных представлений монголов XIII в. // ИККНАЯО. М., 1986.

*Скрынникова Т. Д.* Монгольские термины сакральности правителя (XIII в.) // 5-й Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. М., 1987. Ч. 1.

*Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. М., 2005.

Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях / Пер. Д. И. Языкова. СПб., 1825.

Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

*Стратанович Г. Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы // ПАМ. Элиста, 1974. Выш. 1.

*Стратанович Г. Г., Эрдниева У. Э.* Опыт анализа социальной терминологии // 7-й Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады. М., 1964.

*Строева Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика И. Ю. Крачковского. Л., 1958.

*Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

*Султанов Т. И.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Известия АН КазССР. Сер. общественных наук. 1972. № 3.

*Султанов Т. И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // ТС. 1973. М., 1975.

*Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов // ТС. 1975. М., 1978.

*Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

*Сумъябаатар Б.* Новонайденный монгольский законодательный памятник XIII века // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. Улаанбаатар, 1985. Т. 1.

*Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.

*Супруненко Г. П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» // Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Фрунзе, 1963. Т. 5. Вып. I.

*Суханов И. В.* Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976.

*Сухбаатар Г.* К вопросу о появлении письменности у народов Центральной Азии // Монголын судлал. 1971. Т. 8.

*Сухбаатар Г.* К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии // Түүхийн судлал. 1973. Т. 9.

*Сухбаатар Г.* К вопросу об этногенезе монголов // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.

*Сухбаатар Г.* Некоторые вопросы истории хуннов (сюнну) // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар, 1978. Т. 1.

*Сухбаатар Г.* Сяньби парын угсаа гарал, соёл, аж ахуй, нийгмийн байгуулал. Улаанбаатар, 1971.

*Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи») / Пер. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина. М., 1975. Т. 2.

*Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. М., 1940. Вып. 61. История. Т. 2. С. 3–71.

*Сэр-Оджав Н.* Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971.

*Сэр-Оджав И.* Монголын эртний түүх. Улаанбаатар, 1977.

*Сэр-Оджав Н.* Эртний түрэгүүд. Улаанбаатар, 1970.

Таварих-и гузида-Нусрат-наме / Иссл., крит. текст., аннот. огл. А. М. Икрамова. Ташкент, 1967.

Таварих-и гузида-йи-нусрат-нама // История Казахстана в персидских источниках Алматы, 2006. Т. IV.

*Таскин В. С.* Введение // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. Вып. 1.

*Таскин В. С.* «История государства киданей» как исторический источник // *Е Лун-ли.* История государства киданей («Цидань го чжи»). М., 1979.

*Таскин В. С.* Киданьский император на китайском престоле // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

*Таскин В. С.* Китайские источники о тюркских и монгольских племенах // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 2.

- Таскин В. С.* Предисловие // *Материалы по истории сюнну* (по китайским источникам). М., 1973. Вып. 2.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.
- Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966.
- Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1 (2).
- Толстов С. П.* Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1 (2).
- Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // ПИДО. 1935. № 9.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Толыбеков. С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989.
- Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.* История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1.
- Трепавлов В. В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // *Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск*, 1989.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трепавлов В. В.* Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // ТС. 2006. М., 2007.
- Трепавлов В. В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // ТС. 2007–2008. М., 2009.
- Трепавлов В. В.* Соправительство в Монгольской империи // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1991. Vol. 7.
- Трепавлов В. В.* Среднее Поволжье в эпонимической традиции позднего средневековья // *Источники и исследования по истории татарского народа*. Казань, 2006.
- Трепавлов В. В.* Төрү у древних тюрков и монголов // *Международная ассоциация по изучению цивилизаций Центральной Азии. Информационный бюллетень*. М., 1991. Вып. 18.
- Трепавлов В. В.* Традиции в кочевых империях. Очерк историографии // *Mongolica*. М., 1992.
- Уляницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. М., 1887.

Ускенбай К. З. Арало-Каспий в первой трети XV века: упадок Ак-Орды и начало возвышения мангытов // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006. Ч. 2.

Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Успенский В. М. Страна Кукэ-нор, или Цин-хай. СПб., 1880.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Пер. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Фасеев Ф. С. К расшифровке хуннских фрагментов // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

Фасеев Ф. С. Кто они так называемые «голубые тюрки» // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). М., 1978.

Федоров-Давыдов Г. А. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотая Орда и монгольский Иран // Вестник МГУ. М., 1978. Сер. 8. История.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. И. Кондратьева. М., 1957.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. Славяне и кочевой мир.

Хазанов А. М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. М., 1973.

Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.

Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, пер. переложения А. Ильми, сост. прил. и пояснения К. Усеинова. Симферополь, 2004.

Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад, 1985.

аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.

Хондемир. Тарих-е хабиб ас-сийар. Техран, 1954. Т. 3.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

- Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конеч XV – начало XVI вв. М., 2001.
- Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М., 2004.
- Хроника Быховца / Рус. пер. Н. Н. Улащика.* М., 1966.
- Хүүхэнбаатар Д.* Монгол гурний элчин харилцаа (XIII зуун). Уланбаатар, 1964.
- Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924.
- Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.
- Шамильоглу Ю.* «Карачи-беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации Монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Шара туджи.* Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л., 1957.
- Шахматов В. Ф.* Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1959. Вып. 3 (11).
- Шейбаниада.* История монголо-тюрков на джагатайском диалекте / Пер. И. Н. Березина. Казань, 1849.
- Ширендыб Б.* Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
- Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983.
- Юсуф Хас-хаджиб.* Благодатное знание / Пер. С. Н. Иванова. М., 1983.
- Якубовский А. Ю.* Монгольская империя // Исторический журнал. 1940. № 3.
- Ala al-Din Ata Malik Juvaini.* Ta'rikh-i jahangusha. Leiden; L., 1912. Pt. 1.
- Alföldy A.* Türklerde Çift Krallık // 2-ci Türk Tarih Kongresi. İstanbul, 1943.
- Allsen Th. T.* Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; L., 1987.
- Ayalon D.* The Great Yasa of Chingis Khan // SI. 1971. Vol. 34.
- Bang W.* Zu den Kok-Türk Inschriften der Mongolei // TP. 1896. Ser. 1. Vol. 7.
- Bombaci A.* Qutlug bolzun! A Contribution to the History of the «Fortune» Among the Turcs (Part One) // Ural-altaische Jahrbücher. 1965. Vol. 36.

- Boodberg P. A.* Dayan, Chinggis and Shan-yü // *Boodberg P. A.* Selected Works. Berkeley; Los Angeles; L., 1979.
- Boyle J. A.* The Mongol Empire, 1206–1370. L., 1977.
- Boyle J. A.* On the Titles Given in Guvaini to Certain Mongolian Princes // HJAS. 1956. Vol. 19. № 1–2.
- Brent P.* Genghis Khan. His Triumph and His Legacy. L., 1976.
- Bretschneider E.* Medieval Researches from Eastern Medieval Sources. L., 1888. Vol. 1.
- Cahun L.* Introduction à l'histoire de l'Asie: Turcs et Mongols. Dès origines à 1405. P., 1896.
- Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. СПб., 1903.
- Ch'en P. H.* Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. Princeton, 1979.
- The Chronography of Gregorius Abu'I Faraj, 1225–1286. Amsterdam, 1976. Vol. 1.
- Clauson C.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
- Codex Cumanicus. Budapest, 1981.
- Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Leparno. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571. Amsterdam, 1991. P. 361–399.
- Czégledy K.* On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Organization // AOH. 1972. T. 25.
- Czégledy K.* History and the Turkic Inscriptions // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- De Weese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Pennsylvania), 1994.
- Divanü lügat-it-türk tercumesi. C. 3. Çeviren B. Atalay. Ankara, 1941.
- Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967. T. 3.
- Ecsedy H.* Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // AOH. 1972. T. 25.
- Erten-ü qad-un ündüstülegsен törü yosun-u jokiyal tobčınlan quriyayasan altan tobci kemekü orošibai. 1 debter. Ulayanbayatur, 1937.
- Fletcher I.* The Mongols: Ecological and Social Perspectives // HJAS. 1986. Vol. 46. № 1.
- Fox R.* Genghis Khan. L., 1937.
- Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yüan Dynasty. München, 1978.
- Gabain A. von.* Die alttürkische Literatur // Philologicae Turkicae Fundamenta. Wiesbaden, 1964. T. 2.

*Giraud R.* L'empire des Turcs célestes. Les regnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–634). P., 1960.

*Golden P. B.* Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. 1.

*Golden P. B.* Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae medii aevi. Wiesbaden, 1982. T. 2.

*Golebiowski Ł.* Dzieje polski za panowania Jagellonów. Warszawa, 1848.

*Gombojab H.* The First Jinong of the Mongols // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар, 1978. Б. 1.

*Grenbeck K.* Komanischen Wörterbuch. København, 1942.

*Grodecki R.* Rachunki wielkorządowe krakówskie z r. 1471. Kraków, 1951.

*Grousset R.* Le conquerant du monde (Vie de Gengis Khan). P., 1983.

*Grousset R.* D'empire mongole (1-re phase). P., 1941.

*Grousset R.* L'empire des steppes. Attila, Gengis Khan, Tamerlan. P., 1960.

*Hambis L.* Les empires mongoles // Le concept d'empire. P., 1980.

*Hambis L., Pelliot P.* Le chapitre CVII du Yuan che. Le genealogies imperiales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945.

*Halperin Ch.* Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on the Medieval Russian History. Bloomington, 1985.

*Halperin Ch.* The Tatar Yoke. Columbus, 1986.

*Hamilton J. R.* Les Ouighours à l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois. P., 1955.

*Haussig H.* Eski Türk İmparatorluğunun (552–630) siyasi taksimati // 1-ci Milletlerarası türkoloji kongresi. Istanbul, 1973.

*Hocart A. M.* Kings and Councillors: An Essay in the Comparative Anatomy of the Human Society. Cairo, 1936.

*Hocart A. M.* The Northern States of Fiji. L., 1952.

*Houtsma Th.* Recueil de textes relatifs a l'histoire des Seldjoukides. Leiden, 1891. Vol. 3. Pt. 1.

*Howorth H. H.* Genghis Khan and His Ancestors. S. 1. s. a.

*Howorth H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. L., 1876. Pt. 1.

*Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge; L., 1978.

*Ibn Bībī.* Die Seltchukengeschichte des Ibn Bībī. Copenhagen, 1959.

Joannis Dlugosii annals seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus. 1462–1480. Cracoviae, 2005.

*Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // CAJ. 1978. Vol. 22. № 3–4.



*Kafalı M.* Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.

*Kafesoğlu I.* Türk Tarihinde Moğollar ve Cengis Meselesi // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi. 1953. T. 5. № 8.

*Kalużynsky St.* Dawni Mongolowie. Warszawa, 1983.

*Kalużynsky St.* Imperium mongolskie. Warszawa, 1970.

Le khanate de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı. P., 1978.

*Khazanov A. M.* The Origin of the Genghis Khan's State. An Anthropological Approach // Etnografia polska. 1980. T. 24. Z. 1.

*Klyashtorny S. G.* The Terkhin Inscription // AOH. 1982. T. 36.

*Klyashtorny S. G.* The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan // AOH. 1985. T. 39.

*Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. 1377–1499. Warszawa, 1930. T. I.

*Koneczny F.* Sprawy z Mengli-Girejem (1473–1504) // Ateneum Wilenskie. Wilno, 1927. Rok IV. Zeczyt 12.

*Kotwitz W.* Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVs. // RO. 1934. T. 10.

*Kotwitz W.* Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale // RO. 1949. T. 15.

*Krader L.* Qan-Qagan and the Beginnings of the Mongol Kingship // CAJ. 1945. Vol. 1. № 1.

*Krader L.* The Principles and Structures of Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. Vol. 11. № 2.

*Krader L.* The Origin of the State Among the Nomads of Asia // The Early State. The Hague, 1978.

Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, 1846.

*Kurat A. N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altm Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940.

*Kvaerne P.* Mongols and Khitans in the 14th Century Tibetan Bonpo Text // AOH. 1980. T. 34.

*Kwanten L.* Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500. Philadelphia, 1979.

*Langles L.* Notice chronologique des khans de Crimée // Forster G. Voyage du Bengale à Pétersbourg. P., 1802. T. 3.

*Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. N. Y., 1940.

*Lattimore O.* The Geography of Chingis Khan // The Geographical Journal. 1963. Vol. 129. Pt. 1.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491) / Parengė L. Anyžytė. Vilnius, 2004.

- Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. Vilnius, 1994.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2007.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8 (1499–1514) / Parengė E. Baliulis, A. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr 9 (1511–1518) / Parengė K. Pietkiewicz. Vilnius, 2003.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr 11 (1518–1523) / Parengė A. Dubonis. Vilnius, 1997.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr 12 (1522–1529) / Parengė D. Antanavičius, E. Baliulis. Vilnius, 2001.
- Lister R. P.* Gengis Khan. N. Y., 1969.
- Liu Mau-tsai.* Die chinesische Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958. T. 1.
- Małowist M.* Kaffa – kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947.
- Marquart J.* Guwaini's Bericht über die Bekehrung der Uiguren // Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften. 1912. 1 halbband.
- Martin H. D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of Northern China. Baltimore, 1950.
- Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (Kodeks Zagrzebski) / Opracował J. Garbacik. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966.
- Das Mongolische Weltreich: al'Omari's. Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-absār fi mamālik al-amsār. Wiesbaden, 1958.
- Mori M.* The T'u-chüeh Concept of Sovereign // AA. 1981. № 41.
- Mostaert A., Cleaves F.* Trois documents mongoles des Archives secrètes Vaticanas // HJAS. 1952. Vol. 15. № 3–4.
- Müller F. W.* Uigurische Glossen // Ostasiatische Zeitschrift. 1919, 1920.
- Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. Wilno, 1840.
- Neşri M.* Neşri Tarihi. C. 1. Ankara, 1983.
- Oliver E. E.* The Chagatai Mughals // The Journal of Royal Asiatic Society. 1888. Vol. 20.
- Özyetgin A. M.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp Incelemesi. Ankara, 1996.
- Pelenski J.* State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1980. Bd. 27.
- Pelliot P.* Les Mongols et la papauté // Revue de l'Orient chrétien. 3-e ser. T. 3 (23). 1922–1923. № 1–2.
- Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'or. P., 1949.

- Phillips E. D.* The Mongols. N. Y.; Washington, 1969.
- Pritsak O.* Die 24 Ta-ch'ên: Studie zur Geschichte der Verwaltungsaufbaus des Hsiung-nu Reiche // *Oriens Extremus*. 1954. T. 1.
- Pritsak O.* Karachanidische Streitfragen // *Oriens*. 1950. T. 2.
- Pritsak O.* Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Fardenzeichnungen in den altaischen Volkernamen // *Saeculum*. 1954. T. 5.
- Pritsak O.* Qara. Studie zur Türkischen Rechtlssymbolik // *A. Zeki Velidi Togan'a Armağan*. Istanbul, 1955.
- Pritsak O.* The Pecenegs. A Case of Social and Economic Transformation. Lisse, 1976.
- Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Kraków; Warszawa, 1881.
- Rachewiltz I. de.* Qan, Qagan and the Seal of Cüyüg // *Documenta Barbarorum: Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag*. Wiesbaden, 1983.
- Rachewiltz J. de.* Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire // *Papers on Far Eastern History*. 1975. № 7.
- Rachewiltz I. de.* Turcs in China under the Mongols: A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13th and the 14th Centuries // *China Among Equals: A Middle Kingdom and Its Neighbours, 10th–14th Centuries*. Berkeley; Los Angeles; L., 1983.
- Rasonyi L.* Türk Devietinin Batıdaki ve İlk Müslüman Türkler. Ankara, 1983.
- Ratchevsky P.* Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12–13. Jahrhundert // *CAJ*. 1987. Vol. 31. № 1–2.
- Reischauer E. O., Fairbank J. K.* East Asia: The Great Tradition. Boston, 1960.
- Rivers W. H. R.* Social Organization. L., 1926.
- Sagan Sechen.* The Bejewelled Summary of the Origin of Khans. A History of the Eastern Mongols to 1662. Bloomington, 1964. Pt. 1.
- Saint Quentin Simon de.* Histoire des tartares. P., 1965.
- Samolin W.* East Turkestan to the 12th Century. The Hague, 1964.
- Samolin W.* Hsiung-nu, Hun, Turk // *CAJ*. 1957. Vol. 3. № 2.
- Sankrityayana R.* History of Central Asia. Calcutta; New Delhi, 1964.
- Saunders J. J.* The History of the Mongol Conquests. L., 1971.
- Schlegel G.* Tâgin et Töre // *TP*. 1896. Ser. 1. Vol. 7.
- Shajrat ul Atrak or Genealogical Tree of the Turks and Tatars / Transl. and abridged by C. Miles. L., 1838.
- Shamilglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia University, 1986.
- Shiratory K.* A Study on the Titles Kaghan and Khatun // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 1926. № 1.

*Schurmann H. F.* Problems of Political Organization during the Yuan Dynasty // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963.

*Scrine H. F., Ross E. D.* The Heart of Asia. The History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. L., 1899.

*Sinor D.* The Historical Role of the Turk Empire // Cahiers d'histoire mondiale. 1953. Vol. 1. № 2.

*Sobczak J.* Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa; Poznań, 1984.

*Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502. Leipzig, 1943.

*Spuler B.* Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanenzeit, 1220–1350. Berlin, 1955.

*Spuler B.* History of the Mongols. Based on Eastern and Western Accounts of the 13th and the 14th Centuries. Berkeley; Los Angeles, 1972.

Tabakat-i-Nasiri. Kabul, 1964. Vol. 2.

Tabakat-i-Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia. L., 1881. Vol. 2.

Ta'rikh-i jāhangushā. Leiden; L., 1912. Pt. 1.

Ta'mkh-i-jāhangushā. Leiden; L., 1916. Pt. 2.

Ta'rikh-i-jāhangushā. Leiden; L., 1936. Pt. 3.

*Togan A. Z. V.* Çingiz, Moğollar ve Türkler. İstanbul, 1941.

*Togan A. Z. V.* Ibn Fadlān's Reisenbericht. Lpz., 1939.

*Togan A. Z. V.* Umumî Türk Tarihine Giriş. İstanbul 1946. C. 1.

*Turan O.* The Ideal of World Domination Among the Medieval Turks // SI. 1955. Vol. 4.

*Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989.

*Vasary I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qırq-yer from 1478/79 // CAJ. 1982. Vol. 26. № 3–4.

*Vernadsky G.* The Scope and Content of Chingis-Khan's Yasa // HJAS. 1938. Vol. 3. № 3–4.

*Voegelin E.* The Mongol Orders to Submission to European Powers, 1245–1255 // Byzantion. 1941. Vol. 15.

*Wittfogel K.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Heaven, 1957.

*Wittfogel K., Fêng Chia-sheng.* History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia, 1949.

*Yamada N.* Formation of the Hsiung-nu State // AOH. 1982. T. 36.

# СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

## **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ XIII В. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

ВВЕДЕНИЕ.....	13
---------------	----

Глава 1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	18
--	----

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	18
--------------------	----

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ	25
---	----

Глава 2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ	46
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ.....	46
--	----

ПУТИ И СПОСОБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ.....	52
---	----

Глава 3. ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МОНГОЛЬСКОЙ ДЕРЖАВЫ	70
--	----

ТРАДИЦИЯ «ОБЪЕДИНЕНИЯ» КОЧЕВНИКОВ.....	70
--	----

КОНЦЕПЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ	90
----------------------------	----

Глава 4. ДУАЛИЗМ УПРАВЛЕНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ	113
--	-----

СОПРАВИТЕЛЬСТВО	115
-----------------	-----

КРЫЛЬЯ И УЛУСЫ	142
----------------	-----

ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	163
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	170

## **ЗОЛОТАЯ ОРДА В XIV СТОЛЕТИИ**

Глава 1. ЗОЛОТАЯ ОРДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	181
Глава 2. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ	191
Глава 3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.....	195
Глава 4. ЭКОНОМИКА	208
Глава 5. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.....	214
Глава 6. КРАТКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА .....	217
Глава 7. «ВЕЛИКАЯ ЗАМЯТНЯ». ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КАРЬЕРА МАМАЯ	222

## **БОЛЬШАЯ ОРДА – ТАХТ ЭЛИ ОЧЕРК ИСТОРИИ**

ВВЕДЕНИЕ.....	237
Глава 1. НАЗВАНИЕ ГОСУДАРСТВА .....	241
Глава 2. ТЕРРИТОРИЯ.....	245
Глава 3. НАСЕЛЕНИЕ	251
Глава 4. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ .....	261
Глава 5. ЭКОНОМИКА	271

Глава 6. САИД-АХМЕД И ЕГО ОРДА .....	277
Глава 7. КУЧУК-МУХАММЕД НА ПРЕСТОЛЕ ТАХТ ЭЛИ	289
Глава 8. АХМЕД И ЕГО СОПРАВИТЕЛИ .....	294
Глава 9. БОЛЬШАЯ ОРДА В КОНЦЕ XV ВЕКА	308
Глава 10. ГИБЕЛЬ «ПРЕСТОЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ»	321
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ .....	331
БИБЛИОГРАФИЯ .....	333

---

---

Издательство



К В А Д Р И Г А

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Петербурге обращайтесь в Торговый Дом «Гуманитарная Академия» Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8 (ст. метро «Черная Речка», полуподвал, вход с ул. Академика Шиманского). Тел./факс: (812) 430-99-21  
E-mail: [gumak@mail.ru](mailto:gumak@mail.ru). Сайт: [www.humak.ru](http://www.humak.ru)

*Мы предлагаем магазинам, библиотекам и книоторговым организациям все лучшее и наиболее качественное из мира научно-гуманитарной (история, философия, социология, психология, культурология, литературоведение и т. п.) и некоммерческой художественной литературы. В числе наших партнеров более 100 издательств России, книгами которых мы торгуем по издательским ценам. Если вы хотите работать с ассортиментом немассового спроса или приобретать книги, которые не представлены в сетевых магазинах, обращайтесь к нам!*

- Торговля оптом и в розницу
- за наличный и безналичный расчет
- Комплектование библиотек
- Работа по заказам
- Индивидуальный подход в системе скидок

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Москве обращайтесь в «Издательско-торговый дом гуманитарной книги “Гнозис”» Москва, Турчанинов пер., д. 4, стр. 2.  
Тел./факс: 8(499) 255-77-57. E-mail: [gnosis@pochta.ru](mailto:gnosis@pochta.ru)



Вадим Винцерович Трепавлов

Степные империи Евразии  
Монголы и татары

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*  
Художественный редактор *Н. А. Шакиров*  
Корректор *М. Г. Смирнова*  
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 23. Тираж 600. Заказ 6904.

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: [www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), E-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru), тел. 8(499)270-73-59

Издательство «Квадрига»  
[kvadriga-izdat.ru](http://kvadriga-izdat.ru)

ISBN 978-5-91791-175-5



## ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга объединяет три работы известного историка, уже получившие признание специалистов, и образующие своеобразную трилогию.

В ней рассматриваются различные аспекты истории средневековых степных держав. Первая часть посвящена Монгольской империи XIII века, вторая – Золотой Орде XIV в. и завершающая – Большой Орде XV в.

Каждое из рассматриваемых государств, являясь преемником предыдущего, сыграло исключительную роль на евразийском пространстве и в истории России.



ISBN 978-5-91791-175-5



9 785917 911755